На Крыльях Надежды
Проза

Избранное

Прохор Озорнин

© Creative Commons
Attribution Non-Commercial Share-Alike

http://ozornin.pro

Гарантия

Все наличествующие в данной книге произведения являются, помимо прочего, попыткой автора познать самого себя как можно глубже, чище и лучше в процессе творчества и предлагаются вам «как есть» и без каких-либо гарантий.

Мы не ответственны за любое возможное происшествие из нижеследующего списка, а также за все прочие побочные удивительные эффекты, вытекающие из них:

1. Внезапное изменение вашего мировоззрения.
2. Разрушение/преобразование всего того, к чему вы ранее были привязаны и считали единственно дорогим и подлинным.
3. Внезапное вдохновение, откровение, наслаждение, озарение или любое другое «-ение», которое является результатом ваших (и только ваших) мыслей и движений души.
4. Кратковременную неспособность произнести что-либо вразумительное сразу после окончания процесса чтения сего наследия.
5. Читателя, заливающегося истерическим смехом.
6. Читателя, непроизвольно, но в силу собственных духо-движений ставшего разумным/безумным.
7. Читателя, писающего/пикающего/поющего от счастья.
8. Внезапный крик счастья читателя.
9. Читателя, ставшего свободным от огромного количества неестественных социальных ритуалов и предрассудков, и начавшего сеять хаос в сердцах всё ещё порабощённых системой.
10. Попытку читателя «распространить слово» о том, какой страшно-вкусной/невкусно-страшной является вся эта куча бумаг (в том числе для вашего домашнего принтера).
11. Попытку читателя определить текущую авторскую дислокацию с целью пообщаться с ним «лицом к лицу».
12. Решение читателя познать, признать и прознать самого себя через процесс собственного духо-творчества.

Оглавление

Ангельские хроники ..... - 8 -

Ангел ..... - 9 -

Бухгалтерия ..... - 12 -

Бюро ..... - 20 -

Вероятность ..... - 34 -

Время ..... - 37 -

Дежавю ..... - 41 -

Диагноз ..... - 46 -

Игрок ..... - 51 -

Невероятность ..... - 54 -

Нереальность ..... - 61 -

Подруги ..... - 66 -

Посланник на планете Земля ..... - 72 -

Предназначение ..... - 80 -

Пришествие ..... - 84 -

Слава ..... - 91 -

Хроники Могота Призванный ..... - 96 -

Шалость ..... - 126 -

Записки полупросветлённого ..... - 133 -

Монолог с ребёнком ..... - 134 -

Мы ..... - 136 -

Преступление и наказание ..... - 138 -

Теория ..... - 140 -

Хвост ..... *- 143 -*

Я чувствую ..... *- 146 -*

Л — значит люди ..... **- 149 -**

Безымянный ..... *- 150 -*

Впереди — жизнь ..... *- 153 -*

Гламур ..... *- 157 -*

Знак Пути ..... *- 162 -*

Оправдание ..... *- 169 -*

Плата ..... *- 173 -*

Подарок ..... *- 177 -*

Предложение ..... *- 187 -*

Простить ..... *- 195 -*

Свободные как ветер ..... *- 199 -*

Совершенство ..... *- 205 -*

Лира и сатира ..... **- 219 -**

Записки самоизолированного ..... *- 220 -*

Мастер ..... *- 224 -*

Мир света ..... **- 230 -**

В Новом Мире ..... *- 231 -*

И все болезни пройдут ..... *- 243 -*

Мечта Бога ..... *- 250 -*

Мир тьмы ..... **- 254 -**

Ваш выбор, люди! ..... *- 255 -*

За Патриарха! ..... *- 261 -*

Иммунитет ..... *- 270 -*
Когда спадает пелена ..... *- 280 -*
Лицензия ..... *- 282 -*
Мир за горизонтом ..... *- 296 -*
Они сказали «нет» своему миру ..... *- 301 -*
Пандемика ..... *- 307 -*
Тюрьма ..... *- 314 -*
Цирк ..... *- 319 -*
Ч.И.П. ..... *- 325 -*
Я, робот ..... *- 332 -*

Сказы да наказы ..... - 336 -

Бездомный ..... *- 337 -*
Ближний и Дальний ..... *- 338 -*
Великий Исход ..... *- 340 -*
Ветер ..... *- 342 -*
ВЛОМ ..... *- 346 -*
Зверь ..... *- 353 -*
Критик ..... *- 357 -*
Легенда о Божественном Острове ..... *- 358 -*
Мнение ..... *- 365 -*
Ноша ..... *- 368 -*
Обязанность ..... *- 369 -*
Одиссея ..... *- 372 -*
Притча о небожьем праведнике ..... *- 375 -*
Прошлое ..... *- 379 -*

Рыба и Лев ..... *- 380 -*

С Богом ..... *- 383 -*

Сокровище ..... *- 384 -*

Судьба ..... *- 386 -*

Счастье ..... *- 389 -*

Тут и Там ..... *- 391 -*

Учитель ..... *- 393 -*

Чудо ..... *- 396 -*

Юноша и старец ..... *- 398 -*

Танец времён ..... - 400 -

Воин Одина ..... *- 401 -*

История одного поединка ..... *- 412 -*

Фантазия ..... - 418 -

Фантазия ..... *- 419 -*

Хроники нашего века ..... - 431 -

Блогеры нашего века ..... *- 432 -*

В преддверии Нового Века ..... *- 440 -*

Мошенники ..... *- 459 -*

Правила политики ..... *- 469 -*

Пронесло ..... *- 478 -*

Спамер ..... *- 481 -*

Эксперт ..... *- 491 -*

Я к вам пишу ..... - 494 -

Благотворительность ..... *- 495 -*

Большинство ..... *- 498 -*
Верующий ..... *- 500 -*
Волк ..... *- 503 -*
Вы ..... *- 507 -*
Дизайн 2.0 ..... *- 509 -*
Зарплата ..... *- 513 -*
Крутой ..... *- 515 -*
Лжец ..... *- 517 -*
Мы, кошки ..... *- 519 -*
Не их же! ..... *- 521 -*
Несогласный ..... *- 523 -*
Образование ..... *- 525 -*
Однажды ты проснёшься ..... *- 529 -*
Отличник ..... *- 532 -*
Ребёнок ..... *- 534 -*
Случайность ..... *- 536 -*

Ангельские хроники

Ангел

— Здравствуйте, люди! — улыбнулся Ангел.

— Ты вообще кто такой? — пробурчали они.

— Я — сын Бога, — ответил Ангел. — Я пришёл помочь вам.

— Мы тебя не звали! — съязвили они.

— Знаю, — ответил Ангел. — Вот потому-то я и пришёл.

— Потому что не звали? — расхохотались люди.

— Нет, потому что никогда не позвали бы сами.

— Ясен пень, окончен день, — рассмеялись они. — Нам и без тебя хорошо.

— Оно и заметно, — вздохнул Ангел. — Камнями, вижу, уже запаслись, прогонять нас чтобы.

— А? — спросили из толпы.

— Камни из-за пазух выкиньте, — ответствовал Ангел. — Лучше, если на дорогу.

— Ну, знаешь, — поперхнулись люди. — Может, они нам ещё пригодятся?

— В небо кидать удумали? — улыбнулся Ангел. — Про гравитацию небось забыли?

— Ничего мы не забыли! Все законы природы ведаем, её приручая!

— Чтобы приручить, любить надобно. Мы в ответе за тех, кого приручаем.

— Шибко умный ты какой-то, звезданутый ты наш!

— А ножи зачем вам запасённые? Не себя ли резать в смуте удумали?

— Нехай нам себя резать-то, окаянный? Это для врагов наших оружие предназначенное.

— Как различать друзей и врагов собираетесь, гнев коль умы ваши ослепляет часто столь?

— Уж разберёмся как-нибудь без твоей помощи! Пожили, в жизни что почём ведаем.

— Что за человек стоит там среди вас с котомкой, спину его сгорбившей? Почему не озаботились облегчить ношу его вы, праздно стоящие?

— Вот же недалёкий! Да в том рюкзаке запас камней для тебе подобных у нас хранится, чтобы под рукой, значит, были всегда они.

— Облегчите ношу брата вашего.

— Дык, мы ж в тебя метать камни те начнём, глупый!

— Попробуйте, коли иного не жаждете.

— Ату его, братцы! Бейте, не стесняясь!

* * *

— И где же исполнение желаний ваших, бросающие? Иль не вас предупреждали о гравитации невидимой?

— Больно как ужасненько! Спасите нас, невежественных, от камней, в нас назад возвращающихся! Разгоняются камни те, а ноги наши в земле, размякшей, как в болоте, увязли прочно, и сдвинуться не можем мы более! Спасите нас, жить жаждем нестерпимо всё же мы! Спасите, умоляем уж!

— Дайте руки друг другу вы, и меня за руки последние из вас возьмите, из болот вылезти коль желаете. Унесу вас, поверивших, на крыльях своих. Крепко друг за друга держитесь теперь во спасение!

* * *

— Зачем ты спас нас, Ангел присланный?

— Без камней легче ли себя чувствуете?

— Не просили мы тебя об одолжениях! Дома наши разрушены, одежда наша в грязи измазана — и не по твоей ли милости?

— Не вы ли сами в болото окунулись? Что за пазухой опять держите?

— Раз уж мы измазались в грязи той вонючей, то и тебя измажем так же точненько! На нас будешь похож отныне ты, не выделялся чтобы нигде более!

— Чёрными от грязи своей стать не боитесь ли?

— Ату его, ребятушки! Бейте, не стесняясь!

25.12.2011

Бухгалтерия

Артём Сергеевич был в этот знаменательный день, как это обычно принято говорить, в духе. Собственно говоря, он, этот донельзя утомившийся пятидесятилетней жизнью дух, в настоящий момент как раз и парил над безмолвно лежащим в кровати телом, выполняя такие воздушные пируэты, которым бы позавидовали лучшие каскадёры и акробаты мира. Тело же, в свою очередь, не подавало ни малейших признаков того, что обычно и принято считать единожды данной человеку жизнью. А как только не пытался привести его в чувство дух Артёма Сергеевича! Дело дошло даже до оплеух и апперкотов — а всё бестолку.

«Я что, умер?» — размышлял про себя кружащий над телом дух. «Тихо, мирно, никого не трогая и заранее не предупреждая, скончался себе во сне? И вот ради чего всё это было, хотел бы я тогда знать? И куда мне, собственно говоря, теперь двигаться дальше?»

Что ни говори, а нелегко осознание того, что ты всё ещё жив при уже бездыханном теле, и не всякому Артёму Сергеевичу оно под силу. Проделав ещё несколько десятков сальто и окончательно убедившись в том, что он действительно немного не в себе — по крайней мере, не в привычном для себя себе, — дух Артёма Сергеевича молча сел на край кровати рядом со своим прошлым вместилищем и задумался.

«Ради чего я жил — и ради кого я умер? В чём был смысл этой, так внезапно закончившейся жизни, если вдруг выяснилось, что она была совсем даже не единственной? Что есть жизнь — и зачем нужна смерть, в конце концов? Куда я попал — и что мне теперь делать?» — эти и множество других подобных им вопросов витали внутри сознания бестелесного Артёма Сергеевича, и отсутствие внятных ответов на них вынуждало его дух становиться всё более не в духе.

От этих грустных послежизненных размышлений его оторвало чьё-то лёгкое покашливание за спиной. От неожиданности дух Артёма Сергеевича сделал очередное воздушное сальто, развернувшись в сторону источника звука. Прямо перед ним стоял красивого вида — возможно, даже такого, каким казался себе сам Артём Сергеевич каких-нибудь тридцать телесных лет назад — молодой человек с белоснежными крыльями за спиной.

— Гхм! — озадаченно произнёс Артём Сергеевич.

— И вам доброго духа! — произнёс в ответ молодой человек.

— Вы, собственно говоря, кто будете и как вас зовут? И почему вы подкрадываетесь ко мне так незаметно?

— Можете называть меня Проводником Иного Мира, — доброжелательно ответил молодой окрылённый человек. — Меня направили за вами, чтобы помочь вам сориентироваться в этих, скажем так, непривычных для вас обстоятельствах и в дальнейшем сопроводить вас по всем нужным инстанциям.

— Да уж! Обстоятельства действительно непривычны, — согласился Артём Сергеевич. — Я умер, чёрт возьми! А я-то полагал, что буду жить вечно! Это совсем непривычно!

— В высшей, то есть в духовной степени, — улыбнулся Проводник. — Не каждый день нам приходится умирать, ведь правда же? Хотя некоторые из людей почему-то стали считать, что умирают уже с рождения… Ну что, вы готовы двигаться дальше?

— А куда мы, собственно говоря, направимся? — вопросительно поднял брови Артём Сергеевич. — Разве мне не нужно попрощаться с родственниками? У меня, между прочим, там жена и двое детей ещё остались. Вряд ли они будут рады новости о моей скоропостижной кончине.

— Боюсь, Артём Сергеевич, что они вас теперь уже не увидят и не услышат. Если только через сны — но это вам особое разрешение в Отделе Сновидений придётся просить, а его редко кому сейчас дают из, так сказать, временно и безвременно почивших. Поэтому нам с вами всё-таки придётся двигаться дальше, тут уже ничего не поделаешь. Тем более, что временные рамки прохождения нужных нам с вами инстанций у нас строго ограничены. Ну что, вы готовы?

— Ну что же, если другого выхода у меня нет… — развёл полупрозрачными руками дух Артёма Сергеевича.

— Широчайший свободный выбор у вас был всё время, пока вы жили в привычном для вас физическом мире, Артём Сергеевич. А сейчас нам с вами предстоит чётко следовать установленным процедурам.

С этими словами назвавший себя проводником Ангел поднял оперённую руку, вычерчивая в воздухе спираль. Спираль эта по мере совершаемых его руками всё новых и новых пассов становилась всё более яркой и отчётливой, пока не превратилась в изящного вида светящийся туннель.

— Переход между мирами, — пояснил Проводник. — Некоторые видят его сами, когда покидают тело. Идёмте, — продолжил он, взяв Артёма Сергеевича за руку.

Две фигуры — отливающая золотистым светом фигура Ангела и серо-коричневая фигура духа Артёма Сергеевича — смело шагнули в туннель. Сначала в глазах у Артёма Сергеевича что-то защипало, потом засверкало, потом из них посыпались искорки, голова закружилась, и от увиденного где-то в этих туннельных лабиринтах он окончательно потерял своё сознание…

* * *

— Малохольный тебе какой-то попался. Даже Круги самостоятельно преодолеть не смог.

— Мало кто это может сейчас. Потому нас и отправляют за ними всё чаще, ты же знаешь.

— А мне завтра вообще самоубийцу вести предстоит, у него срок околоземных мучений как раз к концу подошёл, а духовным ещё только предстоит начаться.

— Это ещё что! Мне как-то раз поручили сопроводить пару, которые во имя вечной, как им оппоненты наши внушили, любви вместе в промышленный бак с серной кислотой прыгнули. Вот ты бы видел, как у них души потом выглядели, когда их срок для Перехода подошёл…

— Чокнутые какие-то.

— Ну, не они первые, не они последние.

— Кажется, твой подопечный в себя наконец-то пришёл. Сознание у него так и звенит от удивления при пробуждении, прямо отсюда чувствую.

— Да, точно. Давай, веди его к расчётчикам. Вот он удивится.

— Ну, до встречи в небе, ребята.

— До скорой.

С этими мыслями, посредством которых он общался со своими коллегами по отделу и иерархии, молодой белокрылый юноша быстрым шагом направился к лежащему на лужайке с изумрудного цвета травой Артёму Сергеевичу.

— Ну вот и хорошо, что вы наконец-то очнулись, — с улыбкой ответил он сонно глядящему на происходящее духу Артёма Сергеевича. — Пришлось вас усыпить где-то в середине пути, поскольку в связи с вашими земными делами маршрут, по которому был вынужден пролегать наш путь, как и обитатели этих иномировых троп, были далеко не самыми приятными, — спокойно добавил он.

— Я… что… где… ох! — только и смог выдавить из себя наш герой.

— Вы сейчас находитесь в особом месте, на полях восстановления и отдыха. Однако нам уже необходимо продолжить наш путь, потому что мы с вами итак несколько выбились из положенного графика. Кстати говоря, пока вы отдыхали, я уже успел занести в отдел регистрации вернувшихся душ все необходимые материалы, включая вашу родословную, данные о ваших прижизненных делах, привычках и хобби, достоинствах и недостатках. Поэтому сейчас нам с вами, дорогой мой попутчик, предстоит проследовать к расчётчикам в бухгалтерию, ну а после этого — огромные залы ожидания будут ждать вас целый миллион земных лет. Как говорили писатели вашего мира — «за миллион лет до конца света»… или тьмы. Тут уж смотря что вам там в бухгалтерии насчитают.

— Какая ещё… бухгалтерия? У вас тут что… бизнес свой, что ли? Продажи туннельных аттракционов или душ? — спросонья буркнул Артём Сергеевич.

— О, отнюдь, — рассмеялся Попутчик, — отнюдь не продажи! Наши бухгалтеры не покупают и не продают человеческие души, не извольте беспокоиться. Они занимаются расчётом их качества, потому что только качественные души будут приниматься в расчёт. Ну, а насколько качественной является ваша душа по нашим меркам, вы скоро как раз и познаете. Мне, кстати говоря, это тоже будет интересно узнать, — вежливо улыбнулся Попутчик.

С этими словами он поднял на свои руки душу Артёма Сергеевича, оттолкнулся ногами от земли и взмыл в поднебесную высь.

* * *

— Добрый день, Раэль, — улыбнулась молодая белокрылая девушка в небесно-голубом платье. — Новенький?

— Он самый, — ответил Проводник, опуская Артёма Сергеевича на привычную для него почву под ногами, имевшую облик светящегося голубоватым оттенком пола. — Данные по нему отдел регистрации вам уже должен был переслать, проверьте во входящих посланиях. Вы пока его тут рассчитайте, а я в коридоре подожду, ладно?

— Конечно, — улыбнулась расчётчица, которой Раэль явно приходился по нраву. — Ты молодец, что донёс его сам. Люди в последнее время что-то заметно слабеть духом начали. То ли дело, когда сам предводитель Иисус к ним спускался…

— Кстати, давно хотел поинтересоваться — а ваша программа это теперь учитывает? Ну, ослабление человеческого духа?

— Учитывает, — улыбнулась Ангелина. — Но, сам понимаешь, это же минус.

— Понимаю… — протяжно ответил Раэль. — Ну, в общем, я в коридоре там жду. Давайте, Артём Сергеевич, присаживайтесь.

— Присаживайтесь! — повторила расчётчица и придвинула к Артёму Сергеевичу стул, на который тот нехотя сел. — Итак, посмотрим…

В течение примерно десяти земных минут девушка что-то старательно набирала на устройстве ввода своего визора, а потом изрекла:

— Очень жаль, Артём Сергеевич, но у вас получается отрицательный баланс — минус сто пятьдесят абсолютных единиц. А души с отрицательным балансом в абсолютных единицах мы на баланс нового мира брать, к сожалению, не планируем.

— Что значит — отрицательный? Что у вас за расчёты вообще такие? Какие ещё безусловные единицы?! Дурдом какой-то! — возмутился дух Артёма Сергеевича.

— Понимаете, в расчётах качества человеческих душ мы используем абсолютные единицы Света. В отличие от принятых в вашем физическом мире условных финансовых единиц, так ослепивших души многих своих приверженцев, мы используем неподвластную времени эволюционную величину. Сейчас я покажу вам.

С этими словами девушка взяла длинный распечатанный лист и протянула Артёму Сергеевичу.

— Вот, например, ваша забота о семье — она была оценена в сто сорок пять абсолютных единиц. Это средний результат, поскольку воспитанием ваших детей вы занимались очень мало, переложив эти обязанности на свою жену и посвящая большую часть своего времени строительству карьеры.

Кстати, суммарные результаты ваших трудовых подвигов оказались равны пятнадцати абсолютным единицам — это совсем немного, поскольку социальная полезность вашего труда, связанная с обманом других людей, была не очень велика, да и в этой работе вы не проявляли особого трудолюбия. А за измену вашей жене — двухкратную, стоит заметить — вы получаете минус сорок семь абсолютных единиц…

— Погодите, погодите! — закричал Артём Сергеевич. — Как это — пятнадцать единиц?! Я же святой отец, верующий, в вашу веру людей обращал, к Христу приводил! Вы что, издеваться вздумали над вашими слугами?

— Погодите, погодите! — засмеялась бухгалтер. — Почему же вы называете себя святым? Святые по нашим критериям — это души, баланс которых превышает десять тысяч абсолютных единиц. А насчёт верующего… Понимаете, но в связи с теми событиями, которые произошли через много веков после прихода нашего Иисуса в ваш мир, и вашим отношением к нему, мы больше не используем это понятие в наших расчётах. Оно было справедливо для первых христиан, а в нынешнее время каждый встречный и поперечный готов бить себя кулаком в грудь и называть верующим — и мы уже не говорим о том, сколько душ было измучено и телесно убито за эту вашу «веру» и сколько самообманов совершалось из-за иллюзии о её наличии. Поэтому мы больше не используем вашу лже-веру в наших расчётах, мы используем понятие «достоинство души». Вот скажите, пожалуйста, Артём Сергеевич, призывать убивать иноверцев — это, как по-вашему, достойно?

— Ничего я такого не призывал! — со злостью буркнул наш не очень-то и герой.

— А сколько раз вы вашу веру самой лучшей называли, помните? А как тех, кого вы называли атеистами, прилюдно высмеивали на ваших проповедях, забыли? А как кичились силой своей веры и тем, что за неё иноверцев убивать готовы, вам напомнить? Что ж вы теперь нам не верите, когда мы вам о вас же рассказываем? А вот ваше пожелание пешеходу, я цитирую, — «Куда ноги несёшь? Усохни уже, тварь ходячая!» — которое вы совершили ровно за день до оставления своего тела, когда неслись на BMW по улицам города и чуть не сбили его, стоило вам, к примеру, минус пять абсолютных единиц. Вот, можете ознакомиться сами. Здесь всё верно рассчитано.

— Почему молебны за души наших прихожан у вас в минусе, а? — продолжал злиться Артём Сергеевич, скользя глазами по выданному ему расчётному листку.

— Потому что вы требовали от нашего Высшего Руководителя, которого вы традиционно называете Богом, чтобы он добавил определённое количество абсолютных единиц Света душам тех, которые в большинстве случаев этого совершенно не заслуживают — причём награду за подобную щедрость получить стремитесь уже вы, в виде тех самых условных финансовых единиц. То же самое касается и ваших молитв по расписанию, а не по зову души — они засчитаны вам хоть в небольшой, но минус.

— Ну, знаете! — разъярился Артём Сергеевич, — так вы кого угодно засудите! Даже святых!

— Нет, святые — сами себе лучшие судьи, ещё при жизни.

— А это что там… пять с половиной тысяч абсолютных единиц?! — выкрикнул от изумления Артём Сергеевич, краем глаза увидев одну из строк в лежащем на столе расчётном бланке другой души.

— Спасение души, — с улыбкой ответила Ангелина. — Причём совершенно искреннее и действительное. Плюс пятьсот абсолютных единиц за спасение кота, которого эта женщина вылечила и выходила, распродав для этих целей часть своих собственноручно написанных картин. В две с половиной тысячи единиц было оценено её художественное творчество, вдохновившее несколько других людей на раскрытие собственных талантов. Наши весы предельно точны, Артём Сергеевич, можете в этом даже и не сомневаться.

— Да ну вас нафиг с этими вашими весами-часами-чудесами! — в сердцах воскликнул Артём Сергеевич. — Где тут у вас расписываться надо? Вот распишусь и пойду аж миллион лет отдыхать! Заслужил!

— Постойте! — внезапно воскликнула небесная бухгалтер. — Наша система фиксирует изменения в ваших расчётных данных. Дело в том, что… ваша жена… она узнала о том, что вы изменили ей ещё при жизни, но… прямо в этот момент там, на Земле… она простила вас и просила нас помочь вам, чем только можно. Теперь у вас стало… дайте, я посмотрю… у вас теперь ноль баллов, Артём Сергеевич. Что же… Наверное, вас можно с этим поздравить. Теперь у вас есть шанс, заслуживаете ли вы его или нет, — тихо добавила она.

* * *

— Вот же ж стерва! — думал Артём Сергеевич, ведомый под руку своим Ангелом-Проводником в зал для очень долгого ожидания суда. — Хоть под конец жизни, а что-то достойное сделала. Не зря я её в молодости порол, ох, не зря!

— Ноль… полный ноль, — думал Проводник, скользя глазами по расчётному листу, выданному своему подопечному.

— Святая… — с улыбкой думала Ангелина, глядя, как баланс души художницы и жены Артёма Сергеевича, спасшей в этот день его душу, уверенно перешагивает за отметку в десять тысяч абсолютно безусловных единиц.

11.08.2017

Бюро

Этот день у Антона Павловича не задался с самого утра.

Сначала позвонил его юрист по бракоразводному процессу и с наигранно фальшивым прискорбием в голосе уведомил о том, что вторая его честно нажитая не слишком честным трудом квартира в центре Москвы никак не может быть сохранена за ним, так как является совместно нажитым с его ныне почти уже бывшей женой имуществом. Затем позвонил какой-то хлыщ из Богом забытой страховой компании и предложил «новый уникальный имущественный пакет со страхованием жилья от пожаров» — а это, с учётом сгоревшей месяц назад от попадания молнии загородной дачи, звучало почти как фирменное, хоть вроде как и ненарочное, издевательство. В дверях же этой самой купленной на деньги с пенсионной аферы второй московской квартиры его уже ждала его новая любовница Джессика, которая томным голосом поинтересовалась, когда же её «папочка-пупсик» купит ей давно обещанную новую норковую шубку взамен подаренной ей прошлым её ухажёром. Да и новая любовница эта, надобно признать, была довольно паршивой овцой — но прошлая его незамужняя пассия Виктория требовала настолько основательных и капитальных финансовых вложений, что проще и дешевле было нанять себе какой-нибудь восточный гарем, нежели продолжать удовлетворение её растущих не по дням, а по бумажникам аппетитов. И ничего Антону Павловичу в этот момент не оставалось, кроме как изобразить на своём натянутом лице притворную улыбку и поехать вместе с Джессикой в новый бутик.

Что ж поделать, не задался у Антона Павловича этот прискорбный день. Он так давил в педаль газа, стараясь по пути в бутик избавиться от тысячи досадных мыслей, назойливо впивающихся в его бурлящий ум, что не заметил, как давно вышел за границу разрешённых в городской среде шестидесяти километров в час. А может быть, просто этот последний час стал для него подобно растянувшемуся на одну маленькую персональную вечность?

Бензовоз выехал на поперечную полосу совершенно неожиданно. Хотя, не исключено, впрочем, что он, как и его подвыпивший после недавней ссоры с женой водитель Василий Иванович наряду с Антоном Павловичем и уже упомянутой нами Джессикой давно ждали своего года, дня, часа, минуты и даже секунды этой самой роковой встречи?

Увы, ответ на этот непростой вопрос скрыт от нас в далёких информационных архивах мироздания, и мы не в силах удовлетворить это возможное любопытство наших верных читателей. Как бы то ни было, но в тот момент, когда Антон Павлович и Василий Иванович синхронно вдавили по тормозам, а Джессика пронзительно закричала, невидимые им стрелки часов на мгновение остановились, как будто навечно запечатлевая в памяти мира это самое мгновение, а затем секундная их стрелка сделала своё последнее «так!» и замерла. Чёрный тонированный джип влетел в середину бензовоза на такой скорости, что опрокинул его на бок — а последовавший взрыв заглушил даже предсмертный крик Джессики.

Ударная волна отбросила две двигавшиеся неподалеку машины и трёх пешеходов, не нанеся им при этом существенных повреждений, — ведь это были ещё не их год, день, час, минута и секунда. Огромный огненный гриб вспыхнул над местом трагедии — а затем всё потонуло в рёве бушующего пламени…

* * *

Антон Павлович открыл глаза, жадно вбирая своими лёгкими осенний воздух, сочившийся сейчас наряду с солнечными лучами через приоткрытое окно его спальни. Он медленно протёр кулаками глаза, стремясь избавиться от недавнего кошмарного наваждения, и сел на краешек кровати. «Приснится же такое!» — ещё не до конца придя в себя, думал он. «Аферы, разводы, любовницы, автокатастрофы какие-то… чего только наш ум не способен себе создать! Ну, ничего — главное, что всё это было не по-настоящему, всего лишь сон, обычный жизненный сон…»

Так, продолжая успокаивать сам себя, Антон Павлович собирался на работу. Уже позавтракав, уже надев малиновый пиджак и сев в припаркованный у дома чёрный тонированный джип, уже готовый к новым трудовым честным и не очень уж подвигам, он внезапно поймал себя на мысли, что во дворе его многоэтажки стало как-то необычно безлюдно — ни машин, ни пешеходов, ни даже какой-нибудь бездомной собаки, которые тут, впрочем, итак практически не водились. «Выходной сегодня, что ли?» — мелькнула запоздалая мысль в ещё слегка сонном мозгу Антона Павловича.

«Точно, выходной! Я же не далее, как вчера наконец-то развёлся со своей глупой супругой, и сегодня как раз собирался отметить этот момент в баре с друзьями!» — вспомнил он. «Всё из-за дурацкого сна! Совсем с ним уже из жизни выжил!» Повторно окинув взором пустующий двор своего дома и ещё раз удивлённо хмыкнув про себя, он ударил ногами по педалям и выехал за дворовые ворота.

Редкие пешеходы на улицах совершенно не вписывались в общую картину многолюдной столицы — они, слегка ссутулившись, передвигались по улицам неспешной походкой и, казалось, совершенно не смотрели друг на друга. Никакого ажиотажа, никакой деловой суеты и спешки, столь привычной для москвичей… казалось, что город вымер — или же массово переселился в одно непостижимое мгновение за многострадальный МКАД.

Бара на привычном для него адресе не оказалось точно так же, как не было и официанта, по традиции услужливо открывавшего перед посетителями двери. Вместо привычного слова из трёх букв обновлённая вывеска гласила — «Бюро», причём первые две его буквы были написаны чёрным, а последующие две — белым цветом, а чуть ниже значилось — «Салон всесторонних потусторонних услуг», причём в этой надписи белые и чёрные буквы уже шли по очереди вперемешку друг с другом. «Сумасшедший дом какой-то», — буркнул про себя Антон Павлович, неспешно припарковывая джип рядом с баром-бюро. «Чего только эти долбаные маркетолухи нынче не понапридумывают ради завлечения клиентов».

— Приветствуем вас в нашем салоне. Добро пожаловать в Бюро! — приятного вида молодой человек в странном костюме приветствовал Антона Павловича, стоило тому перешагнуть стеклянную вращающуюся дверь сего заведения.

— Скажите, у вас сегодня все так одеты? — с издёвкой в голосе вопросил Антон Павлович, пристально глядя в глаза этому новоиспечённому официанту.

— Вы, должно быть, намекаете на мои крылья? — ничуть не смутившись, парировал тот. — Честно говоря, я был таким с самого своего рождения — которое, надо отметить, случилось на несколько эонов раньше вашего.

И, опережая ваш следующий вопрос, — сочетание цветов в нашей афише символизирует собой Свободный Выбор — весьма полезное для обычных смертных свойство, которым мы, к сожалению, не наделены. Что ещё вы хотели бы узнать о Бюро, мой бывший напарник?

— В каком смысле — напарник? — на секунду опешил Антон Павлович, глупо глядя то на официанта, то вглубь зала необычного салона.

— В самом прямом и житейском, — спокойно ответил человек с белыми крыльями за спиной. — Напарник на всю вашу имевшую место быть жизнь. Совершенно, кстати, не замечаемый вами, — казалось, с небольшой толикой просочившейся в голос грусти добавил он.

— Молодой человек, вы в своём ли уме? Я совершенно вас не зна…

— Тогда приятно снова познакомиться! — улыбнулся молодой «официант» и протянул Антону Павловичу свою светящуюся каким-то перламутровым сиянием руку. — Все наши услуги для вас сегодня — совершенно бесплатны! Пройдёмте со мной!

— Не шутите? — строго поднял бровь Антон Павлович.

— Не имею желания, — буднично ответил молодой человек. — Мне же ещё за ваш жизненный путь вскорости отвечать придётся.

— Ну и какие же здесь у вас имеются развлечения? — продолжал гнуть свою линию Антон Павлович. — У меня на этом самом месте вообще-то встреча с друзьями и возлюбленной планировалась.

— С Джессикой? Не переживайте, она здесь как раз неподалёку вас уже ожидает. Я бы даже сказал — изнемогает от нетерпения, — улыбнулся Белокрылый. — Но давайте не будем спешить и сделаем всё правильно и по порядку. В рамках нашей текущей акции мы готовы бесплатно предложить вам три самых популярных в настоящее время аттракциона.

— У вас здесь что, лубочный цирк завёлся? — Антон Павлович в голос рассмеялся собственной неказистой шутке.

— Нет, нет, Господь с вами! Цирк — это же земное, а у нас — иное. Потустороннее, так сказать. В настоящее время у нас проводится беспрецедентная акция — мы заранее сообщаем нашим будущим клиентам о том, что их ожидает.

— Это как? — Антон Павлович изобразил на лице искреннее удивление. — Заранее?

— Ну, видите ли, в чём дело… Иногда нам дозволяют такое. Мы уже проводили подобные акции… скажем, около двух тысяч лет тому назад. Тогда мы передали вам информацию об этой акции через одного замечательного человека. Как же его звали… Иоанн, кажется. И фамилия ещё такая звучная у него, помнится, была — Бо… Богослов, точно! А сейчас… ну, вы же сами видите, к каким странным методам нам приходится прибегать.

— Так это что же получается — эта акция у вас практически бессрочная, что ли?

— Ну, в некотором роде вы, безусловно, правы. Просто нам необходимо время от времени напоминать о ней людям. Но — к делу! Вы ведь давно не прикасались к искусству, Антон Павлович?

— Современные картины у меня дома на стенах есть. И шкафы с книгами классиков… каких-то, — силясь вспомнить, каких же именно, отвечал Антон Павлович.

— Тогда самое время прикоснуться к ныне вечному. Добро пожаловать в Кино Воспоминаний! Сейчас я открою нам двери… — и Белокрылый молодой человек взмахнул рукой, что-то вычерчивая в воздухе. Через пару секунд прямо перед удивлённой физиономией Антона Павловича образовались самые настоящие врата, отливающие таким же перламутровым оттенком, как и руки его неожиданного собеседника. — Пройдёмте за мной!

— Вот ведь до чего техника дошла… — удивлённо хмыкнул себе под нос Антон Павлович. — Чего только ученые-физики не понапридумывают. Это всё западные санкции сказались, не иначе! — уверил он сам себя и шагнул в портал.

* * *

Комната, в которой оба они оказались, действительно напоминала таковую из какого-нибудь большого московского кинотеатра — разве что из зрителей были только он и его непонятный костюмированный коллега.

— Четвёртый ряд, восьмое место, — удовлетворённо заметил Белокрылый, присаживаясь рядом с Антоном Павловичем на соседнее кресло. — Ваше место.

— А почему так близко? Давайте сядем подальше от экрана, чтобы лучше видеть всё происходящее, ведь никого кроме нас здесь больше нет! — недовольно пробурчал Антон Павлович.

— К сожалению, прочие места уже зарезервированы. Это только сейчас, и только вам они кажутся пустующими. На самом деле всё гораздо сложнее, — ответил Белокрылый. — А это место как раз ваше, ведь именно в сорок восемь лет произошли те самые события, которые недавно «приснились» вам во сне.

— А как вы узнали про мой сон…

— Внимание на экран! — перебил его молодой человек. — Начинается ваше жизненное кино!

Большой, напоминающий своими украшенными резными краями зеркало эпохи средневековья, экран кинозала озарился перламутровым светом, демонстрируя маленькую кроватку с перегородками по сторонам, на которой мирно спал, улыбаясь во сне, ребёнок.

— Ваши жизненные воспоминания, начиная с момента пробуждения сознания. Вам тогда было, кажется, около полугода. В то время вы были ещё совершенно невинны, Антон Павлович, — прокомментировал кадры молодой человек.

…Картины между тем продолжали сменять друг друга. Вот ребёнок неуверенно делает свои первые шаги, спотыкаясь и падая на попу. Вот он старательно тянет себе ложку в рот, боясь не попасть, и поглощая кашу «за папу и за маму». Вот он обнимает подаренного ему в детстве котёнка, а глаза его лучатся искренним детским счастьем. Вот он играет на детской площадке с другими детьми в паровозики, а вот катается со снежной зимней горки. Вот пускает кораблики по отражающим в себе небо осенним лужам. Вот ложится вместе с мамой на кроватку и прижимается к ней во сне…

— Говорят, что все дети — точно Ангелы, — с печалью в голосе заметил Белокрылый. — А взрослые — точно бесы. Это самые чистые и сердечные ваши воспоминания за всю вашу жизнь, Антон Павлович, — продолжил он, наблюдая, как по щекам его бывшего «напарника» по жизни медленно стекает скупая мужская слеза.

…Картины же продолжали жить своей собственной жизнью, сменяя друг друга, как в калейдоскопе. Вот молодой «крутой» человек по блату поступает в институт. Вот он ходит на ночные тусовки с одногруппниками. Вот родители дарят ему дорогую иномарку, и он вовсю использует её для того, чтобы блистать и красоваться перед девушками лёгкого поведения. Вот он посещает ночные бары и стриптиз-клубы…

— Трудно сказать, где именно всё начало катиться под откос, — снова начал комментировать кадры Белокрылый. — Был ли это мой личный недосмотр, неправильное воспитание родителей, ложные жизненные ценности общества или же в первую очередь ваш личный жизненный выбор, Антон Павлович? Суд знает это наверняка — а я, к прискорбию своему, нет. Мне остаётся только надеяться, что нам обоим будет дарован ещё один шанс.

…Картины продолжали плыть и сменять друг друга, создавая неповторимое ощущение повторного присутствия на своей собственной прошлой жизни. Вот уже взрослый выпускник юридической академии становится чиновником. Вот он идёт по головам других, обманывая и наживаясь на человеческой лени, глупостях, страхах, — искренне считая, что живёт лишь один век. Вот он заводит любовницу — одну, вторую, третью, но никто из них не способен вернуть ему чувство радости жизни — то самое, которое жило бок о бок с ним лишь в далёком теперь уже детстве. Вот он хочет порвать с этим всем и стать отшельником — но крепко, слишком крепко для его слабой воли держат поныне его прошлые дела и связи…

— Здесь мы демонстрируем самые яркие ваши воспоминания, которые оказались запечатлены в памяти вашей души, а не мозга — и потому стали потенциально бессмертны, превратившись в своего рода дежавю. Вся прочая жизненная мишура — однообразные серые будни, скучная и нелюбимая вами работа, частые повторяющиеся ссоры с женой, приведшие к вашему с ней разводу, и прочее — всё это было вытеснено из ваших самых ярких воспоминаний и потому не вошло в состав этого фильма. Всё это осталось в вашем личном деле, в Архивах, куда мы с вами вскоре и направимся, — прокомментировал Белокрылый «официант».

…Картины уже почти летят, стремительно сменяя друг друга, будто годы жизни, проносящиеся вхолостую мимо своих владельцев, обдавая их лишь пылью жизненных дорог. Новые финансовые аферы, новые «концы в воде», новые ссоры с женой, новая любовница, Джессика. День их встречи во второй московской квартире, поездка на джипе. Бензовоз, показавшийся на перекрёстке, вжатые до упора тормоза, испуганный, раздирающий слух визг его новой пассии… Экран телевизора внезапно погас, и в зале загорелся свет, словно символизируя собой окончание сеанса.

— Почему… почему моё кино закончилось именно на этом кадре… на том же самом, на котором закончился и сегодняшний сон. Почему, чёрт тебя дери?! — Антон Павлович гневно схватил своего белокрылого собеседника за грудь и начал трясти.

— Давайте не будем употреблять собирательное название этих злобных созданий в данном месте и контексте, Антон Павлович. Может быть, что вам ещё предстоит с ними встретиться несколько позже, — спокойно ответил Белокрылый юноша, ловко освобождаясь от захвата. — Давайте лучше вместе с вами проследуем в Библиотеку Судеб — или, как её ещё кратко называют некоторые из нас, — Архивы. Думаю, что ваше пребывание там сможет пролить свет на этот так терзающий вас вопрос. Идёмте?

— Идём, — буркнул Антон Павлович. — А потом к друзьям и Джессике.

— Всенепременно, — подтвердил юноша. — Тем более, что они тоже уже ждут с вами встречи.

Взмах руки — и вновь перед Антоном Павловичем возник знакомый силуэт портала с ведущей куда-то внутри него светящейся дорожкой. Вон он делает шаг вглубь этой странной двери — и…

* * *

Библиотека потрясала. И если кинотеатр хоть как-то напоминал своими размерами уже привычный ему московский — то Архивы, кажется, нарушали все мыслимые земные законы физики. Их резные полки уходили куда-то в такую высокую бесконечность, что было совершенно неясно, как под массой наполнявших их книг они вообще способны были держаться.

Огромные светящиеся столы из непонятного материала и передвижные лестницы явно были созданы не по человеческим размерам. Коридоры ветвились и терялись, соединяясь и расстыковываясь где-то вдали.

Из потолка, которого совершенно не было видно человеческим взором, лился спокойный лиловый свет. Плиточки пола мелодично позванивали, стоило только наступить на них. Где-то вдалеке слышался звук журчащих родников и пение птиц.

— Эй… тут кто-нибудь есть? Ау! — крикнул внезапно испугавшийся собственного одиночества Антон Павлович.

— Здесь мы храним историю всех когда-либо живших и поныне живущих одушевлённых живых существ мироздания, — ответил как будто сам себе внезапно материализовавшийся перед Антоном Павловичем белокрылый спутник. — Мы постоянно дополняем её, поэтому Библиотека продолжает расти, как это между нами говорится, не по дням, а по судьбам. Как видите, она совершенно не предназначена для посещения людьми, — с улыбкой добавил Белокрылый, — но нам разрешили ещё ненадолго продлить нашу акцию.

— Постойте, вы хотите сказать, что я мог бы узнать здесь ответ на любой из своих вопросов? — недоумённо почёсывая затылок, решился спросить Антон Павлович.

— Любой вопрос, связанный с прошлым, да. А будущее каждого одушевлённого индивидуума в частности и миров в целом многовариантно и зависит от того самого Свободного Выбора, о котором я уже ранее упоминал. Только вот для вас здесь доступ в любом случае закрыт — вопросом передачи и получения информации заведуют в основном сотрудники Отдела Контроля Судеб, который располагается совсем неподалёку. Они здесь частые гости, кстати говоря.

— Каким-каким отделом?

— Контроля. Судеб. Человеческих, в том числе. Что же тут сложного? Понимаете, Антон Павлович, ваша земная жизнь… как бы это яснее выразиться… не единственная в своём роде. Это в последний раз вас звали Антоном Павловичем, а до этого… а как вас звали до этого, как раз и можно узнать из одной из книг, расположенных в этой самой чудесной Библиотеке. Книге вашей судьбы, которую вы писали собственными делами.

Вы что-то делали — а мы это фиксировали, и записывали, и сохраняли. Мы даже эти книги вам показали однажды через того самого Иоанна, помните? У вас должны были сохраниться земные записи о его видениях.

— А… зачем вы это записываете? Вы все-все записываете?

— Всё, что имеет отношение к Свободному Выбору, да. Мы храним это для Суда, конечно же. Чтобы без обмана. А то ведь некоторые одушевлённые существа в этом мироздании почему-то решили, что они смогут нас обмануть, «обвести вокруг пальца», так сказать. Ну… пусть попытаются, — рассмеялся Белокрылый. — Мы этот их Свободный Выбор тоже запишем и учтём на Суде.

— А что эти сотрудники здесь делают? Они сейчас здесь?

— Скорее всего, здесь, но они пребывают в рабочем крыле Библиотеки, а мы с вами сейчас находимся в гостевом. Понимаете ли, некоторые события, происходящие с вами в вашем физическом мире — они, как бы это сказать… предопределены в мире Высшем — в том числе цепочками ваших прошлых Свободных Выборов, а иногда — волей самого Верховного. Сотрудники этого отдела тщательно следят за соответствием между судьбой и делами каждого одушевлённого существа физического мира, при необходимости сверяясь с созданным им до своего рождения планом собственной новой жизни, записанным в личную книгу, и при необходимости стараются корректировать судьбы таким образом, чтобы каждая живая душа могла проявить себя наилучшим образом и раскрыть заложенный в неё потенциал. К сожалению, в случае с вашей цивилизацией галактики Млечного Пути, Антон Павлович, это редко удаётся сделать — называющие себя людьми существа стали слишком своевольны, причём зло-своевольны, и воспринимают попытки сотрудников этого отдела выправить их искажённые пути как цепочки жизненных неурядиц и бед.

— А можно мне… увидеть свою книгу жизней?

— Теперь уже можно, — подтвердил Белокрылый спутник. На мгновение он приложил ладонь своей руки к груди Антона Павловича, а затем взмахнул ею в воздухе — и спустя несколько мгновений откуда-то с верхней полки одного из стеллажей на неё плавно, подобно планирующей птице, опустилась увесистая книга, автоматически раскрывшись на первой странице.

— Вибрационный код вашей души, — пояснил Антону Павловичу собеседник. — По нему легко найти нужную книгу. Итак, что вы хотели узнать?

— Вот это… что это за линии и точки здесь такие? Я даже практически не вижу в этой книге понятных мне букв.

— Это карты ваших прошлых Свободных Выборов. Понимаете, дело в том, что каждый выбор несёт за собой определённые последствия и предоставляет возможность выборов новых, а все вместе они образуют карты. Точки — это моменты принятия вами решений, когда из множества вариантов выборов вы останавливаетесь на каком-либо одном из них. Цифры наверху стрелок — это вероятности, с которыми на момент принятия решения вы бы выбрали тот или иной вариант. Вот эти ромбовидные фигуры указывают на влияние связанных с ними выборов на выборы и судьбы других людей. В двухмерной плоскости всё это выглядит несколько непонятным — но пространства, превышающие три измерения, я, к собственному сожалению, на текущий момент не имею возможности вам продемонстрировать, хотя и могу уверить, что в этих пространствах данные книги читаются гораздо проще и приятнее.

— Филькина грамота какая-то, и практически ничего непонятно! — фыркнул раздосадованный Антон Павлович, тщетно пытаясь найти в хитросплетении знаков момент, связанный с тем самым злополучным бензовозом.

— Язык, доступный лишь посвящённым, — вновь улыбнулся его собеседник. — То есть в первую очередь сотрудникам Отдела Контроля Судеб.

— Пойдёмте уже лучше отсюда подобру-поздорову, — желчно добавил Антон Павлович, — к моим друзьям и Джессике.

— Ну что ж, — вздохнул собеседник. — На предварительные слушания, дак на слушания!

* * *

— …В зал Небесного Суда для проведения предварительных слушаний вызывается Охрименко Антон Павлович. Адвокатом подсудимого назначается его небесный Ангел-Хранитель Мишель, обвинителем его Демон-Искуситель Закхурат. Подсудимый и указанные спутники из последней его жизни прибыли, слушания прошу считать открытыми.

Эти слова донеслись до слуха Антона Павловича как раз в тот момент, когда открытый его «напарником» портал с лёгким мелодичным звоном перенёс его в совершенно новое пространство, напоминающее ставший привычным за земную жизнь зал судебного заседания.

— Я… что… где… зачем? Что за подстава?! — недоумённо оглядываясь вокруг себя, пробормотал новотелепортированный подсудимый, ещё не до конца придя в себя от столь поспешной смены пространства и собственной роли.

— Я тебе потом всё объясню, у нас ещё будет время, — подмигнул ему Белокрылый, направляясь за предназначенную для него судебную стойку белого цвета. Противоположную стойку чёрного цвета в другом конце зала заняло жуткого вида хвостатое существо с рогами и копытами.

— Обвинитель, что вы можете сказать относительно последней данной подсудимому жизни в галактике Млечного Пути, на планете, известной в прошлом как Гайя, а ныне именуемой просто Землёй?

— В-о-о-о-р-р-р, — злорадно прошипело существо, изрыгая изо рта языки тёмного пламени. — Ж-е-н-о-и-з-м-е-е-е-е-н-н-н-н-и-и-и-к. У-б-б-б-и-и-и-й-й-ц-ц-а-а-а. В-з-з-з-г-л-я-я-я-н-и-и-и-т-е-е-е…

Внезапно в центре зала материализовались образы, очень напоминающие кадры из фильма его, Антона Павловича, жизни — только на этот раз объёмные. Кадр сменялся кадром, демонстрируя, как Антон Павлович берёт и даёт взятки, встречается с любовницами, предаётся спиртным напиткам — и прочая, и прочая. Это действительно были моменты его жизни — моменты, которые он всячески старался забыть, запрятать на самые глубины своей кричащей болью совести души, но которые, как сейчас только что выяснилось, были тщательно запомнены и сохранены каким-то непонятным механизмом. Заканчивалась вся эта демонстрация последним кадром с младенчески-удивленным лицом водителя бензовоза и открытым в крике, замершим и как будто совершенно живым лицом Джессики.

— Вполне убедительная демонстрация, Искуситель. Налицо нарушение трёх заповедей и совершение трёх типов смертных — подчёркиваю, смертных! — грехов. Желает ли высказаться сторона защиты?

— Да, господин судья, желает, — с этими словами Ангел-Хранитель взмахнул крыльями, и по центру судебного зала поплыли новые картины.

Картины эти демонстрировали, как маленький Антон Павлович нежно обнимает свою маму перед сном, как он делится игрушками с ребятами из своего двора, как приходит на помощь школьному другу, когда того пытаются забить до полусмерти подростки из дворовой шпаны, как они гуляют по парку вместе со своей возлюбленной и будущей женой, как они действительно любят друг друга, хотя бы первое время…

— Благодарим вас за демонстрацию, Хранитель. Предоставленные вами эпизоды свидетельствуют о том, что, несмотря на цепочку серьёзных нарушений Небесного Закона, обвиняемому всё же было не чуждо человеческое сострадание, чувство любви и справедливости, что делает его душу потенциально способной к Искуплению. Желает ли сторона обвинения добавить что-то ещё?

— Ж-ж-ж-ж-е-е-е-л-а-а-а-е-е-е-т. У-у-у-у-б-б-и-и-и-т-т-т-ы-ы-ы-е, — вновь прошипело существо, со звоном щёлкнув по полу зала своим раздваивающимся на конце хвостом.

С этими словами в зале материализовались водитель бензовоза Василий Иванович и Джессика.

— Ты! — со злостью выкрикнула Джессика в сторону Антона Павловича, едва успев выпрыгнуть из своего портала. — Мой убийца! Да если бы я знала, что ты меня угробишь в тот день, да я бы даже за милю к тебе не подошла! И шуб мне никаких от тебя не надо! Подлец! Тварь! Убийца!

— Братан, ты чего… а? Ты зачем на красный так… гнал-то? Ты что, не видел, куда прёшь? — вопрошающе-недоуменно обратился к Антону Павловичу Василий Иванович. — У меня же там дети остались малые, жена… кто ж их теперь прокормит-то без меня, а? Дурак ты, братан, как есть дурак!

— Есть ли свидетели со стороны защиты?

— Да, мать подсудимого.

И вновь с мелодичным звуком открылся портал, из которого вышла мама Антона Павловича.

— Я воспитывала его… как могла, — со всхлипом и болью в голосе сказала она. — В христианских ценностях. У меня же муж пьющий, хоть и банкир. Он его и приучил… к красивой жизни… к спиртному… моего бедного сынишку. А я… как могла… в детстве… пока он чистый был… не запятнать душу…

— Есть ли что сказать подсудимому? Напоминаем, что, согласно правилам, любое его слово — доброе или злое — может быть использовано как самооправдание, так и самообвинение в соответствии с единым Небесным Законом, установленным Верховным.

— Я… э… я не знал… не ведал, что творил… обещаю впредь так не поступать. Жить по чести и совести… и так далее. Как-то так…

— Все они так говорят, — хмыкнул кто-то из зала присяжных. — Не знал, не ведал, дайте мне, пожалуйста, ещё одну жизнь…

— Просьба соблюдать в зале слушаний тишину!

— Простите, господин судья.

— Если сторонам обвинения и защиты больше нечего добавить, предлагается завершить первую фазу предварительных слушаний. Заседание суда объявляется закрытым.

* * *

— Ну… всё могло быть и хуже, — подытожил Ангел-Хранитель, смахивая пот с крыльев. — Шанс у тебя ещё есть — хоть и не особо светлый, но есть.

— И это ты называешь аттракционами? Что за подстава вообще?! Немедленно верни меня назад, разбуди из этого дурацкого сна! У меня ещё жизнь есть, Джессика, жена в разводе… мне ещё столько исправить надо на этой, как её, Гайе! — Антон Павлович набросился с кулаками на своего новопривлеченного защитника.

— Эх, глупый ты мой Антон Павлович! — с печалью в голосе вздохнул Белокрылый. — Понимаешь, какая тут есть загвоздка? Нет у тебя больше никакой жизни! Умерли вы, дорогой наш Антон Павлович…

09.07.2017

Вероятность

Молодой подающий надежды Ангел ходил по крыше девятиэтажки и считал пролетающих над ним голубей, щурясь на полуденном зимнем солнце. Несмотря на полный иммунитет к природному холоду, крылья его время от времени слегка подрагивали, а глаза то и дело сужались, точно он пытался где-то там, вдали городских улиц, разглядеть знакомое ему с рождения лицо. Не с рождения Ангела, конечно — ибо они, бессмертные, давно не ведут счёт своим иномировым годам — а с рождения на Земле вверенной ему человеческой души.

Ангел действительно слегка дрожал — но не от холода, как мог бы подумать какой-нибудь случайный прохожий, ненароком взглянувший в этот момент в небо и узревший его слегка видимый в лучах солнца силуэт — а от собственного волнения. Да-да, даже ангелам было свойственно волноваться — особенно в день прохождения своего испытания, определяющего их дальнейшую небесную судьбу! Вот и пытался он хоть как-то отвлечься от этого разлившегося в его крыльях волнительного ощущения, следя между делом за пролетающими небесными птицами.

Птицы, надо отдать им должное, хорошо чувствовали присутствие своего собрата по небу, но как и люди не могли увидеть его обычным, невооружённым должным вниманием и сосредоточенностью взглядом, и потому аккуратно порхали над ним, не опускаясь слишком уж низко. Ну, а вечно спешащие по своим, разумеется, крайне важным делам люди даже и не думали поднимать головы вверх и всматриваться в небесную синеву — и потому-то наш Ангел совершенно не боялся быть ими обнаруженным. Собственно говоря, ему был по-настоящему интересен только один человек, которого он хранил и оберегал с самого её рождения, и девушка эта должна была появиться на перекрёстке двух дорог с минуты на минуту.

«Только бы её не задержали!» — мысленно уповал на ещё более высшие силы Ангел. «А то ведь пройдёт мимо — и поминай как звали. И ни тебе долгожданной встречи, ни счастливых свиданий, ни дружной семьи… Как же всё-таки важно порой оказаться в нужном месте и в нужное время…» — размышлял он, аккуратно, словно кошка и совершенно без страха падения, ходя взад и вперёд по скользкому заледенелому карнизу.

Все мыслимые и замысленные приготовления уже были сделаны. Сны, советы, предчувствия, договорённости со своим коллегой, даже нужные тёплые и подбадривающие душу мысли, которые он нашёптывал ей время от времени… И всё же крылья Ангела дрожали, и он никак не мог найти себе успокоения. И всё же он не терял надежды, а любовь к своему создателю и людям жила в нём с самого момента его сотворения.

В этот день ему специально пришлось ненадолго отлучиться, чтобы успеть завершить все требуемые приготовления. Ангел очень хотел, чтобы всё получилось. Вот только свободная воля людей — такая капризная штука…

И потому-то Ангел то и дело пытался ещё и ещё раз мысленно просчитать доступные ему для вычисления вероятности различных событий и множества их комбинаций, включая финальную вероятность встречи двух будущих возлюбленных. Как ни лети, а высшая математика — это совсем не то, что учат студенты начальных курсов.

Светящиеся в лучиках солнца снежинки всё падали и падали Ангелу на его ещё более белоснежные крылья, Земля продолжала свой вечный ход в космическом пространстве, а девушки всё так и не было видно.

«Не случилось ли с ней чего?» — раз за разом мысленно вопрошал себя Ангел, но сердце и чувства раз за разом же говорили ему о том, что в этом плане беспокоиться не о чём.

Его напарник — Хранитель, приставленный к молодому человеку, с которым-то и должна была сегодня встретиться девушка — тоже куда-то запропастился. Точь в снег с головой канул. Вот и пойди найди белокрылого ангела в белом же снегу! И почему же всё-таки сегодня так холодно?

Продолжая вышагивать взад и вперёд по крыше дома и время от времени смахивать прилипавший к крыльям снежок, Ангел-Хранитель девушки так и не успел заметить, как в один прекрасный момент позади него в ослепительной световой вспышке материализовался его небесный напарник.

— Мороз и солнце… день… чудесный! — проговорил он, склонившись лицом вниз и всё ещё пытаясь отдышаться после долгого и по всей видимости очень быстрокрылого полёта.

— Ну наконец-то! А то я уж думаю — на каком же небе ты запропастился? Заждался уже тебя. Всех голубей за последние полчаса пересчитал — ровно сто двадцать одна птица получилась! Ты как там — устал?

— Ты не поверишь… — всё ещё пытаясь отдышаться, проговорил его напарник. На седьмом небе я был, в буквальном смысле. На аудиенции… у самого Верховного.

— У Верховного? — глаза Ангела-Хранителя девушки расширились от удивления, а крылья самопроизвольно затрепетали от волнения. — Ну и ну! Нас же туда вообще практически не допускают. Только в исключительных случаях.

— Ну вот… допустили… в рамках плана. Где там… твоя пассия? Ещё не появлялась?

— Ещё не по…

— Вот она, внизу идёт. Наконец-то! — и зоркий напарник указал крылом на один из тротуаров.

— А твой где? Сейчас же она пройдёт мимо — и поминай как звали! Все приготовления — пегасу под крыло, а вероятности — в ноль.

— За углом он уже. Видишь, в-о-о-н там? Ну что, готов? Снега в крылья набрал, мысленно прокричать «стой!» приготовился? Действуем строго по команде свыше!

— По какой ещё команде? Мы же только с тобой этот план и обсуждали!

— Смешной ты, всё о вероятностях беспокоишься. Я же тебе только что втолковывал — на аудиенции я был, планы обсуждали. Знаешь, какая у них вероятность встретиться друг с другом сегодня, дружище?

— Какая? Неужели не встретятся после всего того, что между ними было в их прошлом рождении?

— Неизбежность, вот какая! — засмеялся Ангел-Хранитель молодого человека и ободряюще похлопал своего напарника по крылу. — Ну, на счёт «три» — снегом с крыши пли!

08.02.2020

Время

Огромные песочные часы серебристого цвета, плавно парящие в центре зала, неспешно пропускали через себя крохотные песчинки, мерно покачиваясь в ходе своей неостановимой работы. Они отсчитывали оставшееся время до одного крайне важного по галактическим меркам события.

Тук. Тук. Тук.

Пройдя через горлышко часов, песчинки падали на дно и растворялись, словно их никогда и не было. Словно для вечности времени не существует.

Многочисленные проекции этих часов Высшего Мира — по одной на каждый из физических миров — отстукивали в такт им своё собственное время.

Тук. Тук. Тук.

Часы нельзя было остановить, но можно было замедлить какую-либо из их проекций.

Солнечные года физических миров сменяли года, эпохи сменяли эпохи, а часы всё также шли, уменьшая число оставшихся песчинок с каждым своим мерным тактом.

Тук. Тук. Тук.

Время хранило в себе всё. Но кто-то должен был хранить само время.

— Войдите! — ответил сидящий в кресле старец, оторвав свой взгляд от созерцания галактических карт и неспешно повернув голову в сторону двустороннего портала, служившего по совместительству ещё и дверью в это загадочное измерение, стоило только мелодичному звонку, оповещавшему о приближении к нему новой человеческой души, разлиться в воздухе.

Спустя секунду перед старцем материализовалась голограмма формы, в которой этот новоприбывший планировал пройти свой очередной — и на этот раз решающий его судьбу — путь в физических мирах.

— Входите, — ещё раз повторил Хранитель. — Хоть я и могу ожидать вас целую вечность, но запланированное время вашего рождения и связанные с ним обстоятельства вас ждать, боюсь, не планируют.

С этими словами он взмахнул рукой, вычерчивая в воздухе одному ему ведомую фигуру, и сверкающая фиолетово-голубым цветом сфера материализовалась прямо перед его взором, а из неё вышел — или, чуть правильнее будет сказать, почти что выпал на залитый лёгким серебристым туманом пол, — новоприбывший.

— Я… что… где… ух! — только и смог вымолвить гость, стоило ему подняться с колен после такого во многих смыслах головокружительного путешествия. — Ну и телепортеры тут у вас… так и кидает из стороны в сторону. Вот, помнится, десять столетий тому назад, незадолго до моего предпоследнего рождения…

— Присаживайтесь, — прервал его старец и, взмахнув своими четырьмя крыльями, материализовал перед гостем словно из ниоткуда второе кресло. — Вы ко мне по делу или просто ворчать изволите?

— Я… в общем… из отдела… который судьбы решает, — слегка запинаясь от лёгкой одышки, пробормотал человек. — По направлению для исправления своих прошлых ошибок в физических мирах с высокой степенью риска. На Землю, в галактику Млечного Пути.

— Вот как? — иронично поднял бровь старец. — Что-то много вас в последнее время туда зачастило. Так и норовят родиться, — слегка улыбнулся он. — Время, говорят, особое. Ошибок, говорят, много наделали. Жизнь, говорят, у них последняя, решающая. Решается вопрос о потенциальном будущем бессмертия их души, говорят они. Ну что же, посмотрим, как вы временем этой жизни распорядитесь.

С этими словами Хранитель вновь сделал лёгкий пасс руками, и на них мерно опустилась светящаяся книга.

— Что ж, давайте взглянем, что вы там себе напланировали, — иронично покачав головой, ответил старец, листая страницы книги жизней своего нового гостя. — Учёным в этот раз собираетесь быть, как я погляжу? Совершать открытия в области нематериального, вести науку к духовным высотам? Что ж, весьма похвально. Вы уже двадцать третий такой желающий за последние десять земных лет.

Могу вам сразу сказать, что восемнадцать из них вообще не стали учёными, нарушив свой неземной договор и разменяв себя на, как это принято там говорить, мелочи жизни. Вы, я надеюсь, так не планируете поступать? — и старец испытующе взглянул на своего гостя.

— Н… нет. Не… собираюсь, — слегка опешив от такого неожиданного признания, пробормотал гость. — Буду учёным, как и планировал.

— Тогда могу пожелать вам не сворачивать с вашего духовного пути под гнётом внешних обстоятельств. А они, поверьте моему опыту, у вас обязательно будут — тем более что вы собрались именно на Землю. Расчётное время вашей жизни… шестьдесят земных лет. Планируете успеть? — и старец вновь испытующе взглянул на будущего учёного.

— Да… планирую. В более зрелом возрасте всё равно пользы от меня будет немного.

— Если свернёте с пути — то не исключено, что заберём вас раньше срока. Нам пользы от нереализованных душ не очень много, к огромному сожалению. Время не ждёт.

— Четвёртое измерение, так сказать, — улыбнулся в ответ гость.

— На самом деле, седьмое, — поправил его Хранитель, — но вам бы хоть с тремя суметь справиться. О специфике работы часов помните ли? — и старец указал рукой на огромные парящие в воздухе часы, продолжавшие в этот момент мерно отстукивать свой неповторимый в вечности ритм.

— Эм… специфике?

— Время нелинейно. Даже в рамках жизни отдельной воплощённой души оно может менять свою скорость — и, в редчайших случаях, направление. Будете реализовывать взятые на себя здесь обязательства — время для вас будет замедлено, и вы сможете успеть сделать больше — возможно, намного больше, чем планировали изначально. Свернёте с пути — и время понесётся словно вскач, год за годом, вплоть до момента резкого окончания отведённого вам срока, о котором вы, конечно же, в тот момент уже не будете помнить.

— А как я… узнаю о том, что мне суждено сделать? Об особенностях времени? Я же в момент своего нового рождения буду вынужден всё забыть о своём прошлом.

— Вам мы напомним об этом через писателя. Кому-то напоминаем через обстоятельства, кому-то через сны. Некоторым уже бесполезно что-либо напоминать.

— Вроде всё ясно.

— Прекрасно. Тогда извольте примерить ваши личные часы.

С этими словами Хранитель извлёк из своего светящегося одеяния небольшие наручные часы на тонком ремешке и протянул их гостю.

— Шестьдесят земных лет, как и условились, если не изменятся обстоятельства. Незадолго до окончания срока вы сможете почувствовать, как эти часы начинают звенеть и вибрировать — это значит, что ваше время подходит к концу. Не бойтесь, надевайте их на руку.

— В такие моменты чувствуешь себя бомбой с часовым механизмом, — смущённо признался гость.

— Уж лучше «взорвите», в хорошем смысле, земной мир материалистических научных идей.

— Готово! — сообщил гость, застегнув на руке ремешок часов.

— Напоминаю обстоятельства вашего рождения: бедная семья, добрая мать, жестокий отец, больной младший брат и любящая старшая сестра.

— Суметь бы ещё об этом не забыть, когда тебе только один-два года, и ты только и можешь, что писать сам под себя! — хохотнул на ходу гость, шагая в открывающийся для него телепортер.

— Время пошло, — ответил Хранитель, наблюдая, как раскрывшийся в зале портал обнимает душу будущего земного жителя. — Оно никогда не переставало идти, — добавил он.

Тук. Тук. Тук. Словно ответили на его мысли часы.

Лишь над бессмертными они были не властны.

15.10.2017

Дежавю

Кирилла преследовал злой рок… или добрый. Выяснить это было довольно затруднительно, поскольку, когда ты уже отплыл от старых берегов, а к новым всё ещё не причалил, и впереди только и видно, что бескрайнее синее море жизни, а заманчиво-далеких берегов нет и в помине, — то и сказать, когда, собственно, на горизонте появится что-нибудь из ряда жизненной водной глади вверх выходящее, было не очень-то и просто, а уж определить, к добру оно или ко злу, и тому подавно. Город как город, море как море. Холодное, правда, и город дождливый — ну да, над этим даже сам Пётр был не властен… Если только тот, что святым считается — да и то не факт.

А вот что по-настоящему беспокоило Кирилла, посвящавшего, как и полагается всякому настоящему айтишнику, почти всю свою жизнь своему железному компьютерному другу, так это значительно участившиеся в последнее время случаи так называемого «дежавю». Странное слово, и явление не менее странное, досаждавшее Кириллу уже несколько последних месяцев, точно морской айсберг, вставший на пути его корабля, большая и невидимая часть которого была, как это и водится, недоступна простому человеческому зрению, будучи скрытой то ли в глубинах памяти, то ли в водах судьбы.

Проявляло это чудо природы себя весьма разнообразно. То сон приснится, в котором он, одетый в диковинный чёрный цилиндр и фрак, идёт по родным улицам Питера с какими-то до крайности необычными названиями на старославянском, точно совсем недавно данными им своевольным Петром-основателем. То носится в этих снах по каким-то подвалам, тщетно пытаясь найти своих недавно захваченных и увезённых оттуда товарищей. А то встанет перед каким-нибудь Аничковым мостом — и стоит как зачарованный минут десять, так что спешащие на работу люди на него даже коситься начинают, будто он и впрямь сумасшедший какой-то.

«А может, что я и взаправду с ума схожу?» — думал он временами, когда потоки реальности объективной и субъективной смешивались настолько, что отличить их друг от друга становилось уже практически невозможно. «Да нет, просто не высыпаюсь», — раз за разом успокаивал он себя.

А ещё, бывало, скажем, начнёт на работе архитектуру нового программного модуля с коллегами и аналитиками обсуждать, заспорит, распалится, да и ляпнет что-нибудь в духе: «А катись оно всё бричкой на Адмиралтейскую набережную!» А потом стоит, раскрыв на полуслове рот, и сам не знает — откуда здесь бричка, и зачем именно на Адмиралтейскую-то? А на днях вообще на крышу Исаакиевского собора вылез вместе с какой-то китайской туристической группой, да как начнёт «калинку-малинку» под воображаемую музыку вытанцовывать на глазах у ошалевшей публики под объективами десятков смартфонов.

И, надо признаться, так хорошо она у него получалась, что китайцы даже зааплодировали по окончании сего творческого порыва, будто это он для них специально старался. А и не старался он вовсе и вообще сроду не танцевал — ну, не в этой жизни, во всяком уж случае.

Ну вот нормально, да? Ему компьютер уже который год как заменял друзей и девушку, которой у него к его тридцати не было заметно даже на отдалённом горизонте жизни, а он на крышах по выходным вытанцовывает! Может быть, что в этот осенний питерский воздух природа незаметно подмешала что-то своё и забыла предупредить об этом синоптиков и прочих менее опытных в плане знаний о её возможных сюрпризах жителей культурной столицы? А, может быть, что Кириллу просто надоело плыть по течению в маленьком море своей замкнутой жизни, и он решил разведать новые глубины своего творческого потенциала? Нам, к сожалению, не успели сообщить о его подлинных намерениях, и мы совершенно не уверены, что он и сам отдавал себе в них отчёт.

Но дежавю, по всей видимости, всё-таки отдавало — и решило отдаться Кириллу без остатка. Вот и сейчас он стоял, глядя на воспетую классиком «Адмиралтейскую иглу», а перед глазами его проносились иные — и при этом точно совершенно живые — картины.

Шум бричек. Топот конских ног. Выкрикивающие что-то на улицах города газетчики, размахивающие огромными бумажными листами. Спешащая по мостовой и подгоняемая жандармом бригада рабочих. Две дамы с миниатюрными белыми кружевными зонтиками в старинных широкополых платьях, неспешно прогуливающиеся по парку вместе со своими маленькими ручными собачками. «Шутейный парк» Петергофа, выглядящий совсем иначе. Царский полк, марширующий по брусчатке на площади с фонтаном…

Точно какая-то иная жизнь, иная реальность накладывалась в сознании и мыслях Кирилла на эту, признанную всеми считающими себя адекватными людьми единственно существующей, единственно верной. Эта вторая реальность определённо имела отношение к прошлому времени, когда человечество ещё не вышло в космос, но люди, как и сейчас, считали себя вершиной эволюции и последним, существующим в единственном экземпляре, эталоном разума.

А что есть разум, и где его эталон? Может быть, наши предки из прошлого были гораздо разумнее нас, современных, мечущихся по кругу в поисках своего личного счастья, неготовых принять свою судьбу такой, какой её хотели бы видеть высшие силы, в которые многие из нас уже давным-давно не верят? Может быть, что это мы, подкованные по технологическим меркам, сами себе современники, без зазрения совести уничтожающие друг друга, уже давно массово сошли с ума без всяких загадочных дежавю?

— С ума сойти!

— Что, простите? — переспросил резко оторванный от своих внутренних размышлений внезапно заговорившим с ним собеседником Кирилл.

— Я говорю, — с ума сойти, как красиво у вас здесь! — повторил нежданный незнакомец. — Красивый город, говорю! — засмеялся он, обнажив пару золотистого цвета зубов.

— Красивый… — вяло повторил вслед за ним Кирилл, ещё не до конца придя в привычного себе себя. — А вы сами-то откуда?

— Я-то? С Байкала буду. В командировке здесь. Вы цените ваш город, красивый, хоть и мокрый! Ну, бывайте! — сказал непродолжительный незнакомец и без новых лишних слов пошёл дальше по одному ему ведомым делам.

— И правда красивый, — новый голос раздался над ухом начавшего было опять уходить в мыслях от мокрой реальности в уютного и тёплого себя Кирилла — женский, на этот раз. Девушка лет двадцати пяти облокотилась на ограждение набережной, с интересом поглядывая то на задумчиво смотрящего вдаль Кирилла, то на проплывающие по Неве корабли.

— Мой родной, — нехотя промолвил Кирилл. — И он действительно мокрый. Вот прямо как сейчас. Укройтесь лучше зонтиком, а то даже от моросящего дождя можно промокнуть и заболеть, — с этими словами Кирилл протянул девушке свой зонт.

— Благодарю, но зонтик мне не нужен. Я люблю дождь, — улыбнулась она. — Навевает всякие разные мысли и воспоминания. Даже дежавю иногда.

— У вас тоже? — вопросительно посмотрел на неё Кирилл.

— Что тоже?

— Ну, вы сказали — дежавю. У вас они тоже бывают?

— В последнее время постоянно. Спасу от них нет! — засмеялась она. — Вот не далее как вчера, мне приснился сон, что я гуляю под дождём и смотрю на корабли — и что бы вы думали? Сегодня я действительно гуляю под дождём и смотрю на корабли.

— Удивительно прямо, как совпало!

— И не говорите, — улыбнулась девушка. — Вы местный, да?

— С самого своего рождения, которое было, я уже даже не упомню, сколько лет назад, особенно с учётом всяких разных дежавю.

— А я недавно сюда переехала, из Челябинска. Здесь хоть и мокро, но воздух свежий. И творить как-то легче получается. Меня, кстати, Лиза зовут, — представилась девушка.

— «Лиза, не исчезай!» — процитировал известную песню Кирилл. — А меня зовут Кирилл. Сразу видно, что вы из сурового города к нам приехали, дождя совсем не боитесь. А что именно вы творите?

— Я такая, — улыбнулась недавняя незнакомка. — Я художница начинающая, картины рисую. Здесь у меня выставка моих работ будет скоро, вот я и приехала. Может быть, мне здесь и остаться, как думаете? — подмигнув Кириллу, добавила она.

— Ну, дождь, вы уже, как я посмотрю, победили. Осталось только дежавю победить — и всё у вас должно быть хорошо! — улыбаясь, ответил Кирилл. — А я как курица лапой рисую, кстати говоря. Совсем не умею рисовать.

— Ой, а я не хочу его побеждать. Моё дежавю такое интересное иногда бывает! Мне с ним даже комфортно стало. Ну, что-то вроде лучшего друга, который всегда рядом, и с которым совсем не мокро. А по поводу рисования… наверное, каждый рисует так, как умеет. Можно рисовать, скажем, делами — такие интересные картины могут получиться!

— Делами… Да, вы правы, — задумался на несколько секунд Кирилл. — Кстати, а что вы делаете в эти выходные? Синоптики обещали хорошую погоду. Хотите, погуляем вместе по Питеру? У нас есть, на что посмотреть приезжающим. Сходим в Эрмитаж?

— Можно и погулять, — зарделась девушка. — В Эрмитаже я ещё не успела побывать. А вот одно из моих прошлых дежавю вполне себе там уже отметилось!

* * *

Два молодых белокрылых юноши, истинный облик которых мог бы подать людям немало мыслей о том, что высшие силы всё-таки существуют, и им всё равно, что думают об их существовании всякие там земные скептики, иронично поглядывали друг на друга. После стольких лет их основное задание было наконец-то выполнено, и теперь оставалась лишь лёгкая корректировка курса для их подопечных.

Для осуществления встречи уже названных нами Кирилла и Лизы этим двум их невидимым кураторам из иного мира пришлось даже прибегнуть к механизму пробуждения прошлой памяти в душах, но на это было получено разрешение свыше. А память, хранимая в душах людей, как это известно любому, даже самому начинающему Ангелу-Хранителю, сильнее смерти. Точно так же, как и любовь.

«Забавное название для этой памяти придумали люди», — размышлял куратор Кирилла, глядя, как тот идёт на встречу с Лизой, неся в правой руке букет из роз. «Дежавю… придумали же слово!».

«Ты ведь помнишь тот сон, который я показал тебе, правда?» — задал невидимый мысленный вопрос для Лизы её белокрылый куратор. «Тот, в котором вы встретились с ним ещё до вашей встречи? Расскажи ему о нём. Теперь уже можно… Теперь уже это ваша новая, самая настоящая, нарисованная вашими собственными делами реальность».

09.09.2017

Диагноз

— Ну-с, проходите, голубчик, присаживайтесь. С чем изволите сегодня к нам, так сказать, пожаловаться? — и лицо доктора в чёрном халате расплылось в улыбке, обнажив на краткий миг с десяток золотых зубов. — У нас ведь так всегда: коль не пожалуешься, бремя земное своё, так сказать, не облегчишь — то и не выздоровеешь. А коль пожалуешься — сразу легче становится на какое-то время, хоть потом и за человека себя не считаешь. Верно я говорю? — и доктор присел на стул, приглашая пациента сделать то же самое. — Ну, рассказывайте, что и где у вас болит, Джош.

— Я… доктор, понимаете, что-то со мной не так, — начал своё признание пациент, продолжая от волнения слегка ёрзать на стуле. — Я… я стал чувствовать радость, доктор!

— Вот как? — и доктор с прищуром посмотрел на своего нового клиента, отложив в сторону ручку. — Вы же знаете, насколько губительно для здоровья вашего организма это запрещённое нами чувство? И давно это у вас началось?

— Уже несколько месяцев, доктор. Я сам себе места не нахожу! Мне стало казаться, что вся моя текущая так называемая жизнь совершенно неуместна в том смысле, что я совершенно не на своём месте. Что я способен делать что-то иное, гораздо более значимое, что-то по-настоящему стоящее…

— Ну как же это не на своём месте, голубчик? — с улыбкой ответил ему доктор, между делом холодно и изучающе скользя стального цвета глазами по лицу пациента. — У вас очень престижная должность руководителя совета директоров одного из крупнейших банков нашей страны — а это значит, что никакого материального дискомфорта вы совершенно не должны испытывать. Я ведь прав?

— Дело не в нём, доктор. К чертям этот комфорт! Мне страшно. Теперь мне с каждым днём становится всё более страшно прожить не своей жизнью, понимаете?

— Так уж прямо и к чертям? — и доктор вновь обнажил с десяток золотых коронок, привстав со стула и начав неспешно ходить по кабинету. — А с чего всё это у вас началось, не расскажете?

— Понимаете, шесть месяцев тому назад я… я увидел сон. Очень необычный сон. Мне такие снились только в д… де… в периоде, когда я был очень физически мал и слаб. И в этом сне я… я летал, доктор! Сначала я был огромной бабочкой с прекрасными цветастыми крыльями, которая порхала от цветка к цветку, а потом внезапно превратился в могучую синекрылую птицу, взмывающую высоко-высоко в поднебесье и камнем пикирующую вниз, а потом…

— Достаточно! — внезапно резко оборвал его доктор, высоко подняв руку. — Вы же знаете, что министерство здравосохранения категорически запретило испытывать чувства радости и восторга в связи с тем, что они приводят к необратимым последствиям в организмах наших пациентов, — и тем более пытаться заразить этими чувствами других, что вы сейчас как раз и попытались сделать!

— Я… про… простите, доктор, — и Джош смущённо опустил голову. — Я не знал, что оно заразительно.

— О, ещё как заразительно! Однажды, примерно две тысячи ваших лет тому назад, мы уже боролись с самой настоящей эпидемией! К счастью, в тот раз нам удалось одержать верх. И мы, как мировые врачи, не хотим, чтобы этот планетарный инцидент вновь повторился, понимаете?

— По… понимаю.

— Расскажите подробнее о том, о чём вы думаете и что ощущаете в последнее время.

— Временами я стал ощущать и вести себя как р… ре… как же называется это слово? — нахмурился пациент, точно силясь превозмочь невидимый барьер в памяти. — Ре… ребе… ребёнок! Я точно вновь стал ребёнком, доктор. После того злополучного сна я на короткие часы своей жизни совершенно перестал ощущать столь нормальные и привычные мне и всем моим знакомым ощущения печали, скуки и внутренней тоски.

Сначала я стал улыбаться, доктор, — но… но не совсем той улыбкой, которой вы улыбаетесь сейчас, глядя на меня. Потом внутри меня стал рождаться какой-то внутренний смех — но это был не тот смех, которым сейчас смеются люди во время общественных торжеств и празднеств. Потом… потом что-то изменилось в моём зрении — и вся моя жизнь стала выглядеть для меня такой смешной и такой… нелепой.

Я стал ощущать себя точно роботом, день за днём выполняющим рутинные социальные задачи, но так и не способным найти время для того, чтобы… чтобы жить, доктор.

Будто до этого я вовсе и не жил, понимаете? Будто до этого я точно спал — и только в том самом ужасном сне, по-настоящему, взаправду, проснулся.

Постепенно я перестал бояться открыть кому-то свою д… ду… чёрт, что же вы сделали с этим словом, совсем забыл его… душу! Я стал как р… ребёнок легко сходиться с новыми людьми и без привычных мне сожалений и тоски при необходимости расставаться с ними. Я начал чувствовать, что внутри них… что внутри них есть что-то точно такое же, живое. Что эти взрослые люди — они… они дети, доктор, просто… просто это навеки замолчавшие дети, точно им насильно заклеили рот, чтобы они не кричали от восторга. Чтобы они плакали от боли и тосковали по несбывшемуся обещанному им свыше счастью…

Я перестал бояться грядущего и примирился со своим прошлым. Мне стало казаться, что причинять другим ту боль, которую постоянно испытывал я сам, как-то совершенно бесчеловечно.

А потом, в один из дней, когда я возвращался домой с работы, я… у меня было немного свободного времени, такое очень редко ныне случается, но всё же… и я… в общем… стыдно в этом признаться, но я… я поднял свой взгляд на небо, доктор, и там… там было солнце! О, как ослепительно ярко оно светило всем нам! Какой радостью оно наполнило меня в тот миг… вся столь привычная мне тоска в одно мгновение растаяла под его тёплыми ласкающими лучами. В тот… ужасный момент… мне захотелось закричать от восторга, потому что я вновь на краткий миг ощутил себя живым. Вы меня понимаете, доктор? Чёрт возьми, наверняка вы даже не представляете, что это такое — чувствовать себя живым!

Затем… затем ко мне стали приходить разные странные мысли, доктор. Я пытался с ними бороться, старательно отбрасывал их, но они раз за разом возвращались по мою душу вновь. Я думал о том, что… что если бы люди испытывали то, что испытывал в те странные дни я, то… то они перестали бы мучить друг друга. В мире не стало бы войн.

Каждый нашёл бы то доброе, чем он по-настоящему хотел бы заниматься — и это принесло бы ему счастье — а вместе с этим вдохновило окружающих на поиск самих себя. Каждый пришёл бы на своё место — не то, которое было навязано ему модой или рекламой, а выбранное ранее его ду… душой. Мир бы преобразился. Дети… дети часто несчастны в нашем, взрослом мире, но… но в мире детства они… они точно ангелы, доктор. В мире детства не было бы нашей неизбывной боли… Вы меня понимаете? Ни черта вы, наверное, не понимаете, доктор!

— О, не переживайте, голубчик, я всё прекрасно понимаю. Синдром Детства — вот ваш диагноз, дорогой мой Джош.

— Не… не может быть! — и возбуждённо шагавший по кабинету пациент с ужасом сел на стул, взгляд его остановился, а блестевшие до этого глаза внезапно наполнились слезами. — Неужели всё настолько серьёзно?

— Всё очень серьёзно. Все признаки диагноза на лицо — и я бы даже сказал, на лице. Вашем живом лице, несчастный мой Джош.

— Но доктор, я же только теперь стал по-настоящему счастлив, пусть и с вашим ди… диагнозом, не оставляющим мне шансов на нормальную жизнь.

— Вот именно поэтому мы будем вынуждены принудительно направить вас на стерилизацию памяти и чувств, Джош. Мы не можем допустить, чтобы ваша болезнь поразила наш совершенно здоровый общественный организм.

— Но я… я не хочу, доктор… отпустите! Пустите! Ироды! Черти! Душеубийцы! — закричал Джош, как только внезапно вошедшие в кабинет люди в чёрных халатах взяли его за руки и волоком потащили прочь в неизвестном направлении.

— Все там будем… — философски заметил его собеседник, обнажив свои золотые зубы.

* * *

— Черти, говорите? — ухмыльнулся доктор, как только представители службы контроля за душами увели нового пробуждённого на операцию по стиранию памяти. — А вы знаете, ведь в чём-то вы даже правы…

С этими словами он неспешно сел на стул. Хвост его от пережитого возбуждения то раздваивался на конце, то вновь сливался в одно целое, а копыта постукивали в нетерпении. Ещё один пробуждённый. Плохо. Статистика неумолимо свидетельствовала о том, что таких с каждым днём становится всё больше — а это значит, что и бороться с ними впоследствии будет всё сложнее. Нужно было что-то придумать, чтобы вернуть людям утраченное ощущение счастья, одновременно не дав найти подлинных себя. Вторую планетарную эпидемию они не переживут.

18.11.2017

Игрок

Фигура в чёрном, как ночь, одеянии, вот уже бесчисленное по меркам земных существ число лет тому назад переставшая отражать тень и впитывать свет, со злостью ударила одетым в бордово-красные кулаком по шахматной доске, отчего все управляемые ею фигуры заходили на ней ходуном. Эта партия была проиграна. Король был повержен — можно сказать, своими собственными руками отправив свою душу на грядущий суд Создателя. А как она, эта его душа, была великолепна для целей этой игровой партии! Животная жестокость, неописуемая беспринципность, нечеловеческое лукавство, несокрушимая жажда власти и славы — и теперь всё это пошло прахом! В самое ближайшее время приближённые этого тёмного короля покинут его: кто-то — покидая мир смертных, а кто-то — прячась по безвестным уголкам их жалкой планетки.

В глазах Игрока, ещё недавно сидевшего за этой мистической шахматной доской, полыхал черно-красный огонь. Он знал, что нарушил Закон, он знал, что его планам уже не суждено было сбыться. Земля была проиграна — но лишь на время. «За мной придут другие… и тогда мы сыграем вновь», — размышлял он, ходя взад и вперёд по комнате в ожидании пришествия неизбежного Конвоя, призванного на длительное время заковать его в кандалы и поместить вплоть до момента начала всеобщего Суда туда, куда даже управляемым им фигурам смертных путь был заказан задолго до их собственного сотворения.

Игровая доска, за которой ещё совсем недавно сидела эта фигура, ныне жила своей собственной жизнью. Откуда-то с её дна и с боковых поверхностей всё отчётливее начинал проступать свет, просачиваясь через небольшие разломы и трещины, число которых стремительно множилось — и окружавший чёрных фигур серый туман рассеивался, будто лишая своего покровительства и защиты. Одна за одной чёрные фигурки на ней рассыпались прахом, падая под ноги марширующим в своём победоносном марше белым фигурам. Без своего короля у них уже не было воли к жизни — не в их земном мире, во всяком случае.

Совсем скоро — в мае сорок пятого года, если мерить мерками их, земных смертных существ, времени, эти светящиеся от нового прилива сил белые фигурки, ещё несколько лет назад казавшиеся Игроку и его королю столь малыми, столь несущественными, столь легко сокрушимыми, прорвут последние рубежи обороны, водрузив свой флаг над сердцем его, Игрока, города.

Фигура в чёрном одеянии зарычала, изрыгая языки тёмного пламени, и замахнулась над игровой доской в стремлении хоть напоследок смести с доски столько белых фигур, сколько ещё удастся — но когти этой руки лишь бессильно ударились о невидимый барьер, окруживший в эти мгновения шахматную доску. Фигура зарычала от боли, стремительно окутывая свою раненую руку серым туманом, и отступила от доски на шаг.

«Мы придём, мы вернёмся! Мы возродимся в ваших душах вновь…» — прошептала она в тот момент, когда жгучий, опаляющий, нестерпимый для неё свет, исходящий от воинов Конвоя, ворвался вслед за ними в Зал Судеб. Красная Армия в мире под названием Земля победоносно водружала флаг над Рейхстагом.

* * *

Собравшиеся в этом просторном зале готовились решать судьбы вверенного ими самим себе человечества. Всё шло во многом так, как им того и хотелось бы. Члены давно подвластных им правительств и главы крупнейших банков и транснациональных корпораций были добровольно-принудительно верны вот уже много лет, послушно исполняя отдаваемые им распоряжения, потому что прекрасно знали, что смерть — не самая страшная из их возможных судеб в наказание за неподчинение. Поощряемый и спонсируемый ими на территориях сопредельных государств терроризм играл на руку этим вершителям. Хаос был их оружием, а ключи от него надёжно хранились, как им то казалось, в их собственных руках. Кризис, которым так пугали подчинённые им СМИ жителей различных государств, должен был стать перманентным, и в купели этого нового великого смятения должна была по их плану родиться единая и универсальная земная религия, призванная вовеки оправдать их, мнящих себя полубогами, право карать человеческую плоть и властвовать над человеческим разумом и духом. Она, эта новая религия, новый мировой порядок, должна была иметь прочные и проверенные временем корни — те, что возьмут своё начало в заветах отцов-основателей возрождаемой империи «истинных арийцев». Король умер — да здравствует король!

Сегодняшняя повестка дня была посвящена вопросу поиска методов уничтожения остатков сути учений Истинных Пророков. На испещрённых морщинами лицах их бродили усмешки, а глаза смотрели куда-то ввысь холодно и отчуждённо, точно в презрении. Они были игроками в том, что называли Большой Игрой — игрой за будущее их мира.

* * *

Новый игрок, занявший место своего значительно менее опытного и потому сумевшего проиграть так блестяще начатую другими игроками партию, стоял за иномировой шахматной доской и двигал фигуры. Они, эти его пешки, мнящие себя властителями мира, как нельзя больше подходили ему для своего собственного плана, а качества их умерших заживо душ значительно облегчали процесс управления. Чёрные, точно сплетённые из толстой паутины нити, тянувшиеся от головы Игрока к этим фигурам на доске, то и дело шипели и натягивались, передавая через себя мысленные распоряжения и приказы. Под их воздействием фигурки послушно вздрагивали и двигались в нужном Игроку направлении. «Мы ещё вернёмся», — шептал новый Игрок, — «Как и обещали. Мы ещё покорим этот ваш мир. Мы ещё одержим победу в партии. Наши марионетки полностью подчиняются нам — в отличие от ваших, которым вы даровали свободу воли и потому перестали управлять напрямую».

Обуреваемый мыслями о вынашиваемых планах, Игрок ходил взад и вперёд по залу, жадно выдыхая языки тёмного пламени. Он жаждал выиграть партию за этот мир людей. На кону стояла его собственная жизнь.

04.08.2017

Невероятность

В наполненном небесно-лиловым мерцанием просторном зале со взмывающими в недоступную взгляду обычного смертного высоту колоннами, на причудливом, точно колышущемся зеркале в резной деревянной оправе, экране мерцали, плавно сменяя друг друга, наполненные энергией вездесущего эфира образы. Взгляду для двух находящихся в этот момент перед ним наблюдателей было отчётливо видно, как мужчина-землянин, изображённый в этом иномировом зеркале, в подхваченном солдатами боевом порыве грудью закрывал собой в этот момент несущее смерть вражеское оружие, даруя тем самым своим боевым товарищам шанс подняться из окопов и перейти в контрнаступление на этом участке фронта. Вот тело его неровно вздрагивает, вбирая в себя смертоносный свинцовый поток, и словно в такт этому его деянию дрожит матовая поверхность зеркала. Вот в последних предсмертных усилиях этот солдат обхватывает вражеский пулемёт обеими руками, и окровавленные губы его шепчут своё тихое прощальное «ура!». Спустя краткий миг зеркальные образы навечно запечатлевают в эфире его гаснущий взгляд и расправивший свои крылья, словно наконец-то освобождённый из стен тюрьмы узник, рвущийся вверх к небесам из изуродованной грудной клетки светоносный дух. Зеркало гаснет, и образы-волны постепенно сходят на нет, словно в море из красочной информации вновь наступил долгожданный штиль…

— Вы ведь помните, Орианна, что я заранее предупреждал вас о таком возможном завершении его земного пути? — и пожилой белокурый ангел со шрамом на правой щеке пристально взглянул на свою спутницу, едва только в Зале Судеб вновь воцарилась тишина.

— Господин Араэль, я помню, что, согласно вашим расчётам, вероятность подобного самопожертвования составляла…

— Нашим первичным расчётам, Орианна. С тех пор многое изменилось во внешнем и его внутреннем мире. Гибель брата на фронте, смертельная болезнь матери, начавшаяся осада его родного Петербурга… Все эти события одновременно и будто сломали, и точно укрепили его решимость бороться до победного конца. Но в первичных, проведённых нами расчётах, он должен был дожить почти до завершения этой войны.

— Господин Араэль, значат ли ваши слова то, что я не прошла вступительное испытание и не могу быть допущена в ваш отдел вероятностного прогнозирования миров свободной воли?

— Нет, Орианна, не означают. Многие из твоих расчётов оказались справедливыми для ранее совершённых этим человеком выборов — а мы, как представители отдела вероятностей, никогда не требуем от новичков стопроцентной точности, доступной только самому Всевышнему.

— Благодарю вас. Я, правда же, надеюсь…

— Тогда не забудь познакомить Иоанна с нашим отделом. Это знание станет наградой за совершённый им на Земле подвиг.

С этими словами умудрённый многоэонным опытом руководитель отдела вероятностного прогнозирования с улыбкой похлопал крыльями по плечу свою будущую подающую надежды коллегу и плавно указал крылом на дверь. Названная Орианной радостно и поспешно кивнула, изо всех сил стараясь скрыть от своего ментора мелькнувшую на губах улыбку, взмахнула своими небольшими девическими крыльями и нежно выпорхнула из зала.

* * *

— Непривычно, да? — переливисто засмеялась Орианна, глядя, как облачённый в эфирную военную форму дух Иоанна удивлённо оглядывается по сторонам, точно так до конца и не понимая, или же не желая признаться даже самому себе, что жизнь души со смертью тела всё-таки не заканчивается, что бы там ни говорили эти бесконечные и окончательно заканчивающие свой путь земные материалисты и скептики.

— Ох… Что за странное и дивное наваждение… Мне чудится, будто я умер и попал в небесный рай, а надо мной словно ангел склонилась прекраснейшая из земных женщин…

— Всё так и есть! Ну, почти всё… — смущённо вымолвила Орианна, игриво поправляя крылом так некстати распустившийся локон своих солнечно-рыжих волос. — Как видишь, «умерев» там, на Земле, ты всё-таки не умер. Здорово, правда?

— А… это… всегда так происходит здесь у вас?

— У нас — не всегда. Это от вас, между прочим, зависит, куда вы в конечном итоге попадёте. Кстати говоря, совсем забыла тебе сказать: «Добро пожаловать на седьмое небо!».

— И вправду, седьмое. Как же у вас тут красиво! — глядя вокруг себя, продолжал удивляться вышагивающий по подобиям небесных мостов-радуг среди переливающихся перламутровым блеском островов-облачков и расставшийся и не расставшийся со своей жизнью Иоанн.

— Ступай осторожно, здесь ведь как с хождением по воде… Немного усомнишься в реальности всего происходящего — и мигом начнёшь тонуть в волнах эфира! — сощурив миндалевидные глаза, с опаской взглянула на пошатывающегося Иоанна солнечно-рыжая ангелесса. — Давай-ка я лучше тебя поддержу, у меня-то веры во Всевышнего для простой небесной прогулки уж точно хватит! — вымолвила она с очередной грациозной улыбкой и поспешно взяла Иоанна, что называется, «под крыло».

Так они прошагали ещё какое-то время, насколько бы относительным понятием оно, это самое время, не было бы в этом мире.

— А почему я всё-таки здесь оказался? И что планируется делать теперь? — спустя некоторое время решил нарушить затянувшееся молчание Иоанн.

— А дальше я, согласно данной мне инструкции, проведу для тебя экскурсию по нашему невероятно вероятностному отделу. Он вон там расположен, чуть поодаль, — и Орианна махнула крылом куда-то вдаль. — А оказался ты на седьмом небе исключительно потому, что заслужил согласно Божественному Закону. За подвиг духа. Многие из вас, землян, кстати, ничего такого и в помине никогда не заслуживают… — задумчиво добавила она, глядя куда-то под ноги. — Отправляются прямиком туда, вниз, — добавила она, махнув крылом, — и больше уже не возвращаются.

— А что там, внизу?

— Далеко-далеко внизу — там Бездна. И демоны. С-т-р-а-а-а-ш-н-ы-е, — нехотя добавила, поёжившись, Орианна, словно пытаясь отогнать прочь от себя давнее неприятное воспоминание. — Но тебе об этом думать не обязательно. И мне тоже вспоминать о мучающихся не хочется. Давай-ка лучше догоняй! — резко сменила она тему и понеслась вприпрыжку по облакам.

* * *

— А вот здесь мы составляем карты человеческих судеб, видишь? — подмигнула Орианна, указывая Иоанну на напоминающую голографическую проекцию библиотеку, в центре которой в слоях эфира в этот момент как раз мерно покачивались на лету несколько десятков раскрытых книг.

— Ты хочешь сказать, что наши судьбы ещё до нашего рождения были предопределены вами, что называется, свыше?

— Всевышний тебя упаси, ну, конечно же, нет! — всплеснула крыльями Орианна, уставившись на Иоанна словно на непонятливого младенца. — Мы даём вам свободу выбора и право самим определять свою судьбу. Но это же не значит, что мы не имеем права заранее просчитать, с какой вероятностью и что вы однажды в ваших жизнях выберете, верно? — и кудрявая небожительница вновь игриво улыбнулась. — Последняя моя испытательная работа как раз и состояла в том, что я должна была просчитать новые вероятности некоторых из твоих возможных выборов. Но я, к стыду своему, ошиблась. Временами вы, люди, бываете очень непредсказуемыми! — словно всерьёз обиделась она и надула губы.

— А что я сделал не так?

— В том-то и дело, что ты сделал всё так! Но… всё же не совсем так, как я изначально предполагала. И это, кстати говоря, одна из основных сложностей в работе всего нашего отдела — учёт свободной воли людей. В детерминированных мирах всё по-другому, проще. А здесь…

— А что это значит — детерминированные миры?

— Ну, это те, в которых нет существ, наделённых душой и, следовательно, свободной волей. Когда-то и ваша Земля была строго детерминированной, и мы могли — не без усилий, конечно — просчитать, что и где произойдёт на ней в любой момент времени. А теперь, с появлением очередной цивилизации, всё… всё уже не так, как было прежде, — грустно вздохнула Орианна и опустила крылья.

— Надеюсь, что ты меня хоть немного в этом понимаешь, хоть ты и… человек. Ты, кстати говоря, далеко не первый человек, которого я здесь вижу. В смысле, в нашем отделе.

— Были и другие?

— Конечно. Нам же нужно как-то доносить информацию о рассчитанных нами наиболее вероятностных событиях до жителей вашей цивилизации, верно? Вот мы и давали некоторым из них такие задачи.

— Ты хочешь сказать, что…

— Вы называете их пророками, — закончила его мысль Орианна.

— Я, пожалуй, догадываюсь как минимум о нескольких из тех, кто был посетителем вашего отдела седьмого неба…

— На самом деле, их было на порядок больше. К сожалению, не все смогли вспомнить о взятых на себя обязательствах уже там, на Земле. А многих из них люди просто-напросто не пожелали услышать… — говоря эти слова, Орианна в задумчивости водила кончиком пальца по воздуху, выписывая одной ей ведомые фигуры.

— …А что означают эти линии на картах? — и Иоанн указал на тонкие светящиеся полоски, пересекающиеся друг с другом словно паутинки и расходящиеся от искрящихся, напоминающих шаровые молнии световых шаров на многомерной карте, которая по мановению ангельской руки несколько иномировых секунд назад как раз и материализовалась прямиком перед взором слегка опешившего Иоанна.

— Линии связанных судеб с указанием степени и формы влияния. У одиночек их меньше, а у общественных деятелей — больше. Но иногда и один в поле — воин, да ещё какой!

— А световые шары?

— Моменты принятия судьбоносных решений. Точки бифуркации, выражаясь вашим околонаучным языком. После фиксации каждой такой точки на временной шкале карта судьбы автоматически перестраивается. Это, кстати говоря, карта твоей прошедшей жизни. И вот эта точка — и Орианна указала на самую яркую из них, от которой больше не отходило световых лучей — описывает момент, когда ты пожертвовал собой ради других и ради их будущей победы.

— Так значит, они победят в этой войне?

— Правильнее было бы сказать, что вероятность победы вашей страны составляет… Но, да, они победят. Об этом говорят все наши предварительные расчёты.

— С ума сойти!

— Я бы на твоём месте с этим не спешила, — засмеялась Орианна. — Но для новичков это подчас кажется действительно невообразимым и невероятным — возможность заранее знать вероятности. А я вот уже привыкла быть, так сказать, небесным бухгалтером. Хоть у нас здесь и нет такой должности.

— Иными словами, вы можете просчитать абсолютно всё? До любого момента в будущем?

— Всё ведомо только Всевышнему. Потому-то вам когда-то и молвили, что ни один волосок не упадёт с вашей головы без его ведома. С моей, кстати говоря, тоже.

— Да простит мне Всевышний мою бестактность, но… но я думаю, что мне нравится, как выглядят твои волосы… и твоё лицо… и глаза… и эта улыбка…

— Правда? — смутилась Орианна. — Ты, конечно, не первый, кто мне это говорит, но это всегда так приятно слышать, особенно от людей!

— Скажи, а можно мне будет потом… вернуться на Землю? Помочь оставшимся там близким?

— Ну, в это время ты уже вернуться не сможешь, волновой закон движения эфира не позволит. А лет эдак через пятьдесят — вполне. Да не волнуйся ты так, время — понятие в высшей степени разнотекущее, особенно здесь! Осмотрись пока, пообвыкни, эфирные одежды хоть смени, чтобы пять десятков земных лет в солдатской шинели по седьмому небу не бродить, как неприкаянный! А я к тому времени тебе новую судьбу рассчитаю. Кем хочешь стать вновь, ещё не решил? Нам весьма пригодились бы в вашем мире пророки…

— Я… я подумаю. Спасибо тебе за… доброту. Так где здесь можно придумать себе новый облик?

— Зал воплощённых фантазий находится чуть лево-правее нашего всецентрального… в общем, давай-ка я лучше сама тебя туда сейчас провожу, а то заплутаешь ведь с нашей системой координат. Дай мне руку!

— Спасибо тебе!

С этими словами сияющий от внеземного света дух человека по имени Иоанн взял тёплую ангельскую ладонь в свои руки и аккуратно, нежно и робко поцеловал её.

«А это, пожалуй, было действительно неизбежно», — с улыбкой тихо прошептала сама себе Орианна.

10.06.2020

Нереальность

По выложенной чёрным камнем брусчатке, под раздающийся из рупора сопровождающего бронетранспортёра гимн, чётко чеканя шаг, шествовал военный конвой. Лица солдат были — точно у средневековых воинов — закрыты плотными забралами отливающих матовым блеском шлемов, а на погонах их, гордых победителей, представителей высшей человеческой расы, покорившей земной и околоземные миры, красовался перевёрнутый знак чёрного солнца и орёл, охвативший своими могучими когтями весь земной шар — символ вечной ночи над миром.

Конвой этот сопровождал в распределительный концлагерь пойманных несколько дней назад террористов — борцов сопротивления из побеждённых стран Китая, Советского Союза и Северной Африки. Судьба ничтожных представителей этих низших рас была уже предрешена в тот момент, когда солнцеликий бессмертный Фюрер, вот уже на протяжении века правивший их высшей расой, взошёл на престол Фатерлянда. Генетический материал, используемый для продления жизни наиболее близкими к Фюреру соратниками и генералами, включая его самого, — вот во что в скором времени умные, совершенные и эффективные машины Рейха превратят этих недолюдей. Они верно послужат на благо великому Рейху в своей смерти, если не пожелали служить в виде тружеников концлагерей в жизни. Скоро, спустя несколько земных лет, последние остатки разрозненных борцов сопротивления в среднеазиатском и североафриканском регионах будут подавлены новой сокрушительной технологической мощью военной машины Империи — и битва за Землю будет, наконец, завершена. Горсткам выживших после атомных бомбардировок их стран Рейхом не суждено было победить. Не в этом сценарии, во всяком случае.

— Хайль! Хайль! Хайль! — громогласно выкрикивали солдаты, чеканя шаг.

— Слава Великой Империи! Слава солнцеликому Фюреру! Слава Вечному Рейху!

Мало кто мог похвастаться таким технологическим рывком, который совершил Рейх за последние несколько десятков лет в этой вынужденной борьбе с остатками борцов сопротивления.

Атомное оружие, использованное с благословения великого Фюрера против крупнейших стран Европы, Азии, Африки и Северной Америки. Механизированные роботы, как колоссы, возвышавшиеся на несколько этажей городских зданий и способные испепелять плазмой и лазером сталь и бетон, — в прошлом они использовались Империей на передовой линии фронта, а ныне как охрана высшего офицерского состава. Генетически модифицированные солдаты, в несколько раз превосходящие по силе, меткости и скорости реакции лучших представителей низших рас. Кибернетические, закованные в нановолоконную броню полулюди-полумашины, механическими телами которых управлял живой, лишённый памяти о своём прошлом, человеческий мозг — совершенные, беспрекословно выполнявшие любые приказы убийцы.

Насекомоподобные нанороботы, носящие в своих мельчайших механических телах вакцины-парализаторы, укус которых приводил к остановке сердца в течение нескольких десятков секунд. Паралитический газ «зальцын» имел схожий эффект, отличаясь лишь тем, что парализовал весь организм своих жертв за считанные секунды. Микрочипы, вживляемые с рождения всем жителям Фатерлянда и способные по пришедшему извне в заданный момент сигналу полностью контролировать психоэмоциональное поведение своих носителей. Совершенные машины для генетического реинжиниринга, использовавшиеся как для лечения, так и для улучшения — исправления «ошибок Бога» — солдат Рейха. Молекулярные реинтеграторы, превращавшие живых существ в молекулярные смеси, сортировавшие их атомы и направлявшие по нужной трубопроводной ветке в огромных производственных автоматизированных конвейерах…

Список этот был огромен, а многие из самых передовых научно-технических разработок, призванных обеспечить космическую экспансию Рейха, были засекречены. Одним из известных широкой общественности был проект «Зигхайль» — серия околосолнечных орбитальных модулей, собиравшая энергию звезды и отправлявшая её подпространственным нуль-каналом обратно на Землю. Другим известным космическим проектом стал «Венус» — промышленно-концентрационная колонизация Венеры силами более чем одного миллиарда узников Рейха, большинству из которых не суждено было выжить.

Наука верно служила непобедимому Рейху, рождая всё новые способы уничтожения остатков сопротивления и контроля за собственными представителями избранной расы. Что может быть сильнее науки, поставленной себе на службу безумными гениями? Именно она дала гражданам Империи, истинным арийцам, надежду на бессмертие. А история всегда пишется победителями.

— Хайль! Хайль! Хайль! — разносились по улицам пробуждающегося ото сна города Империи приветствия граждан новому дню и своему вечному Фюреру.

— Хайль! Хайль! Хайль! — всё тонуло в этом слившемся в один огромный ком многоголосье — каждое утро вот уже на протяжении многих десятков лет.

— Хайль! Хайль! Хайль! — и не было спасения от этого безумного рёва заживо умерших людей.

— Хайль!

* * *

— Хей! Смирно! Крыло направо! — пожилой Ангел с обугленным левым крылом и тремя золотыми перьями в белом правом неожиданно вошёл в комнату, где суетились вокруг необычного прибора несколько молодых новобранцев, расталкивая друг друга серовато-белыми крыльями в своём желании заглянуть в сферу вероятностно-временного демодулятора. При виде своего начальника они тут же отлетели от сферы прочь и выстроились в ряд, паря на небольшой высоте над светящимся лазурным светом полом этого заведения.

Заведение это на понятном человеческом языке именовалось Ангельской Военной Академией, и так внезапно появившийся в этой комнате полковник был одним из заместителей её высшего руководства. Прибор же, так привлёкший внимание молодых Ангелов-курсантов, предназначался для модулирования — то есть просмотра происходящих в реальном времени событий различных миров, в которые выпускникам Академии иногда приходилось отправляться с особыми заданиями по командировкам.

А вероятностным он назывался потому, что позволял оценить динамику изменения вероятностей сценариев различных событий, а также изучить те сценарии, которые могли бы произойти в рассматриваемых мирах, но по каким-либо причинам этого не случилось. И именно за просмотром такого нереализованного сценария на человеческой планете Земля полковник как раз и застал наших курсантов.

Прибор этот, хоть он и был одной из последних перспективных научных военных разработок Академии, был далеко не единственным в своём роде. Чего только не разрабатывали в её стенах Ангелы-инженеры и не использовали на практике в ходе командировок боевые Ангелы-курсанты!

Были тут и генераторы энергетических щитов, способных защищать целые народы физических миров от неблагоприятных событий. Защитные шлемы для ограждения разума отдельных людей от воздействия ложных идей и негативных чувств, генерируемых и направляемых на них демоническими противниками. Знаменитые в людской среде луки инженера Амура, без промаха поражавшие своих жертв. Бронекомбинезоны из ангельского пуха, позволявшие достойным людям выживать самым невероятным образом, выходя точно сухими из воды катастроф. Был даже знаменитый генератор альфа-лучей, способных изменять пространство таким образом, чтобы вражеские пули и снаряды не задевали человеческих бойцов. Генератор же бета-лучей позволял в нужный момент изменять некоторые локальные вероятности событий, чтобы поощрить достойных или же наказать виновных. Лучи гамма-генератора дарили прилив новых сил целым группам людей и даже народам, если жизненный путь их признавался Божественным Законом как достойный. И это был далеко не полный перечень технических чудес Академии.

— Смирно! — продолжал, между тем, пожилой, изведавший немало битв с демонами, полковник. — Кто разрешил использовать демодулятор без должного вводного инструктажа? — и полковник сурово оглядел испуганных новобранцев своими золотистого цвета глазами. — Может быть, мне стоит командировать вас всех на Землю? — точно нарочно озвучил он свои мысли.

— Никак нет, товарищ полковник! — запинаясь, ответил один из молодых курсантов, приложив правое крыло к голове. — Ветераны говорят — там сейчас несладко. А у нас ещё нет должного боевого опыта, сэр!

— Вот то-то и оно, молокосос, что нет! — ухмыльнулся полковник. — Вы же даже не знаете, как депрессии людской правильно противостоять, а уже наблюдать за сценариями вздумали. А ну-ка, быстро скажите мне, что говорит нам первый закон Духодинамики?

— Первый закон Духодинамики, сэр, гласит, сэр, что в благоприятных внешних условиях душа расширяется и становится мягче и добрее, сэр! А в неблагоприятных — сжимается и становится твёрже и крепче, сэр! — как скороговоркой выпалил всё тот же молодой курсант.

— Это правильный ответ, молокосос! — гаркнул в уши курсантам полковник. — Чтобы к завтрашнему дню у вас это как от крыльев отскакивало! И не смейте больше использовать демодулятор до проведения вводного инструктажа. Всем ясно?

— Так точно, сэр! — хором выпалили зависшие в воздухе Ангелы.

— А то всех вас на Землю завтра командирую, — подумал про себя полковник. — Там ведь действительно сейчас несладко.

05.08.2017

Подруги

— Тянись! Теперь тужься! Тужься! Ещё! Давай-давай, милая, знаю, что больно! Такова уж наша женская доля, все через это проходили. Вот… головка показалась! Ещё немного! Выходит! Весь выходит! Ещё немножко, тужься!

Молодая мама — женщина лет двадцати пяти — едва могла сдержать крик боли, то и дело комом подкатывающий к пересохшему горлу, и отчаянно, подобно накатывающей на берег морской волне, стремящейся раз за разом вырваться на свободу. Ей помогали принимать роды две женщины. Одна была акушеркой, сейчас встревоженно суетившейся рядом с роженицей — и на вид впервые встретивший её человек дал бы ей лет сорок, едва бросив свой мимолётный взгляд на осунувшееся от постоянного недосыпания лицо и впалые карие глаза, хотя ей едва минул третий десяток. А вторая… отливающие золотистым цветом солнца и будто слегка прозрачные волосы второй женщины точно развевались в эти мгновения на невидимом обычным людям ветру, повинуясь воле протекающих через неё энергий, а небесно-голубые глаза излучали терпение и доброту. Белоснежное платье, напоминающее сказочно-пышный свадебный наряд, лишь дополняло и подчёркивало её красоту. Руки этой второй женщины, столь напоминающей своим обликом юную царственную невесту, были в эти мгновения устремлены к роженице — и ярко вспыхивающие искорки света то и дело слетали с них, и плавно, точно падающие с неба зимние снежинки, садились на её животик, из которого вот уже совсем скоро должен был полностью показаться новорождённый младенец. Ни роженица, ни акушерка не видели в эти минуты этой таинственной незнакомки, ибо глаза человеческие слишком незрячи, чтобы замечать то, что подвластно только лишь духу. Но это нисколько не смущало невидимую гостью — ведь природа её миссии была настолько благородна, что жизнь ради её исполнения уже была наивысшей наградой. Свет, лившийся сейчас с её рук по невидимым тонким нитям к матери и ребёнку, ткал незримую обычному смертному существу пурпурную сферу, которая будто щит закрывала собой мать и дитя. На лице голубоглазой блондинки играла улыбка, а щёки за время работы уже успели покрыться румянцем.

Жизнь вступала в свои права. Младенец вот-вот готов был родиться.

* * *

Женщина в чёрном балахоне и платье, напоминающем собой траурный наряд недавно простившейся с мужем вдовы, аккуратно перешагнула через порог, едва не зацепившись за ручку двери своей закреплённой за поясом косой. Шикнув на бросившуюся под ноги кошку, которая уже вот-вот собиралась замяукать и нарушить тем самым столь любимую этой женщиной тишину, гостья огляделась по сторонам и неторопливо достала из кармана своего чёрного, будто сама ночь, наряда внушительной толщины книгу.

Эта, как в жизни обычно и водится, совершенно нежданная обитателями сего заведения гостья нисколько не боялась быть обнаруженной. Собственно говоря, обнаружить её присутствие могли как раз разве что кошки и иные подобные им живые существа, ещё не утратившие связь с тем, что многие смертные люди называли до момента своего возвращения в него «иным миром». Ещё раз перечитав одну из страниц обёрнутой в чёрно-коричневую кожу книги, эта зеленоглазая брюнетка медленно кивнула, будто удостоверившись в правильности выбора времени и места, взглянула на висящие на её руке костяные часы и не спеша зашагала вглубь по коридору.

Живущие в этом доме престарелых — знай они заранее, что за гостья наведалась сегодня в их дом, — помчались бы как угорелые прочь из этого ставшего траурным места, попутно осеняя себя всевозможными крестными знамениями в странной надежде на то, что они, эти самые знамения, могут изменить ими же самими сложенные за много лет своей жизни судьбы. Гостья в чёрном знала об этом — и сей факт уже долгое время не вызывал в ней ничего иного, кроме грустной усмешки. За бесчисленные эоны несения своей суверенной службы она уже успела привыкнуть к подобному отношению со стороны людей — и оно перестало тревожить нашу гостью. В конце концов, для неё это была самая обычная — и единственная возможная — работа, и гостья старалась исполнять её как можно более щепетильно и тщательно.

Может быть, именно в связи с этим её отношением к своим прямым должностным обязанностям она сейчас решила лично проститься с каждым из пожилых пенсионеров, мирно спящих в эту полночь в своих запертых от посторонних глаз комнатах.

Она тихо поднялась по холодной каменной лестнице на второй этаж в спальные покои, стараясь не наделать лишнего шума своими коваными чёрными блестящими сапожками или не задеть очередной предмет местной бытовой утвари, покачивающейся за спиной и отливающей матовым светом косой, и начала обход комнат. Она тихонько обнимала спящих людей, стараясь запечатлеть в своей памяти их лица и услышать биение их ещё пока живых сердец.

Двоих из нескольких десятков — очень достойно проживших свои земные жизни — она обняла так крепко и так долго держала в своих объятиях, что эти их бьющиеся сердца остановились ещё во сне, увлекая за собой души своих носителей в странствия по лабиринтам иных миров. Этим двоим, можно сказать, повезло — они ушли раньше тех, кому через несколько десятков минут жизнь на краткое время покажется адом. Это были самые достойные люди из числа всех обитающих здесь — и потому, согласно отданному для чёрной гостьи на сегодняшний день распоряжению, их уход должен был быть максимально безболезненным.

Поцеловав этих двух, гостья взяла в руки вечно носимую с собой толстую книгу и ловко открыла её на последней странице, которая в это самое мгновение материализовалась и сама собой добавилась в книгу будто бы из ниоткуда. На этой новой странице уже были записаны золотыми буквами два имени её недавних возлюбленных — в отличие от множества серых и почти чёрных по цвету имён, мелко испещрявших несколько предыдущих страниц этой хроники.

Удовлетворённо покачивая головой, гостья в покрывающем её голову чёрном балахоне продолжала свой ночной обход до тех пор, пока на носимых ею костяных часах не высветилось время «полночь». Тогда, словно спохватившись, она сняла со своей спины вечно носимое с собой оружие, подошла к электрическому распределительному щитку и, что есть силы, пару раз чиркнула по нему лезвием косы. Внутри щитка что-то вспыхнуло, заискрилось, искры побежали по проводам, возникшее пламя перекинулось на обои стен, затем на предметы утвари, жадно насыщаясь кислородом. Спустя несколько минут заполыхал весь этаж.

Смерть вступала в свои права. И никто не мог избежать её крепких объятий.

* * *

— По данному мне праву, да будет тебе дарована жизнь! — нежно шепнула голубоглазая женщина в белом, целуя новорождённого младенца в лоб.

— По данному мне праву тебе суждено уйти со мной через несколько земных минут, — холодно-отчуждённым голосом произнесла нежданно откуда возникшая зеленоглазая гостья в чёрном, встав рядом с младенцем и опершись двумя руками на косу — будто страж, верно берегущий вверенное ему сокровище.

Взгляды двух женщин пересеклись.

— Вот это встреча! Что за нелёгкая тебя принесла? — удивлённо глядя на чёрную гостью, произнесла гостья в белом. — В моей книге записано, что этот милый ребёнок должен родиться ровно через две минуты и тридцать три секунды.

— А в моей указано, что он должен умереть через четыре минуты и сорок шесть секунд. Так что ты уж меня извини, но… боюсь, что тебе вместе с его родителями придётся созерцать, как он медленно умирает от кровоизлияния в мозг, возникшего вследствие тяжёлых родов и родовой травмы матери.

— Вот странно… — печально посмотрела на малыша белая гостья. — В чём же тут смысл? Ты можешь повременить минутку, я попробую уточнить этот вопрос?

— Повременить не получится — у меня инструкции, сама знаешь. Допускается только в исключительных случаях — а это, к сожалению, не тот случай.

Белокрылая женщина в свадебном наряде закрыла глаза и подняла голову вверх, как будто вслушиваясь в неведомую потаённую музыку, наполнявшую с начала творения всё мироздание и доступную лишь посвящённым.

— Да, всё действительно так, — сказала она спустя секунд двадцать. — Такой быстрой смертью душа этого ребёнка должна искупить существенную часть совершенных в прошлой жизни ошибок, а для родителей это горе станет по плану связующим узловым моментом, который поможет преодолеть прошлые взаимные обиды, чтобы впоследствии стать крепкой и дружной семьёй, в которой душа этого ребёнка сможет родиться вновь — и на этот раз уже жить счастливо.

— Ну вот, — удовлетворённо кивнула гостья в тёмном одеянии. — Как видишь, никаких ошибок нет и не предвидится. Неисповедимы пути, сама знаешь.

— Ну да… — улыбнулась белокрылая женщина. — Столько милых, невинных малышей мне доверили сопровождать в этот мир.

— А мне сопровождать столько грешников прочь из него, — хмыкнула её коллега. — Ну что, ты готова к очередному испытанию смертью? Встань рядом с родителями, обними, чтобы они твоё присутствие хоть душой почувствовали, им правда же будет сейчас нелегко.

— Какая ты у меня сострадательная в последнее время стала, подруга, я прямо диву даюсь! — то ли в шутку, а то ли всерьёз заметила Жизнь.

— Это всё годы… — философски ответила Смерть. — Что они с нами, женщинами, делают!

* * *

Две женщины — в белом и чёрном одеянии — сидели на скамейке у городского пруда и смотрели на проплывающих по нему лебедей.

— А помнишь того юношу — физика, который ещё всё про третий закон кармы Ньютона шутил, и про смысл жизни, вселенной и всего такого, — и у него он неизменно равным сорока двум получался? Вот за что ты его забрала тогда, в таком юном возрасте? Ему бы ещё жить и жить.

— Не за что, подруга, а почему. Он бы из страны через несколько лет прочь уехал, в военный концерн вошёл, на спецслужбы зарубежные работать начал — и такое бы оружие помог создать, что ты, моя коллега, вздрогнула бы. Вот и пришла мне разнарядка забрать его раньше времени, чтобы и ему помочь, и миру этому.

— Ну… допустим, — не унималась с расспросами Жизнь. — А вот девчушку ту, Полинку, которую два амбала изнасиловали, — почему ты позволила им её потом убить? Ведь рядом же с ними тремя стояла и молчала. Я до сих пор забыть не могу, с каким трудом я помогла ей появиться на свет вне пределов роддома, когда залетевшая по пьяни мать её рожать стала.

— А вот как раз потому, что семья у неё такая была, в которой ей бы дольше десяти лет не прожить было. Самоубийством бы всё закончилось, понимаешь? А это такой грех, что коль на душу возьмёшь — век отмываться будешь. А теперь она через страдания прошла, мученицей стала, ей в новом мире проще будет намного — это же не Земля, другая цивилизация для неё теперь предназначена. А с этими уродами двумя я, кстати говоря, хорошую шутку тоже сыграла — одному через год водки палёной подсунула такой, что печень не выдержала, а второй в люк канализационный упал, который совершенно неслучайно в тот день открытым оказался. Мне потом по секрету сказали, что для этих двоих новых рождений больше не предусмотрено, так что их роды тебе больше принимать не придётся, не переживай.

— Ну, знаешь… — не унималась любопытствовать Жизнь, — а вот войны ты зачем устраиваешь? Жатвы тебе хочется, страданий людских испить?

— Так это же не я, — улыбнулась Смерть. — Это люди сами. А мне что остаётся? Мне знаешь, какие длиннейшие списки в каждый из таких дней присылают? Я их прочитывать то едва успеваю, а тут уже идти и исполнять надо! — засмеялась она. — Я уж каких только смертей не повидала — и умных, и глупых, и отважных, и неважных, и самопожертвований даже… правда, их всё меньше в последнее время становится. Мельчают люди, и жизни их мельчают, и смерти их становятся малы, — философски заметила Смерть и подняла вверх косу, точно в назидание.

— Да, — грустно согласилась с ней её коллега. — Люди, к моему сожалению, смертны. А как ты думаешь, подруга, есть ли что-нибудь такое, что ты не сможешь забрать из этого мира?

— Идеи, наверное, — ответила Смерть после минутных раздумий.

— И мечты, — добавила Жизнь. — Те, что больше отдельно взятого человека.

— Да, — согласилась с ней Смерть. — Те, что большие.

26.07.2017

Посланник на планете Земля

— Тебе предстоит нелёгкий путь. Эта планета балансирует на грани, и судьба её находится на чаше весов Вселенной. Дальше — либо жизнь, либо гибель. Но они должны будут выбрать это сами. Каждый из них должен будет сделать свой выбор.

— Что я должен буду делать, Учитель?

— Ты будешь одним из воинов, пришедших в их мир. Тебе придётся сражаться, тебе придётся бороться с несправедливостью, тебе придётся огорчаться их несовершенству. Но помни — этот мир находится на грани, нельзя добавлять в него хаотических проявлений. Ты должен будешь помочь им осознать их пути, помочь услышавшим тебя найти дорогу к их светлой стезе, что всегда ждала и ждёт их. Уснувших — разбудить, унылых — приободрить, радостным — дать новые силы для сотворения добра. Помни лишь, что ты не сможешь воскресить духовно мёртвых — для них уже нет ни этого мира, ни иных.

Ты будешь одним из многих других, которые будут посланы в этот мир, ты встретишь их в своей жизни. Вы можете объединить силы — так вам будет легче идти. Ты легко узнаешь их, твоё чуткое сердце тебя не обманет. Когда на эту планету будет принесено знание о чудесных возможностях духа, когда станут очевидными последствия самых разнообразных духовных побуждений, тогда планета преобразится — так, как и было заповедано. Но помни: для этого вам всем придётся сражаться против невежества и жестокости, которые продолжают заливать эту планету. Вам придётся сражаться — в том числе и услышавшим тебя, в том числе и проснувшимся. Им будет необходимо это понять.

— Знают ли они о том, в какое время живут, и о том, что им следует делать, чтобы не допустить уничтожения их космического дома?

— Нет. Лишь единицы знают об этом — те, что были посланы нами или же пришли к нам сами в процессе своих духовных исканий. Остальные бродят в собственных иллюзиях, либо же закрываются стенами отрицания — и это ещё одна причина того, почему необходимо вмешательство.

— Есть ли название в их истории мира, которое было дано этому этапу планеты, когда признаки его приближения уже стали очевидны?

— Да. Его называют «Армагеддон».

— Как называется эта планета?

— Её жители называют её «Земля».

— Я понял, Учитель. Я готов принять свой Путь.

— Мы встретим тебя, когда ты вернёшься. Помни о нас, и помни о них. Планета должна выжить.

— Я готов.

— В путь, воин!

Вспышка лучистого сияющего света. Светоносный дух, окутанный его лучами, точно покрывалом. Ещё мгновение — новый ослепительный поток света окутывает его — и он исчезает в нём.

* * *

Последнее усилие матери — и ребёнок появился на свет. Его тут же подхватила пара заботливых рук, укутала в простыню и понесла мыться. Прошло всего лишь несколько минут — и вот ребёнка снова принесли матери. Женщина с заплаканным и счастливым лицом прижимает младенца к груди, что-то тихо и ласково нашёптывая себе под нос…

* * *

— Ты решила, как мы назовём его? Нужно дать ему достойное имя, нашему сынишке.

— Да, я придумала для него имя. Мы назовём его — Христиан.

— Интересно. Почему же ты выбрала для него такое имя?

— Я… я не знаю. Просто… просто мне как будто кто-то шепнул, как его назвать, когда он родился. Мне нравится это имя. Давай мы назовём его Христианом, хорошо?

— Хорошо. Мне кажется, это неплохое имя. Пусть будет Христианом.

* * *

— Ну, ты там, трус! Штанишки намочил, что ли, от страха?! Иди-иди сюда, маменькин сыночек! Тоже мне помощник нашёлся! Это моя девчонка, и ты не будешь прикасаться к ней! Никакой помощи от тебя ей не надо! Ты меня хорошо понял?!

И мальчугана схватили за грудки и сильно тряхнули.

— Ты меня понял или нет, я спрашиваю?! Чего молчишь, козёл?!

Ещё один рывок. Удар в живот. Волны боли, расходящиеся по телу, и невозможность сделать даже один-единственный вздох. Вновь занесённая над ним рука…

— Оставь его.

И занесённую для нового удара руку перехватили.

Атакующий обернулся. Перед ним стоял мальчик примерно такого же возраста, как и он — лишь ростом он был слегка повыше. Парень, начавший атаку, дёрнулся и вырвал захваченную руку.

— Ты чего сюда лезешь, а?! Какого фига тебя, гниду, сюда принесло? Да кто ты вообще такой?! Чего ты лезешь в наш разговор?!

— Оставь его. Ты не намерен с ним разговаривать. Ты хочешь его покалечить и напугать.

Этот так не вовремя встрявший третий оказался ему здесь совсем не на руку. И что очень странно — он совсем не боялся его. Лишь спокойствие читалось в его глазах — но ни капли страха там не было. Он уже научился видеть человеческий страх, он читал его не раз в глазах своих жертв — будь то какой-нибудь трусливый классный отличник или же девочка-недотрога. Но этот его совсем не боялся…

— Я повторю. Оставь его. Ты уже достаточно намучил людей, больше этого не будет. Не здесь, во всяком случае.

— Что я сделал?! Что за чушь ты несёшь, баран! У нас с ним были разборки — и не твоё собачье дело сюда встревать! Этот падла приставал к моей девчонке, к м-о-е-й девчонке — понимаешь?! И теперь он понесёт за это наказание!

И он снова приблизился к пареньку, которого недавно бил, намереваясь продолжать драку. Тогда вмешавшийся мальчуган встал между ним и его целью.

— Хорошо. Тогда тебе придётся иметь дело со мной.

Атакующий улыбнулся.

— Как пожелаешь, ублюдок!

* * *

Он медленно встал. Подошёл к испуганно смотрящему на него пареньку и положил ему руку на плечо.

— Не бойся. Больше он тебя не тронет. Теперь ему есть перед кем ответить.

— С… спасибо, что… помог мне.

То ли парень правда ещё не отошёл от нанесённого ему удара в живот, то ли всё-таки продолжал слегка бояться.

— Не надо меня благодарить. Это мой долг. За этим я и пришёл.

— А… ч… что будет т-т… теперь с ним?

— С ним-то? — он посмотрел на согнувшегося и ворочавшегося на полу от боли недавнего мучителя. — Тебя он больше не тронет. А так… отойдёт он скоро уже. Тебя не должно это волновать.

— Е… ещё раз спасибо з-з… за помощь. К…ак тебя зовут и п…почему ты помог м…мне?

— Как моё имя, ты спрашиваешь? Христиан меня зовут. А помог я тебе потому, что это мой долг — и потому что два воина одного стана не бросают друг друга на поле сражения.

И Христиан вновь положил ему руку на плечо и, улыбнувшись, дружески тряхнул.

* * *

— Пожалуйста, прекрати злиться. Ты не осознаёшь ещё все последствия своего состояния, причём не только для тебя, но и для окружающих тебя в эти моменты людей.

— Хватит мне тут тыкать! Это другим ты будешь тыкать, а я тебе в матери гожусь! И вообще — это не твоё дело! Как бы ты поступил, если бы какой-то недоносок ограбил тебя?!

— Я говорю «ты» потому, что отношусь к тебе как равный — к равному, как один житель этого мира к другому такому же. Гнев твой напрасен — событие уже позади, это твоё прошлое. Вора уже нет. О прошлом можно сожалеть, прошлое можно любить или ненавидеть, но его нельзя поменять. Его нельзя вернуть, чтобы прожить снова — возможно, по-другому.

Но каждый текущий миг постоянно становится прошлым, и поэтому стоит сделать его таким, чтобы тебе не только не пришлось о нём жалеть, но чтобы оно становилось ещё одним источником новых сил для настоящего. Жить в прошлом не стоит — для этого есть настоящее.

— Я не понимаю тебя.

— Многие не понимают, к сожалению. И, тем не менее, им придётся начать осознавать, где истина, а где ложь, в процессе собственного духовного поиска. Время не ждёт. Сроки уже близки.

* * *

И всё-таки здесь было чудно. Несмотря на все нелепости и несоответствия, что своенравный разум жителей этого мира внёс сюда, здесь было хорошо. Сама атмосфера этого маленького дома в доме гораздо большем была чиста.

— Ты хочешь исповедаться, сын мой?

— Нет, спасибо тебе, я исповедаюсь лишь перед моим небесным Отцом. И за все свои ошибки я отвечу перед Ним же.

— Так ли уж ты не хочешь? Ведь ты не без грехов, сын мой.

— Да, это так. Но все свои недостатки и глупости, совершённые мной когда-то в разных жизнях — и в этой, возможно, тоже — я искуплю сам своей же жизнью. Просто потому, что это единственный возможный путь, и других путей нет.

— Но Бог даровал его служителям право искупать грехи других и прощать их. Прощённые нами, прощены и им.

— Не дорого же стоит ваше прощение! Не тридцать ли сребреников стоит оно? Но вы неправильно поняли донесённое до вас писание. Если даже на самых ранних этапах оно было частично искажено вашими служителями, то как же можно говорить о полной справедливости его толкования? Во вселенной нет такого закона, который бы позволял одному духу прощать другого за совершённые им поступки и одним махом отменять их следствия. Лишь уже подходящему к концу своего искупления можно помочь — но шагает по пути искупления человек сам.

— Ты говоришь ересь, сын мой! Как можешь ты определять, что верно, а что нет, когда у нас существует живое доказательство справедливости всех почитаемых нами законов, данных свыше?

— Вы многое поняли верно — но, к сожалению, не всё. Самые короткие и самые важные слова на планете — «Бог», «Любовь», «Мир», «Вечность» — вы всё это поняли верно. Любовью живёт и движется мир — любовью Бога к своим творениям и его творениям к Нему и себе подобным. Вселенная вечна, как потенциально вечны и вы — вот это, к сожалению, ещё не все осознали.

— Вечен лишь Бог, сын мой, а мы же все смертны. Лишь праведным служением Ему в данной нам жизни можем мы надеяться достичь жизни вечной.

— Но вы вечны. Как вечен я, как вечен ты, как вечен каждый из вас. Планеты могут рассыпаться в прах, но мы будем. Другое дело, что вы, похоже, всерьёз вознамерились уничтожить эту планету в прах, повторив печальную судьбу цивилизации-предшественницы, для которой этот мир в своё время тоже являлся их космическим домом.

— Это неверно! Грешившие и не раскаявшиеся не живут вечно! Судьба их — геенна огненная и вечные муки!

— Вечные муки за ошибки одной-единственной жизни? За ошибки, совершённые человеком на небольшом отрезке его пути? Конечно, существуют поступки, распространяющие свои следствия на очень-очень многие жизни. Один раз упасть, чтобы потом столетия подниматься — это печально. Многие, однако, предпочитают нырять в такую глубину, откуда потом они уже не могут выбраться, поэтому для них следствия становятся похожими на вечные. Но всё же они не вечны, они могут занимать многие жизни, но не вечны. Но ведь не в вечном же согрешении и покаянии состоит смысл жизни! Смысл жизни в творчестве для блага, в помощи ближним, в следовании своим светлым путём во Вселенной — поняли ли вы это? Поняли ли это ваши житейские мудрецы?

— Ты оскверняешь слово Божие! Ты не сможешь больше находиться в этом доме, посвящённом ему! У нас есть его слово!

— И это прекрасно. Следуйте путём всего лучшего, дарованного вам. Развивайте это лучшее в себе — лишь так вы можете рассчитывать на продвижение, лишь так вы приблизитесь к вашему Отцу. Помните, каждый из нас — его творение, и каждый из нас — вечен. Мы все Боги — в потенциале. Как его частица, обладающая в зародыше всеми его свойствами, мы можем пройти путь от стадии человека — через сверхчеловека — до стадии проявленного Бога.

Но мы можем остаться и на уровне животных — многие столетия живут так, и незавидна участь им подобных. Нам решать — каждому из нас, и это — наш самый главный и самый судьбоносный выбор.

— Довольно! Я не потерплю больше здесь твоего присутствия! Уходи из этого дома нашего Господа!

— Прощайте, отец.

* * *

— Планета-сад? Что за чушь! Я скорее поверю в механизированную планету-железо!

— Миром движет любовь? Миром движет физическая сила!

— Есть другие обитаемые миры? Но наши аппараты не нашли на доступных нам планетах жизни — все миры пусты! Мы — единственный источник жизни во Вселенной!

— Человек может излучать свет? Ты в своём ли уме?! Ещё скажи, что пространство полно невидимых зелёных человечков!

— Своими мыслями человек может менять окружающий его мир? Угу, сейчас! Вот руками — руками я могу его поменять, а мысли… большей чуши на свете я и не слышал!

— Я — потенциальный Бог? Я — человек! И не надо мне никаких потенциалов!

— Мои чувства создают излучения, влияющие на меня и окружающих? Я несу ответственность за негативные чувства? Вот сейчас я лучше повлияю на тебя, гм, реально — тресну тебя вот этим кулаком по твоей неразумной голове!

— Пространство не пусто? Оно наполнено нашим естеством? Ври, да не завирайся! Учёные ещё ничего такого не открыли — да этого и попросту нет! Что? Смогу ли почувствовать разницу между атмосферой храма и тюрьмы? Конечно, нет! А знаешь, почему? Потому что её нет!

— Как человек чувствует взгляд? Что за подмеченная вспыхивающая искра может возникать между двумя людьми? Тут два варианта — либо всё это вам кажется, либо у вас действительно больное воображение!

— Как Христос исцелял людей? Ну вот, опять сказку про Христа завели! Наслушался я её в детстве уже достаточно. Довольно!

— Армагеддон? Время испытаний? Хватит уже этих сказок для детей, их ими и кормите! Мы взрослые люди и не верим в подобную чепуху!

* * *

Он стоял, окружённый несколькими десятками своих соратников. Бодрствующими воинами этого мира.

— Мы не отчаемся и не свернём с нашего пути. Помнишь, как ты помог мне тогда, когда я был ещё школьником? Ты помог мне из чистого побуждения. Такая же помощь нужна миру и сейчас.

— Да, Георгий, я помню. Я не забыл. Мы не сдадимся, верно. Мы будем работать.

— Сегодня не удалось, чтобы завтра лишь расцвело прекраснее! Как красиво ты это тогда говорил!

Алиса подошла к нему и улыбнулась.

— Верящий не сдаётся, знающий принесёт знание в мир, чтобы рассеять тьму невежества!

И вновь Павел повторил его слова, сказанные им когда-то.

— Драконы злобы будут побеждены!

— Пусть расцветает духовная радость!

— Каждый новый день пусть будет воистину новым!

Он слушал эти слова, и слёзы выступали на его глазах — а ведь он почти никогда не плакал. Казалось, они все решили сейчас напомнить ему о его прошлых годах жизни в этом мире. Они повторяли его слова, каждый из них повторял ставшее самым близким собственному сердцу. Все они подходили к нему и дружески хлопали по плечу, ободряя. Они — бодрствующие, отважные воины этого мира.

— Да, друзья мои. Мы будем продолжать работать. У нас есть выбранный нами путь, и наш долг лежит перед нами. Мы должны помочь людям осознать ещё очень многое — но и каждый из них должен сам осознать, где истина, а где ложь. Планета должна выжить. Мы немало сделали, но ещё больше нам предстоит сделать. Наши мечты живут в сердце Вселенной, и я молю моего небесного Отца, чтобы настал тот светлый день, когда сбудутся и они.

11.01.2005

Предназначение

— Это же просто уму непостижимо! — громогласно провозгласил вошедший в комнату человек, на ходу резко захлопывая за собой дверь, на которой мягким небесно-голубым оттенком значилось всего лишь одно слово: «Дом».

— Непостижимо, вы правы, — спокойно согласился сидящий за столом старец и поднял свой взгляд, чтобы узнать своего нового визитёра.

Под пристальным и участливым взором его голубых глаз вошедший на мгновение смутился, однако уже спустя считанные мгновения вновь перешёл к обвинениям.

— Это же чёрт знает что такое! Живёшь ты себе, работаешь, никому особо не мешаешь, ходишь вечерами прогуляться по ночным улицам больших городов, а тут…

— А тут раз — и сосулька падает вам на макушку, точно как снег на голову, аккурат под Новый год! — улыбнулся старец, изучая реакцию вошедшего на эти его слова.

— Откуда вы знаете? — удивлённо вопросил тот. — Вы что, следили за мной?

— О, не я лично. У меня, знаете ли, в этом дивном мире хватает и других обязанностей. Но мы, конечно же, знали о том, что произойдёт с вами той самой трогательной ночью ещё… Впрочем, что значит время в этом мире? — и собеседник отложил в сторону перо и со столь несвойственной для его почтенного возраста лёгкостью перелистнул несколько страниц лежащей на столе внушительных размеров книги. — Удальцов Иван Сергеевич?

— Да… так меня зовут. Или звали? Я решительно ничего не понимаю в этой истории!

— Жаль, — мягко заметил писарь. — Вы должны были бы выучить этот жизненный урок ещё… впрочем, не будем говорить о времени.

— Может быть, вы всё-таки соизволите объяснить мне, что здесь вообще происходит? — с нажимом выдавил из себя Иван Сергеевич, пройдя пару шагов в направлении слегка светящегося массивного деревянного по виду стола, за которым восседал его собеседник. — Вот прямо сейчас!

— Ваша прошлая попытка оказалась неудачной. Вы не выполняли и не выполнили бы своё предназначение. Поэтому нам пришлось забрать вас раньше срока.

— Забрать куда? — Иван Сергеевич остановился как вкопанный, усиленно пытаясь вспомнить все события своего последнего дня на Земле, вплоть до мельчайших деталей.

— Домой, разумеется, — тихо ответил седовласый старец, аккуратно смахивая навернувшуюся на глаза слезу. — Все дороги всегда ведут домой, просто у каждого он свой.

— Вы что, хотите сказать, что я… — и пронзившая в это мгновение сознание Ивана Сергеевича мысль заставила его содрогнуться, — что я умер?

— Смерть — очень относительное понятие на дороге вечности, — убеждённо ответил ему собеседник. — Вот только не каждый идёт этой дорогой.

— Я умер… — всё ещё пытался осилить непроходимую преграду дух Ивана Сергеевича. — Но ведь я по-прежнему жив, иначе бы кто говорил сейчас с вами?

— А, может быть, всё это вам на самом деле сейчас снится, пока вы пребываете в коме в каком-нибудь не забытом Богом реанимационном отделении какого-нибудь земного города? — старец мягко улыбнулся, а глаза его на мгновение зажглись внутренним светом. — Хотите попробовать ещё раз?

— Попробовать что?

— Выполнить своё предназначение, разумеется. Ведь именно за этим вы туда и шли — стать мировым художником, осветить через творчество этот тонущий во тьме мир светом надежды. А кем вы стали в итоге? Топ-менеджером крупного мирового банка. Разве в этом мире мало бухгалтеров и банкиров?

— Я… — Иван Сергеевич растерянно смотрел себе под ноги, наблюдая, как в эти самые мгновения их окутывает струящийся по полу помещения неизвестно откуда взявшийся розово-фиолетовый туман. — Я… я забыл! Богом клянусь, я всё это забыл! Почему вы не напомнили мне об этом?

— Таковы были условия нашего с вами договора. Если вы решитесь сделать ещё одну попытку — вы совершенно забудете об этой нашей с вами встрече. Будете пробовать вновь — или откажетесь и станете ожидать своей дальнейшей судьбы, как не выполнивший своё обещание?

— Пожалуй… можно было бы попробовать вновь. Жизнь на Земле… имеет свои преимущества.

Иван Сергеевич испуганно переминался с ноги на ногу, пока туман поднимался всё выше и выше, окутывая и старца, и письменный стол, и самого Ивана.

— С самого начала или с точки остановки?

— Остановки чего?

— Вашего сердца, разумеется.

— Давайте… с самого начала.

— Новое рождение, значит… — понимающе кивнул головой старец. — Что ж, ваше право.

— В нём я смогу стать кем только захочу, правда? Ведь это новая точка отсчёта. Я мог бы стать… ну, скажем, гонщиком. Лучшим гонщиком за всю мировую историю! Толпы людей аплодировали бы мне, я бы купался в деньгах…

Туман, окутавший к этому моменту помещение, стал настолько плотным, что размечтавшийся Иван Сергеевич совершенно потерял пространственно-временные ориентиры. Не стало видно не только этого странного старца, но и всего прочего, кроме телесного силуэта самого Ивана.

— Вы слышите меня?! — Иван закричал куда-то вдаль, силясь разглядеть хоть что-нибудь. — Люди аплодировали бы мне! Я был бы велик!

Окутанный туманом голубоглазый старец по-прежнему сидел за своим письменным столом. Он молча перелистывал назад и вперёд страницы своей огромной книги, а глаза его то наполнялись слезами, то озарялись лучезарным светом. Наконец, рука с белым пером остановилась напротив строчки «Удальцов Иван Сергеевич», рядом с которой стояло давно ставшее трёхзначным число. Лёгкое движение рук — и вот число это увеличилось на единицу.

Буквы этого имени внезапно стали всё более расплывчатыми, как этот самый туман, а затем и вовсе изменились на «Геращенко Антон Павлович».

Старец мягко поднял голову от книги, смахивая очередную слезу.

— Я бы очень советовал вам стать художником, Иван Сергеевич, — тихо добавил он.

17.11.2019

Пришествие

— Товарищ капитан, подозреваемый по заявлению церковнослужителей о богохульстве успешно задержан оперативной группой в Храме Христа Спасителя и полчаса тому назад доставлен в отделение для выяснения личности и допроса. Прикажете заводить?

Молоденький, рыжеволосый, вечно щурящийся, точно подслеповатый мартовский кот, младший сержант полиции скороговоркой выпалил свой короткий доклад, едва успев приоткрыть дверь в кабинет к своему начальнику. Выслуживается, шустрец, повышение хочет. Ну-ну, посмотрим-посмотрим.

— Заводи, Калистратов, — разрешающе махнул рукой капитан полиции Христенко, откладывая в сторону бумаги. — Предварительный допрос проведём здесь, чтобы лишнее время на оформление на него не тратить.

«Ох, и замучили же нас эти попы со своей защитой чувств верующих!» — мелькнула в голове у капитана назойливая мысль. «Чуть что не так — теперь сразу на нас сгружать стали. Вы, дескать, там разбирайтесь, степень вины этих неверующих определяйте, а мы дальше службы свои вести будем, вашей душе помогать. Но отпускать виновников просто так на волю даже и не вздумайте! А куда их ещё девать-то? У нас тут каждый второй по факту — атеист, а каждый третий из верующих — лицемер, каких ещё поискать надобно».

— Заводи! — выглянув в коридор, выкрикнул Калистратов, и двое конвоиров послушно завели в комнату закованного в наручники человека и послушно усадили на стул перед капитаном, сами встав по бокам.

Цепкий, привыкший оценивать людей с одного беглого взгляда, взгляд капитана Христенко нехотя скользнул по подозреваемому, остановившись на глазах. Славянская внешность, лет тридцать пять — сорок, верхняя одежда из кожезаменителя, джинсы, мозоли на руках, светлые волосы. С виду совершенно ничего необычного, классический рядовой трудяга, скорее всего мигрант, которых в Москве, особенно после открытия границ с Украиной, — сотни тысяч. Вот только глаза… слишком уж живые, слишком уж добрые, что ли.

— Вам объяснили причину вашего задержания и процедуру проведения допроса? — капитан Христенко сощурил глаза, направив свой взгляд точно луч на лицо подозреваемого в попытке прочитать по выражению лица его мысли.

— Да, в общих чертах, — доброжелательно и спокойно ответил задержанный. — Я готов побеседовать с вами.

— Это не беседа, а допрос в мягкой форме. Скажите спасибо, что не держим вас в комнате для допросов за бронированным стеклом как особо опасного. Там условия не столь радужные, уж поверьте мне!

Задержанный улыбнулся и словно кивнул в ответ.

— Благодарю за проявленную доброту.

— Итак… — капитан немного порылся в груде лежащих на столе бумаг, отыскивая нужную папку, ручку и диктофон. — По протоколу…

— Что бы вы хотели узнать? Я не приносил зла никому из вас или обращавшимся к моему небесному отцу в храме.

— Зло, добро — всё это очень относительные понятия, особенно в наше время. А вот статья за богохульство, которая вам сейчас светит — это, уж поверьте моему опыту, вполне конкретная и осязаемая вещь. Итак… — капитан скользил глазами по строчкам текста недавно заведённого дела. — Свидетели из числа прихожан утверждают, что вы вели себя в храме неподобающе, не по канону, очень звонко и на весь храм прочли молитву «Отче наш», а также призывали, цитирую, «явить себя делами истинными, отцу моему небесному угодными, а не словами и песнопениями вам навязанными». Вы где таких слов-то понабрались? В соцсетях тренд нынче новый пошёл, что ли?

— Я говорил только то, что должен был, от души своей. Напомнил людям о сердечной молитве и…

— И занимался богохульством, ты хотел сказать?

— Я не произнёс ни слова лжи.

— «Сын Человеческий, отец мой небесный, прошёл путь по земле к Небу, дабы в означенный срок свершить суд над нею и обитателями её, и разделить род человеческий на зёрна и на плевелы…» — а это что по-твоему? Экстремистские высказывания, чуть ли не призывы к терроризму! Где сейчас твой отец? Мы и его доставим в отделение, если потребуется — пикнуть не успеешь!

— На небе, — уверенно ответил арестант.

— Твою ж мать!

Этот человек начинал действовать капитану на нервы. Похоже, не видать ему сегодня быстрых признательных показаний и оперативного закрытия этого дела, как своих майорских погонов.

— Прошу, не возводи хулу на мою мать. Тяжко будет творящим подобное.

— Угрожать мне вздумал, сопляк? — капитан резко встал и вплотную подошёл к арестованному, смерив того взглядом. Однако что-то неуловимое во взгляде того человека всё-таки перебороло вспыхнувший было в полицейском гнев.

— Умер, ты хочешь сказать?

— Ушёл в лучший из миров.

— Понятно, — успокоившись, капитан Христенко неспешно вернулся за свой рабочий стол. — Иносказательно говорить любишь, значит. Ну ничего, и не таких видали.

— Можно мне испить воды? — между делом спросил стоящего чуть поодаль сержанта Калистратова арестованный.

— В вино, никак, превратить её вздумал, Христос самоявленный?! — хохотнул сержант. — Нам на службе употреблять не положено!

— И я не предлагал вам. В тот же раз семью нищую порадовать хотел.

— А мы чем тебе не вышли? У нас ведь тоже, знаешь ли, после всех этих реформ и сокращений зарплаты, знаешь, как подсократили? Может, ты того… применишь силы свои великие и спасёшь наши заблудшие зарплаты и души? — иронизирующий над арестованным младший сержант, казалось, заразил улыбкой даже своего начальника, потому что и тот негромко усмехнулся себе в усы.

— Ну, артист! — хохотнул капитан. — Кем работаешь, артист? Клоуном в цирке, небось?

— Спасателем.

— Твою ж… дивизию. И каким же? Души наши спасаешь, небось? Мало смертью своей в прошлый разок спас, надобно полагать?

— Отец не посылал меня на смерть. Убийцы мои оправдать себя хотели в поколениях грядущих.

— Кем работаешь, спрашиваю?!

— Спасателем. В МЧС.

Капитан невольно присвистнул.

— Давно?

— Недавно. После переезда.

— Что же ты тогда по храмам-то бегаешь, ежели спасатель? Из огня вынимать людей живьём должен и у воды расступиться перед тобой требовать!

На этот раз уже сержант Калистратов невольно хмыкнул себе в кулак после этих слов своего начальника.

— Долго не узрят неверующие чудес ныне. А, узревши, не поверят.

— Ты мне зубы здесь давай не заговаривай! — Лицо капитана вновь приняло суровое выражение. — Почему прихожанам в храме мешал своими молитвами? Почему с них пример не брал?

— Не молитвы творили они, а требования. Не может отец мой дать того, что просят многие, тем, кто не заслуживает.

— И кто же заслуживает, любезный? Мы тут те ещё грешники, знаешь ли. С нашей-то работёнкой грех не испачкаться.

— Дети и непорочные.

— Гхм… — ответы этого задержанного, несмотря на всю свою странность, в чём-то начинали казаться капитану Христенко всё более и более осмысленными, не настолько безумными, что ли, каковыми смотрелись поначалу. Но заявления, показания прихожан…

— Одну из прихожанок храма зачем ограбить пытался, руку к её животу протянул в толпе? Я про ту, которая беременной была. У нас и от неё на тебя заявление лежит.

— Ребёнок при родах больным бы родился, и мать оставила бы его одного. Я спас обоих, исцелив его.

— Гха! — от неожиданности капитан поперхнулся своим утренним чаем с кренделем. — Вот это поворот! Тоже предложишь нам в это просто взять и поверить?

— Через десять дней поговорите с ней — она поймёт и изменит показания свои.

— Это значит, что ты задержишься в одиночной камере как минимум на эти десять дней.

— Как будет угодно моему отцу небесному.

— Почему нищим на выходе подаяние не подал? Разве не этому учил нас тот самый Иисус, за которого ты тут себя сейчас совершенно безуспешно пытаешься выдать? — капитан вновь сощурил глаза, внутренне радуясь удачно придуманному хитрому вопросу.

— Неудачный вопрос это, — подняв светлые глаза на капитана полиции, мягко ответил закованный в наручники молодой человек. — Не нищие они, а попрошайничающие. Отец мой дал им руки и голову, но труд стал им в тягость. Тратят милостыню на пагубные привычки свои без стеснения. Не в силах помочь тем из них я, кто себе помочь не возжелал.

— Мысли мои читаешь, самозванец? — мысленно проговорил про себя капитан, вперив свой взор на этого не пойми кого.

— Торгующие именем отца моего самозванцами сделались! — твёрдо и вслух, точно ответив на тайный вопрос, произнёс арестованный.

— Вот как оно, значит… — капитан неспешно водил ручкой в воздухе, не зная, что записать на бумагу. — Вот оно, выходит, как…

— Я не причинил вреда ни единой живой душе. Вы причиняете его друг другу сами, и закон отца моего наказывает ваши судьбы и тела за деяния подобные.

— Ну… А один-то ты почему тогда в храмах проповедуешь? Где избранные твои, апостолы всяческие? — решился вмешаться в переставший походить на допрос диалог младший сержант Калистратов, но арестованный молча поднял на него свои наполненные грустью глаза — и точно иномировая тень на мгновение закрыла его светлое чело — а затем медленно отвёл свой взгляд и вздохнул, так ничего и не ответив.

— Что… будем делать с ним, товарищ капитан? — переминаясь с ноги на ногу и явно ощущая себя не в своей тарелке, точно прихожанин со своим уставом в чужом храме, вопросил сержант, глядя, как капитан всё ещё неспешно, точно по инерции водит шариковой ручкой в воздухе, словно мысли его витали в этот момент где-то очень далеко, и он пытался окончательно разрешить один очень важный для самого себя вопрос.

— Снимите с него наручники, — наконец отдал распоряжение Христенко. — Я сам провожу его до камеры.

— Но, товарищ капитан…

— Выполняйте!

— Есть, выполнять! — произнёс напуганный резким тоном капитана Калистратов, махнул рукой двоим стоящим рядом конвоирам, снявшим с арестованного наручники, и оперативно вышел вместе с ними в коридор, продолжая что-то бурчать себе под нос.

Спустя минуту стук их шагов затих в лабиринтах коридоров. Арестованный по делу о богохульстве по-прежнему сидел на стуле, не предпринимая попыток к бегству.

— Благодарю, — мягко ответил он. — Ты хотел мне кое-что сказать…

— Дочка у меня… маленькая, — с зажёгшимся надеждой и наполненным мольбой взглядом смотрел на арестованного капитан. — Болеет… тяжело. Это мука… для нас троих. Помоги, прошу тебя, если это и вправду ты… Вылечи её!

— Тебе нужно рассказать своей жене о прошлом, — твёрдо ответил подозреваемый спустя несколько секунд.

— О чём, о ней?

— Да, об измене. Помирись с женой своей. Простите друг друга. Тогда выздоровеет ваша дочь.

— Сама по себе?

— По воле отца моего.

— С… спасибо.

Арестованный в ответ только молча кивнул.

— Ты ведь понимаешь, что мне придётся отправить тебя в одиночную камеру до выяснения обстоятельств с попыткой кражи? Была бы моя воля — отпустил бы тебя прямо сейчас. Но такой у нас распорядок, регламент, правила… чёрт бы их побрал!

— Понимаю, — ответил арестант. — Не беспокойся об этом. Веди.

С этими словами он ободряюще положил руку на плечо капитана, и в это самое мгновение словно волна силы прошлась по его духу и телу, вновь возвращая силы, желание жить, надежду на спасение собственной дочери и, быть может, хоть самую малость — веру в чудо.

— Веди! — повторил арестованный.

* * *

В эту ночь тот, кто прошёл свой путь по Земле две тысячи лет тому назад под именем Иисуса Христа, не смыкал своих глаз.

— Отец мой! — вопрошал он звёздные небеса. — Почему ты дал мне тех, кто не может идти со мной?

— Придут другие, — отвечало его духу небо. — Те, кто сумеет преодолеть свою гордыню и свой комфорт.

В эту чистую звёздную ночь Иисус не смыкал своих глаз. Словно райская небесная птица, дух его скользил по Земле, невидимо касаясь душ спящих людей — точно проверяя, кто из них ещё готов, всё ещё ждёт его возвращения.

Эта звёздная ночь всё ещё ждала своего часа.

29.02.2020

Слава

Слава Русских был добрый малый. Может быть, именно за это его и не любили? В самом-то деле, кто же теперь любит русских, да ещё и с такой благозвучной фамилией? Вот и Славе за долгие годы обучения в школе жизни так и не удалось этого до конца узнать.

Впрочем, вполне может случиться, что не любили Славу всё-таки не из-за этого — а из-за того, что много лет подряд у него уже был свой собственный, самый настоящий, проявленный в сущем и в вездесущем Ангел, а у других — шиш на палочке. А может быть, что это они, другие, кичащиеся деньгами своих родителей, и были теми самыми шишами, и потому-то Ангелы их своими визитами не баловали.

Но Ангел выбрал Славу не сразу. Ангелы — они вообще настолько избирательный небесный народ, что абы кто, абы когда и абы зачем их к себе никогда не призовёт. А у Славы вот — получилось. Но — обо всём по порядку.

Родился Слава в обычной российской трудовой семье. Ну, как обычной? Папу он своим робким младенческим взглядом видел буквально пару раз, когда тот заходил в роддом и на повышенных в децибелах тонах что-то там выяснял со своей женой и по совместительству мамой Славы. Слов Слава в тот момент ещё не знал, да оно, видимо, и к лучшему, ибо пытаться понять таких, как у Славы, пап — себе дороже. С тех пор папа у Славы был то лётчиком, то капитаном дальнего плавания, а то и вообще космонавтом-первопроходцем, отправившимся сражаться с марсианами. В общем, ну никак не мог папа найти время для своего маленького сына и немаленькой уже жены и хоть раз навестить их, вернувшись с места своих великих трудовых подвигов. Так что мама растила Славу вместе с бабушкой в одиночку. Обычная семья, в общем.

А бабушка-то у Славы была — ну просто загляденье! И заглядывался Слава в её мудрые старческие глаза, и заслушивался её сказок, и мечтал о том, как тоже однажды станет великим космическим первопроходцем, прилетит на Марс и спасёт своего отца, захваченного в плен злобными марсианами. Звёзды Слава полюбил уже с тех самых сказочных лет.

К семи годам Слава вырос и возмужал настолько, насколько это позволяли его неокрепшее ещё тело и окрепший уже дух. И правильно сделал, ибо годы школьной жизни стали его собственной Голгофой в миниатюре. Семья Славы к тому моменту еле сводила концы с концами, так что барствовать какими-нибудь гаджетами или, скажем там, модной одёжкой Славе не доводилось — и это был первый камень, брошенный сверстниками в огород его чувства собственного достоинства.

Объектом постоянных насмешек и издёвок Слава стал ещё с ранних школьных лет — можно сказать, с пелёнок своей сознательной жизни. Сверстники хохотали буквально над всем: и над неказистым видом Славы в старом, заношенном и не по размеру большом отцовском свитере; и над очками, которые он был вынужден надеть в силу вполне адекватных медицинских причин, до которых его сверстникам было дело как до лампочки Ильича; и над эпизодическими речевыми заиканиями Славы; и, наконец, чаще всего как раз-таки над уровнем дохода его, с позволения сказать, семьи.

Люди — они ведь такие: меряют тебя по одежке, а у самих — рожки да ножки. Но их рожек Слава в тот момент ещё не видел — ведь это, всё-таки, привилегия ангелов — в корень людской сущности насквозь зреть, да мысли их читать играючи. Так что жил Слава в те годы даже не по дням, а по часам: столько-то часов на школьные занятия, столько-то на уроки, столько-то на астрономический кружок, совсем чуток на улице погулять, а потом и спать ложиться, сердце своё очередной мечтой согрев. И снились ему в те ранние школьные годы и звёзды небесные, и земляне чудесные, и марсиане трусливые, и враги пугливые, и мамы счастливые.

* * *

Под ледяным потоком постоянных нападок Слава закалился, а к старшим классам и вообще мускулами обрастать начал после того, как кружок астрономический на спортивный променял. Лохматость его тоже повысилась — как-никак, а мужчиной он был по праву рождения. Так что некоторые его одноклассницы на него даже заглядываться стали — мельком, правда, чтобы другие не прознали об этом их маленьком секрете и позором не заклеймили за контакты с этим «фантазёром». И не знали они, эти вступающие в пору своего девического расцвета юные леди, о том, что фантазёром и мечтателем Слава быть к тому моменту уже практически перестал.

Годы семейной бедности, смерть любимой бабушки, частые слёзы матери — все они буквально брали Славу за горло и раз за разом спускали с небес на землю обетованную, веля помогать по дому и зарабатывать на хлеб насущный после школьных уроков носильщиком тяжестей. И что тут было больше — тяжесть душевная или физическая — не берёмся сказать. И так бы и свалился Слава с небес на землю окончательно, если бы не один удивительный небесный случай.

Мы, кажется, совсем забыли упомянуть ещё и о том, что Слава был немного лунатиком. Не в том смысле, что просыпался он по ночам ровно в полночь и шёл гулять по крышам, пока его не снимали оттуда приехавшие на срочный ночной вызов спасатели — а в том, что он действительно любил смотреть на ночное звёздное небо ещё с тех самых пор, когда ходил в астрономический кружок. Астроном из него получился так себе, но вот названия и виды основных созвездий он всё-таки запомнил и время от времени по ночам выглядывал в окно и смотрел — не вырисуется ли какое-нибудь из них сейчас прямо перед его глазами? Даже стишок про звёзды однажды придумал и время от времени бубнил его себе под нос по ночам.

И всё, как это обычно и водится, закончилось бы тем, что бросил бы Слава все эти детские стишки и кружки, поступил бы в институт на экономический, да стал каким-нибудь заштатным бухгалтером, чтобы хоть у чужих и чуждых ему людей наблюдать большие суммы денег и радоваться за них, грешных, — но не тут-то было. Были у неба на Славу свои собственные планы. Небо — оно ведь такое: славное, особенно если и звёздное ещё при этом.

* * *

— Всё мечтаешь? О звёздах? — спросил нежданно откуда появившийся на подоконнике рядом со Славой Ангел. — Да ты не переживай так, не мерещится тебе, — улыбнулся он, сворачивая свои белые крылья за спиной и аккуратно соскакивая с подоконника на пол. — Понимаю, конечно, не каждый день такое увидишь, даже если сильно стараться будешь, — добавил он, наблюдая, как Слава всё ещё сидит на подоконнике, раскрыв от удивления рот и выкатив вперёд глаза.

— Мечт…ал, — только и смог вымолвить он.

— Я к тебе по делу, — сходу ответил Ангел, вышагивая по Славиной комнате так интенсивно и порывисто, что с крыльев его то и дело разлетались в разные стороны искорки света. — Задание у меня есть. Поможешь?

— Какое… задание? Ты… кто такой вообще? — всё ещё не мог соотнести небесное с земным Слава.

— Можешь звать меня Араэлем. Хотя это очень условная транскрипция моего имени на ваш человеческий язык. А задание? Задание простое: помочь тебе воплотить свою самую сокровенную мечту в жизнь. Ты ведь ещё не до конца забыл её, верно?

— А… почему я? Я же… совсем обычный?

— Как раз-таки, наоборот. Такие, как ты, в наше время — верх необычности. Слава Русских — это же звучит гордо, согласен? Вот и я так думаю. И не я один, кстати. Нас, знаешь, вообще много разделяющих эти наши общие друг с другом взгляды. Да не смотри ты на меня так! Что, никогда живых Ангелов не видел? — усмехнулся Араэль и добавил примирительно: — Ну, где тут у вас попить уставшему с дороги путнику можно?

* * *

Вот так и произошла та памятная встреча Славы Русских и его личного Ангела-Хранителя. Звёзды — они ведь такие: ежели ты к ним со всей душой — разве же они не осветят твой путь? Вот и Араэль в тот день начал с того, что освятил предложенную ему Славой воду — да так, что вода эта потом ещё долго сверкала каким-то таинственным излучением, и маме его помогла вылечиться от своих старческих болезней. Вот что звёзды животворящие делают!

А ещё Араэль обладал замечательной возможностью становиться невидимым для всех, кроме Славы. И освещать ночную дорогу. И поднимать предметы в воздух. И читать людские мысли. И исцелять подлинно святой водой. И предвидеть будущее. И много чего ещё!

Одноклассники от Славы поначалу даже шарахались, когда он неожиданно на их мысли вслух отвечать без заикания начал. А когда Араэль над головой у Славы руки светящиеся сложил, так что они как нимб получились — вообще креститься начали! Не говоря уже про тот памятный случай, когда на экзамене все, за исключением Славиной, ученические тетрадки взмыли ввысь и вылетели в открытое окно, словно птицы, взяв курс куда-то на солнце. А вариантами задачек о небезызвестной Славиной телепортации из пункта А в пункт Б однажды все школьные вопросники запестрели.

Не говоря уже про то, сколько жизней и нервов удалось спасти благодаря Славино-Араэлевскому предвидению, — физики потом так и написали в своих научных диссертациях: «Пространственно-временная аномалия Славы-Араэля». А закон Ньютона вообще переименовать пришлось в «Закон Араэльтона» после того, как поднятый в воздух Араэлем по просьбе Славы ребёнок сделал пару воздушных сальто, а потом как взял, да и взмыл ввысь с ускорением свободного взлёта на глазах у ошарашенной мамы, впоследствии благополучно и мягко спикировав прямиком в её распростёртые руки.

Не жизнь, в общем, а сказка получилась, причём правдивая! Вот такие вот бывают на свете Ангелы, славу приносящие. Русские — они ведь такие: ежели пойдут за своей самой чистой мечтой, — что их остановит?

23.11.2019

Хроники Могота
Призванный

Много призванных, да мало изгнанных

Могот, мой верный и бесстрашный слуга, мы вместе ждали этого часа бесчисленные столетия — и вот он, наконец, наступил. Да восславится имя Неназываемого, ибо мы наконец-то получили возможность открыто вмешаться в планетарную судьбу тех, что называют себя людьми.

Долго, слишком долго враги не позволяли нам приблизиться к ним в таком масштабе, в каком это стало возможно в настоящее время. Проявленное вступает в давно предсказанную битву с хаотическим — битву, где всё решит свободная воля. И теперь наши возможности сравнялись. Тот, имя которого не может быть произнесено, призывает своих слуг для этой решающей битвы за человеческую сущность. Я призываю тебя, Могот, мой верный воин! Я призываю тебя во имя победы над нашим врагом и во имя вечного торжества Неназываемого!

Ты воплотишься в их мире, Могот, воплотишься как человек — и поведёшь их к торжеству нашего плана. Ты приведёшь их в лоно породившего нас во имя его вечной огненной славы. Ты вырвешь их из рук нашего врага, ты заставишь их выбрать предлагаемый нами путь, став проводником между нашими планами, и наложишь на их сущности нашу вечную несмываемую печать — во имя нашей общей последней победы. И, как говорят эти смертные, — да будет так! Приди же ко мне, Могот! Приди, мой избранный воин!

* * *

Радость, огненная всепожирающая радость переполняет моё сердце, Могот! Я верю, что твой первый успех на их плане является истинным залогом нашей грядущей неминуемой победы. Сомнение, сомнение, сомнение — вот что заставляет их в конечном итоге прийти к нам, Могот! Заставив их сомневаться, ты сумел коснуться самих основ их связи с нашим врагом. Заставь их сомневаться, заставь их вновь и вновь задумываться о том, насколько правильны те поступки, которые они совершают под воздействием нашего противника.

Заставь усомниться в их пользе — покажи им, что польза одного практически всегда есть вред для другого, покажи, сколь наивны, смехотворны и нереализуемы мечты об общей пользе и о том, что их враг называет общим благом! Подтачивая веру в полезность их собственных действий, ты уничтожаешь саму основу их связи с нашим врагом.

Покажи, сколь относительны их представления о том, что они привыкли называть добром и злом. Покажи, как они перетекают друг в друга, и на этом основании приравняй их друг к другу и, таким образом, постепенно уничтожь поставленные между ними границы.

"Всё относительно, в этом мире всё относительно", — вот как они должны начать мыслить, Могот! Разрушив этот барьер их сознания, ты сделаешь возможным влияние на них наших пророков, которые довершат начатое тобой.

Заставь их поверить, что так называемой божественной справедливости не существует, а вся их планетарная жизнь есть просто случайное стечение разного рода обстоятельств. Когда вся их жизнь — лишь цепь случайностей, тогда и каждый их выбор становится случайным тоже. А когда каждый их выбор станет случайным — они перестанут нести за него ответственность. Нам нужны такие, лишившие себя ответственности, Могот, нам нужны их души! Они станут нашими будущими Пророками Вседозволенности.

О сладкий огненный час, как же мы все ждём этого момента! Действуй, Могот, действуй в выбранном тобой направлении, и да прибудет с тобой сила нашего вечного огненного отца!

* * *

Ты поступил разумно, Могот, когда решил внести сомнения, о которых я уже говорил тебе, в то, что они обычно называют «любовью». Жалкие смертные, полагающие, что разум есть их исключительная привилегия! Лучше, несравненно лучше способны мы просчитать и вымерить каждый наш шаг, каждое наше действие, ведущее к нашей общей победе.

Мы ждали многие тысячелетия, прежде чем у этих двуногих появились эти самые зачатки «разума». Мы провели несколько столетий, пытаясь изменить саму его суть у некоторых наиболее влиятельных их представителей.

Теперь же пришло наше время, Могот! Эти глупцы расплодились в таком количестве, что начали сами способствовать нашей победе. Их неокрепший разум, их нестройная система мышления, подверженная всесторонним внешним влияниям — вот что станет залогом нашего окончательного торжества на их плане. Теперь нам достаточно лишь сформировать небольшие группы этих так называемых «разумных» людей, имеющих существенное влияние на других — всё остальное сделает массовое сознание.

Непостижимый Творец наделил их разум очень выгодным нам свойством — некритичностью. Повторяй, повторяй одно и то же, Могот, сколько бы нелепо это не звучало на первый взгляд, повторяй без устали. И через некоторое время ты заметишь, как эти «люди» начали считать провозглашаемое тобой истиной. Создай больше таких попугаев, Могот — и они понесут твои лже-истины другим. Когда тысяча неразумных утверждает одно и то же — даже разумные начнут сомневаться.

И особенно гибельно любое подобное сомнение для тех «дружеских» и «любовных» чувств, способностью испытывать которые наделил их этот их Творец. «Любовь слепа», — говорили им когда-то. Они не поняли смысл этого высказывания, Могот, они не поняли его — и мы воспользуемся этим!

Заставь их думать о причине своих чувств к другому, Могот, заставь их анализировать это своим умом. Странный Творец создал их разум и сердце настолько противоречивыми в своей основе, что лишь немногие способны отыскать их подлинную гармонию.

Пусть они задумываются об основе своих чувств как можно чаще — и со временем большинство из них придёт к закономерному выводу об их полной необоснованности и, следовательно, нецелесообразности. Это наш шанс, Могот, раз и навсегда вырвать их из рук нашего врага!

Здесь нужно действовать очень тонко. Нужно заставить их поверить в ненужность любых вредных нам дружеских чувств — и в то же время в необходимость любых полезных нам — гнева, злобы, тоски, уныния. Покажи им, как часто любовь оказывается зла, как часто причинённое им зло остаётся без наказания. Покажи, как это естественно — испытывать гнев при несовпадении их желаний с объективной действительностью. Покажи, что только откровенно безмозглый глупец будет радоваться во время горя других.

Всегда, всегда, Могот, кто-то из этих двуногих будет испытывать горе — и, значит, у других исчезнет повод для радости. Продемонстрируй им, насколько эффективнее по своему эффекту основанное на агрессии и страхе принуждение, чем какие-то слюняво-розовые дружеские сопли! При этом не дай им задумываться о временном эффекте первого и глобальном эффекте второго, иначе они навсегда отвернутся от нас, обратившись к нашему врагу за тем, что они называют «очищением».

Когда ты лишишь их источников жизненной радости, Могот, ты лишишь их любви к жизни. Лишив их любви к их собственной жизни, ты постепенно лишишь их любви к жизни других.

Покажи им, что для любви нет причин, что любовь бессмысленна, что это лишь неблагодарная растрата собственных душевных сил — и они сами придут к нам и пройдут наше собственное огненное «очищение»!

* * *

Могот, мой верный воин, как же я люблю тебя нашей общей всепожирающей любовью!

Всё более и более убеждаюсь я, насколько верен был мой выбор, и насколько я и тот, кто стоит за мной, не ошибся в тебе. «Истинно говорю, — как говорил один из наших давних врагов, — истинно говорю: в своей проклятой борьбе за души этих смертных ты стал одним из наших лучших лжепророков!»

Ты был абсолютно прав, воспользовавшись той сумятицей и непониманием в их сердцах и умах, которое образовалось и продолжает жить и точить их изнутри вот уже несколько столетий. Наши призванные пророки хорошо потрудились в своё время, вклинившись, смешав и изменив те знания, которые им давали пророки нашего вечного врага. Вот уже несколько планетарных столетий они не могут «отделить зёрна от плевел», Могот! Они теряются при попытке понять эти ставшие теперь столь противоречивыми «священные книги», «откровения», «учения» — и прочее, и прочее. Они в силу природной слепоты своей не способны разобрать, что же именно было внесено в них нашими пророками и пророками ненавидимого нами врага. И это порождает сомнения, Могот, — сомнения, о которых я говорил тебе как о том ключе, что в конце концов откроет нам путь к их душам.

Более того, теперь эти «учения» начинают противоречить друг другу. Воспользуйся этим, Могот, воспользуйся для того, чтобы убедить последователей каждого из них в их как бы особой исключительности, в их избранности для великого дела, в истинности их пути и одновременно — в ложности пути всех прочих последователей. Пусть они начнут бороться друг с другом по всяким пустякам, касающимся самых незначительных аспектов этих наследий, и пусть никогда не заметят, сколь едины в своей сути (столь ненавистно осознавать, что и мы не всесильны, Могот!) они до сих пор остаются. Видя эту бессмысленную борьбу различных последователей друг с другом, лучшие из них в конце концов разочаруются в пути, которому следуют, поскольку будут неизбежно ассоциировать выбранный ими путь с необходимостью этой самой бессмысленной борьбы друг с другом. А как только они лишат себя подобной нравственной основы, Могот, — они со временем неизбежно станут нашими.

Не беспокойся о тех, кто сумеет, не принадлежа к числу последователей каких-либо учений, сохранить эту свою внутреннюю суть, дарованную им Творцом. Таких настолько мало, Могот, что их можно пересчитать по пальцам одной моей когтистой лапы! Они не смогут изменить общее сознание, они неизбежно потерпят в этом поражение.

Создай, Могот, атмосферу вражды и ненависти между последователями всех этих учений. Укрепи её, указав каждому на нелепость верований других и умолчав о нелепости верований их собственных. Покажи им, как приятно искать эти нелепости и несостыковки в учениях и верованиях других. Пусть они прилюдно говорят об избранности своей веры, пусть топчут веру других и пусть никогда не поймут, что эта их так называемая «вера» не имеет ничего общего с той Верой, которую хотел видеть в них наш давний враг. Постепенно, поверив в избранность собственной «веры», они станут теми бездумными фанатиками, которыми их и хочет видеть наш вечный отец. Лишённые последних крох разума, они, эти «уверовавшие», однажды станут великими воинами наших непобедимых огненных когорт!

* * *

Верно ли то, что ты недавно совершил, Могот, спрашиваешь ты меня? Верно, отвечу тебе я — ибо это твоё действие в конечном счёте также ведёт к столь долго ожидаемой нами решающей последней победе.

Я уже говорил тебе про их несовершенное массовое сознание, но скажу тебе также и другое — не бойся уменьшения количества воплощённых в их мире. В этих двух моих советах нет противоречий, Могот. Противоречие — то, чем способно развиваться их сознание и чем одновременно его можно уничтожить в силу очередной ошибки создавшего их Творца, — нам оно совершенно не свойственно. Всё, что ведёт к нашей неминуемой победе и столь же неизбежному поражению нашего врага — всё это может быть использовано нами со злословия нашего общего Неназываемого отца.

Ты правильно сделал, Могот, не дав ему воплотиться. Этот человек со столь большой и чистой душой — он мог бы стать серьёзным подспорьем нашему врагу в нашей общей войне, если бы сумел прийти на этот планетный физический план. Теперь же ему придётся ждать ещё несколько десятков их планетарных лет, прежде чем это вновь станет возможным. И я уже не говорю о той неимоверной боли, которую должен был испытать этот заживо умерщвлённый, когда его расчленяли скальпели этих самых «врачей». Вся сущность моя ликует при одной мысли об этом! Пусть задумается, каково это — служить нашему врагу!

Теперь, Могот, тебе предстоит самое главное и самое трудное — ты должен не дать умертвившей его матери почувствовать раскаяние за совершённое. Раскаяние — вот то, чем наградил их слишком уж щедрый Творец, и что способно отвернуть их от нас и заставить обратиться к нашему врагу даже на самых последних их подступах, разом выдернув их из наших темнейших огненных бездн. Ты не должен позволить ей почувствовать свою вину!

Покажи же ей, что это её деяние было столь естественным и необходимым. Убеди её, что этот её невоплощённый ребёнок в случае своего рождения принёс бы ей неимоверное количество «проблем» — то, от чего она всегда столь старательно стремилась убежать. Постарайся свести её с такими же, ей подобными, и не дать увидеть и почувствовать радость материнства. Пресеки любые длительные контакты со счастливыми матерями, что предпочли трудности заботы о своём ребёнке лёгкости собственной беспроблемной жизни. Врачи, которых коснулась рука нашего отца, уже сделали часть дела, убедив её в том, что убили они не живого человека, а кусок материи — тебе же предстоит поддержать в ней это ложное убеждение.

Сейчас, несколько первых месяцев после этого события — они станут её и твоим испытанием. Огороди её от излишних волнений, постарайся сделать так, чтобы удовлетворилась часть её материалистических желаний — это отвлечёт её сознание от осознания главной своей ошибки. Пусть она ходит на всякие концерты, кино и всячески приобщается к тому, что они называют «культурой», и что вот уже несколько десятилетий как стало нашим главным орудием формирования их массового сознания. Пусть почувствует себя женщиной в высшей степени «современной» и никогда не поймёт, что те вечные истины, о которых им столько говорилось пророками нашего врага, никогда не бывают современными и несовременными тоже.

И если — о, как великолепно бы было это достижение! — ты сможешь заставить её повторить эту ошибку второй раз — тогда она уже навечно станет нашей, Могот! Некоторых, однажды осуществивших детоубийство, всё же настигает это жалкое раскаяние — но тех, кто сознательно пошёл на это в следующие разы, оно не способно достигнуть уже почти никогда. Такие души умирают для нашего врага и воскресают для вечной жизни в наших рядах.

Никогда, Могот! Никогда для нашего врага — и вечно для нас! Они, эти женщины-убийцы, после своего развоплощения станут нашими Девами Смерти, ведущими сражение с врагом за судьбы детей этого мира — и сама сущность жизни будет дрожать при их грозном и непоколебимом приближении!

* * *

Мой призванный, мой верный слуга! «Воистину» (как любят говорить пророки нашего врага) ты не перестаёшь удивлять меня тем упорством и хладнокровием, с которыми ты продолжаешь достигать нашей общей цели.

Культ-у-Ра, как ни противно мне сейчас произносить это слово, столь близкое по своему исконному значению к изначальной сути Творца, культура — вот что было задумано нашим врагом как великий очиститель человеческих душ и что теперь стало нашим ведущим оружием в борьбе за них же!

Разве может быть что-либо приятнее созерцания того, как нравственный и чистый человек, окунувшись в эту самую культуру, постепенно утрачивает последние крохи человекоподобия и, как они называют это, человечности, вновь превращаясь в обузданное примитивными страстями животное, — и тем самым постепенно и неизбежно приближается к нам? Разве может что-либо радовать наши отвергнутые Творцом души больше, чем созерцание того, как растут наши собственные ряды? Разве может быть что-либо желанней таких осквернённых человеческих душ для нашего непобедимого отца? Воистину, Могот, все качества, которыми наделил этих существ недальновидный Творец, все они послужат нам — важно лишь знать, как можно использовать каждое из них. Ты, Могот, сумел узнать это.

Как ты заметил, их так называемая культура теперь стала массовой точно так же, как и их искусство — оно перестало быть уделом наиболее противных нам одиночек. Само по себе это должно было стать признаком того самого "Царства Божьего", о котором им говорили пророки нашего врага, однако нелюбимый нами Творец вновь допустил ошибку, желая (если он, конечно, вообще способен что-либо желать) скорейшего воплощения своего «плана» (если такие его действия вообще можно назвать планом).

Теперь, когда сознания большинства из них были затемнены нашими воинами и лжепророками, когда душ многих из них в силу их неустойчивости коснулась длань нашего отца, теперь такие новоявленные творцы уничтожат последние крохи этой самой культуры. Их уже много, Могот, — их тысячи. Но уже в скором времени, о котором провидел Неназываемый, их будут десятки тысяч — десятки тысяч творцов нового века. Наших пешек, считающих себя свободными, просветителей нашей тёмной эпохи. И тогда, Могот, в силу названной особенности сознания этих существ последние оплоты истинной культуры падут — и их мир станет навеки нашим!

Потому помоги этим творцам выйти «в свет», даже если они не были ещё в этом воплощении наделены Творцом какими-либо значительными талантами. Чем меньше они будут из себя представлять — тем лучше, Могот. Пусть о них узнают многие, пусть о них говорят — ибо, когда о тебе говорят многие, неизбежно находятся те, кто в силу внутренней присущей им зависти начинают вольно или невольно подражать тебе, сколь бы плох ты ни был. Мы позаботимся о том, чтобы таких подражающих стало как можно больше, Могот.

Помоги этим выдвинутым тобой «творцам» считать себя какими-то особенными, какими-то исключительными — пусть они даже начнут сравнивать себя с небесными ночными светилами, ведь эти светила видны только во тьме, видны только в нашем грядущем царстве, Могот! Потому пусть они не испытывают потребности ни в деньгах, ни в таких же проклятых нами «наставниках». Помоги этим нашим творцам на первых этапах — а потом авангард наиболее «современных» представителей их социума сам вынесет их вперёд.

Но заклинаю тебя всеми кругами наших планов — не дай им понять, сколь грязна и ничтожна стала эта их «современность»! Пусть в вечном неведении своём продолжают считать, что способны развиваться только по восходящей, пусть не увидят, к какой пропасти уже подошли. Чем больше станет шагнувших за этот огненный барьер — тем ближе будет наш неумолимый триумф и окончательное поражение нашего врага.

Пусть эти новорождённые творцы начнут прославлять самые разнообразные животные инстинкты человека как некое присущее только им качество, как если бы оно было самим благословением Творца. Пусть они начнут выискивать и находить самые недостойные проявления жизни общества, в котором они живут, и пусть они показывают его, как если бы это являлось по меньшей мере «простым реализмом», а по большей — «новыми культурными течениями». А потом любители «культуры» довершат и остальное…

Действуй, Могот, используй их найденную тобой слабость — и пусть их день станет ночью, а творцы — нашими пылающими звёздами в ней!

* * *

Что может быть лучше, чем слышать их восхваления в адрес нашего отца, что может быть вкуснее, чем вкушать изливаемую ими на Творца ненависть?!

Могот, Могот, как же ловко ты сумел переманить этого «верующего» на нашу сторону! Сначала усилить его веру, довести её почти до самых вершин, когда она становится одновременно и неимоверно сильной и неизмеримо уязвимой — а потом камнем обрушить в пропасть! Признаться, даже мне, стоящему по правую руку от нашего отца, не в силах было бы сыграть лучше.

Такие «преданные» Творцом верующие — после своего развоплощения они становятся нашими лучшими Полководцами Обречённости и всегда исправно до дня своего окончательного слияния с Неназываемым верно служат нам. Теперь у него нет уже не только веры, но и даже доверия, столь необходимого Творцу для помощи этим несчастным — и отныне наш враг уже не сможет до него дотянуться.

Разорвав нить жизни близкого этого верующего, ты разорвал саму нить его веры, Могот. Они, эти уже почти дошедшие до нашего врага, становятся очень чувствительными ко всем живым существам и своим близким в особенности — очередное «благословение» от Творца, ставшее их проклятьем!

Заставить его поверить в присутствие рядом с ним нашего врага, в его заботу о нём, в его помощь — а потом одним махом разорвать нить жизни самого близкого ему человека, его сына. И как… не простой и безболезненный уход из этой жизни — но мучения, страдания, агония! Как же я наслаждался, Могот, видя и чувствуя его боль, когда он медленно умирал от ножей этих убийц и затем от потери крови, не в силах крикнуть, позвать на помощь хоть кого-нибудь в этом безжалостном — благодаря людям, а не нам, заметь! — мире.

Его страдания искупили его прошлую вину, Могот, и теперь он смог попасть в лоно нашего врага — но зато его отец уже никогда не придёт к нему в эти потусторонние выси! Теперь он будет продолжать клеймить нашего врага за эту свою потерю и в скором времени окончательно отречётся от него, так и не поняв, что он, наш враг, никогда не забирал и не забирает насильно ничьих душ против их собственной воли.

Что же, пусть побудет в этом заблуждении до тех пор, пока его сущность не преобразится настолько, что сможет стать способной быть впитанной нашим вечным отцом. Дело за малым — не дать ему задуматься об этой нашей уловке, не дать ему вновь обратиться с молитвой к Творцу. Никто из нас до сих пор так и не смог понять, отчего такое чистосердечное обращение к нашему врагу оказалось способно уничтожать любые наши наслоения и обрывать все наши связывающие с человеком нити — и мы до сих пор не ведаем, как можно бороться с этим ужасным явлением.

Поэтому не дай ему задуматься об этом, иначе он со временем может даже начать считать смерть его сына неким важным уроком и непостижимой ему логикой Творца, отвернувшись от нас. О глупые смертные, всё недомыслие нашего врага они готовы списать на его «непостижимость»!

Пусть вся сущность его продолжает кипеть гневом, как это происходит сейчас, пусть уста его продолжают клеймить нашего врага за не им совершённую смерть, и пусть сам Творец в своём вечном покое содрогнётся от осознания того, что выбрали наделённые им свободой люди!

* * *

Человек, о котором ты сообщил мне, Могот, является одним из тех, кто по наущению нашего врага (конечно, сами то они продолжают считать это своим свободным выбором) приходит на этот план с целью приблизить то самое неосуществимое «Царство Божье», «Рай на Земле», о котором я уже говорил тебе. Если атмосфера их детства и юности будет способствовать развитию тех внутренних качеств, которыми их наделил для этой цели Творец, — они способны стать очень опасными для осуществления нашего плана.

Получив неразрывную сердечную связь с нашим врагом, обладая способностью влиять на духовную сущность других людей, они способны раз за разом срывать наши планы относительно некоторых ведомых нами. Влияние каждого из них не слишком сильно (ибо даже наш враг вынужден придерживаться однажды им же созданных законов), но их постепенно становится всё больше и больше, Могот!

Похоже, что наш враг выставляет их как полководцев для других «честных тружеников» (если бы ты только знал, как же противно мне само это словосочетание, соединяющее несоединимое!). Жалкие пешки Творца, считающие себя способными преобразить этот мир по его директивам! Мы развоплотим их, Могот, а затем их души будут пожраны Неназываемым!

Поэтому нельзя дать им спокойно развиваться и постигать Творца, нужно сделать саму суть их жизни невыносимой. Создай в их семье атмосферу внутренней враждебности и соперничества. Пусть муж будет ссориться с женой, а жена — с мужем, пусть такой ребёнок уже с самых младых лет впитывает этот чудесный смрад, а со временем начнёт считать его само собой разумеющимся.

Пусть мать его пропитается ненавистью к своему мужу — и ещё лучше, если она разочаруется в своём выборе. Как тебе уже известно, в своём младенчестве у этих существ особенно сильна связь с родившими их, так что чувства и желания матери постепенно становятся чувствами и желаниями рождённого, и наоборот.

Чем больше гнева и злости будет она испытывать в этот период, тем лучше, Могот. Если же ты сумеешь превратить таких матерей в названных Дев Смерти — я сам лично попрошу нашего отца отдать тебе её душу!

Если тебе всё-таки не удастся ожесточить его мать, ты всегда можешь воспользоваться соперничеством между детьми, если в семье рождённого их будет несколько. Пусть старшие борются с младшими за внимание своих родителей, пусть постепенно такая борьба сделается смыслом их жизни, самой целью их существования. Отведя уже с детских лет его внимание от главного и сосредоточив его на семейных дрязгах, ты лишишь его возможности в свой срок достичь Творца — а затем мы воспользуемся этим.

Если же тебе не удастся нарушить их семейную гармонию, ты можешь использовать других, подобной гармонии не знавших. Их школы подойдут для этого как нельзя лучше. Дома, которые должны были бы служить оплотами человечности и мудрости, теперь благодаря нашим постоянным усилиям стали рассадниками жестокости, равнодушия и презрения. Используй таких людей, до которых не смогла дотянуться жадная рука этого далёкого от нас Творца, используй их как пешки в борьбе с таким человеком. Заставь их ненавидеть этого человека за сам факт его существования. Дай им почувствовать, что они в чём-то меньше его, что им нужно ещё достигать, в то время как он уже достиг — но пусть это обернётся не их желанием сделать это, а их ненавистью к нему.

Почти наверняка он будет одинок в своём стремлении, а твоих пешек будет много — а, как говорил один из этих жалких смертных, «один в поле не воин». Пусть его бьют, пусть его унижают и стараются всячески низвести — и пусть почувствуют в этом свою силу и его слабость. Это постепенно ожесточит его сердце, это не может не ожесточить!

Со временем он, конечно, начнёт считать своих притеснителей «низшими созданиями», дабы хоть как-то компенсировать в своей душе те унижения, которые он будет испытывать от них — и тем самым ещё больше настроит их против себя уже без нашей всесторонней и потусторонней помощи. А, начав ответно презирать их, он навсегда утеряет связующую его с Творцом нить и однажды забудет о своём долге.

Если же окажется, что Творец наградил этого человека развитым умом — тем лучше для нас. Помоги ему воспользоваться этим даром во вред нашему врагу. Пусть ему удаются достаточно сложные умственные задачи, пусть он познает успех от их решения — радость того, что сумел перегнать кого-то на этой дорожке, сколь бы узка и бесконечна она ни была. В этом случае со временем он не только начнёт презирать своих непосредственных притеснителей, но и многих других окружающих его людей как существ менее интеллектуально развитых. Ум не способен постичь Творца — и, всё больше и больше развивая его, ведомый тобой будет всё дальше и дальше удаляться от постижения того, что какой-то очередной смертный глупец назвал «простыми истинами». Будет великолепно, если ты сумеешь убедить его опираться только на этот свой ум в его юношеской и взрослой жизни — а с теми нашими влияниями, которыми уже подверглось их общество, это будет сделать не так и сложно, особенно для тебя.

Пусть он добьётся того, что традиционно принято считать признаками жизненного успеха и благосостояния — чем больше он станет привязан к этому благополучию, тем сложнее ему будет отказаться от него впоследствии ради следования путём нашего врага. Более того, когда в дальнейшем наш противник попытается приблизиться к нему и разрушить прутья его самосозданной тюрьмы — какой же сладостный поток гнева и непонимания он получит в ответ! Именно это имел в виду известный тебе пророк нашего врага, что затем было достаточно грубо и неточно переведено этими смертными как фраза о том, что богатый не войдёт в царствие небес.

Поэтому пусть его взрослая жизнь будет во всех отношениях успешной, что будет воспринято им как очередное доказательство его первоначальной правоты, теперь принёсшее заслуженные награды. Чем меньше у него будет сомнений в оправданности презрения к другим «низшим», тем меньше шансов у него будет услышать взывающий к нему через жизненные обстоятельства голос Творца.

Потому не дай ему задуматься над тем, насколько неверен такой путь презрения, насколько невозможно любить одних людей, презирая и ненавидя при этом всех остальных. Не позволяй ему решить, что прошлые обиды были лишь испытанием его любви к человечеству, которое необходимо для окончательного завершения его сердечной связи с нашим врагом. Однажды поняв это, он разом выйдет из-под нашего влияния!

О жалкие смертные, ну почему Творец наградил вас этой способностью разом разрубать эти десятилетиями тщательно создаваемые нами сети и в устремлённости к нему миновать все расставленные нами на вашем пути ловушки?! Жалкие, ничтожные смертные, почему здесь вы оказались сильнее нас — лучших из его воинов, однажды выступивших против?!

Поэтому не дай таким, как он, однажды понять, что вся их жизнь стала одним большим испытанием любви к нашему врагу и всему сотворённому им, не дай им обратиться к нему с раскаянием за прошлое непонимание! Осознав это, наделённые благодатью нашего врага, они становятся практически непобедимыми — так, что даже насылаемые нами впоследствии болезни и несчастья оказываются неспособны поколебать их сердца и заставить свернуть с ведущего ко врагу пути.

Осознав себя как творцов новой эпохи, они неизбежно попытаются начать воплощать планы нашего врага в жизнь. Этого нельзя допустить, ты слышишь меня, Могот?! Если ты допустишь такую оплошность, я… я… одним словом, не допусти этого промаха во имя своего собственного и нашего общего блага!

Я пошлю тебе ещё одного из своих воинов, Могот — вместе вы станете несокрушимы. Действуйте же, дабы нарушить все планы нашего врага и искоренить саму мысль о какой бы то ни было слишком уж потенциальной человеческой «божественности»!

* * *

Что ж, Могот, я вижу, что ты вновь делаешь успехи на своём пути нашего общего неминуемого торжества. Именно поэтому, за твою верность и преданность нашему проклятому делу, я прощаю тебе твою прошлую ошибку с новой, так и не сформированной Девой Смерти. Не упусти открывающуюся тебе возможность на этот раз, мой преданный слуга!

Как я уже говорил тебе, их разум обладает тем изъяном, той критической «конструкторской ошибкой», которую в силу своего желания видеть их свободными Творец однажды заложил в них. Конечно же, я вновь говорю о том, что было ранее названо «некритичностью» — а, если быть более точным, — их природной глупостью и ничтожностью их разума, из века в век несущего всё те же исконные животные инстинкты.

Как я уже сказал тебе, их смертный разум сам по себе не способен постичь Творца — для этого требуется ещё и порыв, этакий своеобразный толчок, импульс от того, что эти ничтожные смертные называют «душой» — и что является самой любимой нашей пищей со времён Снисхождения. Наш враг, создавая этих существ, «в великой благодати своей» дал каждому из них малую неразрушимую часть себя — и тем самым в потенциале сделал их бессмертными. Глупцы, мнящие себя сотворёнными по «его образу и подобию», если бы знали они, какое великое испытание тем самым дал им их отец!

Ты уже знаешь, Могот, насколько сильнее делает нас каждая поглощённая нами такая частица Творца, и тебе уже известно, что до начала этого процесса нам следует практически полностью потушить в ней изначально присущий ей свет сущности нашего общего врага. Даже мы, лучшие из его бывших воинов, не можем тягаться с этим сущностным светом напрямую и вынуждены долгими и тщательными усилиями изничтожать его.

Так вот, Могот, действие этого самого сущностного света, чаще всего проявляющееся в их смертных телах через то, что принято называть «сердцем» — только оно в сочетании с данным им разумом способно хоть как-то приоткрыть ту дверь, которой Творец как бы нарочно прикрылся от них. Но ни то, ни другое по отдельности не способно помочь наступить этому грязному «прозрению» — и это, возможно, станет самым большим их изъяном, который приведёт нас к победе над светом их душ.

Мой проклятый воин, теперь тебе предстоит вмешаться в то, что сами они обычно называют «наукой» — удел небольшого числа наиболее умственно одарённых Творцом существ, теперь ставших особенно уязвимыми. Наука как проявление данного им разума — то, что должно было по замыслу нашего врага служить им для постижения красоты и изначальной гармонии созданного для них мира, тем самым приближая их к отцу, — теперь она стала не его наблюдателем, но палачом, Могот!

«Учёные» двуногие неизбежно, как это и провидел Неназываемый, полностью подверглись влиянию своего разума, перекрыв тем самым другой их канал связи с нашим врагом. Возомнившие себя способными одним лишь умом познать суть окружающего их мира, они стали постепенно разрушать его — они обернулись против самой жизни, Могот!

Взгляни, взгляни своим огненным взором — и ты без труда увидишь, как в действительности «велики» их достижения за последние несколько сотен планетарных лет. Да, они действительно велики — велики как часть плана нашего несокрушимого отца!

Их планета стонет под гнётом их собственных изобретений, созданные ими орудия убийств себе подобных заставляют восхищаться даже нашего вечного отца, их изначальная сущность сведена до набора клеточных преобразований, их разум начал уничтожать жизнь. Воистину, эти твари нашего врага не ведают, что творят — они не ведают даже и того, что они уже сотворили.

Как сладко, Могот, как великолепно для всего моего существа наблюдать то, как другие люди, в которых большее развитие получила вторая компонента — как они восстают против такого уничтожения. Их сущность, сохранившая крохи воспоминаний о том, кем она когда-то являлась, всё их внутреннее естество восстаёт против того, чтобы «начать умирать уже с самого рождения», против такого препарирования и сортировки по полочкам всех жизненных явлений, включая и их собственную жизнь. Глупцы, считающие себя борцами за существование непостижимого, если бы знали они, какую верную службу служат они нам этим своим восстанием против науки!

Все дороги ведут к нам, Могот, и нет ни одной прямой, по которой они смогли бы так же просто прийти к нашему врагу. Мы используем эту борьбу учёных и неучёных, познающих и постигающих — дабы тем самым приблизить время воплощения в их мире сущности нашего непобедимого отца. Мы дадим этим сражающимся против науки чудо, Могот, — ведь они так жаждут доказать всем и вся, что в их жалком мире ещё осталась хоть частица того, что не было бы тщательно и методично изучено, классифицировано и препарировано.

Дети, бегущие за обманувшим их фокусником — вот кем станут эти двуногие! Наши воплощённые Чародеи Бездны уже работают над этим в их мире, Могот, и уже очень скоро таких отказавшихся от знаний и уверовавших в силу и богоподобность наших слуг станет огромное множество. Но мы пойдём дальше — мы создадим школы и общества магии, всевозможные Центры Управления Магическими Пертурбациями со своими верными последователями и учениками. Их практика подобных «чудес» со временем приведёт ко множеству самых разнообразных психических расстройств, их разум будет полностью лишён названной мной «критичности». И уже через несколько десятков их планетарных лет — срок, столь ничтожный для нас — отказавшиеся от знания в пользу чуда будут лишены последних крох разума — надо лишь только не позволить им понять, сколь недалеко каждый из них на самом деле способен пройти, двигаясь на одной ноге вместо изначально данных им двух.

Все дороги ведут к нам, Могот, надо лишь только однажды хоть раз свернуть с пути.

* * *

Да, Могот, именно это, названное тобой «распущенностью» свойство этих смертных является столь пагубным для их пути следования за нашим врагом и столь желанным для нас. Именно оно продолжает способствовать общему снижению жизнеспособности этих людей и появлению всякого рода злословенных излишеств и извращений. Как ты уже, должно быть, заметил, количество подверженных ему индивидуумов продолжает неуклонно расти, в чём свою особую и великую роль играет уже понятное тебе массовое сознание. Воистину, эти слепцы сами роют друг другу ямы!

Как ты уже увидел на примере наблюдаемых тобой существ, особенно значительно в последние несколько лет данному влиянию подверглась так называемая «сексуальная» сфера их отношений. Их смертное и уязвимое тело, сохраняющее все атавизмы имевшей место животной эволюции, и та частица неуничтожимой сущности Творца, которая позволяет этим телам по-настоящему существовать, — в какую же великую борьбу они способны вступать между собой!

Творец, ведомая нам часть замысла которого состояла, вероятно, в том, чтобы сделать этих существ бессмертными внутри и одновременно смертными вовне, тем самым раз за разом предоставляя им то, что называется «свободным выбором» с целью совершенствования данных им духовных частиц, — этот наш извечный враг в своём непостижимом желании видеть их внутренне свободными вновь допустил ошибку, ошибку, цена которой — человеческая душа.

Это их животное начало постепенно начинает побеждать, Могот, оно уже торжествует! Ты сам провидел своим испепеляющим взором этих людей и их оргии. Смешалось всё — смешались столь безуспешно воспитываемые в них нашим врагом понятия о должном и недопустимом, о естественном и безобразном (и безобразное стало, наконец-то, естественным!), о животном и человеческом (и человеческое стало животным!).

Сколь сладостно видеть таких людей, самих низведших себя до этого положения — и тем самым добровольно свернувших на наш неправедный путь! Скоро, уже очень скоро, Могот, этот их новый путь приведёт к окончательному размытию этих животно-человеческих границ. Ты сам видел, Могот, как они перестали гнушаться вступать в названные мной сексуальные связи с подобными себе по полу.

Ты сам провидел, как это их действо, должное по замыслу нашего врага служить проявлением любви (как ни противно мне сейчас произносить это слово!) двух — мужского и женского — существ друг к другу, как оно перестало быть достоянием двоих и стало достоянием многих. Что может быть чудеснее, чем видеть, как подобно слабому огоньку при внезапно нахлынувшем порыве ветра колеблется в их душах тот сущностный свет Творца, о котором я говорил тебе, и как постепенно он начинает затухать?!

Мы побеждаем, Могот, и знаки нашей победы уже стали отчётливо видны — так, как это и предсказал наш темноогненный отец. Скоро, очень скоро такие люди лишат себя большей части влитой в них Творцом при их воплощении силы — и станут предельно уязвимы и легкодоступны для нас. Глупцы, считающие этот свой «свободный секс» великим достижением их эпохи, в глупости своей отбросившие всю прошлую мудрость и опыт веков!

Творец, вечный ненавидимый нами враг, — он дал им частицу своей силы при их приходе в этот мир, но в силу недальновидности своей вновь разрешил каждому из них воспользоваться ею по своему собственному усмотрению. Он, наш враг, дал им знание о том, что только через любовь, которая является сутью его природы, они способны приблизиться к нему, они способны получить новые силы для собственного роста, чтобы однажды, наконец, вернуться к нему уже преображёнными.

Они не услышали его, они глумливо отбросили это знание как не соответствующее их истинным наклонностям! Теперь уже с младых лет они тратят эти свои силы лишь на взаимную борьбу, время от времени находя мнимый отдых в том, что они стали называть сексом — том, что постепенно отошло от той сущности любви, которую хотел видеть в них наш враг, — настолько, насколько это вообще возможно. Утратив эту основу любви, они неизбежно должны были прийти к её заменителям — и они неизбежно пришли к тому, прямым свидетелем чего ты стал, Могот.

Пусть же эти ничтожества продолжают идти по этой дороге вниз! Постепенно этот их секс уничтожит в их душах последние крохи изначальной любви и выпьет из них все жизненные силы. Они начнут заниматься сексом с животными, они начнут сходить с ума, впадать в длительные депрессии и меланхолии, которым их врачи не будут находить объяснения, и впоследствии кончать собственный путь убийством самих себя, проклиная эту жизнь и создавшего их, и так и не осознав, что не Творец проклял их — но они сами.

Пусть же они продолжат этот спуск по дороге вседозволенности, пусть не остановятся и не свернут с неё! Наша победа уже совсем близка, Могот. Ибо, как сказал наш вечный отец: «И проклянут они врага моего и себя самих — и примут они огненное крещение моё. И, приняв крещение моё, станут вечной частью меня, не зная боли, любви и поражений».

Иди же, Могот, иди и исполни наш великий план!

* * *

Ну кто бы мог подумать, что выполнение очередной части нашего неисповедимого плана окажется столь лёгким? Воистину, эти слепцы сами ведут друг друга в бездну!

Я, стоящий по правую руку от Неназываемого, очень доволен тобой, Могот, и твоими последними успехами на их плане. Неразрываемое расчленено, несоединимое соединяется — и, значит, наконец-то исполняются давно открытые нам нашим вечным отцом в своём тёмном провидении пророчества.

Что может быть прекраснее, чем выпестованная ими самими взаимная ненависть друг к другу, что может быть целительнее, чем борьба целых народов за никому не ведомые цели — борьба, которой, слава отцу, так и не предвидится конца?!

Ах, Могот, Могот, если бы ты был способен хотя бы на ничтожную часть жизни временного континуума почувствовать то, что испытываю сейчас я! Не один, не два, не сотня этих смертных — но тысячи и сотни тысяч, каждый день сталкивающиеся в своей последней смертельной схватке за неведомые им цели их вождей… О Неназываемый, как же это прекрасно! Воистину, эти слепцы теперь каждый день сами роют себе и другим обширные погребальные ямы.

Ты, должно быть, помнишь, как было сложно нам бесчисленные тысячелетия тому назад хоть сколь-либо отдалённо попытаться воплотить подобное? Примитивные двуногие, они были настолько ограничены самой природой этого их плана, что не могли сколь-либо значительно повредить друг другу. Теперь же всё изменилось. Их «разум» — очередное проклятие, которым наделил их этот неисповедимый Творец — уже почти сделал всё столь нам необходимое, и сейчас они в считанные мгновения могут полностью уничтожить всю планетарную жизнь их физического плана.

Казалось бы, теперь пришло самое время использовать наших призванных для того, чтобы через них спровоцировать использование этого созданного ими оружия и устроить всемирный апокалипсис — но планы нашего вечного отца гораздо шире и дальновидней, Могот. Да, агония и боль миллиардов этих существ, умирающих в одно чудесное мгновение, — они бы стали воистину проклятой и великой пищей для всех нас и значительно приблизили бы день, когда сдерживающие нас оковы окончательно падут в прах и мы станем вновь свободны — и, тем не менее, этого было бы недостаточно. Даже апокалипсис всего их мира, сколь бы грандиозен он не был, не даст возможности нашему отцу насытиться настолько, чтобы окончательно взломать сдерживающие нас в нашем плане барьеры. И именно поэтому мы выбрали другой путь, Могот, путь медленный и не столь скорый, но неизбежно ведущий к победе.

Мы не станем уничтожать их сразу, мы будем убивать их постепенно — до тех пор, пока чаша сострадания нашего врага (если он действительно способен испытывать нечто подобное) к этим его жалким творениям не переполнится, и он «в вечной славе своей» не спустится в их план и тем самым, наконец, станет уязвим для нас, или же пока получаемая нами сила не превысит тот самый барьер, столь необходимый нашему вечному отцу для начала процесса Исхода.

Что бы ни случилось раньше — всё это ожидаемо и просчитано нами бесчисленные эоны назад, и именно поэтому наша окончательная победа неминуема! А до этого — до этого мы будем уничтожать их постепенно, Могот, уничтожать их же руками.

Ты, должно быть, тоже заметил начало давно ожидаемого нами процесса, когда они в безумии своём всё сильнее начинают пытаться разделить их собственный мир на кучу отдельных маленьких кусочков? Подобно несмышлёным детям (и какой же пророк нашего врага сказал, что именно им принадлежит это «Царство Божье»?!) они пытаются тянуть одну общую игрушку в разные стороны, каждый при этом искренне надеясь, что именно ему она и была подарена, и не понимая, чем могут закончиться подобные «состязания».

Теперь их уже несколько сотен, Могот, — несколько сотен этих самых «государств»! Их планеты уже нет — она умерла, Могот, дабы быть располосованной на тысячу и один кусок в угоду отдельным группам этих смертных, и теперь, наконец, эти «дети» (и как Творец не устал называть их таковыми?!) стали убивать друг друга за не им доставшийся кусок.

Это настолько злословенно — видеть, как вокруг этих кусков образуются свои отдельные группы этих смертных, каждый со своим «великим» вождём, каждый со своей самой лучшей религией и историей, каждый со своим самым светлым будущим, каждый со своим избранным народом — каждый смертный глупец, возомнивший себя вправе распоряжаться не ему данным подарком! Такими темпами эти двуногие скоро сами воплотят наш план даже без нашей непосредственной потусторонней помощи!

Усилить в сознании каждого из них ощущение избранности его «нации», его «государства», его «страны», довести его до неимоверных пределов, поставить во главу их государств тех, кого коснулась наша рука — а затем они сами довершат остальное.

Пусть разучатся доверять друг другу, пусть видят в действиях других будущие заговоры и обманы, пусть научатся видеть исключительно личный интерес и интерес их государств — ставший столь же узким — во всём, пусть постоянно ведут нескончаемые стычки, пусть их политика по отношению друг к другу обернётся животной борьбой, а дети их детей однажды познают вкус мести! Истинно, они никогда не поймут, что разделили то, что разделить не могли — ведь всё же разделили!

О, Творец, ну неужели ты не мог наделить представителей этого своего стада хоть небольшой каплей истинной разумности, дабы они могли хоть как-то попытаться противостоять приближению нашего плана и тем самым хоть немного поразвлечь нас? Воистину, Могот, эти ничтожества стали похожи на тех «святых» древности, которые очищали эту планету от скверны, щедро удобряя её кровью грешников.

Чего только стоит их «благотворительность», ставшая задушенным криком умирающей совести! О, она напоминает мне ситуацию, когда очередной их «святой», убив родителей маленького ребёнка, затем осеняет его, забившегося в ужасе, благословением — и даже даёт ему монетку в знак своей великой и извечной щедрости!

Нет, Могот, это даже забавнее — это похоже на то, как если бы кто-то из них преклонил колени перед нашим врагом и в сердечной молитве своей попросил Творца уничтожить недругов этого смертного и тем самым ещё более усилить его «веру»! Именно о таких наших пророках я говорил тебе, Могот. О, как же сладостно видеть их рождение!

Пусть, пусть они продолжают исключительно ради успокоения ноющей совести, а вовсе не по зову собственных душ, помогать всем этим «голодающим детям в такой-то стране», этим «несчастным жертвам таких-то кровавых актов», отказываясь от столь правдивой и столь неприемлемой для их сытых и самодовольных сознаний мысли о том, что именно они в своём стремлении разделить неразделимое стали причиной подобных бедствий.

Пусть их совесть спит — а щедрость торжествует, пусть их глаза созерцают — а сердце молчит, пусть же они, вечно смотрящие по сторонам и никогда не смотрящие впереди себя, продолжают идти туда, куда однажды придут все, чьи судьбы были предрешены в момент восхождения создавшего нас отца. Разделённые, разбросанные, разобщённые — что могут сделать они против нас, единых в своей цели, нас, пронзающих миры?!

Они сами вырвут друг другу глаза, они сами пронзят друг другу сердца, они сами проклянут друг друга — и тогда, в то самое и неизбежное мгновение, в тот предвиденный и предсказанный миг, в тот момент неизбежности — последние сдерживающие нас барьеры будут, наконец, разрушены!

* * *

Признаться, те доклады о твоей деятельности, которые я получал в последнее время от другого своего подопечного, тревожат меня, Могот. Ты вновь не смог выполнить возложенное на тебя задание — или, быть может, ты и не хотел его осуществлять? Обстоятельства какой непреодолимой силы помешали тебе разорвать образовавшуюся духовную связь между двумя известными тебе новоявленными влюблёнными?

Почему ты проигнорировал обозначенный странный случай внезапного одухотворения и обращения к Творцу нашего испытанного лжепророка? Почему не помог получить тот лотерейный выигрыш обозначенному тебе человеку, дабы, как это первоначально и планировалось, надолго сбить его с того пути, который ему готовил наш враг, превратив его впоследствии в самого что ни на есть практичного земного дельца? Почему не посеял новый спор в том творческом коллективе работников, о котором тебе поведал присланный мной помощник, тем самым надолго прервав их столь противную нам деятельность? Неужели ты исчерпал свой потенциал?

Могот, я требую от тебя ответа! До сих пор ты всегда верно служил нашему общему делу, и у меня не было поводов сомневаться в твоей преданности — именно поэтому ты до сих пор находишься на свободе в их плане. Но и ты, и я — мы оба прекрасно знаем, что бывает с теми немногими, кто по непонятным причинам однажды предаёт нашего огненного отца, и ещё одним примером этого может служить судьба того предавшего нас пророка, случай с которым ты столь небрежно проигнорировал!

Он развоплощён, Могот, его последнего «обращения» к нашему врагу оказалось недостаточно для того, чтобы искупить столетия прошлого служения нашему делу — и мы сумели захватить его ускользающую духовную сущность, сколь бы сильно она ни рвалась наверх!

Теперь он развоплощён и пребывает в том временном Карцере Душ, о котором вам уже не раз говорилось. В скором времени он предстанет перед самим Неназываемым, дабы в последние мгновения своей ещё пока самостоятельной жизни узреть мощь того, против кого он имел несчастье выступить, того, кто повергнет его духовную сущность во прах и навсегда поглотит её, очистив от всякой скверны добра и света, чтобы её сила, как и сила тысячи ей подобных, однажды, в лишь Неназываемому и Творцу известный час, была использована, дабы окончательно воплотить наше царство в их жалком мире и навсегда закрыть его от возможности доступа к нему Творца.

Так или иначе, его ничтожная сущность сослужит нам свою пользу — так же, как сослужит и твоя, в независимости от того, пребудешь ли ты с нами или же вдруг решишься отбросить ту руку, что взрастила тебя.

Мои верные соратники будут продолжать наблюдать за тобой, Могот, наблюдать за каждым твоим шагом — и, если это вдруг потребуется, я пошлю и самого Читающего Души, дабы быть уверенным в твоей верности — или в том, что отсутствие таковой будет пресечено и поражено нами со всем возможным усердием.

Но всё же я «верю» (до чего же всё-таки противно звучит это слово, навсегда запечатлевшее в себе отпечаток нашего врага!) тебе, Могот, — я знаю, что ты не способен предать наше дело и отчётливо видишь, сколь нелеп отбросивший нас Творец, и сколь ничтожны и обречены на поражение все его планы. Я уверен, что ты не допустишь более столь нелепых ошибок и все свои силы отдашь на то, чтобы в очередной раз проявить всё твоё столь любимое мной тёмное умение, не будь ты сыном самого Падшего Праведного!

В скором времени очередной мой посланник вновь пришлёт тебе весточку с пожеланием о том, что от тебя требуется. Не вздумай считать его подобным прошлым — в этот раз при его невыполнении мы уже не сможем тебе, как выражаются эти смертные, «спустить всё с рук»… то есть, конечно же, с лап. Я верю, что ты не подведёшь нас. О последствиях обратного ты был предупреждён.

Действуй, Могот, и заклинаю тебя всеми кругами ада — не смей подвести нас!

* * *

Что же, Могот, я рад, что ты внял моим прошлым словам и оценил их по достоинству. Твои недавние успехи позволяют надеяться, что ты действительно способен очень здраво оценивать реальность.

Как ты совершенно справедливо заметил, в последнее время неразбериха в их умах дополнилась хаосом в их душах — явлением, столь ожидаемым и любимым нами.

Всё дальше и дальше уходят они от той изначальной сути, заложенной в них нашим врагом, преображения и торжества которой он хотел в них видеть, — и тем самым всё стремительнее продолжают приближаться к нам.

Теперь они разучились любить и верить. Да будут прокляты оба этих мерзких чувства во веки веков! К настоящему моменту они уже достаточно сильно погрузились в иллюзию того, что считают единственной существующей реальностью, и стали, наконец, уязвимы для наших Падших Праведных. Их ум — то, что эти двуногие стали считать единственным данным им механизмом познания их мира, — какую злую шутку он уже почти готов сыграть с ними, какой благословенный душевный хаос он способен породить!

Ты совершенно верно использовал его для того, чтобы помочь им победить в своих душах любовь — почти также, как в своё время они победили природу своего плана. Теперь, когда они постепенно всё больше и больше уклоняются от осознания той единой сущности, на основе которой наш враг сотворил их и все прочие ведомые нам миры и планы, — именно теперь наши возможности окончательно изменить предназначенный им путь возрастают безмерно.

Теперь, когда они постепенно теряют это чувство и эту спасительную защиту, они становятся всё более и более уязвимыми для наших тёмных воздействий. Они будут болеть, Могот, — не понимая, чем вызваны их болезни и где найти лекарство. Они будут ненавидеть, Могот, — не осознавая, на чьё опустевшее место пришла их ненависть. Они будут хулить и ругать нашего врага, так и не сумев признать лишь себя ответственными за то состояние, в котором они начнут пребывать. И когда они, наконец, окончательно откажутся от этой проклятой любви и потеряют веру в неё — в тот самый миг они навечно станут нашими.

Очень скоро это случится — так, как и провидел Неназываемый. Внешне здоровые начнут порождать духовно больных, а внешне больные смогут породить духовно здоровых. Порядочные будут выглядеть как преступники, а преступники станут казаться порядочными. Уважаемые станут презренными, а презренные добьются уважения. Радость станет ненавистью, а ненависть будет давать радость. Праведники окажутся грешниками, а среди грешников будут найдены праведники. Любовь превратится в иллюзию, и иллюзии заполнят их умы. Будущее исчезнет, оставив место настоящему, и настоящее возненавидит прошлое и уничтожит будущее. Белое станет чёрным, а чёрное будет белым, и, смешавшись, они породят то, что будет признано ими как совершенство.

И когда всё это произойдёт, время обернётся вспять, дабы дать им увидеть то, к чему они пришли, но у них не будет времени этому ужаснуться, ибо исполнится последнее пророчество, и Неназываемый выйдет из своей многолетней тюрьмы, дабы сразиться с Творцом за этот тварный мир и победить его.

Но пока у них ещё есть время, ибо всей силы нашего отца по-прежнему недостаточно для того, чтобы разрушить сдерживающие его преграды, — и именно это время мы, его верные слуги, должны использовать для того, чтобы всеми силами своими приблизить миг его окончательного проклятого торжества.

И ты, Могот, по-прежнему остаёшься одним из тех немногих тысяч, что день за днём и час за часом приближают этот блаженный миг. Твой последний успех с превращением этого сострадающего и любящего смертного в ненавидящего и презирающего других тирана как нельзя более ярко говорит о том, что осуществить подобное преображение этих существ в наших силах.

* * *

Как приятно видеть, сколь беспомощны они перед нашим влиянием, сколь сильно при нашем к ним приближении они пытаются цепляться за всё то «земное», к чему они столь привыкли, так и не осознавая, в чём может быть их единственное спасение. Они подобны тем глупым пловцам, которые не только не способны помочь другим тонущим, но и готовы добровольно утонуть сами, если где-то в водных глубинах им вдруг мелькнёт отблеск какого-то несуществующего великого сокровища.

Что же, пусть, уже почти доплыв, они увидят, что этот самый блеск сокровища был ничем иным, как глубоким отражением солнца в воде, — а на то, чтобы всплыть, у них уже не хватит ни сил, ни воздуха. Ничтожные рыбёшки, жадно вбирающие своими жабрами остатки водного кислорода, никогда не поймут они, что то солнце, блеск лучей которого они приняли за сокровище, находится не в далёких глубинах и неведомых далях, но над самыми их головами, теперь навечно опущенными вниз. И пусть не говорят, что не они выбрали свой путь, и пусть не сетуют на Творца, сколь бы желанно это для нас не было, — ведь даже он, этот Творец, не в силах отменить однажды им же созданные законы.

А пока — пусть развлекаются. Пусть празднуют эти свои, конечно же, великие достижения науки и техники. Пусть будут сытыми и довольными, пусть никогда не станут чуткими. Пусть нравственность сделают завесой от смрада разложения. Пусть любовь превратят в покупку, притом не всегда удачную. Пусть их радость проистекает от жизненных успехов, а ненависть — от очищения. Пусть будет разбужена их сексуальность, дабы занять место любви. Пусть их совесть никогда не проснётся, а сердце замолчит. И пусть никогда больше они не поднимут своих голов к небу.

Пророчества исполняются, и наше время грядёт. Миг разрушения последних барьеров уже не за горами.

* * *

Разрушать гораздо легче, чем созидать, но даже нам в своей проклятой борьбе приходится иногда совершать второе. Я, конечно же, имею в виду разрушение любви как основы основ и созидание ненависти и презрения. Ах, как же порой сладко вкушать плоды наших трудов!

Эти жалкие, ничтожные любящие, насколько легко они поддаются на наши уловки! Большинство из них — и особенно молодые — не выдерживают даже одной, сколь-либо значительной трудности.

Нежелание мужа иметь детей; неумение жены быть понимающей всегда и постоянно, а не только, когда по-иному уже нельзя; чрезмерное употребление мужем придуманного нами «горячительного»; непомерная по меркам мужа привязанность жены к тем самым презираемым большей частью мужчин «шмоткам»; наконец, прямо-таки какая-то почти врождённая неспособность добродушно (сколь ненавистное слово!) относиться к недостаткам друг друга. Тысяча и один способ разрушить и обратить во прах их жалкую любовь — и ещё больше способов вообще не дать ей возможности появиться на свет.

О отвергнувший нас Творец, ну что за жалких созданий ты способен подчас создавать?! Неужели это ты, праведный, научил их убивать друг друга взаимными обидами? Неужели это ты, о всемилостивейший, сказал им, что безответная любовь есть данное им свыше проклятие? Ты ли это, о многоликий, указал им на то, что единственной формой любви является любовь между мужчиной и женщиной, а не любовь человека ко всему миру? Неужто это ты, о чистейший, помог им понять, что животный секс может быть единственной заменой любви?

Быть может, это был ты, кто дал им детей как оружие в их вечной борьбе друг против друга? Не ты ли лишил их терпимости, не ты ли создал все условия для того, чтобы их радость стала их общей печалью, а их чувства — жалкими затухающими искрами, небрежно гаснущими при наступлении духовной ночи? Нам, отрёкшимся от тебя, известен твой ответ. Но тем хуже для тебя и твоих пешек, которые так и не научились любить!

Почему же ты продолжаешь заботиться о них и защищать их? Чего ты надеешься достигнуть? Неужели ты думаешь, что они, эти твои рабы (хоть ты и привык называть их детьми), хоть сколько-нибудь изменятся за какую-то сотню лет, если не сумели измениться и за тысячелетия?! Неужто ты полагаешь, что они, наконец, услышат тебя, в то время как были глухи к сотням и тысячам голосов твоих вестников? Неужели ты не способен понять, что они уже давно не твои?! Они уже наши, они изначально были нашими — и теперь уже навсегда останутся таковыми. Мы уже победили.

Посмотри, взгляни на этих жалких ничтожеств — и ужаснись, о всемогущий! Они проклинают тебя, они ненавидят друг друга, они уже почти уничтожили тот мир, что ты создал для них, они уже подошли к последней черте. Они полубезумны, эти твои люди, они повернули вспять. Скоро замкнётся круг, и от недобожественности не останется и следа.

Откажись от них, пока они окончательно не отвернулись от тебя, отдай их нам! Да будут осквернены их души, эти жалкие смертные не заслужили твоего вмешательства и помощи! Отдай их нам, пока ещё не поздно — или узри гнев нашего вечного отца, уже разрывающего последние прутья не тобой созданной тюрьмы! Сила наша растёт — и теперь даже ты, сколь ни велика бы была твоя мощь, уже не сможешь нас остановить. Последние барьеры рушатся. Мы грядём!

* * *

Могот, жалкий ничтожный глупец, как смел ты отбросить руку, взрастившую и питавшую тебя, как смел ты предать наше общее великое дело?!

Жалкий выкормыш, пользовавшийся нашим безграничным доверием, как посмел ты уничтожить моего посланника, следившего за тобой? Как смел ты обратить во прах все столь долго лелеемые мною надежды на твоё использование?! Демон от плоти и крови, как посмел ты пойти против твоих же братьев, как не побоялся выступить против нас? Жалкий червь, недостойный пресмыкаться у наших ног, возомнивший себя способным стать «истинно свободным»!

Неужели ты думаешь, что этот Творец окажется способным защитить тебя от нашего праведного гнева? Неужели ты надеешься, что тот, кто спокойно взирал на все бесчинства этих людей целыми тысячелетиями, решит вдруг позаботиться о каком-то жалком слуге его врагов?! Неужели ты думаешь, что он, наш вечный непримиримый враг, даст тебе возможность существовать в их мире в присущей им форме? Сколь глупы и жалки твои планы, предатель!

Наша месть будет страшна, Могот! Ты не сумеешь скрыться в их мире, ты не уйдёшь от нас! Мои верные слуги найдут тебя, и участь твоя будет страшнее участи самого дерзкого из предателей! Каждая частица твоей сущности подвергнется трансформации и будет впитана Неназываемым — но мы милосердно доставим тебе удовольствие не быть поглощённым сразу. Твоя память и личность уйдут, но сознание останется — мы не уничтожим его до тех пор, пока сдерживающие нашего отца барьеры окончательно не будут уничтожены — и в тот самый миг, когда будет разрушен последний из них, ты будешь окончательно уничтожен.

Неназываемый впитает последние крохи твоего умирающего сознания — и в тот последний миг, когда это произойдёт, ты узришь, как наш отец выходит на свободу, и как дрожат под его шагами все планы бытия! Ты поймёшь, что опоздал, ты осознаешь, сколь беспомощен ты был с самого начала помешать нам, сколь бы хитро и коварно ты не пытался ввести нас в заблуждение, ты в ужасе прочувствуешь всё это… и в тот же самый миг тебя не станет. Это будет милосердная смерть, и в то самое последнее мгновение ты, быть может, ещё окажешься способен поблагодарить нас за неё.

Не думай, что твой век среди этих смертных даже в форме человека будет долог — рано или поздно мы найдём тебя, или же ты сам придёшь к нам, не в силах жить среди них. Твоя земная жизнь станет твоим кошмаром, Могот, и ты, наконец, поймёшь, почему даже наш враг решил не вмешиваться в её ход тысячелетиями!

Отныне ты Изгнанный, Могот, и любой наш союзник, коих даже на этой планете у нас неисчислимое количество, почтёт за честь сослужить нам службу, поймав тебя. Наша охота начинается. Тебе не уйти.

А пока живи, и пусть твоя жизнь среди этих смертных станет ещё одним напоминанием Творцу о том, к чему так или иначе приходят почти все его создания. Живи, Могот, но помни, что теперь твой век уже очень и очень недолог, и даже наш вечный враг не будет способен тебе помочь. Живи, Могот, но знай — мы идём за тобой. Твоя судьба уже предрешена.

31.12.2006

Шалость

— Слушай, а это точно то самое место? А то что-то я, как выражаются эти смертные, очкую, — продолжая заглядывать через едва заметную прорезь в двери, спросил своего напарника Чертёнок. — А то ведь нам даже карт никаких не дали, сказали: «разберитесь на месте» — а вот на каком именно месте нам надо разбираться и как потом собраться, ежели нас здесь всё-таки разберут на части, ни черта не пояснили!

— Вроде оно… — озадаченно переминаясь с копыта на копыто, ответил Бесёнок. — Видишь, сколько там аппаратуры всякой понатыкано? Это точно та самая рубка управления. Ух, у меня аж прямо мурашки по рогам бегут, чего мы сейчас тут устроим!

— Ага, — скривил страшную рожу Чертёнок. — Ты только ещё попади в неё сначала! Дверь-то заперта, видишь? Наверняка на неё ещё какие-нибудь чары защитные наложены, чтобы таких, как ты, дураков отваживать…

— Не очкуй! — перебил его Бесёнок. — Пни ты её просто, авось и откроется!

— А я и не очкую! Не нравится мне всё это. Мы же даже охраны не встретили на пути сюда. Вот должно же это место хоть немного охраняться? Нас прямо как в ловушку сюда заманивают…

— Слабак! — сплюнул на пол Бесёнок и, что есть силы, пнул копытами дверь. Дверь послушно отворилась, впуская не слишком желанных посетителей внутрь. — Совсем силы в копытах у тебя не осталось, как я посмотрю, братишка! Видишь? Проще жареной репы!

— Не нравится мне всё это… — продолжая ворчать себе под нос, Чертёнок аккуратно вошёл в комнату. — Вау… — вымолвил он спустя пару секунд. — Сколько приборов! Ты посмотри только!

— Точно она! — довольно подтвердил его возглас Бесёнок. — Как есть она! Я так и знал, что у нас всё получится. Вот сейчас найдём, как отключить тут систему безопасности, — и, как говорят эти смертные, дело в котле!

— В шляпе, олух! — засмеялся Чертёнок. — Вечно у тебя одни только котлы и кодлы на уме!

— Нет ничего приятнее для глаз моих, чем какая-нибудь кодла в котле, братишка! Постой пока на стрёме, а я посмотрю, что и как здесь включается.

— Стрёмно это — на стрёме стоять, — сделав кислую рожу, вымолвил Чертёнок, направляясь к двери. — Случись что — первым на огрехи получаешь.

— На орехи, бездарь! — ответил ему любезностью Бесёнок. — Ты, как я посмотрю, тоже человечий язык знаешь далеко не в совершенстве. Потому-то тебя и не посылали больше в их миры — ты бы там таких орехов иначе наколол… никаких грехов бы люди под нечутким твоим руководством не совершали бы, потому что просто бы не понимали, чего ты от них хочешь.

— Ладно, ладно, уговорил, — хихикнул Чертёнок, встав у двери. — Ну, чего там?

— Так… — продолжая ходить вокруг приборов и рассматривать их, озадаченно произнёс Бесёнок. — Или не так…

— Чего там? — вновь полюбопытствовал Чертёнок. — Есть чего интересного?

— Есть, но не про нашу честь… Вот же ж чёрт!

— А? — ответил Чертёнок. — Ты звал?

— Это я фигурально выражаюсь так, как у людей принято благодаря нашим усилиям, — съязвил Бесёнок. — Ты стой там, давай, не отвлекайся!

— Стою, стою… — нехотя подтвердил Чертёнок.

— Вот же ж чёрт! — вновь выругался Бесёнок, оглядывая панель управления. — Тут же все надписи под кнопками вообще на каком-то не нашем языке! Это похоже на этот, как его, староангельский! Ты учил староангельский? — вопросительно взглянул он на чешущего свой рог Чертёнка.

— Лошара! — едко захихикал Чертёнок. — Староангельского он не знает! Я, кстати говоря, тоже не знаю. Ему же хрен знает сколько иномировых лет уже, кто ж его теперь учит-то! Вот и мы в нашей огненной школе его не проходили. Точнее говоря, проходили, но мимо него — сразу учились, как греховные мысли для людей создавать.

— Чёрт знает что! — выругался Бесёнок.

— Да нет, я не знаю. Спроси у кого-нибудь другого, если заметишь его тут! Придётся тебе тыкать всё подряд, авось оно и отроется! — вновь хихикнул Чертёнок.

— Откроется, — продолжая ходить туда-сюда между управляющими панелями, горько ответил Бесёнок. — Теперь мы в полной заднице! «Чертежей у нас нет», — говорили они. «Разберитесь на месте», — говорили они. «Действуйте по обстоятельствам», — говорили они…

— Ну вот и будем действовать по обстоятельствам! — едко крикнул Чертёнок, подбежав к одному из множества управляющих терминалов. — Вот так вот! — с этими словами он ударил кулаком своей лапы по расположенной вверху терминала синей кнопке неизвестного назначения. В комнате раздался протяжный звук, и в самом её центре возникло голографическое изображение какой-то планеты.

Изображение это жило своей жизнью, отображая ход планетарного времени и действия отдельных людей. Рядом с планетой в воздухе появились несколько индикаторов на новоангельском языке, среди которых в том числе были «добро», «зло» и «будущее». Индикаторы эти то и дело изменялись, отображая общее количество совершённого на планете её жителями добра и зла, а индикатор «будущее» графическим образом представлял наиболее вероятный для планеты итог с учётом текущих показателей добра и зла.

— Как ты это сделал? — удивлённо скривил рог Бесёнок. — Интересно, здесь уже на новоангельском написано. Приборы явно древнее, чем эта штука.

— Это же Земля! Я же там совсем недавно в командировке был! Смотри, человечки бегают! Маленькие какие! — захихикал Чертёнок, подойдя к голографическому глобусу и принявшись разглядывать его в деталях.

— Приветствуем вас, земляне! Если вы там ещё не перебили друг друга, мой вам совет — не затягивайте с этим! — что есть силы гаркнул Бесёнок, подойдя к трёхмерному глобусу.

— Вряд ли они тебя услышали, — едко заметил Чертёнок. — Это же проекция.

— А может, они наши мысли услышат? — задумчиво произнёс Бесёнок. — Сейчас я вот этому человечку, который с работы домой возвращается уставший, мысль передам о том, что жена у него — изменница, а дети — неблагодарные выродки, — и Бесёнок ткнул когтем в миниатюрное изображение одного из людей.

Спустя короткое время маленький человечек как-то странно встряхнул головой, лицо его напряглось, глаза потемнели, и он ускоренной походкой направился к себе домой.

— Смотри-ка, работает! — гоготнул Бесёнок. — Бьюсь о склад, сейчас этот ревнивец придёт домой и устроит своим близким серьёзную выволочку, а общий индикатор зла возрастёт!

— Лошара! — хихикнул Чертёнок. — Оно же везде так работает, если внутренний настрой человека совпадает с нашими мыслями. Это же универсальный закон.

— Ты мне лучше скажи, как тут сигнализацию отключить, ежели знающий такой! — съязвил Бесёнок.

— А я откуда знаю? — вопросительно взглянул на него Чертёнок. — Знал бы — цены бы мне не было!

— Тебе и так её скоро не будет, если нас с тобой тут застукают. Мы в этом случае с тобой станем совершенно бесценными существами — в том смысле, что от горсток пепла совершенно никакого проку никому уже не будет.

— Ну не знаю я староангельского! — горько признался Чертёнок. — Хоть зачертыхайся! Бесишь уже меня!

— Ну, мне по профессии положено, — хмыкнул Бесёнок. — Так что делать-то будем?

— Давай мыслить с тобой трагически. Это важная функция, и поэтому для неё должна быть какая-нибудь большая кнопка, или рубильник, или ещё что-нибудь в таком огороде.

— Очень трагически! — передразнил его шипящий Бесёнок, показав язык. — А вот если мыслить всё-таки логически, то нельзя же пробовать всё наобум.

— А вот и можно! У меня же получилось с Землёй!

— Просто случайно повезло не активировать какую-нибудь смертельно опасную функцию, — пожал рогами Бесёнок, глядя, как его напарник изучающе смотрит по сторонам. — Хотя в отношении Земли лучше бы ты её всё-таки активировал.

— Вот, нашёл, кажется! — довольно ответил Чертёнок. — Большая красная кнопка! Самая большая кнопка на всех этих терминалах, между прочим.

— Ну ежели большая и красная, то точно она! Это стопроцентная гарантия… чего-нибудь! Например, того, что при нажатии на неё под нами откроется люк и мы оба с тобой упадём в световой котёл!

— Это она! Я чувствую это! — продолжал настаивать на своём предположении Чертёнок. — Нутром чую!

— А я чую, что ты кретин, чертяка!

— Это я-то чертяка?! А ты, ты… бесяка!

— Ты кого назвал бесякой, демон?!

— Тебя!

— Ах ты, выродок!

— На себя посмотри, безродное отродье!

Не на шутку распалившиеся сжигавшим их с самого момента своего рождения внутренним огнём злобы, недавние напарники вцепились друг в друга, терзая и мучая. Удар следовал за ударом, когти и рога впивались в плоть. Бесёнок явно превосходил Чертёнка в злобе, силе и живучести — и после очередного апперкота Чертёнок отлетел в сторону, упав на пульт управления с той самой большой красной кнопкой, из-за которой и разгорелся их конфликт. Кнопка послушно прогнулась под весом его массивного тела, а спустя пару секунд, будто по мановению невидимого инженера, ожили все терминалы одновременно, а дверь, через которую вошли гости, с шумом закрылась.

— Процедура Конца завершена. Запущена процедура Начала, — огласил свой вердикт мелодичный женский голос.

— Ты что наделал, выродок?! — Бесёнок схватил Чертёнка за грудки и затряс его. — Ты… ты активировал её! Полностью! Вот теперь мы точно в заднице! Жди скорых гостей, чтоб не собрать своих костей, как говорится!

— Это ты меня на неё толкнул! — прошипел Чертёнок, силясь освободиться от захвата. — Пусти!

— Мы в заднице! — горько воскликнул Бесёнок и бросил Чертёнка на пол. — Мы в полной жопе!

— Конец и Начало… — ошарашенно глядя на оживший зал управления, произнёс Чертёнок. — Конец и Начало… Что же мы наделали! Теперь нас всех убьют!

— Тебя, может, и убьют, а я… ещё успею сдаться в план… точнее, в плен! — едко ответил ему Бесёнок.

— Нас всех убьют… убьют… мы станем горсткой пепла… это даже хуже, чем вернуться к чёртовой матери… — Чертёнок забегал по комнате, что-то бормоча себе под нос. — Помирать, так с музыкой! — вдруг истерично закричал он и принялся выстукивать копытами по полу.

— Слабак! Убожество! — едко сплюнул Бесёнок, усевшись на пол и опустив голову.

— Сканирую… сканирую… В рубке обнаружены посторонние, — вновь внезапно раздался голос невидимого диктора.

— Нас засекли! — заверещал Чертёнок, бросившись к двери в тщетной попытке её открыть. — Выпустите меня, выпустите!

— Сканирую… сканирую…

— Прими смерть с достоинством, трус! — ответил колотящему в дверь Чертёнку его напарник.

— Сканирую… сканирую… Определены класс и категория посторонних. Установлена позитивная взаимосвязь между посторонними и запуском первичной процедуры. Начата процедура трансформации…

Комнату озарил красный световой луч, исходящий откуда-то из потолка. В считанные мгновения он приблизился к двум нежданным гостям.

— Всё, теперь точно конец… — едва успел подумать Бесёнок. — Чёрт меня дери!

Луч коснулся замершего у двери Чертёнка, его окутало какое-то красновато-голубое облако, но уже буквально через считанные иномировые секунды туман этот рассеялся, и перед опустившим голову в пол Бесёнком возник…

Могучий воин в сияющих доспехах смотрел на сжавшегося на полу Бесёнка и улыбался. В его взгляде не было ненависти и печали, а исходящие от него вибрации силы и света заставляли Бесёнка прикрывать лапой обжигаемые глаза.

Воин взглянул на вжавшегося от страха в угол рубки Бесёнка и вновь улыбнулся.

— И тебя вылучим! — добавил он.

— Вау… — только и смог ответить ему Бесёнок.

17.12.2017

Записки полупросветлённого

Монолог с ребёнком

Привет.

Прости, что я не говорил с тобой уже очень давно. Долго, слишком долго, непозволительно долго я был занят вещами, которые казались мне единственно важными, единственно стоящими внимания. И в этой гонке, в этой нескончаемой немыслимой беготне я почти забыл про тебя, почти покинул. У меня не осталось времени даже для того, чтобы поговорить.

Я знаю, я всегда знал, как это важно для тебя — ощущать, что ты не забыт, не покинут, что ты нужен кому-то. Что где-то какой-то человек до сих пор ждет тебя, жаждет твоего возвращения. Что он радостно примет тебя в свои объятья, когда ты вновь окажешься на пороге его дома.

И вот теперь ты вернулся.

Ты путешествовал нехожеными тропами и неизведанными путями так долго — а этот мир так полон опасностей. Но нет, ты миновал их все, миновал играючи — так легко, как будто знание о том, как обходить их, было с тобой всегда, с самого твоего рождения, как будто для тебя все они были вовсе не препятствиями, сулящими смертельную опасность, — но какой-то загадочной, удивительной и непостижимой игрой… и ты искренне ею наслаждался.

Прости меня, что тебе пришлось стучать в мою дверь несколько раз — прости, что не услышал тебя с первого. Я уже почти перестал верить в твое возвращение. Ты знаешь, я часто думал о тебе с того самого момента, как ты покинул меня много лет тому назад. Гнев, ненависть, злоба, тоска, отчаяние — все они сменяли друг друга, как в калейдоскопе, все они ниспровергались на меня холодным ледяным потоком, лишая сил и внутреннего тепла. Да, были и счастливые моменты — маленькие искорки, отлетевшие от неведомого душевного костра и на мгновение мелькнувшие перед глазами перед тем, как снова раствориться в небытии. Я даже сумел иногда быть счастливым в годы твоего отсутствия, но по-настоящему счастлив я стал только теперь, когда ты вернулся. Как будто я вновь нашел то, что искал всю свою жизнь, что-то самое-самое важное… И раз ты вернулся — значит, простил.

Подойди же ближе, дай мне обнять тебя. Ты изменился… теперь ты совсем другой. Теперь мы оба уже не те, что были прежде. Ты возмужал… стал сильнее. Воистину, жизнь в этом мире многому научила тебя — хотя чему можно научить волшебника, способного одним своим присутствием преображать этот мир?

Подойди же, не стой у порога — ведь это наш общий дом. Теперь он всегда будет таким. Отныне мы снова будем вместе, опять вместе, как когда-то совсем давно, неисчислимые годы тому назад. Мы вновь будем вместе потому, что мы с тобой одно. Я и Ты. Ты и Я. Я — человек, и Ты — вечный ребенок в моей душе…

01.09.2006

Мы

Мы давно уже не те, кем были раньше. Наше прошлое сгорело в огне собственного преображения, дабы уступить место настоящему, ставшему мостом в будущее.

Наш путь лежит в Бесконечности, и пройти его можем только мы сами.

Мы ощущаем в себе дыхание Вселенной, и наши сердца бьются в такт с её сердцем.

Мы стары и молоды одновременно, ведь каждый из нас — невинный ребёнок в душе.

Предчувствуем, хоть и не знаем наверняка. Радуемся, приступая к новому делу, и грустим, завершая ранее начатое.

Мы принимаем этот мир таким, каким мы сделали его. И не в нашем праве винить других за человеческие ошибки.

Вы можете назвать нас так, как пожелаете нужным, ведь ваши слова не способны изменить нашу суть.

У нас уже нет имён, хотя каждый из нас сохранил своё сущностное "Я".

Мы выходим в битву в свой срок, и выходящий сражаться не ведает страха.

Проклятия и поношения спящих — лишь камни, укрепляющие руки, держащие щит.

Гнев и ненависть их — лишь огонь чадящий, но слёзы неба зальют и его.

Живём, сражаясь — но не сражение наша цель. Ибо и оно временно.

Мы столь разные, но в этой битве каждый из нас — воин. И у каждого в руках своё оружие.

Ваше оружие способно уничтожить вас самих — но наше оружие сильнее.

Оно меняет умы. Оно меняет сердца. Оно навсегда изменяет всех, сражённых им.

Ибо это оружие — оружие духа. Ничто не сравнится с ним.

Наш враг силён, ибо бестелесен. И потому нам дано это оружие.

Мы сражаемся отчаянно, ибо для нас нет смерти. Каждый, получивший клинок Духа, уже умирал когда-то.

Мы не знали сроков, но были призваны. Не знали себя, но были позваны. Придёт время — мы будем признаны. Ибо велика битва.

Отчуждённые встанут в ряды наши. Пробуждённые встанут в ряды наши. Заново рождённые встанут в ряды наши. Ибо велика битва.

Небеса плачут над человеческой глупостью, ибо и у них есть чувства. Но за ночью всегда приходит рассвет.

Время стремится вперёд отчаянно и в едином вихре меняет мир. И мы идём в авангарде его.

Мы всегда с вами, ибо мы любим этот мир.

Так говорим мы — воины Нового Мира.

25.05.2010

Преступление и наказание

Я вновь вернусь к вам — и это будет уже совсем скоро. Гораздо раньше, чем многим того хотелось бы. Я приду к вам также неожиданно, как неожиданно приходил и вновь пришёл тот, кто гораздо выше меня. А он действительно пришёл.

Если вы не услышали тогда даже Его, то что даёт мне надежду, что услышите всех нас, вместе взятых и соединённых, теперь? И всё же я надеюсь… И всё же я снова с вами — потому что и меня не покидает надежда на то, что, пройдя через всё горнило лишений и страданий, вы сможете улыбнуться прошлым трудностям жизни вашей и воспеть хвалу Свету.

Спрошу вас — зачем искажали вы слова мои измышлениями собственными? Почему мешали проникать им в самые потаённые уголки души человеческой? Зачем заставляли вы детей своих бездумно заучивать слова сердца моего — неужто у них нет сердца собственного? Неужто неспособен передать я жар его им, ищущим, без искажений умов ваших?

Спрошу вас — неужто на себе испытали вы всё то, через что проводила меня жизнь моя собственная? А если нет — то право судить от имени моего имеете ли? Непросты задачи наши, но по устремлению и вере каждого воздаётся нам. Но кто-то — лишь тварь дрожащая, а иным право мир менять этот дано было.

Или думаете, что ум ваш изменить мир подлинно способен? Но взгляните, к чему привела уже хитрость и подлость умов ваших. Не нужны мне ума вашего домыслы — но в душах и сердцах видеть его хочу я. И что есть сердце, как не храм души? Или считаете, что не способен в душах ваших видеть я? Может, сумеете обмануть меня, — но как того обманете, за мной кто стоит?

Как скроетесь от всепроникающего взора вы Его? Лишь только выколов глаза ваши. Как сможете не слышать гласа вы Его, устами нашими вещаемого? Лишь только заткнув уши ваши. Как сможете не чувствовать светлых прикосновений Его? Лишь только умертвив сердца ваши. Предчувствую, как под взглядом моим вы понурите головы свои, и как стыд, страхом окутанный, пронзит сердце ваше.

Но того хочу ли я по-настоящему? Не страх ваш нужен мне, и даже Ему не нужен страх ваш — но понимание преступления вашего надобно. Но желание изменения вашего надобно. И что есть преступление, как нежелание изменения вашего? И что есть итог жизни вашей, как не наказание? И что есть подлинное духовное преображение как не искупление ваше?

И не будет более страха у каждого, в небеса воспарившего. И только тогда вы сможете помочь Богу помочь вам. Но до того момента, как в небеса воспарите вы, помните: зло всё, что вокруг себя видите вы, — есть преступление и наказание. Ваше преступление и наказание.

14.08.2010

Теория

Нет, сударь, это решительно невыносимо! До каких только нелепостей подчас может дойти невежественный людской ум даже в самом, казалось бы, с виду разумном человеческом существе! Вы не только отвергаете все каноны и глупости научного подвоха — вы в своих так называемых свободных размышлениях готовы дойти до сущей, я бы сказал, ереси. Это же просто невероятная глупость! Невежественная, повторяю, противоречащая всем аксиомам и теоремам нашего подвоха, пагубная для людского сознания глупость. Как дерзко и немыслимо решили вы опровергнуть одним своим разумом нашу замечательную, идеальную, не имеющую противоречий и подвохов прекрасную Теорию, которую мы уже не один век насаждаем здесь и там во всевозможные учебники, дабы познакомившиеся с ней не имели возможности мыслить в каком-либо ином, отличном от предложенного нами направлении, — и в конечном итоге не могли бы сделать ничего иного, кроме как выразить нам как первооткрывателям Истины свое самое искреннее почтение! Истины, как видим ее мы — передовые ученые нашего века и созидатели самого лучшего научного подвоха!

Ну, где же это видано, скажите мне, о мой невежественный и в меру неумный сударь, чтобы слоны имели ровно по четыре ноги? Это противоречит всей нашей научной Теории Пятипалости, которой уже придерживаются передовые ученые прошлых и будущих веков, а что и говорить о настоящем времени!

Позвольте, сударь, конечно же, мы не имеем достаточных оснований для стопроцентной уверенности в нашей Теории, вес коей определяется не степенью ее соответствия объективной действительности, а скорее количеством научных мэтров, готовых ради собственной выгоды разделить с нами эти взгляды, — но о девяноста девяти процентном соответствии на основании одних лишь умозрительных заключений мы имеем полное право говорить!

Да, сударь, это действительно так — ни один из развивавших Теорию Пятипалости научных светил никогда в своей жизни не видел ни единого слона, но это не помешало им построить столь элегантную и непротиворечивую схему — а исключения, как это обычно и бывает в нашей среде, только подтверждают правило.

Во всяком случае, это очень удобное основание для нашего самооправдания в случаях полной нестыковки наших теорий и этой самой подчас столь неудобоваримой для наших прекрасных умов мерзкой действительности. Бесспорным представляется также тот факт, что слоны, в отличие от человеческих существ, умеют летать.

Об этом вы можете прочесть в знаменитом научном труде «Об ушных слоновьих раковинах и их конвергентно-дивергентно-имплицитно-непонятной связи с формируемыми в естественной среде искусственными условиями создания воздушных потоков путем инвазивно-суггестивно-поступательно-вращательно-крутительных движений против часовой стрелки в моменты пребывания указанных особей в состоянии внутреннего катарсиса, находящего свое выражение в…», само название которого уже способно внушить подлинное уважение всякому почитателю истинного научного подвоха!

Мы, как подлинные знатоки своего дела, категорически отказываемся верить в саму возможность отсутствия у слонов пятой ноги, поскольку это не столько противоречило бы их способности правильного и эффективного передвижения, сколько уменьшению веса всех выдвинутых и внедренных нами в людское сознание научных теорий, а также нашим позициям как уважаемых членов этого общества как таковых. Поэтому ваша так называемая научная работа будет отправлена на существенную доработку — с вашего, разумеется, очень добровольно-принудительного согласия.

Мы осуществим подтёсывание и подгонку полученных вами экспериментальных данных под наши собственные научные теории, а также при необходимости проведём ретуширование созданных вами в ходе путешествий фотографий слонов путем искусственного пририсовывания пятой ноги.

Разумеется, мы впишем ваши инициалы как создателя очередного подтверждения нашей Теории Пятипалости где-нибудь на тысячной странице после всех инициалов наших многоуважаемых мэтров, столько времени и сил отдавших делу развития научного подвоха.

В случае вашего несогласия мы будем вынуждены признать вас шарлатаном и аферистом, смущающим людские умы, и выставить в самом дурном свете, какой только способно продуцировать наше коллективное бессознательное.

Не хотите? Ну что же, ваше право! Вы просто еще не знаете силу стаи и нашего великого коллективного научного подвоха!

Да-да, вольному воля. Как говорится, скатертью вам дорога прямиком к свету Истины! И тапочки, тапочки свои не забудьте, сударь!

26.01.2013

Хвост

Человек оглянулся назад и обомлел.

— Ты кто такой? — вопросил он своё ставшее видимым приобретение.

— Я — твой хвост! — гордо ответил Хвост.

— Откуда ты вообще взялся у меня сзади? — в ужасе спросил Человек.

— Я всегда был! — гордо вскинул кончик хвоста Хвост. — Просто это ты всё время вплоть до настоящего момента меня практически не замечал, — укоризненно добавил он. — А я, между прочим, шествовал с тобой, можно сказать, с самого твоего рождения, ни на секунду не отрываясь.

— А почему ты у меня такой большой? — сконфузился Человек.

— А это я сам такой постепенно вырос, — Хвост раздвоился, будто расплываясь в улыбке. — Благодаря твоим ежедневным усилиям, между прочим. Чего только не сделаешь для плохих людей! — и Хвост щёлкнул кончиком по мостовой так, что оттуда посыпались искры. Редкие прохожие обернулись на возникший звук, но, будто ничего не заметив, как ни в чём не бывало продолжили свои утренние шатания на нелюбимые работы.

— Они что, тебя не видят? — удивился Человек.

— Меня? Нет. Они и своих собственных хвостов то не видят — до поры до времени.

— А как тогда ты сумел проявиться?

— А вот… так. Узнаешь… чуть позже, — уклончиво ответил Хвост.

— И какой же мне может быть с тебя прок? — недоумевал Человек.

— Ну… я закручиваться могу спиралью. Красиво так, знаешь. Обернусь вокруг тебя, а потом к-а-а-к развернусь резко — и закрутишься ты у меня, как волчок на одном месте, ничегошеньки вокруг себя не замечая. Ну, примерно как вот эти, — и он ткнул своим кончиком в направлении старательно вталкивающихся в утренний автобус пассажиров. — А ведь они тоже люди… нормальные, как они считают, бесхвостые, то есть, — истинно философски рассуждал Хвост. — Представляешь, какой их однажды ждёт сюрприз? — ухмыльнулся он.

— Узнать, что они — рептилии? — не понял Человек.

— Да нет! Узнать, что они — нормальные ненормальные… ненормальные такие нормальные. И что у каждого из них есть хвост. А у некоторых из них он знаешь какой? Ого-го какой! Таким можно и гору опоясать, наверное. Тянется-потянется, оттянуться не может. Всё кого-нибудь бьёт, или под ноги завивается, чтобы другие, значит, об него то и споткнулись однажды.

— А ты можешь… треснуть кого-нибудь изо всех сил? — оскалился в злорадной ухмылке Человек. — Да желательно побольнее!

— Не… — развёл двумя концами Хвост. — Это у тебя и без меня прекрасно получается сделать. Потому-то я и расту в последнее время не по дням, а по часам, сил набираюсь. Это чтобы тебя обвить потом посильнее, аки удав. Чтобы ты, значится, дёрнуться уже никуда не смог.

— Ах ты! — вскрикнул Человек и попытался обернуться, чтобы схватить свой Хвост, но по мере вращения человека на месте Хвост вращался вместе с ним, так что тому никак не удавалось его поймать.

— Врёшь, не возьмёшь! — захохотал Хвост. — Я как эго, словно ложь!

— Цена тебе грош! — крикнул раздосадованный Человек после серии неудачных попыток поквитаться со своим хвостом.

— Меньше, быть может, но и тебе тоже! — продолжал заливаться смехом Хвост, выбивая на мостовой при каждом удобном случае всё новые рулады.

— Схвачу! Порублю! — начал что есть силы кричать человек. Одинокие прохожие удивлённо косились на вращающегося на месте чудака и, хмыкнув что-то себе под нос, продолжали идти своей дорогой туда, куда пытались вести их собственные хвосты.

— Не… — смеялся Хвост. — Так просто ты меня не обрубишь. Я же это, как его, трансгенный. Особенный. Самовосстанавливающийся. Отрубишь ты у меня кусочек, а я назад срастусь как ни в чём не бывало. И не прижжёшь! Я эго, я ложь! — Хвост хлестал и хлестал в экстазе по мостовой.

— Порублю!

— Лучше по два. Дёшево и сердито!

— Найду на тебя управу, измором возьму!

— Мою тактику перенять решил? — ухмыльнулся Хвост. — Что же, попробуй! Тут ещё, знаешь, кто кого. Я же как тень… стань тенью сам, и больше меня не будет видно… вот как другим. Только всеобщая темнота скроет меня от посторонних глаз…

— Солнце! — воскликнул человек. — Свет тебя сожжёт! Так, что больше не отрастешь!

— Сам догадался, да? — осклабился Хвост. — Но, боюсь, что для тебя уже слишком поздно. Обернись-ка лучше назад! — загоготал он.

Прямо навстречу человеку на полной скорости мчался грузовик. Каким-то странным образом, танцуя на кончике своего хвоста, человек, сам того не замечая, вышел на проезжую часть. Машина неслась прямо на него с неимоверной скоростью, и уйти от столкновения уже не представлялось возможным. Хвост обвил человека точно как удав, не давая ему пошевелиться. «Солнце!» — хотел было крикнуть Человек, но Хвост зажал ему рот.

— Теперь ты понимаешь, в какой момент они увидят меня? — успел шепнуть Человеку на ухо Хвост.

15.02.2013

Я чувствую

Я чувствую, что не принадлежу этому миру, хотя теперь это и мой дом.

Я чувствую, что я грешник и святой одновременно — всё в одном.

Я чувствую, что оступался и падал ранее, лишь чтобы затем взлететь ещё выше.

Я чувствую, что мне нет нужды повторять ошибки прошлых путей вновь.

Я чувствую, что недавно прошёл через очередное испытание — но ещё больше ожидают меня в моём пути впереди.

Я чувствую, что уже испытывал на себе ранее все те простые жизненные наслаждения, о которых мечтают многие, — и нашёл их ничего не стоящими.

Я чувствую, что я забыл свою подлинную природу и потерял своё прошлое в лабиринте собственных жизней.

Я чувствую, что мог каким-то образом летать ранее, но не могу точно вспомнить время и форму.

Я чувствую, что моя дорога редка — но она будет непростой.

Я чувствую, что множество алмазов моего пути всё ещё остаются ненайденными.

Я чувствую, что моё желание собственного преображения привело в действие какие-то нити судьбы, и теперь я должен доказать свою ценность перед мирозданием.

Я чувствую, что вселенная является постоянно эволюционирующим, живым существом, и все мы связаны между собой невидимыми нитями.

Я чувствую, что должен нырнуть в себя ещё глубже, чтобы раскрыть своё прошлое.

Я чувствую, что у меня много лиц… столько личностей постоянно бурлят во мне, борясь за моё внимание к ним. Я являюсь ими всеми — и в то же время кем-то совершенно иным.

Я чувствую, что пробудился, но лишь частично. Я перестану существовать как привычное мне «я», когда посмею окончательно раскрыть всё ещё закрытые глаза.

Я чувствую, что не смог бы пробудиться даже до такой степени, если бы стал прислушиваться к «житейской мудрости» других людей.

Я чувствую, что знаю основные вехи собственного пути, хотя их подробности до сих пор остаются скрытыми.

Я чувствую, что мои цели верны, но только для меня. Моё эго должно быть уничтожено в ходе собственного пробуждения для того, чтобы новая сущность могла родиться.

Я чувствую, что счастье делает меня легче, — и всё же я не могу летать.

Я чувствую, что не могу назвать ни одну из стран родиной, и даже Земля не является моим подлинным домом.

Я чувствую, что мне нет необходимости принадлежать к какой-либо организованной группе людей, хотя я и мог бы — просто, чтобы наслаждаться их изучением.

Я чувствую, что мог говорить ранее на большем количестве языков, хотя сейчас и привязан к двум, один из которых выглядит столь знакомым. Выучил ли я вновь один из них?

Я чувствую, что иногда могу ощущать эмоции людей, окутывающие меня и невидимые для прочих.

Я чувствую, что люди ещё не знают о той внутренней силе, которой они обладают, поскольку это знание может быть опасно для них самих.

Я чувствую, что пути нас всех переплетаются удивительным образом, и случайных событий не существует.

Я чувствую, что все мы обладаем определённым творческим потенциалом, но многие из нас предпочли закопать свой дар, чтобы выглядеть нормальными.

Я чувствую, что ряду интересных событий, определяющих будущее этого мира, ещё предстоит произойти.

Я чувствую, что все мы должны стать лучше, чем мы есть, если хотим выжить.

Я чувствую, что всегда буду оставаться здесь немного «не в своей тарелке», хотя и мог бы принять некоторые из тех правил, по которым живут другие… на всякий случай.

Я чувствую себя теперь подобно ребёнку, хотя мой ум по-прежнему взрослый.

Я чувствую, что никогда не перестану искать мудрости — да и не хочу переставать.

Я чувствую, что я мог бы пойти в другом направлении, но мой конечный пункт назначения остался бы прежним.

Я чувствую, что я всё ещё человек снаружи — да это и к лучшему.

Я чувствую, что мой путь никогда не заканчивается — и я рад этому.

Я чувствую, что мне помогают идти по моему пути, хотя и не вижу своего проводника.

Я чувствую, что я далеко не единственный, кто ощущает себя подобным образом — однако таких людей мало.

Я чувствую, что мог бы сказать больше — но и сказанного уже достаточно.

Я чувствую, что мне стоит помолчать… немного.

13.08.2009

Л — значит люди

Безымянный

— Да, док? Что у вас?

— Новенький. Наши ребята подхватили из ночлежки.

— Униженный и оскорблённый, так сказать?

— Вроде как. Бродил, распевал песни. Под нос свои бредни ещё шептал, пока везли-то его сюда — думал, поди, что и не слышим вовсе, — а нет, слышали хренотень его всю, как есть, слышали! Ну-с, куда определять-то будем, а? Горяченький ещё — свежесхваченный, так сказать.

— А что именно за бредни-то хоть? Опять что-нибудь про Конец Света, поди? Ныне у нас этих доморощенных Нострадамусов в наших палатах уже итак навалом.

— Ну… не совсем про то… вроде как. Вы знаете, док, я особо-то не прислушивался к всяческой его ахинее — здоровым оставаться, знаете ли, стремлюсь. Но кое-что всё же услышал.

— Любопытненько-парнокопытненько! Давайте, валяйте, — оголяйте, что ли, правду-матку!

— Ну… в общем… говорил он, прежде всего, о том, что вроде как давно он уже здесь живёт.

— В ночлежке-то той?

— Да нет, в том-то и дело-с! На Земле давно живёт! Что он, якобы, вроде как почти бессмертен, что ли. Что вновь пришёл ко всем нам, так как был позван.

— Позван? Интересно, кем? Уж не своим больным ли воображением, хм?

— Не знаю, кем — он не отвечал. Ну, вот, значится, был позван-с, и не один причём, а вместе с другими — ну, вроде как братьями, или что-то типа того. Призванниками, так сказать. Что они все пришли помочь нам проснуться, потому что время уже близко.

— Время, говорите? Что за время-то? Не половина ль двенадцатого уже у нас на часах время, ха-ха?

— Да нет, время вроде как предназначенное, предначертанное.

— А проснуться — это как? Мы с вами вроде итак как не спим, или я уже чего-то не понимаю в этой нашей с вами жизни, м-м-м?

— А леший его знает! Он ещё говорил, что мы спим с открытыми глазами, и что таковым, ну… вроде как туго придётся, когда придёт это самое время. Что время не будет ждать тех, кто не готов проснуться.

— Любопытненько!

— Москитненько! Блин, док, вы дальше слушайте, чего он вещал то! Говорил он ещё, что вспомнил себя, — ну, или что ему помогли вспомнить. Что раньше орудовал мечом в боях праведных, а ныне железный меч на меч невидимый словесный заменил, ещё острее тьму сердец человеческих разящий. Что он по крупицам собирает жемчужины своих прошлых путей, в грязи мира разбросанные и позабытые… что-то там про дежавю ещё говорил. Что ищет свою семью — подлинную, настоящую семью, близких по духу. Что пробудился частично, что желает уже, наконец, окончательно раскрыть полузакрытые вроде как глаза. Что у него много имён — и нет одновременно. Что он рождался, умирал и забывал, рождался, умирал и вновь забывал…

— Амнезия-с?

— Ещё под конец он говорил, что мир очень скоро изменится… сильно изменится. Что многие даже не успеют осознать… осознают — но поздно… вся грязь всплывёт на поверхность и станет видна в приглушённом свете… Что мы должны любить друг друга, ценить жизнь, верить… Я там, знаете, особо не слушал уже потом.

— Ну, правильно-с, что не слушали. Чего их, чокнутых, слушать! Чтоб здоровыми остаться, надо меньше…

— Издеваться! Док, вы не дослушали! Он потом, значит, ко мне подошёл — ну, когда его уже в машине везли мы с ребятами сюда… спокойно так подошёл, сел, взглянул в глаза… Док, вы бы видели, что у него было в глазах… такая смесь грусти и вместе с тем какой-то внутренней радости, умиротворённости что ли, это просто не передать — я в них чуть не утонул в тот миг, док! А потом он мне в глаза смотреть начал, и у меня — слово даю! — вот прямо мурашки по спине побежали как будто… он как будто душу мою читать как книгу открытую начал, понимаете? Вот прямо такое ощущение и было!

А потом ещё взял — да и начал рассказывать всё о жизни моей, и судьбе, и доле — и что меня гложет, и почему я таким стал, какой я есть ныне, и что пусть я и маленький человек, но и мне роль своя хорошая предназначена… всё рассказал! Я ж даже сказать ничего не мог в тот миг просто от изумления — смотрю в его глаза эти грустные и рот открытым держу как псих последний!

— Дак вы, коллега, психов то больше слушайте, авось и слюнка то у вас из ротика ещё побежит! Ладно, хватит. В шестую палату его определите рядом со вторым Наполеоном. Там ему самое место — и самое время.

— Время… да, хм… самое время.

— Ну, а документы то у него хоть были с собой? Как мне прикажете его записать то по документам у нас?

— А вы знаете, док, что самое странное, — и говоривший грустно взглянул на своего ментора, — не было у него документов… И он ведь так и просил называть себя — Безымянным…

01.11.2010

Впереди — жизнь

«Ах ты!» — крик вослед.

Маленький мальчик двенадцати или тринадцати лет — ещё совсем подросток — сорвался с места и побежал прочь. Они, конечно, побегут за ним — побегут за вором…

Надо было оторваться — во что бы то ни стало. Пара кварталов — а там спасительный подъезд… спасительный подвал, где можно залечь и затаиться, затаиться до тех пор, пока организм снова не потребует доли — доли еды и… и того, что помогало ему скоротать эти мучительные дни одиночества. Жизни без крова, без родителей, без всего — жизни наедине с самим собой и тем, что он купит на ворованные деньги. На ходу он открыл сумку… бумажник… так… две… три купюры… две тысячи рублей! Эти люди определённо собирались купить что-то сегодня. Какая досада — им это не удастся… но зато удастся ему!

Он обернулся на бегу и чуть было не вскрикнул от испуга. Мужчина догонял его — расстояние медленно, но всё же верно сокращалось. Ему в тринадцать лет было не тягаться со взрослым и здоровым человеком.

Два квартала, всего лишь два квартала, и он спасён! Он резко свернул в боковой проход между домами. Надо запутать следы — и тогда он сможет уйти… и тогда он должен уйти.

Вперёд, вперёд, вперёд! Ноги, выручайте, вы уже не единожды спасали меня в уличных столкновениях — помогите же и на этот раз!

Быстрый-быстрый бег вприпрыжку по переулкам, вертящаяся в голове одинокая мысль: «Доберусь…» Да, доберусь!

Резкий взмах и поворот головы — бежавший за ним мужчина вынырнул из-за угла.

Не удалось, не удалось обмануть… преследователь, видимо, заметил, куда я свернул! Сейчас догонит… сто метров… девяносто… восемьдесят… семьдесят…

Вот он, здесь. Здесь его дом. Дом… вернее то, что с очень-очень большой долей сомнения можно было бы назвать домом. Здесь его спасение.

Нельзя, чтобы это место было раскрыто — надо увести догонявшего. Недавний воришка побежал прочь от дома в соседний переулок, мужчина — за ним.

Так… вверх по лестницам, потом съедем на лифте. Вверх, вверх! Топот шагов за спиной…

Только бы успеть, только бы добраться! Всё… последний этаж… хоть бы хватило времени, чтобы оторваться! Вдавленная до упора кнопка лифта… открывающиеся и закрывающиеся обитые железом дверцы. Он заскочил внутрь.

Успел? Не заметили?

Первый этаж. Выскочивший из лифта задыхающийся подросток — ещё совсем ребёнок… И снова — бег, отчаянный, на последнем дыхании — бег. Бег во спасение.

Вот оно — его убежище, что ни раз уже спасало его от невзгод, от напастей и гнева других — спасало от чего угодно, но только не от самого себя…

Он вбежал в дом, открыл и прикрыл дверь подвала. Сейчас у него нет времени её баррикадировать. Надо затаиться, надо не подавать признаков жизни! Тогда удастся обмануть… должно удаться.

Капающие с потолка капли. Запах горелого, идущий откуда-то из глубины. Зажавшийся в угол подросток — ещё совсем ребёнок. Тихое-тихое дыхание в ладошки — чтобы не было слышно. Десять секунд, двадцать, тридцать… Спасён?

Медленно открывающаяся дверь… лучи света, ударившие в лицо и осветившие фигуру на пороге… устремлённый к нему взгляд.

Улыбка? Он улыбается? Он всё-таки нашёл его — и теперь улыбается?! Наверное, предвкушает предстоящую расправу…

Спокойный и исполненный внутреннего достоинства голос…

«Ну, не прячься. Всю жизнь прятаться — ведь ты не намерен так жить, да? Иди же сюда. Да не бойся ты, что же ты ещё сильнее зажимаешься в этот грязный угол, как будто он может служить тебе спасением в твоей жизни? Не буду я тебя ругать и бить — ты итак уже страдаешь, зачем я буду добавлять страданий тебе? Ну, давай. Я даже оставлю тебе часть тех денег, что ты своровал. Может быть, даже все — если ты потратишь их разумно».

Зовёт к себе… Ловушка? Возможно. Почти наверняка.

Но уж как-то слишком тепло и убедительно звучит его голос. Другие люди говорили не так… да! — они говорили совсем не так, если им всё же удавалось его настигнуть… Да и… что ему сейчас стоит просто подойти к нему и отобрать украденное? Но ведь не подходит же… что-то говорит там… Отдаст все деньги? Ну-ну, так я тебе и поверил… такого не бывает.

«Что же ты боишься? Ведь я пообещал не причинять тебе вреда. Не веришь… да, ты пока ещё слишком напуган и ожесточён, чтобы начать доверять людям… но ты преодолеешь это — вот увидишь! Ладно, не выходишь… Тогда я сам спущусь к тебе».

Подходит… спускается! Всё, конец! Он совсем вжался в угол…

«Что же это у тебя за дом-то такой… А это что? Клей? Глупыш, ну разве может эта гадость заменить реальную жизнь! Ладно, вставай. Не стоит жаться в этот грязный угол. Вставай, я помогу тебе».

Сильные руки, сейчас совсем аккуратно взявшие его. Он робко поднял на человека глаза и невольно залюбовался. Мужественное и смелое лицо… улыбка на губах… внимательный и — участливый? — взгляд, как будто просматривающий тебя насквозь и видящий каждое твоё побуждение, каждую твою мечту…

«Пошли, воришка», — человек вновь улыбнулся. «Пойдём, тебе не место здесь — у тебя есть другие пути. Ты это очень скоро поймёшь. Да не стоит возвращать мне эти деньги, оставь себе — оставь, что называется, на карманные расходы. Но смотри — я проверю, как ты потратил их.

Куда мы идём? Ко мне домой — он лучше твоего затхлого подвала. Ты будешь жить со мной. Ведь ты всегда мечтал иметь отца, да? Я стану для тебя им — до тех пор, пока твой путь не позовёт тебя.

У тебя впереди — жизнь. Пусть она будет достойной — ты сам сможешь сделать её такой, ты заслужил это. А я — я лишь помогу тебе на твоём пути, помогу сделать первые шаги… Дальше ты будешь идти — сам. Я помогу тебе, я хочу помочь тебе — хочу, чтобы ты увидел — жизнь. Жизнь, говорю тебе, а не её потёмки! Возьмись крепче за руку. Следуй за мной».

* * *

Две медленно удаляющиеся фигуры — мужчина и маленький мальчик.

У обоих подняты лица, и взгляд устремлён куда-то высоко в небеса… Оживлённый весёлый разговор о чём-то. Смех и улыбки.

Впереди — жизнь.

28.12.2004

Гламур

Крысота пасет мымр

— Гой-хэй, а вот и я! Привет-привет, раба моя! — пропел Гламур, внезапно выскочив из-за угла, и широко раскинул руки в желании схватить свою новую подопечную как можно крепче и удержать как можно дольше. — Привет, Мымра! — без обиняков добавил он. — Как делишки?

— Как у мальчишки! — фыркнула Мымра и надула губки. — Вечно ты со своими глупыми шуточками вот так вот и заявляешься. А я, между прочим, женщина светская, элегантная, современная. И очень…

— Гламурная! — подхватил её игру Гламур.

— Ну да, а как же иначе, — сконфузилась было Мымра. — Гламур правит миром!

— Точно-точно! — подтвердил Гламур. — Такими, как вы, я не премину править. Я могуч, я приставуч, луч я света среди туч!

— Слушай, Гламур, — внезапно сменила тему Мымра, — как считаешь, идёт мне вот это платье с таким вырезом сзади? — и она повернулась к Гламуру спиной в предвкушении бесчестной оценки.

— Идёт ли? О, да! — сладко проворковал Гламур после секундного замешательства. — Мымрам всё всегда идёт, с рук им многое сойдёт! — добавил он.

— Я так и чувствовала, что тебе понравится, — зарделась Мымра. — Очень современное и креативное платье, огромных денег стоит, между прочим!

— Твой новый спонсор одолжил? — догадался Гламур. — А с прошлым хахалем твоим что сталось?

— Да пошёл он! — съязвила Мымра, но улыбнулась. — Мне такие скупердяи, как бывший, и без надобности вовсе. Только тело на них своё тратить!

— Тело — это да… хороший товар, — согласился Гламур. — Ценный, до поры до времени. И кто, как не я, может научить вас, мымр, как им успешно приторговывать? — подмигнул Гламур. — Коттедж то хоть у бывшего своего отсудить догадалась? Как-никак, полгода вместе жили — целую, можно сказать, жизнь свою бесценную ты всю ему посвятила без остатка!

— В процессе, — отстранённо ответила Мымра. — Документы вот сейчас с юристом оформляем.

— А, дак это он — твой новый поклонник? — расхохотался Гламур. — Ну, ясно, ясно. Шустрая ты у меня растёшь, молодец, хвалю! Этому дала, этому дала, а с этим — лишь «дела».

— Да и этому я дам, коль завалит златом дам! — неожиданно подхватила рифму Мымра. — А как тебе вот эта тушь для ресниц и помадка? — вновь сменила она тему.

— Очень сексуально! — одобрил Гламур. — С такими губами ты всех до смерти зацеловать можешь, — добавил он, одобрительно осматривая Мымру с ног до головы и кивая своей собственной. — Ну а потом и я тебя тоже, — шепнул он чуть тише.

— Что-что? — не поняла Мымра.

— Не отвлекайся! — перебил её Гламур. — Лучше ножки и ручки с педикюром ещё заценить мне дай! Что же, годится, — добавил он после небольшой паузы. — Всем конкуренткам глаза выцарапать сможешь при желании!

— Все женщины — кошки! — довольно согласилась Мымра.

— Да, но не все из них стервы, — устало согласился Гламур.

— Это ты о чём? — опять не поняла своего собеседника Мымра.

— О своём, о грустном. Не удаётся мне всех женщин мымрами сделать, а жаль. Целомудрие тут некоторым, понимаешь, подавай! А целомудрие — оно что? Как нужда прижмёт, так и пойдут они все дорожкой своей, мной для них уготованной. Ну, за исключением самых стойких, быть может. Эх! — вздохнул было Гламур, но внезапно вновь повеселел. — Вот это я понимаю, красава! — пропел он. — Даже не мымра, а Мымрочка ты моя ненаглядная! Тут хоть стой, хоть падай куда-нибудь вместе с тобой.

— Ага, — согласилась Мымра. — Утащу и не пущу!

— Потому я не грущу! — подхватил рифму Гламур.

— Да ты поэт! — всплеснула руками Мымра.

— Несу я бред! — согласился Гламур. — Чтоб погасить духовный свет!

— Чего-чего? — опять не поняла его собеседница.

— Да не отвлекайся! — успокаивающе заметил Гламур. — Тебе же сегодня такая удивительная встреча предстоит, что прямо вообще!

— Да, — согласилась Мымра. — Этот юрист просто отпад мужчина! И, главное, что денег у него — куры не клюют, как я поняла! Не жизнь будет, а сказка.

— Ты же и его бросишь? — поднял бровь Гламур.

— Конечно, и всё по твоему совету! — подмигнула Мымра.

— Да, — согласился Гламур, — но всё-таки по своей воле. Кстати, я тебе ещё один журнальчик тут принёс, — добавил он и протянул ей пакет. — Последние писки моды, мужчины что сплошь уроды, шоппинг, курвинг, стервинг, и так далее, и всякое тому подобное, — присовокупил он. — В общем, подружке своей передашь!

— Какой ты заботливый! — скривила губки Мымра. — А почему подружке, а не мне лично?

— Дак он тебе уже и не понадобится, — устало вздохнул Гламур и отвернул лицо. — Кстати, с секунды на секунду к тебе как раз должны прийти, — и он взглянул на свою руку, сверяя часы.

— Дзинь! — практически в эту же секунду прозвенел дверной звонок.

— Ну и дела! — испуганно вскочила Мымра. — Кого это ещё принесло так не вовремя?

— Да нет, как раз вовремя, — буднично ответил Гламур. — Я бы даже сказал — строго по расписанию. Ну, чего стоишь и мнёшься то? — окликнул он Мымру. — Давай, иди, открывай уже. Та самая долгожданная встреча, о которой я уже успел тебе сказать!

— З… здравствуйте, — еле ворочая языком пробормотала Мымра, как только нежданный гость оказался на пороге. — Э… это шутка такая, да? Костюмерный розыгрыш?

— Здравствуйте, — отрекомендовалась гостья в чёрном, закутывающем её с ног до головы плаще, продолжая держать в своих руках сверкающую даже при дневном свете косу. — Я — Смерть, — буднично-отстранённо-ледяным и берущим за душу голосом отрекомендовалась Смерть. — Это ведь здесь проживает госпожа Стерва?

— Мымра, — не менее буднично и отстранённо уточнил Гламур. — Хотя и Стерва она — ну просто хоть куда! — добавил он.

— Я — за вами, — обратилась совершенно, как это и водится, нежданная гостья. — Время пришло.

— К… как… пришло? — продолжала непонимающе бормотать Мымра, тяжко опустившись на пол. — Я… я не ждала. Я… ещё так молода. Мне ещё… жить и жить! — начала было всхлипывать она.

— Да нет, всё верно, — утвердительно подтвердила Смерть, продолжая водить костлявым пальцем по неизвестно откуда взявшейся во второй её руке книге. — Как и было обговорено с вами ранее, до вашего прихода сюда. Время точно расчётное, шанс на исправление последний… Всё верно. Ну, а как вы этим временем решили воспользоваться — это уже было ваше личное дело.

— Да-да, — радостно подхватил Гламур. — Свободная воля!

— Ты… обманул меня! — с ненавистью взглянула на него Мымра. — Ты… не сказал!

— А ты и не спрашивала! — ехидно хихикнул тот и показал Мымре язык. — Ты так сладко проводила время, что ни о чём ином и думать то не смела. О смысле жизни, например. Да мало ли о чём!

— Время на исходе, — холодно ответила Смерть. — Пора уходить.

— А сколько ещё сегодня уходят? — обратился Гламур ко Смерти.

— Много, — холодно ответила та. — Пойдём, нам пора, — повернулась она к Мымре.

— К… куда… пора?

— В другой мир. Готовиться держать ответ.

— Всем твоим спонсорам — привет! — расхохотался Гламур. — Кстати, за ними скоро тоже придут. А они так и не поняли, зачем живут.

— Мало кто понимает, — отстранённо ответила Смерть. — Им не до того ныне.

— Гламур правит миром! — вновь расхохотался Гламур.

— Была бы моя воля — удушила бы! — холодно взглянула на него Смерть. — Стольких ко мне отправил, а некоторых ещё и раньше времени.

— Все люди смертны, — философски ответил Гламур. — Ну, давай, не канителься! — и он ткнул Мымру кулаком в бок. — Не уйти не получится. Во всяком случае, не тебе.

— Сволочь! — с ненавистью прошипела Мымра в ответ.

— Да, ты, конечно, сволочь порядочная, — подтвердил тот. — Очень, я бы сказал, гламурная такая!

— Сволочь! — вновь успела прошипеть та в ответ прежде, чем Смерть обняла её своими руками, и они обе исчезли в лёгкой сероватой дымке.

— Ну вот, — удовлетворённо хмыкнул Гламур. — Ещё одной рабыней меньше. И как они только не поймут, что не в гламуре счастье? — вполне буднично добавил он.

04.03.2013

Знак Пути

Грязь. Слякоть. Сырость. Запах тления. Капающая с потолка вода.

Здесь всегда было так. Никто не собирался ремонтировать этот подвал, а жильцам дома это было не важно, совсем — неважно. Им были не важны и не нужны они, не нужны — практически никому.

Только единицы помогали им, откликались на их просьбы — совсем-совсем простые просьбы, совсем не сложные для этих обеспеченных жильцов. Подать немного денег — сколько смогут, сколько не жалко. Дать хоть небольшой кусок хлеба — ведь они умирали с голоду.

Практически никто не помогал им. Помогали — единицы.

Почему? Почему? Почему?

А ведь сколько смелости им надо было набраться, чтобы обратиться хоть к кому-нибудь! Чтобы обращаться за помощью в том состоянии, в каком они пребывали теперь. Чтобы выдерживать взгляд, подчас полный неприязни и презрения.

За что же люди презирали их? За то, что, когда погиб их отец, а мать тоже покинула их, задохнувшись в приступе какой-то свирепой болезни… а когда это случилось, государство забрало себе их квартиру? За то ли, что с тех пор они были вынуждены скитаться по дворам и подвалам, всеми правдами и неправдами добывая себе кусок хлеба? Очень-очень редко воровать, чаще всего — просто просить помочь хоть чем-нибудь, чем не жалко. У них оставалась единственная возможность выживать — искренняя человеческая просьба, обращение к сердцам людей… Но им помогали — единицы.

За что же люди не только не помогали им, но и гнали их прочь? За их жизнь, за то, как они стали теми, кем они стали? Неужели за это? Но за что здесь можно презирать?

Сегодня они снова собрались здесь, в душном и грязном подвале — лучшем, что им удалось найти за несколько месяцев. Собрались, чтобы обсудить итоги дня — поделиться друг с другом тем, что каждому из них удалось найти… если, конечно, удалось.

Они не прятали друг от друга ничего — не прятали, ссылаясь на неблагоприятные обстоятельства. Делились друг с другом всем тем, что каждому из них удалось найти за прошедший день. Им, выдерживавшим такие лишения, была неведома заносчивость и жадность, презрение и эгоизм. Они помогали друг другу… они — два брата и сестра. Два шестнадцатилетних подростка и четырнадцатилетняя девочка.

Три года они уже жили так — так, как удавалось, как они могли. Они выдержали эти три года такой жизни… сколько ещё им предстоит выдержать? Месяц, год, десятилетие? Нет, об этом лучше и не думать, совсем не думать. Совсем.

Упрямый разум не давал покоя, даже теперь — не давал. Пытался найти пути спасения, высчитать возможности вылезти из этой тёмной и грязной зловонной дыры на свет Божий. Выйти в мир — хороший и чистый мир, а не эту его жалкую карикатуру. Выходит, что им придётся познавать это состояние мира, только это. Но как же тогда все те великие дела и свершения, о которых так мечталось в детстве, что будет с ними?

Погибнут? Или выживут? Должны выжить.

Они должны выжить, чтобы выжили и воплотились в жизнь их мечты. Их светлые мечты должны выжить в их сердцах, чтобы выжили уже они, выжили — как люди. Значит, они выживут. Обязательно. А потом свои мечты они воплотят в жизнь.

Его размышления внезапно прервал тонкий и высокий голос — голос его сестры, только что прибежавшей с улицы, вернувшейся в это жалкое подобие дома.

— Паша, Паша, смотри, что я сегодня нашла. Подойди скорее, ну подойди же!

Он взглянул. В руках у неё был яблочный пирог. Большой яблочный пирог — уже слегка засохший и испачканный, с большой откушенной частью. Изголодалась, бедняга…

— Ваня, Паша, держите, берите всё. Я уже поела, меня накормили. Замечательная добрая бабушка, одна на несколько лестничных пролётов. Одна такая. Она напоила меня тёплым и сладким-сладким чаем с вареньем. Представляете? Я никогда в жизни после смерти мамы и папы не пробовала такой вкуснятины! Она дала поесть пирогов, а когда я сказала, что у меня ещё есть два брата, то она долго что-то искала и сокрушалась.

А потом она сказала, что сейчас у неё практически нет ничего съестного для них, так как сама она уже не ходит, а еду ей покупают и приносят её сыновья. Пирог, этот пирог — она сказала, что испекла его сама, и это всё, что у неё сейчас есть для них. Она дала мне его для вас, а потом сказала, что если мне будет голодно и страшно, то я смогу снова зайти к ней, и она согреет и накормит меня. Вот так. Представляете, как это здорово!

Пока она, сбиваясь и коверкая слова, тараторила всё это, он подошёл и тихо сел рядом. Посмотрел на неё — она дрожала. Тогда он обнял её и прижал к себе. Пусть согреется, пусть успокоится. Она молодец, добыла хорошую еду. Даже им вдвоём не всегда удавалось такое. Молодец.

«Ты молодец», — сказал он ей. Она улыбнулась. «Я старалась», — услышал он.

Сейчас они поедят и согреются. Организм послушно возьмёт предлагаемую пищу и преобразует её в тепло. На сегодня им должно хватить — а завтра придётся всё повторять с начала. И так каждый день…

Месяц? Год? Десятилетие?

Без видимой возможности вырваться из этого круга. Она, безусловно, существует — вот только он не может её найти. Но он найдёт, обязательно найдёт. Ради них — ради его младшего брата, ради его сестрёнки — он найдёт выход, обязательно найдёт. Обязан найти.

* * *

Медленно капали капли с потолка. Медленно тянулось время. Он сидел и размышлял. Вспоминал свою прошлую беззаботную жизнь… как ему теперь не хватает её! Им всем не хватает ласки родителей, их тепла и заботы. Жизнь очень рано заставила их стать совсем-совсем взрослыми, выкинув прочь из детства. Значит, это было зачем-то нужно. Зачем-то нужно…

Научить их не бояться лишений? Научить быть добрее и терпимее к людям — теперь, когда их самих мало кто терпел? Научить способности понимать боль и тяготу других — таких же, как они сами? Возможно, вполне возможно.

Но вот только он из всех жизненных уроков лучше всех, похоже, выучил урок сострадания и взаимопомощи — он не мог представить свою жизнь без помощи брату и сестрёнке. Он был обязан помочь им выбраться из этой дыры…

Вот сейчас его милая сестрёнка как-то забавно причмокнула во сне и перевернулась на другой бок, так и не выпустив край его куртки из своих маленьких рук. Он развернулся и снова укрыл её — пусть хоть дурацкий холод не тревожит её сон… А рядом с ними, буквально в двух метрах, заснул его брат — заснул, свернувшись калачиком… тоже замёрз и оголодал. Они все замёрзли и оголодали за последние дни… за последнюю тысячу дней.

А ведь у них даже не было возможности заработать хоть какие-то деньги — заработать своим, пускай ещё детским, но совершенно самозабвенным трудом. Он стал бы таким, если бы ему удалось найти хоть какую-нибудь работу. Но — не удавалось. Никто, никто, никто не брал их — тут же выгоняли прочь при первом же брошенном на него взгляде.

«Люди, — порой так хотелось крикнуть ему вслед тем дававшим подзатыльники и тумаки мужчинам, брезгливо морщащимся разукрашенным девицам, что-то быстро начинавшим шептать этим самым мужчинам на ухо при первом его появлении перед ними, — люди! За что же вы гоните меня и не даёте ни единой возможности вылезти из той жуткой дыры, в которой я оказался? Ведь я же пытаюсь это сделать, пытаюсь изменить свою жизнь! Я сейчас даже не прошу ничего у вас — хочу только получить возможность заработать хоть что-то, хоть на еду. За что вы все презираете меня? Ведь вы же не знаете, совсем не знаете тех тягот и лишений, которые мне и моему братику с сестрёнкой пришлось пережить!

Знаете ли вы, что это такое — жить без крыши над головой, без дома… Жить так, как живу я — надеясь только на себя, свои руки и свою голову? Жить, будучи готовым каждый день прекратить эту жизнь — прекратить, просто погибнув от голода? Знаете ли вы, люди, что это за жизнь? Не хотите знать? Я тоже не хотел, совсем не хотел — но пришлось. А теперь, теперь я не могу ничего сделать. Почти совсем ничего…»

Неужели я и вправду не могу сделать почти совсем ничего… неужели это так? Ведь если не найти хоть какой-нибудь постоянный источник пищи и тепла — они неминуемо погибнут. Погибнут, и… и всё?

Если он не сможет заработать хоть что-нибудь, хоть чуть-чуть, то… его сестрёнке придётся… придётся… Нет, нет, нет! Дурацкий разум, замолчи, замолчи, замолчи! Этого не будет никогда. Никогда! Я не допущу! Хоть разобьюсь об пороги, вымаливая работу — но не допущу!

А ведь она, Нина, могла бы стать истинной принцессой — может быть, лучиком света для множества людей. У неё всегда, с самого своего рождения был дар играть жизнь — совсем-совсем мило играть, совсем непосредственно. Она и сейчас жила так — ребёнком, она оставалась ребёнком в этой какофонии их жизни. Она могла бы стать прекрасной актрисой — актрисой жизни, разной жизни… непростой жизни.

И он с его братом также могли бы помогать очень многим людям — учить их ценить то, что им даётся жизнью, ценить всякое благо, всякую помощь. Откликаться на просьбу, на искреннюю человеческую просьбу… не давать своим сердцам замерзать.

Медленно капающая с потолка вода. Писк крыс за соседней стеной. Два мальчика и девочка, прижавшиеся друг к другу, спящие. Что готовит им новый день? Новые пятьсот шестьдесят семь дней…

* * *

Отложенная в сторону ручка, сложенные в стопку листы бумаги. Завтра он продолжит свою работу — продолжит писать. Ему ещё есть много о чём рассказать людям.

Ещё достаточно молодой человек с каким-то странным для стороннего наблюдателя лучистым взглядом отошёл от стола. Да, завтра он продолжит эту работу — работу, которой он посвятил всего себя.

Задумался и улыбнулся. Как же была мила и непосредственна его сестра! Она и сейчас жила так — жила ребёнком, способным позаботиться о себе и о других. Она жила так сейчас, когда беды и напасти прошлого уже миновали, оставив широкий рубец в памяти… трудно заживающий рубец.

Усвоены ли уроки? Понят ли смысл событий его жизни? Найдены ли достойные ответы на вопросы, заданные им ей? Заданные десять лет тому назад…

Многое понято и осмыслено, но ещё больше предстоит сделать и понять. И он попытается понять результаты своих выборов, осмыслить свои прошлые ошибки. Он сделает это в своей книге — своей первой книге. Нет, в их книге — в книге их жизни. Двух братьев и сестры.

Сестра вчера позвонила ему. Её голос, как всегда, был мелодичен и звонок, радостен. Милый голос любимого человека. Да, она радовалась, радовалась своей новой жизни. Она была счастлива. Её берут в новую роль в замечательном фильме — в роль нежной жены и любящей матери — роль, которую она теперь так прекрасно выполняет в своей собственной семье.

В семье, где нет обиды и ненависти, где нет недоверия и корысти, где есть свет и простор, где есть горний воздух свободы и нежный аромат любви, где есть взаимопомощь и взаимовыручка, где есть доверие и благодарность, где есть признательность и доброта — где всё это есть как основа жизни, как её стержень. Она счастлива в своей семье — она всегда так говорила… делилась с ним радостью при первой же встрече. Он тоже счастлив в своей новой работе.

Вот только брат что-то не шлёт весточку… Впрочем, обязательно пошлёт, как только приедет из-за рубежа. Он теперь бизнесмен… влиятельный и деловой человек. Крупнейшие магнаты страны прислушиваются к его мнению — но власть не испортила его. Ему — им — не зря был дан тот урок лишений. Он сделал их добрее и мудрее — сделал, несмотря на преграды. Теперь каждый из них воплощает свою мечту в жизнь — как им когда-то и хотелось…

Кто-то назовёт это чудом и с восторгом в глазах прослезится. Кто-то недоверчиво сморщится, пробурчав, что вся эта история его жизни, которую он запечатлел в своей книге, больше похожа на нелепую сказку и несуразные вымыслы. Кто-то поблагодарит его за совет. Кто-то начнёт прилагать советы в жизнь. А он бы назвал это — испытанием жизни, испытанием, символизирующим начало новых, маленьких испытаний — испытаний каждый день.

Чудо ли то, что после почти пяти лет скитаний, когда им, наконец, удалось устроиться в какой-то цирк ухаживать за животными, вскоре после того, как уволилась какая-то актриса, внимание заведующих вдруг было внезапно обращено к его сестрёнке, к её живой и детской непосредственности, к её красоте в своей непосредственности? А потом были годы работы. Разные годы…

Его сделали гимнастом — со своей природной ловкостью он отлично справлялся с этой ролью. Его брата научили жонглировать. Сестра стала вести представления. Это было начало их нового пути.

Чудо ли то, что сестра вскоре стала актрисой, и её обаяние и душевная красота со временем принесли ей мировую известность? Чудо ли то, что его брат, скопив небольшой капитал, открыл своё дело, однажды выросшее в крупнейшую транснациональную компанию? Чудо ли то, что он, в глубине души желая искать ответы на вопросы жизни, учиться и учить делать верные выборы, стал писателем?

Он не назовёт это чудом, он назовёт это знаком — знаком Пути. Его и их пути, который они должны — обязаны были! — пройти, чтобы стать теми, кем они стали.

Чтобы справляться с новыми испытаниями.

Чтобы не бояться преград.

Чтобы верить прекрасным мечтам.

Чтобы их воплощать — в жизнь.

Чтобы стать — Человеком, человеком с большой буквы.

Чтобы быть им.

21.12.2004

Оправдание

Василий сидел на корточках под навесом дверного проёма, старательно пряча лицо от дождя. Капли барабанили по голове, закатывались по порванному плащу под одежду, хлюпали в изношенных за многие годы кроссовках. Дождь в каком-то неудержимом безумном порыве намерился сегодня очистить вторую столицу России от всего того, что он по одному ему известному мотиву мог бы назвать грязью.

Он не мог только одного — смывать людские грехи. Служители храма, сверкающего в этот пасмурный день своими омытыми позолоченными куполами, например, могли — за известную плату, конечно. Но только не дождь. Куда ему, дождю, до этих высот?

Прохожие стремительно метались под этим удивительным ливнем от одного здания к другому, заливаемые водой на тротуарах машины громогласно призывали посторониться всех остальных, кроме самих себя, а Василию — что Василию? — ему этот дивный новый мир, как бы, святости был удивительно далёк во всех своих смыслах.

Карма стала в моде с подачи блюстителей набожности. Вот уже как несколько лет почти каждый житель культурной столицы — и не только её — стремился исправить свою карму, не стремясь исправить себя самого. К этому призывали витрины благотворительных магазинов, об этом неустанно напоминали газеты и центральное телевидение, даже лицо сироты на огромном рекламном билборде, казалось, молчаливо предлагало всем своим созерцателям, проносящимся каждый день по центральному уличному кольцу, принести ещё порцию своих сбережений в детский церковный приют ради очищения своей кармы. Вот уже как несколько лет люди неискренне улыбались друг другу на улицах, интересовались здоровьем своих собеседников наряду с прогнозом погоды, покупали всевозможные безделушки со скидками во внезапно выросших как грибы после ливня благотворительных магазинах, отдающих, или говоривших, что отдают, часть своей возросшей прибыли на «добрые дела». Даже банки — и те ввели повышенный «кэшбэк» при покупках в таких вот магазинчиках. Это стало вопросом моды — блюсти свою карму, ощущая себя непогрешимым.

Василий не ведал, как это удалось — но союз маркетологов и тех самых, из храмов, оказался на удивление продуктивным. Василий, поливаемый в этот момент бушующей стихией, не знал, что в терминах маркетинга это называлось «ребрендингом», а в терминах финансов выражалось такой цифрой, которую, наверное, только они, набожные собиратели сокровищ, и могли себе позволить. Как бы то ни было — это, должно быть, помогло спасти самих себя в своих собственных глазах многим, кроме Василия.

Пять лет без дома — много это или мало? Кто-то спокойно проведёт целую вечность в грязи, совершенно не ощущая бега времени, а для него эти пять лет стали своей собственной вечностью. Пять лет через холод и снег, грязь и вот такие вот дожди, омывающие время от времени улицы Санкт-Петербурга. Пять лет хождений в изношенной одежде под неодобрительными взглядами прохожих без шансов найти постоянный кров. Бессонные ночи, проведённые в незапертых подъездах, сотни криков и пинков от их жильцов. Всё это было, всё это будет. Это замкнутый круг.

В конечном итоге память удерживает для нас только самое лучшее — то, что достойно жизни в океане воспоминаний. И искры этих воспоминаний не гаснут вплоть до нашего последнего дня на этой земле.

…Первый год его скитаний. Поздний вечер. Топот ног за спиной.

— Дяденька, спрячьте меня! — отчаянно крикнула девочка лет семи. — Спрячьте от них!

Когда на горизонте мостовой появились две закутанные в тени взрослые фигуры, времени на размышления уже не осталось.

— За мной, сюда! — прокричал Василий ребёнку.

Несколько десятков метров, совсем рядом. Здесь, во дворе, сломанные двери подъезда всегда были открыты. Когда ты скитаешься по всему городу, ставшему для тебя последним пристанищем, память цепко сохраняет в себе такие места, где можно скоротать очередную ночь или хотя бы несколько остающихся до рассвета часов, когда законопослушные граждане вновь отправятся в путь на свои очень важные и значимые работы. Отправятся по замкнутому кругу.

Ребёнок забежал вслед за Василием в открытую дверь и затаился.

Это был день — или ночь, если судить по времени суток — когда он спас будущую прекрасную балерину от насильников и убийц. Но в тот день он ещё не знал об этом — знание пришло намного, намного позже, и уже в ином мире.

…Третий год его скитаний. Дождь, барабанящий по мостовой свой странный ритм и выписывающий круги в воде Невы. Замкнутые круги.

Маленький рыжий котёнок, отчаянно бьющий лапками по воде и пытающийся дотянуться ими до высокой каменной набережной, находящейся в каком-нибудь метре от него. Он утонул бы в тот день, если бы не Василий. Утонул бы, как сознательно топят многих, являющихся на свет — будь то кошки или же люди. В сущности, что такое какой-то рыжий маленький котёнок? Всего лишь разница между состраданием и безразличием.

…Тот самый день, те самые минуты, которые мало кто из смертных способен предсказать заранее. Зимний ветер, обмораживающий лицо. Застывший лик Невы. Группа школьников невдалеке, цепочкой двигающаяся на другой её берег. Вот ставший слабым лёд ломается от их мерного шага, и один из школьников с всплеском падает в воду. Крик отчаяния, разнёсшийся вокруг.

Когда Василий подбежал к месту обрыва, школьник ещё был на поверхности, но ни у кого из детей не было сил вытащить его на берег. Они тянули к нему руки, пытались ухватить изо всех сил — но их маленькие слабые руки раз за разом соскальзывали под возгласы отчаяния.

Бывает так, что мы не знаем предела собственных сил до того момента, когда они по-настоящему станут нам нужны… Не знал их и Василий. Схватив за запястье, он рванул двумя руками ребёнка так, что тот вылетел на поверхность, отлетев на пару метров. Но этот рывок пошатнул его, разворачивая вокруг себя самого, ноги его соскользнули, и Василий упал в ледяную воду сам.

Раз за разом, вплоть до момента, когда руки и ноги, наконец, отказали ему, он боролся за жизнь. Раз за разом он пытался подтянуться и выбраться на лёд, но силы стремительно оставляли его — или же эта самая памятная его душе зима и судьба решили всё-таки взять своё. Вот ледяная вода затекает ему в рот, вынуждая умолкнуть. Вспышки света — последние вестники этого мира — и он погружается на дно…

В тот последний прощальный миг жизни он не знал, что произойдёт потом, когда само понятие времени изменит свою суть. Он не ведал о том, как в недоступном для его измученного земной жизнью воображения по своей красоте мире три золотистых капли — по одной за каждую спасённую им душу — упадут в свой день на чашу позабытых многими Весов. Как эти капли, подобные каплям дождя, — такие маленькие и такие большие одновременно! — коснутся её поверхности, и в тот самый миг одна из чаш наклонится и озарится неугасимым светом. В тот самый миг эти три казавшиеся такими крохотными для многих капли перевесят в чаше все ошибки его прошлого и всю его боль, осветив ему путь.

В тот миг — прощальный миг рвущейся связи между этим миром и миром иным, раз за разом забываемым рождающимися в этом, — Василий не мог знать сие. Смертным созданиям редко выходит знать своё будущее априори. Он не знал, что эти капли станут его — совершенно искренне и абсолютно бескорыстно пришедшего на помощь — самым значимым Оправданием. Он не мог и помыслить о том, как после этого мгновения двое сияющих тёплым и мягким светом фигур встанут по левую и правую руки и поведут его в Чертог — туда, где однажды будут собраны достойные.

Где есть место оправданным и искупившим и нет места откупающимся.

19.01.2016

Плата

— Всё имеет свою цену, — назидательно закончил седовласый старец и отложил сверкающее светом перо, едва сделав пометку на лежащей перед ним книге. — И в вашем мире, и в следующем.

— Получается, что я не смогу спасти их ни при каких обстоятельствах? — сидевший перед ним за огромным письменным столом исхудавший мужчина средних лет был, очевидно, очень раздосадован данным ему ответом, хоть и старался не показывать виду.

— Сможете. Но ваша плата за это может стать слишком велика. Вопрос цены человеческой жизни. Цена жизни души. Вечные вопросы, которые нам приходится задавать себе и вам уже очень долгое по земным меркам время, — пристально и участливо взглянув на мужчину из-под своих раскосых бровей, вымолвил его собеседник.

— Я согласен. Готов, — спустя непродолжительную паузу твёрдо прозвенел в наступившей тишине его голос.

— Не говорите «готов», пока не перелетите, — уверенно заявил голубоглазый старец. — Ибо нет предела высоте небес.

— Я могу вернуться? — слегка поёрзав на стуле от нетерпения, вопросил мужчина.

— Цена выбора. Да, теперь, когда столь интересовавший нас вопрос оказался решён, уже можете. Бог, как говорится, любит Троицу, поэтому приготовьтесь отправляться по счёту «три». Готовы? Итак… Раз, два…

* * *

— …Три! Три недели мой муж пролежал в послеоперационной коме после этой кровавой бойни. Вы буквально вытащили его с того света! Спасибо вам, доктор. Спасибо! — чьё-то едва различимое заплаканное и счастливое лицо склонилось над ним, а в ноздри ударил такой знакомый и дурманящий запах лаванды.

— Считайте, что вам несказанно повезло. Пуля прошла через лёгкие, едва не задев сердце. Если бы не вовремя подоспевшая помощь, то, боюсь, мы общались бы с вами сейчас при совершенно иных обстоятельствах. Как говорится, Бог его миловал, ну а мы сделали всё, что было в наших человеческих силах.

Голоса казались слегка приглушёнными, а лица едва различимыми, но запах каштановых волос его любимой он не спутал бы ни с чем. Ни в этом мире, ни в следующем. Он жив. Они живы. Они снова будут вместе. Теперь это самое главное. Всё остальное может подождать.

Едва не потеряв сознание от прорезавшей грудь резкой вспышки боли, он повернулся на бок и что есть силы сжал руку сидевшей рядом жены. Они будут жить. Это главное.

* * *

Ожидавший уже вторую неделю своего нового путешествия джип стоял в гараже, готовый в любой момент разразиться громогласным рёвом своего мотора. Повзрослевшая четырнадцатилетняя дочка суетилась вместе с мамой на кухне, подготавливаясь к дороге, а он завершал техосмотр их четырёхколёсного друга. Скоро они вновь отправятся колесить неизведанные просторы страны. Запах дороги, словно лаванда, манил и будоражил ум. Как же хорошо, что у него есть они!

Десять лет — много это или мало? Для кого-то — всего лишь тягостное мгновение. Для него же — целая, незамутнённая, наполненная радостью жизни маленькая вечность, прошедшая с момента того памятного теракта и странного, уже почти стёршегося в памяти видения и разговора. Чего только не привидится в состоянии клинической смерти!

— Мила, Лариса, вы готовы? — окликнул он жену и дочку. — С машиной всё в порядке, так что мы уже можем выезжать. Жду вас, любимые!

— Уже идём, па! — звонким смехом ответила ему дочурка Мила. — Какой ты у меня всё-таки нетерпеливый!

* * *

Резкий разворот — и потерявший управление грузовик вылетает на встречную полосу прямо перед ними. Он ударяет по тормозам — и джип заносит и начинает крутить. Вот испуганный крик его жены и дочки, разрывающий мерный бубнёж дорожного радио, оглушающим громом врывается в уши. Будто застывшие на время секунды перетекают в бесконечную вечность бытия…

Всё происходило так, как он и видел когда-то давным-давно, почти десять земных лет тому назад. Незадолго до того, как услышал вкрадчивый голос седовласого старца с голубыми глазами. Резкой вспышкой в сознании вернулась память. Назидательно-вкрадчивый голос. Слова. «Цена выбора».

Он изо всех сил вывернул руль, стараясь избежать столкновения. Или, по крайней мере, увести из-под удара правый бок, где в эти ставшие бесконечными секунды с застывшими от ужаса немыми лицами сидели его жена и дочь. Его солнышки. Его жизнь. Его смерть.

Цена выбора. Нет другой цены.

Удар был такой силы, что смял всё левое крыло. Сработали подушки безопасности, но слишком поздно. Для него — поздно. По инерции машина выехала с трассы и съехала в кювет. А всё, что происходило дальше, он был уже не в силах узреть обычным человеческим взором.

* * *

— Всё имеет свою цену, — назидательно повторил седовласый старец, вновь пристально вглядываясь в сидевшего перед ним мужчину, словно пытаясь найти там, в глубинах его души и памяти, так интересовавший старца ответ на так и не заданный им вслух вопрос. — А ведь вы почти уже забыли о ней.

— Я… где… что с моей женой… они… они выжили?

— У нас не было планов забирать их раньше времени, — слова старца плавно и мелодично зависали в воздухе на краткое время, чтобы нежно раствориться с каким-то негромким звоном спустя неизведанное мгновение. Мгновение ли?

— Выходит, живы? — с облегчением выдохнул мужчина. — Слава Богу!

— Конечно, слава, — спокойно согласился с ним собеседник. — Они живы и будут жить ещё много лет, во многом благодаря вам. А вот для вас этот путь отныне окончен. Вы, как бы выразиться поточнее… уже не в той физической форме, чтобы продолжать земной путь. Именно поэтому вы здесь.

— Живы… они живы… — словно всё ещё не до конца придя в себя, продолжал повторять мужчина.

— Зал Наблюдений — прямо за этой дверью, — вкрадчиво вымолвил старец. — Сможете прийти к ним во снах. Подбодрить их. Им сейчас очень нужна будет ваша помощь. Знание о том, что с земной жизнью путь не заканчивается.

— А… потом? Дальше? Куда же дальше?

— На Суд, разумеется, — добродушно улыбнулся ему в ответ Бог. — Все мы там будем.

21.06.2026

Подарок

«А вы у меня QR-код проверять не будете? А то у меня его нету, честно-пречестно! Не меченая я, понимаете? Мы, не меченые, уже почти как изгои стали…»

По кислой роже стоявшего с автоматом наперевес у входа в торговый центр охранника было отчётливо заметно, какой именно прадед и насколько мужественно придушил бы все эти фашистские новшества, сыпавшиеся в последнее время на голову и кошелёк его невзрачного потомка точь из рога изобилия или какого-то иного рога, дав тем самым ему, достославному продолжателю рода, крайне поучительный и весьма своевременный пример. Длительно переминаясь с ноги на ногу точно от внутреннего холода и опасливо косясь на развешанные по стенам видеокамеры, спустя некоторое время охранник, тем не менее, всё же махнул рукой в знак разрешения.

«Ладно, проходи давай. Телефон для вида хотя бы покажи. А то ты у нас первый посетитель сегодня за весь день. Будто целый город в одночасье вымер, ей-богу! Меня ж тоже выпнут отсюда скоро, ежели покупателей-то совсем не будет…»

«Спасибо, дяденька охранник!» — радостно воскликнула Алиса, едва не захлопав в ладоши. «Я тут мигом пробегусь, одним глазком только гляну, ладно? Мне же очень-очень интересно, что тут у вас нынче, в столице, делается! И подарок надо купить ещё».

Так и не получив утвердительного ответа от внезапно ставшего старательно разглядывать носки своих начищенных до блеска ботинок стража нового торгового порядка, Алиса стремглав ринулась сквозь открывшиеся стеклянные двери, намереваясь если не купить (на это сейчас у неё почти не было средств), то хотя бы полюбоваться издалека на все те чудо-диковинки, которые мог показать им, «понаехавшим», этот огромный торговый монстр.

Каково же было её удивление, когда за стойками сверкающих новогодними огнями и гирляндами магазинов совсем не оказалось продавцов! Стеклянные двери стояли настежь распахнутыми, праздничные огни по-прежнему вырисовывали свои неповторимые узоры на стенах, отражаясь от закреплённых на потолках и полу зеркал, а вокруг, насколько хватало взору, не было видно ни единой живой души.

Словно она, новоявленная гостья столицы, в одночасье оказалась в своём собственном мистическом Зазеркалье.

«Купи нас!» — внезапно донёсся откуда-то из далёкой глубины бутика, в который забрела блуждающая по торговому центру Алиса, тоненький голосок.

«И меня! И меня тоже!» — затараторили ему в ответ с десяток новых.

«И про меня не забудь, я же иду по акции!» — промурлыкал кто-то совсем рядом.

«Кто вы? Где вы прячетесь? А ну, покажитесь немедленно, или я… ну… вызову полицию, вот!» — испуганно озираясь по сторонам, выкрикнула им в ответ Алиса.

«Это мы, вещи!» — раздался в ответ хор весёлых смешков. «Скорее купи нас!»

«Вещи? А куда подевались люди? Где ваши продавцы? Это что, какая-то новая форма торговой магии? Ничего не понимаю!» — в удивлении всплеснула руками Алиса.

«Люди? Зачем люди? Вещи!» — пропел ей в ответ многоголосый хор голосов.

«Но ведь для вещей нужны же люди? Люди же не вещи, а вещи — не люди? Вы меня сейчас ну прямо совсем запутали!»

«Надень нас!» — закричали внезапно выскочившие из коробки красные лакированные туфельки, прямо на глазах у ошарашенной Алисы начав вытанцовывать какой-то неведомый ей танец.

«Примерь меня!» — нежно прошептало начавшее кружиться на зеркальном полу в паре с туфлями сиреневое платье с большим вырезом на спине, то и дело пытаясь увлечь за собой стоящую в центре зала Алису, взяв её своим рукавом под руку.

«Вдохни нас!» — прошелестели ласковыми голосками десятки выкатившихся на прилавок стеклянных баночек с духами.

«Полюбуйся на нас!» — пропели выпорхнувшие в один присест из футляра украшенные большими красными рубинами серьги.

«Какие же вы все красивые!» — ахнула от изумления Алиса. «Вы самые красивые вещи из всех, которые я когда-либо видела!»

«Мы были созданы друг для друга!» — приобняв Алису за талию, уверило её платье.

«Мы были сотворены только для тебя!» — подтвердили туфельки.

«Взгляни в меня!» — потребовало стоявшее невдалеке в красивой золочёной оправе зеркало.

Подойдя ближе к зеркалу, Алиса с удивления обнаружила, что её отражение одето в те самые сиреневое платье и красные туфельки, а в ушах у неё красуются золотые рубиновые серьги.

«Ты её полнишь!» — недовольно заявило зеркало платью.

«А ты худишь!» — огрызнулось то в ответ.

«Примерь нас! Купи нас! Возьми нас с собой!» — наперебой заливались своими голосами обитатели сего магазина, не давая Алисе ни секунды на размышления.

«Но… как же я вас всех куплю?» — растерялась Алиса. «Вы же, наверное, стоите очень-очень дорого!»

«Кредит… Кредит! Она не знает про кредит?» — начали удивлённо перешёптываться между собой вещи. «Она же не местная… Да откуда у неё карта? Банк! Ей надо идти ва-банк!»

«Что же мне с вами делать? Нет у меня никаких кредитов, и меток тоже нет. Нечем мне с вами расплатиться!» — огорчённо вздохнула Алиса.

«Крысь!» — пропищала внезапно выскочившая из дальнего угла комнаты прямо под ноги к Алисе огромная, размером в несколько её кулачков, крыса.

«А-а-а! Мышь! С детства ненавижу мышей!» — подпрыгнув от испуга и чуть не раздавив кружащиеся под ногами туфли, заверещала Алиса. «Брысь!»

«Крысь!» — повторила громадная чёрная крыса, встав на задние лапы и нелепо взмахнув перед собой передними, словно представляясь.

«Это наш друг, Крысь!» — принялись успокаивающе заверять Алису вещи.

«Он хороший!»

«Да, он помог многим из нас найти свой новый дом!»

«Найти своих хозяев!»

«Они слушали его мудрые советы и смогли, наконец-то, заполучить нас!»

«Он очень умный. И хитрый!»

«Он классный!»

«Нет!» — закричала Алиса. «Не хочу друзей-мышей! А крыс тем более! Брысь, брысь!» — с этими словами она схватила одну из танцующих красных туфелек, намереваясь запустить её в это вызывавшее в ней чувство глубокого и искреннего отвращения существо.

«Крысь!» — обиженно поджав задние лапки и точно раздосадовано щёлкнув своим хвостом по зеркальному полу, пропищала огромная чёрная крыса, намереваясь, судя по всему, успешно ретироваться, но внезапно влетевший в открытую дверь бутика со всех задних лап кот не дал осуществиться этому её тактическому отступлению.

«М-р-р-р-я-я-я-у-у!» — только и успела услышать Алиса за мгновение до того, как когти новоявленного свирепого хищника вонзились в толстую чёрную шкуру, оставляя после себя глубокие кровоточащие раны на теле Крыся. Крысь подпрыгнул вверх, вывернулся и, оставив кусок своего хвоста в лапах нежданно-негаданно появившегося кота, пулей ретировался куда-то в чёрную темноту зала.

«Бедный наш Крысь…» — заплакало и опустило рукава вниз ещё недавно танцевавшее по залу платье. «Он был нам так дорог, и мы были с ним дороги!»

«Что ты наделало, глупое создание?! Кто же теперь купит нас? Теперь нам никогда не найти своих богатых хозяев!»

«Вот ещё, хозяев им подавай!» — промурлыкал севший на задние лапы кот, принявшись старательно зализывать нанесённые им Крысем раны. «Да они сами кого хочешь своими рабами сделают. Не верь им, девочка. Уж я-то знаю. Уж я-то этих крыс столько в своих девяти жизнях повидал!»

«Кот! Самый настоящий и говорящий Чеширский Кот! Прямо как из моей детской сказки!» — чуть не прослезилась расчувствовавшаяся Алиса.

«Скажешь мне тоже, Чеширский! Не чешусь я — и, вообще, блох не имею! Умываюсь каждый день по утрам и вечерам, как замурчали мне мои предки, мир их меху! А вот гладиться — это я люблю. Может, погладишь?» — вопросительно взглянул он на Алису, продолжая зализывать помятую шерсть. «Меня, кстати, Годом зовут!»

«Конечно, поглажу, милый котик!» — радостно согласилась исполнить эту простую житейскую кошачью просьбу Алиса. «Ты же у меня герой — такую крысу победил!»

«И за ушком бы ещё почесать, раз уж я сам не чешусь… А то ведь у меня, сама знаешь, лапки… М-р-р-р…»

«А почему тебя так странно зовут, котик?» — не переставая гладить и ласкать кота, вопросила Алиса. «Кот по имени… Год?»

«Я кот-символ, понимаешь? Кот-год! Сейчас же котогод идёт? Вот и я годокот. Уже который год!»

«Что это за шарада?» — удивилась Алиса. «Котик, пожалуйста, не говори загадками!»

«Шарада для маскарада. Ну, чего ты не рада?» — примирительно промурчал кот. «Ладно уж, можешь называть меня Чеширским, ежели так хочешь. Но блох у меня для тебя и взаправду нет, так что даже не проси!»

«Да мне и не надо», — хихикнула Алиса. «А почему ты решил меня от Крыся спасти?»

«Проголодался я. Отощал. Да и лохматость моя тоже понизилась. Можно даже сказать, что озверел я, хоть это и странно звучит, особенно в моём случае. Какой год, такой и кот, получается. А крыс этих тут развелось — видимо-невидимо! Все что-нибудь утащить норовят или других повадкам своим учат. Но я-то их всех найду, от меня не уйдёшь, не скроешься в норе, м-р-р-я-я-у-у! Так что я теперь с недавних пор тут живу, ловлю их и… дальше ты и сама знаешь, что мы, коты, с ними делаем…» — символично прищурился он своим зелёным глазом, словно проверяя её, Алисы, общую эрудицию.

«Ты очень храбрый!» — ласково согласилась с ним Алиса. «Но все эти вещи… они же так хотели, чтобы я их все-все купила… желали найти свой новый дом… а теперь…»

«Да ничего с ними страшного не сделается!» — махнул лапой в сторону прилавка кот. «Они же не люди. И даже не коты! Не облезут, не отощают и… ну, что там с вами, людьми, в тяготах обычно делается? Не озвереют, вот!»

«Люди же не вещи!» — улыбнулась Алиса. «Тем более, что мне даже купить их не у кого. Продавцов-то тоже вокруг нету, видишь? Что же мне теперь делать то?»

«А хочешь, я тебе князя места сего покажу?» — подмигнул ей кот.

«Кого, кого?»

«Ну, он что-то вроде местного главного духа, смотрителя. Помню я, как одна из крыс, когда бегством от меня спасалась, ему на спину с разбегу запрыгнула и ну давай верещать, чтобы он её защитил. Ну, я ему его золочёную краску-то с боков тоже за это и поободрал! Так что мы теперь с ним… как бы это поточнее выразиться… из одной миски молоко не пьём, вот».

«Ладно, веди!» — воскликнула Алиса. «Только чур, если что, я его первая на место поставлю!»

Когда запыхавшаяся от бега по этажам и коридорам Алиса всё-таки догнала своего храброго пушистого попутчика, тот уже вальяжно восседал на загривке огромного золочёного быка, стоявшего точно по центру импровизированного оазиса с пальмами на самом верхнем этаже торгового центра, и то и дело выгибал свою кошачью спину и разминал свои когти, точно намереваясь по команде аккуратно вонзить их в черно-золотой загривок.

«Ну вот, он самый! Злой дух! Только не сбросит он меня отсюда теперь!» — довольно заверил её кот и впился своими когтями быку в шею.

Казавшаяся до этого момента неживой статуя внезапно встрепенулась, резко дёрнулась, пытаясь сбросить своего новоявленного наездника, глаза её в мгновение ока налились кровью, а из ноздрей повалил густой едкий дым.

«Видишь, как злится? Не по нраву ему мы! М-р-я-у!» — и с этими словами кот яростно царапнул верхнюю часть одного из боков золотого быка.

Голова золочёного тельца с налитыми кровью глазами внезапно развернулась в сторону Алисы, и низкий утробный гул вкупе с едким дымом пронёсся в тот миг по залу.

«Ты стоишь перед алтарём нашего храма, человеческий детёныш! Веди себя подобающе!»

«Ага, заговорил всё-таки! В прошлый-то раз ты не особо разговорчивым, помнится, был!» — мяукнул кот, выдавая быку лапой затрещину.

«Это ты украл отсюда всех людей и заменил их вещами? А ну, признавайся!» — пристально взглянула в наполненные кровью и яростью глаза быка Алиса. «И не шипи так, я тебя не боюсь, у меня теперь есть самый настоящий Чеширский Кот. Вот!»

«Это место — храм вещей. Ты — чужая. Поди прочь!» — голова ожившей статуи в ярости вращалась из стороны в сторону, но по неведомой причине бык не мог сдвинуться с места.

«Немедленно верни людей!» — потребовала Алиса и топнула ножкой. «Ишь чего, Богом себя возомнил!»

«Люди… приходили ко мне сами. Поклонились… мне сами. А потом… они исчезли. Все, кто поклонились. Остались только вещи…»

«Ну и оставайся тогда здесь один, вещь! Без новых адептов ты никто! Ложный храм — по ветрам! М-м-м!» — сгримасничала Алиса и показала быку язык.

«М-р-я-у!» — добавил боевой Чеширский Кот и врезал ожившей статуе лапой промеж рогов.

«Богохульники! Святотатцы! Вон из моего храма!» — взревел что есть силы бык, силясь сорваться с места, но прочно державшие его золочёные цепи так и не дали ему это сделать. Лишь налитые кровью глаза с ненавистью буравили удалявшиеся фигурки девочки и вальяжно гуляющего на двух лапах кота до тех пор, пока те окончательно не скрылись из виду.

«Вот это я и называю — взять быка за рога!» — довольно мурлыкая себе под усы и нос, продолжал рассказывать бредущий по коридору кот.

«Надеюсь, он больше никому не навредит», — озабоченно озираясь назад, говорила между делом Алиса. «Такой злобный этот твой дух, что прямо ух! А ты видел его красные глазища, да?»

«Да я бы и их надрал бы, если бы достал», — лениво, словно красуясь, пожал хвостом кот. «Но мне пока и боёв со всякими местными крысами здесь хватает. Ну, куда теперь побежим?»

«Ой, уже, наверное, очень поздно», — внезапно спохватилась Алиса. «Я же охраннику обещала совсем недолго здесь погулять. А мы тут с тобой так завертелись, что я и забыла про это совсем. Меня же родные дома ждут!»

«Так ты не местная? А я было подумал, что ты теперь тоже здесь жить будешь день и ночь напролёт. Молочка мне приносить, или, скажем, колбаски…» — мечтательно закатил кот кренделем хвост. «А то местный горе-вояка на входе совсем про меня забыл, кажись, хоть замявкайся… А вот, собственно, и он. Спит на посту как убитый без зазрения совести! Глаза бы мои его не видели и лапки не трогали!» — весело замурлыкал кот, аккуратно подкрадываясь к задремавшему за столом на первом этаже охраннику. «Хотя, ты знаешь, насчёт лап — это можно ещё и подумать…» — и с этими словами Чеширский Кот по имени Год ловко запрыгнул на пухлый то и дело вздымающийся вверх живот спящего охранника, нежно сворачиваясь на нём клубочком.

«Прощай, котик! Мне будет тебя не хватать», — ласково погладив свернувшегося калачиком кота, произнесла Алиса.

«Ты ведь ещё вернёшься, правда?» — с надеждой преданно взглянул он в ответ своими изумрудно-зелёными глазами. «С молочком и колбаской?»

«Постараюсь навещать тебя почаще!» — уверила его Алиса. «Если родители разрешат».

«Ну, тогда чао-какао!» — махнул он ей на прощание лапкой. «…Постой, чуть не забыл тебе сказать!» — внезапно спохватился он.

«Что именно?» — обернулась уже выходящая в стеклянно-зеркальную дверь Алиса.

«Следуй за белым кроликом, разумеется!» — промурчал кот и подмигнул ей своими зелёными, точно прекраснейшие из изумрудов, огромными хитрыми глазищами.

* * *

Когда Алиса вышла за порог этого нового храма, на улице была уже ночь. Снег кружился в свете уличных фонарей, а на небе ярко сияли звёзды.

Силуэт всё более удаляющегося от неё торгового центра постепенно таял, словно его никогда и не было — словно всё, что только что произошло с ней там, в этом новом Зазеркалье, было не взаправду, словно вся жизнь в бесконечной погоне за вещами была какой-то ненастоящей, неправдоподобной, неподлинной…

«Ну вот», — огорчённо вздохнула Алиса, всё плотнее укутываясь зимним шарфом от внезапно налетевшего холодного ветра. «Так я и не купила подарок для мамы! Эх… Только время зря потратила…» — загрустила она.

«Не грусти о суетном, дитя!» — прошелестел порывом ветра неведомо откуда взявшийся голос. «Мы поведём тебя к вечному!»

«Кто же вы?» — удивлённо озираясь по сторонам и не замечая при этом ни одного прохожего, произнесла в ответ своему невидимому собеседнику Алиса.

«Правильный вопрос — кто ты? Устреми свой взор ввысь!»

«Звёзды! Ух ты, какое же сегодня ясное небо! Сколько же на нём далёких солнышек!» — заворожённо глядя вверх, прошептала девушка.

«Видишь, как мы сияем в этой ночи? Нас стало видно только во тьме!»

«Звёзды, вы словно чьи-то далёкие светлые души, освещающие наш земной путь…»

«Можно приобрести тысячи вещей, но разве возможно купить себе вечность? Её можно получить только в дар, заслужить её. Заслужить исполнение своих мечтаний. Протяни же свои руки к небу!» — вновь прошелестел неведомый голос.

«Ух ты, падающая звезда! Какая яркая!» — восторженно воскликнула протянувшая руки к небу Алиса.

«Я спускаюсь в твои руки, дитя. Загадывай желание!»

«Я… я хочу, чтобы люди смогли стать счастливыми. Чтобы… чтобы они не становились как вещи. Я хочу… мира на всей Земле. И чтобы мама выздоровела!» — всхлипнула, утирая рукавицей застывающие на морозе слёзы, Алиса.

«Желание чистых душ будет исполнено…»

* * *

«Алиса… Алиса! Ты что, опять задремала за уроками? Устала, моя хорошая?»

«Мама, я только-только заснула… Мне снился такой чудный сон…»

«Видишь, как темно за окном? Ты спала несколько часов, доченька. Совсем умаялась с этими уроками и мыслями о подарках, да?»

«Я… ух ты… смотри, мама! Какое звёздное сегодня небо! Прямо как в моём сне!»

«Да, милая, небо сегодня очень красивое…»

«Смотри, мама, падающая звезда! Какая яркая! Первый раз такую вижу!»

«И я первый раз, доченька…»

«Я спускаюсь в твои руки, дитя», — прошелестел где-то на самой границе сознания чей-то сильный, тёплый и ласковый голос. «Желание чистых душ будет исполнено…»

30.01.2022

Предложение

В эту ночь Олегу снился кошмар. Пугающий своими недвусмысленными сходствами с его собственными личностными реалиями и оттого ещё более неприятный. Не подумайте дурного — снились ему вовсе не змеи, выползающие из черепа коня в чёрном пальто, да и вещим он себя, по скромности своей душевной, вовсе и не считал. Снились ему в ту ночь широкие шеренги гордо марширующих людей с рогами и копытами, на всех языках преисподней зазывающие его принять их крайне заманчивое предложение и продать свою собственную душу. Цены при этом предлагались разные: один готов был заплатить «чудо-мультиваркой, способной превратить любую хозяйку в королеву кухни», второй — «мощнейшим моющим пылесосом с десятком новейших универсальных насадок», третий предлагал «новую модель Айфон XR с совершенной системой искусственного интеллекта, способной предугадывать действия своего владельца», а кто-то даже готов был ради него расстаться с «ЭПК-Ж Дуся 2000», что в переводе на общечеловеческий означало «Электронно-позитронная кибернетическая жена, модель «Дуся» двухтысячного года выпуска».

Вся эта их крайняя навязчивость и нелепая бестактность так возмутили душу Олега, что под конец этого неземного маркетингового светопреставления он так и захотел крикнуть им, обступившим его по кругу и нещадно тянущим в его сторону свои загребущие руки с потусторонними троянскими «дарами»: «Да идите вы все к чёрту!» Но потом каким-то своим врождённым чутьём всё-таки сообразил, что чертыхаться по отношению к тем, кому сами черти даже и в подмётки не годятся — это всё-таки вершина бессмысленности, ещё более высокая, чем все современные достижения земной рекламы, вместе взятые.

Так и стоял он, отмахиваясь и отнекиваясь, пока делающие своё грязное дело наперебой вещали о прелестях предлагаемых ими новшеств. Но, к счастью, многое в этой, равно как и потусторонней жизни имеет свойство однажды заканчиваться, так что закончился и этот ночной кошмар не вещего Олега.

Продолжая тихо ворчать себе под нос и тереть кулаками глаза, в этот момент ошарашенно смотревшие в сторону будильника, на котором значилось уже десять часов утра, Олег по давно уже заученной привычке, с непреложной неизбежностью будто очередной рекламный звонок, пошатывающейся походкой направился в ванную, дабы хоть немного привести себя в порядок после этой в низшей степени буйной ночи.

От очередного священного сеанса утреннего бритья его оторвал запрыгавший от вибраций на стуле телефон. Утренней радости этого своего гаджета Олег в эту минуту не разделял — и, чёрт возьми, оказался как нельзя более прав.

«Доброе утро!» — без лишних стеснений радостно прокричал Олегу в уши неизвестный голос ещё менее известного даже в узких кругах молодого человека, стоило тому только взять дело управления трезвонящим телефоном в свои крепкие мужские руки.

«Я хотел бы поговорить с Олегом Александровым. Это вы?» — уверил в полной серьёзности своих намерений голос в трубке.

«Положим, что вам сегодня повезло, и это действительно я. Что будем делать с этим фактом?» — пробурчал в трубку всё ещё сонный Олег, силясь удержать бритву второй свободной рукой.

«Ваш интернет-провайдер «ООО Сетевые свершения» подготовил для вас уникальное новогоднее предложение! Только до конца декабря этого года вы сможете перейти на наш новый новогодний тариф «сеть-офигеть» всего за тысячу рублей и увеличить скорость своего интернет-соединения на двадцать мегабит в течение января и февраля следующего года. С марта же следующего года стоимость данной услуги будет составлять для вас всего лишь двести рублей в месяц. Также мы рады предложить вам услугу по страхованию вашего ТВ и вай-фай роутера от попадания в них молнии. Стоимость данной услуги составляет всего лишь триста рублей в месяц. Данное уникальное предложение действительно только до конца декабря. Ну что, вы согласны воспользоваться нашими новыми условиями обслуживания, Олег Александрович? Для подтверждения вашего согласия перехода на новый тариф ответьте, пожалуйста, «подтверждаю», для отказа скажите — «никак нет»».

«Никак да!» — буркнул в трубку Олег, едва только в монологе тараторящего в его телефоне человека-робота образовалась мельчайшая пауза, позволившая Олегу перехватить словесную инициативу.

«Что, простите?» — раздалось на том конце трубки. «Вы подтверждаете своё согласие?»

«Никогда! Никогда и ни разу я не давал своего согласия беспокоить меня вашими ранними утренними навязчивыми звонками!»

«Очень жаль!» — разочарованно ответил Олегу безымянный голос в трубке, явно до глубины души раздосадованный тем, что ему не удалось заработать для себя любимого очередную новогоднюю прибавку к премии. «Может быть, тогда вас заинтересует предложение по страхованию вашего вай-фай роутера?»

«От попадания в него метеорита — страхуете?»

«К сожалению, на данный момент наша компания не предоставляет подобных услуг. Но мы обязательно передадим ваше предложение нашему отделу продаж. Всего доброго и до новых встреч!» — убедительно уверил Олега в неизбежности их следующей встречи молодой голос и тут же самостоятельно повесил трубку, не дожидаясь новых оригинальных предложений для своего маркетингового отдела.

Более не прерываемый утренними рекламными звонками — «ни единого разрыва тишины!» — Олег успешно разделался с процедурой утреннего бритья и направился на кухню сварганить себе хоть немного кофе, дабы пробудить свой всё ещё сонный мозг и взбодрить всё ещё робкий дух. На работу он уже точно опоздал и свой сегодняшний план почти наверняка уже не выполнит, а значит — не видать ему недельной премии как своих ушей.

«Да и фиг с ней, с премией этой», — размышлял Олег, продолжая варить себе кофейные зёрна в турке. «От такой работы уже черти всякие во сне мерещиться начинают. Пора тебе, парень, найти для себя нормальную работу!» — в который уже раз решил этим утром Олег. Как жаль, что суровые будни капиталистической экономики в рамках отдельно взятой столицы так часто решали иначе!

Как же раздражала Олега эта нещадная навязчивость рекламщиков и продажников, от которой он мог найти спасение только по вечерам, сидя за компьютером в наушниках, слушая тяжёлый рок и мерно покачиваясь на стуле в такт собственным не менее тяжёлым, чем рок, мыслям. И за что только ему такой рок достался?

Вот, скажем, не далее как вчера явился к нему нежданно и неприглядно продавец пылесоса «Ширби». Этот «уникальный по своим характеристикам» пылесос шумел точно реактивный самолёт, вереща всеми голосами преисподней и пытаясь, судя по всему, отговорить Олега от его возможного приобретения, а в ходе демонстрации его работы у пылесоса и вовсе сломались две насадки. На саркастически скрещённые на груди руки и иронический взгляд Олега представившийся Рашаном продавец никак не реагировал, усиленно пыхтя и что-то переключая в своём чудо-агрегате в надежде всё-таки заставить его вновь заработать. Надежды эти в какой-то момент даже оправдались — правда, ненадолго. Уже через десять минут после очередного включения адский двигатель адского пылесоса заглох и перестал подавать малейшие признаки того, что можно было бы с натяжкой засчитать в качестве его личной технической жизни. Вместе с двигателем умолк и тараторящий продавец, в тот момент как нельзя более ясно осознавший, что на фоне полнейшей тишины его бодрый доселе голос звучит уже как-то не столь уверенно.

«Не Ширби, а Ширли-Мырли какой-то!» — хохотнул Олег. «И всего-то за каких-то — сколько вы там говорили? — сто тысяч рублей?»

«Мы готовы предоставить вам скидку за этот уникальный агрегат в размере…» — попытался спасти своё тонущее положение Рашан. Но спасение утопающих, как говорится…

«Дверь — там», — мягко подсказал ему Олег. «Спасибо за проведённую демонстрацию возможностей вашего продукта. На данный момент наша компания в лице меня не готова его приобрести».

«Может быть, хоть телефоны знакомых дадите?» — попытался ухватиться за последнюю соломинку продавец чудо-пылесосов.

«Нету у меня никаких знакомых! Маньяк-одиночка я!» — Олег рявкнул и надвинулся на продавца реактивных пылесосов с такой убеждённостью, что тот быстро поспешил ретироваться за указанную ранее дверь, поспешно упаковывая свой чудо-юдо-агрегат уже без лишних вопросов.

«Рок у нас, видимо, такой», — размышлял Олег, продолжая поглощать наваристый кофе вместе с парочкой самодельных бутербродов.

«Дзинь!» — отвлёк Олега раздавшийся дверной звонок, недвусмысленно сигнализируя о том, что его нелёгкий рок опять принёс кого-то на его собственный порог.

«Скажите, а вы верите в Бога?» — синхронно, лукаво, сладкоречиво и без лишних представлений пропели ему в уши две новоявленные старушки, стоило только Олегу немного приоткрыть входную дверь. «Иисуса Христа, принявшего смерть свою за грехи наши», — решила на всякий случай уточнить одна из них.

«Возможно. Зависит от настроения», — попытался отшутиться Олег.

«А хотели бы вы узнать больше о Спасителе нашем и пути его?» — меж делом спросила одна из старушек, усиленно листая носимую с собою книгу в очевидном намерении сразить Олега наповал собственным умением прочтения напечатанных текстов вслух.

«А ваш Бог — он, случаем, не чёрный? А то я, знаете ли, тот ещё расист», — решил перейти в наступление Олег. «И ещё у меня была двойка в школе по иностранным языкам. Так что я очень надеюсь, что он говорит по-русски!»

«Как можно!» — возмутилась одна из божьих свидетельниц. «Конечно же, он понимает все наши языки. Но ведь наш самый главный язык — это язык души! Послушайте, что он говорит для сынов своих…» — начала вторая старушка с томиком, уверенными движениями перелистывая сразу несколько страниц книги.

«Что верить нужно ему, а не самозванцам? Так это я и до вашего посещения знал».

«Бог наш милосерден, он готов простить ваши грехи за малую толику…»

«Я давно не переписывал на него свою квартиру? Вам, кстати говоря, тоже бы не советовал — Россию, как говорится, испортил именно квартирный вопрос. Денег нет, но мы держимся. Селяви, ариведерчи, хасталависта — или как у вас там говорится? В следующий раз просим вас приходить с настоящим, неподдельным Христом. До новых встреч!» — не дав опомниться открывшим было рот сектантам, Олег захлопнул входную дверь к их упущенным возможностям.

Окончательно потеряв всякую надежду успеть выполнить свой сегодняшний рабочий план, Олег в спешке закинул недоеденный бутерброд себе в сумку, залил остатки кофе в термос, накинул зимнюю куртку на плечи и спешной походкой двинулся на встречу своей собственной новогодней судьбе.

Не успел он дойти до автобусной остановки, как телефон радостно оповестил его о новом — совершенно бесплатном! — входящем вызове.

«Страхкрахпрахфинанс Банк готов предложить вам как нашему прошлому постоянному клиенту новые условия по обслуживаемым кредитным картам. Выпуск кредитной карты уже был для вас предварительно одобрен, для её получения в случае согласия с обновлёнными условиями кредитного договора вам необходимо…»

«Пройти мимо!» — Олег каким-то чудом успел прервать выговоренный скороговоркой монолог банковского служащего за секунду до того, как нажать на вожделенную красную кнопку своего телефона.

«Никаких красных кнопок на вас не хватит», — с досады подумал он, запрыгивая в открывшуюся дверь новоприбывшего автобуса.

Сверкающие всеми цветами радуги билборды. Безапелляционно сующие в руки цветастые флаеры молодые люди. Огромные экраны на стенах домов и торговых центров, день за днём гоняющие по кругу свои предзаписанные, предодобренные и предвзятые видео. Тут и там возникающие словно из-под земли прямо по пути следования рекламные боксы. Утренняя Москва со всех сторон встречала Олега устами своих маркетологов, не оставляя ни единого шанса остаться не вовлечённым в эту цветастую белиберду.

На ходу сбрасывая звонок от очередного «Центра исследования общественного мнения», настойчиво интересовавшегося политическими взглядами своего респондента и его отношением к сексуальным меньшинствам, запыхавшийся Олег вбежал в офис своего постоянного, но от того ничуть не более радостного места работы, на ходу лавируя между снующими тут и там точно муравьи коллегами, более напоминавшими Олегу сокамерников.

«Босс не вырисовывался?» — успел задать он вопрос своей коллеге Людмиле за секунду до того, как улицезреть своего начальника, уверенной и властной походкой направлявшегося прямиком к нему с выражением лица, не предвещавшего ни единой премии.

«Ну прямо-таки явление Христа — виноват, всего-навсего Олега — народу!» — саркастически процедил сквозь зубы тот самый босс. «Значит так, Олег. Если хочешь остаться хоть с четвертью премии под новый год, живо забирай товар и валяй по адресам. Людмила уже внесла их сегодняшний список тебе в базу. И чтобы с голыми руками возвращался!» — босс изрёк свою набившую оскомину знаменитую в местных кругах шутку, обнажил пару золотых коронок и также плавно, слегка покачиваясь из стороны в сторону точно тяжёлый галеон под непослушными ветрами, отчалил в свой кабинет.

«Не в духе?» — понимающе кивнул Олег в сторону босса.

«А когда он в нём был то?» — не отрывая головы от клавиатуры произнесла Людмила и протянула высунувшийся из принтера листок.

«Вот адреса. Товар на складе. Дуй давай!» — улыбнулась она. «А то и впрямь совсем без премии останешься».

* * *

«Кто там?» — спросили из динамика домофона.

«Дед Мороз!» — ответил Олег заученной фразой.

«Ладно, проходите. Порадуйте там хоть кого-нибудь в этом мрачном мире», — раздалось в трубке, и дверь послушно открылась.

Девять этажей очередной «хрущёвки».

«Здравствуй, Дедушка Мороз! Что за хлам ты нам принёс?» — мысленно поиронизировал сам над собой Олег.

Железная дверь на первом этаже с резной деревянной обивкой. Выглядит солидно. Есть шанс.

Олег поправил свой арендованный у компании чёрный деловой костюм, кашлянул пару раз, стараясь прочистить горло, и нажал на звонок.

«Кого там ещё зима принесла?» — раздалось из-за двери недовольное приветствие по прошествии около десятка секунд.

Олег натянуто улыбнулся, выпрямился по стойке «смирно», набрал воздуха в грудь — и…

«Здравствуйте, меня зовут Олег Александров! Наша компания проводит предновогоднюю распродажу — и прямо сейчас у нас есть для вас уникальное предложение, от которого вы не сможете отказаться!»

25.12.2019

Простить

Удар. Ещё удар.

Маленькие струйки крови, стекающие из разодранной кожи.

Боль. Волны боли, бороздящие и сжимающие в судорогах тело, туманящие разум.

Отчаянный тихий-тихий полувскрик, полный неизбывной тоски.

Грозное лицо отца, нависшее совсем-совсем рядом. Обнажённые белки глаз, полный злобы и ненависти взгляд.

Снова боль. Ещё. Ещё.

Комок чего-то тёплого, застрявший в горле и не дающий дышать.

Плевок на пол, плевок — кровью.

— Папа, остановись! Не н-а-а-а-а-а-д-о-о-о-о… За ч-т-о-о-о-о-о-о?

— Ах ты, маленький гадёныш! Я разве тебе не говорил, что со взрослыми нужно разговаривать вежливо и уважительно?! Тем более со мной! Ты почему посмел назвать меня гадом? Как ты смел так назвать своего родного отца?! Ах ты неблагодарный выродок! Получи, маленькая скотина! Получи, тварь!

Хрип. Дышать уже невозможно.

— Да остановись ты, отец! За что ты бьёшь ребёнка, засранец! Что же ты за зверь-то такой! Остановись, говорю тебе — ты же сейчас убьёшь его!

Голос матери, еле дошедший до сознания — тихий и ласковый голос, сейчас сделавшийся каменно-твердым и каким-то совершенно изломанным. Он всегда делался таким, когда отец бил его. Но — и только.

— Молчи, женщина! Не ты мне будешь указывать здесь! Здесь главный я, и ты — ты будешь выполнять мою волю! Уродец посмел назвать меня гадом, а я такого не прощаю! Ты слышишь меня?! Я мужчина, а не жалкая тряпка — и такого не прощаю. Никогда!

Снова удар.

До чего же больно… Его тело так и не становилось железным, а ведь временами он так этого жаждал…

И вновь голос матери — но почему-то уже совсем тихий. Странно… это она так говорит или он уже перестал слышать?

Удар.

Мир изменился — исчезли все звуки. По лицам родителей он видел, что они продолжают о чём-то спорить, но вот слышать их он уже перестал.

Один раз отец что-то, кажется, прокричал в ответ жене, но затем вдруг на лице его появилась какая-то растерянность, и он было уже опустил руку с увесистой деревянной палкой…

Но — только на мгновение. Но — только наполовину. Внезапно лицо его снова приняло прежний — свирепый и ужасно отталкивающий вид. Он повернулся к сыну.

Сейчас. Сейчас ударит снова…

Удар. Удар. Удар.

Ломающееся дерево. Новая вспышка боли. Мир померк.

* * *

Тихий голос, ласкающий слух подобно тёплым волнам морского прибоя. Склонённое над ним лицо матери. Льющаяся прекрасная песня.

Смесь седых и русых волос. Седых… А ведь она, его милая мама, была ещё так молода…

Я должен это выдержать. Во что бы то ни стало — должен. Обязан. Иначе — нельзя. Должен.

И снова забытие.

* * *

Он открыл глаза. Да, это его мир — мир, в котором он родился. Добрый мир?

Мать, мать всегда ему говорила, что этот мир такой, каким его видят люди и каким стремятся сделать. Мир таким становится — для каждого человека. Добрым или злым, прекрасным или безобразным, полным великих тайн или совершенно бессмысленным. Неизвестно как, но мир становится таким, становится — всегда.

Он прикрыл глаза. Постепенно возвращался слух, хоть и с трудом, но начинало чувствоваться тело. А потом он опять уснул — и спал долго-долго. Ему показалось, что целую вечность, хотя в реальности, быть может, не прошло и дня.

В этом своём сне он слышал голоса людей — слышал смех и чувствовал их восторг. Он ликовал вместе с ними, он пел с ними, и голос его как-то вплетался в общую гармонию голосов — и тогда песня-восторг, песня-ликование звучала ещё сильнее и радостнее. Он радовался жизни, радовался с другими — такими же, как он, умеющими радоваться. Он любил жизнь… Любил, несмотря на преграды, несмотря на проблемы. Он любил жизнь…

А затем он проснулся.

* * *

Молодой человек проснулся и как-то неловко встряхнул головой, отгоняя недавнее наваждение о побоях. Наваждение ли?

Нет.

Он точно знал, что всё это когда-то было с ним. Он это помнил…

Зачем он это помнил, почему не мог выбросить из памяти эти отрывки мучений, почему верная память не позволяла ему такое? С какой целью хранила она эти давние воспоминания давно ушедших лет? Кто знает…

Он так тщательно старался отгонять из мыслей эти события своего прошлого, так усиленно пытался их забыть… Но — никак, но — не получалось.

Почему даже теперь, когда у него есть так много — любимая женщина, с которой он как ни с кем другим близок, которая понимает его с полуслова, которая любит его, и жить с которой он рад и счастлив… прекрасная работа, позволяющая помогать огромному числу людей… слава, богатство, признание, успех — почему даже теперь эти жуткие картины, монстры прошлого, встают у него перед глазами? Напоминание о том, что ему пришлось пережить? Предостережение?

— Хватит бежать, — подумал он. — Хватит бояться. Хватит помнить об этом и постоянно перемалывать в памяти. Пора, наконец, простить людей — простить за ошибки, простить и отпустить от себя. Забыть — и простить. Простить — и забыть.

Тогда, развернувшись к окну и подняв глаза навстречу восходящему утреннему солнцу, он прокричал: «Отец, я прощаю тебя за ту боль и страдания, которые ты причинил мне. Я прощаю тебя и отпускаю с миром. Иди своей дорогой. Расстанемся без злобы и ненависти. Будь прощён мною!»

Прокричал громко и радостно. Прокричал так, как, возможно, кричат, ликуя, воины после победы.

— Я прощаю тебя! Да будет так!

— Да будет так… — разнеслось далеко на просторы.

И тогда прекрасная музыка, музыка ликования и восторга наполнила его слух. Это была его музыка, музыка его детства.

Знак его пути.

02.04.2003

Свободные как ветер

Лазурная гладь моря сверкала и переливалась под лучами восходящего солнца. Волны накатывали друг на друга, вспенивались и, подхваченные новым потоком, уносились прочь. Дул свежий бриз — как раз такой, какой бывает здесь каждый второй день, — собравший с моря дань влаги и теперь отчаянно бросающий её в лицо блестящими холодными каплями. Ветер надувал паруса, и те, прогибаясь под его потоком, раздувались и кренили корабль вбок. Но лишь чуть-чуть. Прочные тросы, привязывающие судно к берегу, не давали ветру практически ни единого шанса сдвинуть эту махину и на десяток метров.

Вот раздался крик капитана — и матросы стали спускаться с мачт, чтобы продолжить работу уже на палубе. Скоро фрегат выйдет из этого порта в своё очередное плавание, а пока — разносимые по ветру крики, шум налаживаемых снастей, лёгкий скрип досок корабля, принимающего на свой борт очередную порцию груза, да свист ветра в лицо.

Странное и смутное чувство вновь не давало ему покоя: тоска по покидаемому, пусть хоть и временному — всего на день-два, пока покупался новый провиант, а помощники капитана вели бойкие беседы с торговцами, пытаясь сбить цену на закупаемый товар, — но дому, новому дому среди бескрайних вод и штормов… радость от продолжения пути и какое-то странное предчувствие, что ему уже очень-очень недолго осталось жить этой жизнью, что его путь вскоре резко изменится — и он будет вынужден сделать новый важный шаг в своей жизни. Две недели назад как это ощущение родилось в нём, три месяца назад как он стал юнгой на этом корабле…

«Если человек верит в себя — то он может всё. Помни об этом, сынок», — слова его отца, слова, которые он, простой портной, дал ему в путь — в его новый свободный путь по бескрайним просторам морей, в путь, который ждал его с детства и манил за собой в несбыточных мечтах, в путь, который должен вот-вот измениться, дав ему новый выбор.

Вновь крик капитана корабля, огласивший воздух — и матросы поднимают паруса. Их капитан был прирождённым лидером — гроза пиратов Карибского моря, он в своей молодости десятками блестящих атак на пиратские суда и их захватом создал себе это имя.

Замечательный стратег и ещё лучший тактик, теперь он стал морским торговцем, одним из многих. Но сила была в нём всегда — она и сейчас бурлила в этом человеке, громогласно взывающем к своей команде для начала отплытия фрегата из порта.

* * *

Поднятые и развевающиеся паруса. Лёгкий бриз, дующий в лицо — скоро он сменится приближающимся шквалом, и тогда им придётся снять паруса и стараться лавировать по ветру среди накатывающих многометровых волн, чтобы буря не перевернула корабль на бок, притом, что ветер может менять направление чаще, чем раз в минуту.

Но это будет через пятнадцать или двадцать минут, когда шторм всё-таки застигнет их — а пока он смотрел вперёд, на бескрайнюю открывающуюся взору водную гладь, и чувство приближения времени выбора и времени перемен, как теперь он условился называть его про себя, становилось всё ярче и отчётливее.

Уже не раз их корабль в течение этих трёх месяцев его новой жизни среди просторов морей выдерживал самые лихие и отчаянные штормы, которые знало Карибское море за последние два года. И каждый раз капитан и команда выводили его из самых, казалось бы, безвыходных ситуаций — выводили даже из-под прямых обстрелов нескольких буканьерских барков и из сражений один на один с титанами — вражескими фрегатами и даже один раз с галеоном. Потому что это был их капитан — свободный как ветер, авантюрист и гроза пиратов, не знавший, что значит отступление.

* * *

Яростно свистел ветер, а волны шквалом осыпали борта корабля, пытаясь проломить их или накренить фрегат набок, чтобы затем в новом безудержном напоре окончательно расправиться с этими жалкими смельчаками, дерзнувшими вступить в противоборство с могучей стихией.

Уже час как продолжалась буря. Волны всё били и били в бока корабля. Ветер сдувал с ног даже медленно ползущих по палубе, волны смывали в море и поглощали ещё что-то кричащих людей в своих пучинах…

Это была одна из самых страшных бурь, в которую их корабль попал в этот год — а, может быть, и в эти годы. Он не знал — он видел лишь, как легко море расправляется с теми, которых он всегда считал непобедимыми… непобеждёнными до сегодняшнего страшного дня.

Вот новая волна окатывает его, пытаясь вырвать спасительный трос из рук — и ещё один отчаянно барахтающийся человек проносится мимо с обрывком какой-то верёвки в руках… Всплеск, звук которого тонет в шуме ветра — и всё кончено.

Волны, волны, волны. Ветер, ветер, ветер. Спасительный трос в руках — его единственная связь с этим кораблём и единственное спасение.

Шторм. Мечущийся из стороны в сторону жестокий ветер. Стихия торжествовала.

* * *

Он не знал, сколько прошло времени. Он не знал, где они находятся. Он не видел других людей — лишь хлещущие по борту корабля волны, лишь скрип корабельных досок под массами воды и собственные уже не чувствующиеся руки, держащие железный канат.

Минута, другая, третья… Десяток, другой, третий…

Медленно текло время. Методично били волны в корабль. Уже не слышно было голосов людей — свист ветра заглушал любые звуки. Уже не чувствовалось тело, лишь мысль — одинокая мысль-фраза, не дающая расцепить руки и быть мгновенно смытым в воду — «Если человек верит в себя, то он может всё». Верить — единственное, что ему оставалось теперь, верить в свои силы и быть мужественным. И тогда он сможет выжить. И тогда он должен выжить.

Сознание временами переставало служить ему — и тогда приходило странное забытье… Он видел себя адмиралом огромной эскадры. Он видел себя, раздающим приказы капитанам своих кораблей во время сражений — и людей, с радостью и смелостью в глазах идущих эти приказы исполнять. Люди верили ему и готовы были пожертвовать своей жизнью, чтобы жил он, но и он готов был в каждом новом сражении пожертвовать своей жизнью, чтобы жили его люди.

Он сам дрался на передовой с пиратами и разбойниками, заполнившими некогда мирные просторы этого когда-то ещё никому не ведомого моря — сражался в море и на суше, когда те начинали штурмовать город-порт. Сражался он и с врагами его государства — но это было существенно реже.

Он видел, как его удостаивают какого-то звания, видел склонённые в уважении лица придворных и восхищённые лица его матросов, когда он приближался к ним, открыто неся орден-награду…

А потом он видел свои синие бесчувственные руки и пол обливаемого волнами корабля. Видел закреплённый на корабле и метаемый волнами из стороны в сторону железный канат, за который эти руки держались. И тогда отчаяние овладевало им.

И потом снова — забытие. И снова — буря. Забытие. Буря. Забытие. Буря.

А потом он вновь очнулся — и троса в его руках уже не было. Его носило волнами среди кучи досок — каким-то чудом он остался ещё жив. Тогда он собрал последние силы и ухватился за широкий и толстый кусок дерева — видимо, остаток мачты их былого корабля. В том, что корабль всё-таки был разрушен, теперь не было никаких сомнений. Он вылез на этот кусок и обхватил его, стараясь не выпустить из рук.

И снова — забытие…

* * *

Когда он вновь открыл глаза, бури уже не было — светило солнце и лучи его прыгали и играли в лазурной воде. Его носило по водам этого моря вместе с куском мачты. И вновь он мог рассчитывать только на себя — на себя и силу своего духа.

И он держался. Из последних сил — держался. Держался, зная, что надежды у него практически нет. И всё-таки он держался. И волны метали жалкий корабельный кусок дерева вместе с вцепившимся в него человеком…

А когда на горизонте появился корабль — у него даже не осталось сил, чтобы обрадоваться или подать сигнал. Но его заметили — и корабль медленно и плавно подошёл к небольшому куску дерева вместе с вцепившимся в него мёртвой хваткой и уже не шевелящимся человеком.

Теперь он очень смутно помнил те мгновения. Кажется, после того как его затащили на борт и начали откачивать, то пытались о чём-то расспросить. Однако всё, что он мог сказать этим людям, были лишь невнятные мычания не слушающихся его губ.

Потом его поместили в какую-то каюту, и он спал — долго-долго спал. Временами он просыпался от кошмаров и после этого долго ещё не мог прийти в себя. Но он пришёл в себя после месяца плавания на этом торговом судне, как он узнал потом от команды и капитана.

Ему понадобился месяц, чтобы доказать, что он достоин жизни — и ещё несколько лет для того, чтобы доказать, что он достоин жизни лучшей. Чтобы развилка его пути и её последствия стали, наконец, видны.

Он пробыл месяц на корабле, что подхватил его тогда, — подхватил в тридцати милях от разрушенного судна. Как он узнал позднее, когда, наконец, смог подняться с постели по прошествии двух недель, — спасший его капитан корабля после того, как стал свидетелем трагедии, постигшей его бывший корабль, отдал приказ обыскивать район в поисках выживших. Но в радиусе ближайших пяти миль таких не было найдено. Капитан этого судна не мог сказать, выжил ли кто-нибудь ещё… во всяком случае, они не смогли найти таковых.

Но он выжил — выжил каким-то чудом. По рассказу капитана судна — они уже и не думали, что смогут найти кого-то из выживших, и отправились было дальше, как наткнулись на него прямо на пути своего курса — лежащего на куске дерева, которое он так и не хотел выпускать из рук, когда они пытались поднять его и затащить на палубу корабля. Они пытались разузнать, что случилось с ним, и не является ли он выжившим с судна, свидетелями гибели которого они стали совсем недавно, — но он был настолько измождён и болен, что они ничего не смогли от него добиться.

Тогда его положили в каюту и стали лечить так, как могли. Две недели из того месяца, что они плыли в порт, он пролежал в постели. Очень мало ел, всё больше спал. Временами он в холодном поту поднимался с постели и что-то кричал о том, что обязательно выживет, да ещё о том, что должен выжить, что он свободен и его путь скоро полностью раскроется перед ним. Они не слушали в точности, что он говорил — считали это бредом.

Две недели он боролся, чтобы жить. Нет, две недели и три дня. Корабль прошёл место трагедии лишь спустя три дня после шторма — и спустя три дня после тех событий подобрал его в море. К тому времени уже спокойном и солнечном море…

Ещё две недели он двигался вместе с ними туда, куда плыли они — и где началась его новая жизнь. Где началась жизнь, которая никогда бы не началась, если бы он сдался. Если бы перестал бороться, если бы отчаялся. Он не отчаялся. Он не сдался. Он боролся и победил. Победил, чтобы вступить в свою новую жизнь — ту, предчувствие которой тогда так тревожило и не покидало его.

* * *

— Джеймс, передай капитану «Гварда» — пусть поворачивает к Плимуту. Мы возвращаемся домой.

— Будет сделано, капитан!

— Право руля! Держи нос по ветру!

— Разворот, разворот! Держим курс на Плимут!

Крики разносились по ветру. Матросы сновали по кораблю.

Он смотрел вперёд — на мирную сегодня гладь моря, на пролетающих чаек. Эскадре пора возвращаться — бой выигран и дом ждёт. Они починятся, заправятся провиантом и вновь отправятся в путь. Они — свободные как ветер морские странники. Он и его люди — преданные и верящие в него, их адмирала.

Да, они вернутся в гавань. Но сначала они зайдут в другой город — тот, где он вырос и где не был уже так давно… долгие семь лет.

Возвращение домой… Он вновь увидит своего отца — простого портного — через эти пять лет. Отца, сказавшего ему столь важные слова в тот памятный день испытаний.

«Если человек верит в себя, то он может всё».

Да, эти слова держали его. Они держали его, когда он тонул в буре. Они держали его, когда он — уже капитан собственного корабля — сражался в боях. Эти слова держали его. Они и сейчас держат его, держат спустя семь долгих лет.

Они держат его. Того, кто не сдаётся.

05.01.2005

Совершенство

Томми Вистлеру офигительно не везло. Вы, возможно, скажете, что термин «офигительно» не слишком-то подходит для описания столь печальной объективной действительности, с которой столкнулся многоуважаемый Томми? О, если бы вы только знали, через что его семье пришлось пройти за последний год! Вы, разумеется, не имеете ни малейшего представления об этом, и поэтому мы готовы простить вам такие неудобные и непродуманные замечания. И не свистел вовсе наш Томми в соответствии со своей фамилией на постоянной основе — ну, разве что тихо подсвистывал время от времени себе под нос в минуты душевного блаженства. А оно, поверьте уж нам на слово, было не очень-то и длинным. И вот как он сумел спустя год оказаться на такой широкой финансовой мели — одному Богу и его бухгалтеру известно.

Кто-то, конечно, скажет, что один год — не так уж и много, и нечего тут истерику разводить и смущать благородных читателей, но это ведь смотря в чём мерить. Ежели в секундах, которые точно стадо барашков тянутся друг за другом нескончаемой вереницей — то вообще в барана превратиться можно. А ежели в событиях его жизни — то сразу плакать хочется и уже не до счёта. Идеальным вариантом было бы, разумеется, считать сразу в годах — но только что тут считать-то тогда? Тут уж впору Томми было или волком на луну выть, или котёнком на собаку, или сразу идти и недолго думая записываться в клуб анонимных неудачников. Был ещё, правда, вариант с тем, чтобы всем вместе стать тотально и бесповоротно просветлёнными — но финансовые возможности семьи Томми не позволяли разместить в доме такое количество осветительных приборов. Вот потому-то в семье Томми уже давно не вели подсчёт своим злоключениям, ибо оно себе дороже — горести собственные измерять, особенно ежели ты не на морской мели полёживаешь.

Вот и в последние три месяца всё было очень не очень, хоть и совсем не насовсем. Зарплату на предприятии, в котором работал Томми, постоянно задерживали, в прямом и переносном смысле кормя всех работников завтраками. В прямом — потому что ему как работнику молочной фабрики молоко каждый день полагалось, впрочем, как и прочие его производные, а в переносном — постольку, поскольку сроки её окончательной выплаты были настолько изменчивы и непостоянны, насколько не бывают даже женщины лёгкого — вплоть до воздушного — поведения.

В том числе поэтому в последний месяц он ощущал себя всё больше мелкой килькой в банке — в том самом банке, где он, доверившись красивым словесам маркетологов пару лет назад, оформил себе ипотеку.

Типичная история, хмыкнете вы? Типичная, да не очень. А не очень — это от слова «совсем». Потому как в этот знаменательный день с Томми произошло нечто совсем из ряда предыдущих его жизненных происшествий вон аж куда выходящее.

* * *

В это субботнее утро Томми как минимум в двух смыслах не находил себе места: во-первых, в связи с тем, что банковские работники уже буквально собирались в самое ближайшее время выселять их за неуплату кредита из их уютненького жилища; а во-вторых, потому, что на душе его скребли уже не то, что кошки, а расплодившиеся от их постоянной усталости мыши.

— Ну вот за что? За что, Господи, ты послал нам все эти испытания? Ну неужели ты не видишь, как нам здесь не сладко? Мы хоть и живём в самой прекрасной и демократической стране мира, но люди в банках от этого лучше не становятся, жильё не дешевеет, а молоко не начинает само собой разливаться в молочные реки с кисельными берегами, — так, ходя с раннего утра взад и вперёд по своей спальне, спросонья мысленно причитал про себя и свою жизнь Томми Вистлер.

Тут нам ещё надлежит отметить, что не особо верующим был наш многоуважаемый Томми — в том смысле, что не проводил он, как многие другие гордые собой добропорядочные граждане его маленького городка, по воскресному часу в день в местной церкви и не внимал речам пламенным отцов святых, прихожанами откормленных. Ну вот настолько защемило к этому моменту все органы Томми, включая, не в последнюю очередь, его сердце, и пределы его сил оказались настолько не беспредельны, что душа и мысли его рвались куда-то вверх, в надежде излить своё горе кому-то неведомому, кому-то гораздо большему, чем все его горести, вместе взятые.

— Ну вот куда ты ведёшь нас, а? — продолжал между делом он мысленно обращаться куда-то в совершенно неведомые и далеко идущие дали. — Ты что, совсем всех нас бросил, да? Поди, нежишься себе сейчас где-нибудь там на облачке, пока мы тут, в грязи земной, себе жизни сколачиваем, кто как может.

Тоже мне, совершенный! Хорошо тебе там, наверное, уютно. Хотел бы я побыть на твоём месте — лежи себе, ничего не делай, знай только кому-нибудь время от времени помогай понемножку, чтобы совсем о тебе не забыли. Не жизнь, а сказка просто!

Так, всё больше и больше накручивая и закручивая себя штопором, а также всё более ускоряя собственный ритмичный шаг, Томми бродил по своей собственной спальне. Движения его ног становились всё более размашистыми, а рук — всё более обрывистыми, так что почва под его ногами в переносном смысле всё больше уходила из-под его же ног. В буквальном же смысле она ушла из-под ног аккурат в тот момент, когда от этих странных мыслей его внезапно отвлёк звонок во входную дверь уже не очень-то чтобы и его собственного дома. От неожиданности Томми запнулся и упал лицом в пол. Он бы и пролежал так, интерфейсом вниз, ещё несколько минут, если бы настойчивый гость не продолжал раз за разом нажимать на кнопку, издающую характерный, хоть и отчасти банальный, знаменитый звук «Дзинь!»

— Кого это ещё, лёгкого как на помине, там нелёгкая принесла? — думал про себя Томми, поспешно надевая деловой костюм. — Неужто опять соседи в церковь записаться на воскресный молебен агитировать пришли? А вдруг это опять банковский работник, да поди ещё и вместе с судебным приставом на этот раз? Вот уж нет покоя от вурдалаков!

— Здравствуйте! — с улыбкой в ответ на хмурый и подозрительный взгляд Томми ответил молодой человек в белом костюме с красной бабочкой. — Здесь ли проживает господин Томми Вистлер и его достопочтенная жена Валенсия?

— Допустим, — хмуро ответил Томми. — А вы кто?

— О, так значит это вы — Томми? Просто расчудесно! Значит, меня направили по нужному адресу. Я уж боялся, что расчётчики опять что-нибудь перепутают — у них, знаете ли, ещё нет вашего всевидящего GPS, а путь до этого мира и места был, уж поверьте мне, отнюдь не близкий.

— Не вижу ничего чудесного в этом треклятом дне! — этот странный господин всё больше начинал действовать Томми на нервы. — Вы не из банка, случаем?

— О, случаем нет, — но здесь я совершенно неслучайно, уж можете мне поверить! — вновь улыбнувшись, ответил необычный гость. — Меня зовут… хотя, впрочем, это совершенно не важно, как вы захотите впоследствии назвать меня. Можете звать меня просто Агентом. Я имею желание и честь представлять нашу прекрасную компанию ООО «Центр Исполнения Желаний». Совсем недавно мы получили ваш запрос, провели необходимые предварительные проверки и пришли к выводу, что мы можем помочь вам в исполнении ваших желаний. Поздравляю, вы нам подходите!

— Если вы из местной церкви, то я туда не пойду, — хмуро бросил в ответ Томми. — Неверующий я, и вообще со странными людьми дел не веду.

— Не переживайте, мы не являемся религиозной организацией, мы стоим… как бы вам это понятнее сказать… несколько выше. Ваш последний запрос в нашу инстанцию миновал обозначенную вами религиозную структуру и попал прямиком в наш центр обработки входящих пожеланий. Осталось только утрясти кое-какие небольшие формальности, и всё будет готово — вы станете нашим почётным клиентом.

— А что это значит — быть почётным клиентом? Что мне за это будет? Ежели будет только вам — бонус за очередной вручённый флаер или заключённый обманом финансовый контракт — то идите вы… в Ирак! — буркнул Томми.

— Никаких обманов, никаких Ираков, мы же не в ООН! — улыбнулся молодой представитель непонятной организации. — И, кстати говоря, их желания исполняли наши прямые конкуренты, которые как правило носят чёрные костюмы. Всего лишь несколько уточняющих вопросов и краткий вводный инструктаж, если позволите.

— Ну, валяйте.

— Валяние первое, — отшутился молодой человек. — Вы — Томми Вистлер сорока двух лет от роду, вашу жену зовут Валенсия, она тридцати пяти лет от роду, у вас есть маленькая дочка Мила семи лет и сын Грегори двенадцати лет. Корректно?

— Корректно. А, собственно, откуда у вас такая информация? Что, служба судебных приставов слила?

— О, совсем не приставов, но к суду это всё же имеет некоторое отдалённое отношение, в этом вы правы, — подтвердил молодой человек, ставя галочку где-то в своей анкете. — В последнее время вы испытываете эмоционально тяжёлые и неустойчивые состояния — а, проще говоря, депрессию, в связи с вашим тяжёлым финансовым положением. Корректно?

— Да. Я так и думал, что вы из банка! — совсем огорчился Томми.

— И последнее уточнение — знакомы ли вы с правилами работы нашей системы?

— Какой ещё системы? — не понял Томми.

— А, выходит, что вы обращаетесь к нам в первый раз. Очень хорошо, мы любим и уважаем новых клиентов, — молодой человек в белоснежно-белом костюме был самой вежливостью. — Итак, правила… они, собственно, просты. В связи с вашим недавним — а, точнее говоря, десятиминутным и сорокапятисекундным тому назад обращением, мы готовы исполнить ваше желание с некоторыми ограничениями по безопасности. Для вас будет включена наша система — мы называем её системой тестов. В рамках этой системы вы будете жить и трудиться обычным образом, почти как и раньше — с той лишь разницей, что запрошенное вами желание будет постепенно исполняться с требующимися по протоколам безопасности для вашего мира ограничениями. В частности, вы не сможете причинять вред каким-либо живым существам в этом мире, в особенности одушевлённым — любое подобное ваше деяние повлечёт за собой нанесение ответной боли вам в значительно превышающих исходную величину размерах. Во-вторых, спустя непродолжительное время вы можете начать получать обращения, отправляемые нашему генеральному директору, заместителем которого вы пожелали стать. И, наконец, в-третьих, запомните: чтобы получить абсолютную власть, нужно быть абсолютно совершенным, а чтобы быть совершенным — нужно добровольно принять на себя все ограничения, этим совершенством налагаемые. Также помните, что вы или ваши родственники сможете в любой момент прекратить работу нашей системы, отправив повторный запрос в наш отдел. По окончании работы с системой мы можем попросить у вас оставить отзыв о её работе и рассказать о ней друзьям и коллегам. Скажите, вам всё понятно?

— Признаться, не очень, ну да и хрен с этим. Где она, эта ваша система? Можно на неё хоть посмотреть, что ли?

— О, совсем скоро наша курьерская служба доставит её прямиком в вашу жизнь, не извольте беспокоиться. На полную интеграцию системы может потребоваться от одного до нескольких дней, просим вас иметь это в виду.

Да, чуть не забыл — её использование будет для вас совершенно бесплатным, ведь вы итак, так сказать, на мели, хоть вас за долги пока и не замели, — вновь пошутил гость.

— Очень смешно! — скосил лицо Томми. — Подпись то где ставить?

— Никаких подписей не нужно. Факта вашего обращения в нашу организацию уже было достаточно. Ожидайте внедрения системы, и до скорых встреч! — с этими словами молодой человек в белом костюме с красной бабочкой помахал Томми рукой и чуть ли не вприпрыжку отправился куда-то дальше по своим делам.

— Дорогой, кто там приходил? — раздался из спальни сонный голос жены Томми, едва только сам Томми успел захлопнуть за странным посетителем его жилища входную дверь. — Это из банка?

— Нет, дорогая, не из банка! — крикнул ей Томми. — Дилер какой-то непонятный. Системы странные предлагал. Дурдом какой-то вообще, а не жизнь! — в сердцах признался сам себе Томми и вновь погрузился в свои — или не очень чтобы и свои — невесёлые мысли.

Из этого информационного болота его почти что волоком вытащила его дорогая жена, обнявшая за шею и положившая голову на плечо. — Будешь кофе?

— Спасибо. Ты для меня просто сокровище. И не бросаешь, как неудачника.

— Может быть и брошу однажды, — засмеялась Валенсия. — Но только не раньше, чем ты сам от меня бросишься наутёк.

— Это навряд ли, — ответил он и обнял её в ответ.

— Съездим сегодня в магазин за продуктами?

— Хорошо, дай только позавтракаю немного.

* * *

Ну мы же вам говорили, что Томми катастрофически не везло — и что вы думали, что мы вас обманывали? Вот и сейчас, стоило только Томми начать спускаться по лестнице со второго этажа своей спальни, дабы отправиться вместе со своей любимой на не менее любимый всеми истинно демократическими американцами шоппинг, как их домашняя кошка Джес в буквальном смысле встала ему поперёк дороги.

— Мяу?! — назидательно-вопросительно сказала она, уставив испытующий взор своих зелёных глаз прямиком на Томми, тем самым недвусмысленно намекая ему на то, что с момента последней её кормёжки прошло (разумеется, исключительно по кошачьим меркам) непростительно много времени.

— Брысь! — крикнул ей Томми, — позже тебя покормлю. Уйди с глаз моих долой!

— Мяу! — ещё требовательнее завопила голодная кошка и царапнула ноги своего хозяина и приносителя еды по совместительству.

— Прочь, пушистая бестолочь! — раздражённо крикнул Томми и пнул сидящую на лестничном проходе кошку ногой. — Вот я тебе задам, когда вернусь!

— М-я-я-я-у-у-у! — внезапно рассвирепела Джес и кинулась Томми на спину, вцепившись в него своими не в меру острыми по человеческим меркам когтями.

Томми закричал, силясь скинуть новоявленного хищника со своей спины, закрутился на месте, запнулся за одну из верхних ступенек и кубарем, проклиная весь кошачий род в целом и род Джес в частности, покатился вниз.

— Ау! Моя нога! Моя гребаная кривая с детства нога! — застонал он, схватившись за правую ногу и ворочаясь на полу первого этажа аккурат после окончания увлекательного, хоть и болезненного, процесса катания по лестницам.

— Что случилось, папочка? — выбежала из своей комнаты на возникший шум Мила. — У тебя ножка болит? Хочешь, я на неё подую, как ты делал для меня, и она тут же пройдёт?

— Не пройдёт… она, — превозмогая вспыхнувшую боль в суставах и как можно более сдержанно произнёс Томми. — Тут… растяжение, похоже. Позови… лучше маму.

— Я мигом, папочка! Только давай я сначала Джес покормлю, а то она вон как глаза свои на нас таращит? А ты пока полежи здесь, отдохни, папочка, а то тебе на работе совсем продыха не дают, я от мамы это слышала, — невозмутимо произнесла своим ангельским голоском Мила.

* * *

Так, пролежав первую половину дня с перебинтованной ногой в постели и страдальчески созерцая через окно, как жена его соседа неумело паркует в гараже их новенький дорогущий автомобиль марки «Порше», успев несколько раз кинуть тапком в решившуюся навестить больного хозяина кошку, Томми морально подготовился к просмотру вечернего новостного телесеанса «Голос Америки».

Тут нам вновь надобно отметить, что он, этот голос, так задравший многих жителей иных стран и городов, действовал на Томми крайне умиротворяюще. Как подчас приятно было для замученного сознания Томми внимать ему после тяжёлых трудовых будней, понимая, что где-то там, за далёким мировым океаном в иных странах, где Томми ни разу не удалось побывать и которые он вообще с трудом бы нашёл на глобусе без использования подсказок от «Google Карт», совершаются всё новые народные революции во имя торжества демократии, и что их Америка, благословенная Богом — в которого, напомним, Томми не верил, — продолжает свою святую миссию защиты всевозможных социальных меньшинств и строго, как добрый полицейский, следит за соблюдением прав людей во имя мира на планете Земля. Права каких именно людей имели в виду дикторы, говоря о недавнем вторжении США в Ирак, одобренном на уровне ООН, Томми ни разу не уточнял.

До передачи оставалось ещё несколько часов, но от скуки Томми включил свой говорящий ящик раньше обычного.

— Идиоты, идиоты, идиоты — и от них одни проблемы и заботы… мусульмане, «фак ю», «фак ю», идиоты! — какая-то группа новоявленных нигеров танцевала, пела и грозилась порешить всех приезжих мусульман на наспех сооружённой сцене Детройта под объективы множества телекамер.

— Сами вы идиоты! — буркнул Томми и переключил канал.

— Дурачок мой, дурачок, с ним я лягу на бочок, — пропел с экрана включённого телевизора голос очередной порно-звезды, известным тривиальным алгоритмом прорвавшейся на большой экран.

— «Фак ю», уроды! — выругался себе под нос Томми, отбрасывая в сторону пульт. — Даже посмотреть нечего. Куда только катится наша благословенная Америка? Это уже совсем не мило!

— Что ты сказал, папочка? — приоткрыла дверь его комнаты Мила. — Ты меня звал?

* * *

Наутро перевязанная нога Томми вновь напомнила о себе резкой болью, стоило только тому подняться с постели и проследовать на своих двоих в ванную комнату.

— Боже, как же я хорош! — внезапно раздался над его ухом чей-то мужской голос.

— Кто здесь? — всполошился Томми, стремительно оглядываясь по сторонам. — Это частная собственность, какого чёрта вы тут делаете?! Немедленно покажитесь!

— Боже, да я просто великолепен! — продолжал между тем голос невидимого собеседника, не обращая ни малейшего внимания на безуспешную попытку Томми войти с ним в контакт. — Да я самый прекрасный человек на этом долбаном свете, чёрт возьми! — уверил сам себя голос и в этот же момент внезапно затих.

— Чёрт, я с этой травмой уже сходить с ума начинаю, — подумал про себя Томми. — У меня уже галлюцинации какие-то начинаются. Сначала вчерашний дилер, теперь ещё голоса всякие мерещатся. Видимо, это всё от нервов… похоже, всё-таки придётся покупать себе антидепрессанты, — размышлял он, брея щёки. — Что только подумает моя милая жена…

— Мы тебя любим! — внезапно пропели прямо в уши Томми какие-то две молодые девушки, лиц и прочих частей тела которых он так нигде и не увидел.

— Ты вообще существуешь? — задал вопрос весьма и весьма неуверенным голосом товарищ весьма и весьма неопределённого пола.

— Да ты просто козёл! — в сердцах признался мужчина средних лет.

— Да пошёл ты! — послала Томми в неопределённом направлении какая-то женщина.

— Спасибо тебе! Спасибо! — плачущим голосом проворковал ребёнок.

— Ты что, дурак? Не видишь, что творишь? Я тебя о чём вчера в церкви просил? Это совсем не то, что я хотел! — точно отвесил оплеуху ещё один неизвестный субъект.

— Тысяча чертей! — совсем не по-божески подумал про себя испуганный Томми. — Я что, совсем свихнулся? Мне определённо нужен отдых! — уверил он сам себя. — Вот в понедельник на работе обязательно оформлю себе отпуск, если за день не свихнусь, конечно.

* * *

Эта воскресная поездка в супермаркет помогла Томми узнать о себе много нового.

— Дурак! Козёл! Гений! Подлец! Мудрец! Спаситель! Мучитель! — без устали кричали голоса в его голове. Жена с опаской поглядывала на мужа, с трудом ведущего автомобиль и то и дело выкрикивающего в воздух: «Сам дурак! Спасибо! Сам подлец! Не стоит благодарности! Да без проблем!»

Сосед его вообще не стал церемониться и сразу, без поиска обходных путей, назвал Томми неудачником в ответ на комментарий Томми в духе «зажрались совсем!» Полицейский на дороге поименовал его не иначе как «Долбанутый псих, который гонит больше ста километров в час и на знаки совсем не смотрит!» Кассир в магазине, молча взглянув на чек, назвала его «скупердяем», а жена под конец дня — «горем моим луковым». Дочка Мила поименовала Томми как «мой больной папочка», сын Грегори — «отпятым предком», а кошка Джес не стала вдаваться в излишние подробности и просто ответила «мяу!»

Аккуратно обойдя кошку под вечер, Томми плюхнулся в постель без задних ног, даже не удосуживаясь снять с них ботинки, и уже через пять минут крепко захрапел. Рядом с ним, спящим, молча присела любящая жена, положила свою руку на лоб спящего Томми и грустно покачала головой.

А снился ему в эту воскресную ночь огромный сад со множеством грядок, которые Томми видел только у знакомых фермеров, проживавших за городской чертой, и грядки эти все, за исключением одной, были сплошь засажены хреном.

* * *

Начальник на работе у Томми решил устроить собрание, на необходимость которого давно намекал ему профсоюз, и сразу, без обиняков, объявил, что зарплата за предыдущие два отработанных месяца в этом месяце выдана не будет, потому что, цитируем, — «эти чёртовы китайские коммуняки отхватили себе нехилую долю нашего рынка, и нам, гордым и свободолюбивым американцам, придётся ещё много постараться, чтобы надрать им их тощие жёлтые задницы!»

И вот тут-то Томми не выдержал. Гордо расправив плечи, как то и подобает всякому свободолюбивому носителю демократических ценностей и далёкому потомку первых переселенцев-каторжников из Старого Света в Новый, он набрал воздуха в свою могучую грудь и на самом что ни на есть исконно американском подсказал своему начальнику то, в какую именно точку в этом бесконечном пространстве тот может двигаться, не откладывая это дело в молочный ящик, и какой он в целом прекраснодушный человек, хоть и с некоторыми вкраплениями в свой идеальный характер прямо-таки скотских человеческих качеств.

И всё бы ничего, но только, подначиваемый одобрительными криками и взглядами своих коллег, Томми разошёлся настолько, что под конец своей бурной, как Амазонка, речи забрался на возвышение, с которого вещал его невысокий босс, и со всей дури наподдал своему шефу в его исконно американскую рожу. Рожа эта сначала покраснела, потом посинела, а потом на не менее исконно американском изрекла, что он, Томми, может катиться отсюда к такой-то матери и что с сегодняшнего дня он здесь больше не работает.

А на обратном пути с ныне уже прошлой работы в рожу автомобиля Томми на перекрёстке врезался грузовик, что вызвало очередной грустный вздох его жены и плохо скрываемое хихиканье его соседа-владельца новенького и пока ещё целого «Порше».

* * *

Чего только не пришлось испытать посетителю клуба анонимных неудачников Томми за эти три месяца, прошедшие с момента его встречи с тем самым странным агентом из «ООО Центр Исполнения Желаний».

Тут тебе и падения в канализационные люки после матерщины в адрес главы местной церкви; и сломанные пальцы рук, уставшие показывать знаменитый американский «фак ю»; и порванные сухожилия ног, которые излишне резко пинали со злости бездомных дворовых собак и кошек; и широкое множество иных способов взаимодействия между физической вселенной и не менее физически существующим в ней Томми. А на голоса, неизменно то и дело то что-то от него требовавшие, то льстиво выражавшие свою искреннюю преданность, то вопрошавшие какую-нибудь очередную глупость, Томми уже даже и внимание перестал обращать.

Валенсия, глядя на своего несчастного мужа, только глаза отводила — и всё чаще и чаще они наполнялись слезами по вечерам. Дочка Мила стала называть его «больной папочка» уже практически на постоянной основе, а сын Грегори кичился перед всеми в школе, какой безбашенный и вообще отпадный у него предок.

…А кончилось всё тем, что на Томми наехал грузовик, везущий целые канистры молока с той самой молочной фабрики, почётным беззарплатным членом которой он ещё совсем недавно и состоял.

* * *

— Теперь вы понимаете, многоуважаемый товарищ Томми, насколько важно правильно формулировать свои желания? — Молодой человек в белом пиджаке с красной бабочкой склонился над Томми и испытующе взглянул ему в глаза. — Пожелание — оно ведь, как бы это понятнее выразиться, — дверь в окно возможностей. Как вам, кстати говоря, живётся в роли заместителя Бога, разрешите полюбопытствовать?

— Не… очень… живётся, — еле слушающимися губами и почему-то неожиданно тихо произнёс Томми.

— Оно и видно, что не живётся. Вы же даже не в столь привычном для вас теле сейчас находитесь. Вот лежите вы сейчас в коме в операционной, а там за дверью ваша жена за вас молится. Знаете, какие её сейчас желания одолевают? А вот я вам скажу, хоть вы и не спрашиваете. Единственным самым жгучим и переполняющим всё её существо на текущий момент желанием является ваша жизнь, Томми. Она хочет, чтобы вы жили, понимаете? Не о божественности и совершенстве она сейчас просит, а о сохранении жизни — которую вы, надо отметить, не слишком-то и ценили.

— Голоса какие-то… преследовали меня постоянно, — еле слышно прошептал Томми.

— А, так это были входящие запросы от людей, сформулированные ими мысленно, — ответил Агент. — Мы дублировали их для вас. К сожалению, как вы, наверное, заметили, — эта наша программа ещё не совершенна и поэтому недостаточно качественно осуществляет их фильтрацию, в связи с чем туда подчас попадают запросы, не имеющие к Богу отношения, а прямо-таки сказанные людьми совершенно всуе. Всё дело в том, что наша система ещё находится в альфа-версии разработки и ещё не в полной мере протестирована. Но не извольте беспокоиться — наши программисты уже знают об этой проблеме, и в самое ближайшее время мы обязательно устраним из нашей программы эту досадную ошибку. Так зачем же вы желали побыть, так сказать, в шкуре нашего директора, Томми?

— Я… ничего… такого… не желал.

— Желали, Томми, желали. Люди же в большинстве своём совершенно не задумываются над тем, каково это — быть совершенным. Им кажется, что вот попроси они Бога о чём угодно — и он должен немедленно сорваться с места и исполнить любую их прихоть, пусть даже она и обернётся впоследствии их собственной гибелью. Вот как, например, скажите на милость, наш генеральный директор должен исполнять пожелания в духе «да гори оно всё синем пламенем» — спалить все офисы Газпрома? Убить на земле всех людей — или избранных обидчиков просящего? Бог совершенен, Томми, и он по природе своей не может выполнить то, что входит в дисгармонию с совершенством, он не может причинять зло живым существам. А люди постоянно просят его об этом, уж поверьте мне, Томми! Вы ведь заметили, как ваше зло наша программа возвращала вам?

— А как же… всё зло… кто… будет с ним бороться? — продолжал шептать Томми.

— Давайте я объясню на понятном для вас примере. Когда некоторые из клеток организма заболевают, приобретая исключительно паразитическую природу, и стремительный рост числа таковых клеток начинает представлять собой угрозу для жизни организма — что должен сделать организм, чтобы остаться в живых?

— Эти клетки… ликвидировать?

— Правильно, Томми. Ради здоровья и выживания всего организма болезнетворные клетки могут быть ликвидированы. Также и с планетой, Томми, также и с планетой.

— Могу я… с женой поговорить?

— Сначала вы должны ответить на один уточняющий вопрос, Томми. Скажите, пожалуйста, вы хотели бы продлить действие вашего желания почувствовать себя на месте Бога?

— Нет… не хотел бы. Мне кажется… я всё понял.

— Ну вот и отлично. Тогда тестовую программу мы вам сегодня отключим. А операция на сердце, кстати говоря, у вас пройдёт успешно. Обращение вашей жены в нашу организацию с просьбой о вашем спасении было очень чистым и искренним — и мы с радостью исполним это её желание. И с новой работой поможем — вам же такую любящую вас семью ещё содержать надо, — с этими словами Агент протянул свою прозрачную и светящуюся руку к сердцу Томми, отчего по всему организму потерпевшего разлилось какое-то внутреннее тепло.

— Спасибо… за урок.

— Ой, даже не благодарите, — улыбнулся Агент. — И не забывайте про аналогию с клеткой, Томми.

* * *

«Мощнейший циклон, господствующий над всей территорией Аляски, должен, по прогнозам синоптиков, продержаться ещё как минимум месяц, принеся с собой около восьмидесяти сантиметров осадков, — громогласно вещал диктор с экранов более миллиона включённых телевизоров. — Из-за аномальных холодов, пришедших с территории Канады, около восьмидесяти процентов жителей штата не имеют возможности покинуть свои дома вот уже в течение двух недель. Ученые-климатологи обещают, что данный циклон приведёт к полной парализации социальной активности более половины граждан как минимум ещё в восьми северных штатах и продержится вплоть до середины мая. Президент уже ввёл режим чрезвычайного положения на территории пяти штатов. Это самый большой вызов стихии, с которым когда-либо сталкивалась наша страна за всю свою краткую и славную историю…»

29.07.2017

Лира и сатира

Записки самоизолированного

Хроники одного вирусобесия

День 1. Сегодня по телевизору нам во всеуслышание и без обиняков объявили, что к нам из Китая, но почему-то через Европу, прибыл нежданно-негаданно опасный вирус, и мы будем бороться с ним всеми доступными нам средствами. От слов «всеми» и «средствами» у меня по спине пробежался лёгкий холодок. На всякий случай проверил баланс своего карточного счёта. Слава банку, средства были на месте. Ну и черти же эти китайцы! Или всё-таки европейцы?

День 2. В говорящем ящике продолжают трындеть об эпидемии в Китае. Если бы я был китайцем, обязательно бы испугался. К счастью, нам, русским, нечего бояться. Наверное.

День 3. С полок продуктовых магазинов начала пропадать гречка. Её что, мыши по ночам воруют? Или это новый план по созданию неприкосновенных государственных продуктовых запасов? Размышляю.

День 4. Озарение! Гречку раскупили про запас испугавшиеся вируса сограждане. Но кто тогда выкупил почти всю туалетную бумагу — и, главное, зачем? Размышляю.

День 5. Всё ясно: туалетная бумага теперь начала выполнять психологическую функцию — своего рода успокоительное. Дёшево и сердито. Осталось только немного переждать весь этот бумагомарательный кризис, и всё обязательно образуется. Наверное.

День 6. В говорящем ящике появились какие-то непонятные «эксперты», которые рассказывают нам о всё новых и новых случаях заражения вирусом и опасностях, которые нас подстерегают. С опасностями вроде всё понятно — но кто, продюсер их дери, все эти люди?!

День 7. Китай выстроил больницу за несколько дней. Не верю! У нас бы ушло минимум несколько лет. Мы что, хуже этих узкоглазых? Размышляю.

День 8. Озарение! Если мы продолжим «оптимизировать» нашу медицину и дальше, то больницы и вовсе не понадобятся, и можно будет совершенно законно не испытывать чувства горечи от того, что кто-то их строит быстрее нас. Всё по плану.

День 9. Из продуктовых магазинов пропали устрицы и креветки. А эти-то кому понадобились? Затоварился целой тележкой лимонов, пока и его не растащили как крысы по углам.

День 12. В говорящем ящике «эксперты» несут какую-то откровенную белиберду о сопутствующих болезни симптомах. Таким макаром в касту больных скоро можно будет записывать всех здоровых, а иных болезней кроме этого чудо-юдо-вируса у людей вообще не останется. А не является ли это хорошо завирусованной попыткой создать кастовое общество? Размышляю.

День 15. Заражённые жаждой путешествий больные продолжают прибывать из Европы, но их никто особо не проверяет. Они что, бессмертные?

День 19. Всем срочно самоизолироваться, это добровольный приказ! Как-то так нам сказали сегодня из ящика. Я, конечно, человек послушный, но что это за термин-то такой? Больше похоже на самопрокрастинацию. Размышляю.

День 20. Чуйка подсказывает мне, что это надолго.

День 23. Полицейские отлавливают нарушителей режима самоизоляции как преступников и совершенно не спешат самоизолироваться с наших улиц сами. Они что, бессмертные?

День 25. Почти все магазины закрыты. Когда откроются, в ящике не сказали. Введён режим «повышенной готовности». С кем мы всё-таки воюем? Можно ли победить то, чего нет в природе? Размышляю.

День 27. Начал передвигаться по улицам короткими перебежками, минуя встречные патрули. Наблюдение: если двигаться достаточно быстро, то в силу своей врождённой лени полицейские перестанут следовать за тобой, чтобы выписать вожделенный штраф, и переключатся на другую, менее подвижную жертву. Гениально!

День 30. Пересел со своих двоих на велосипед. Нас не догонят!

День 33. В продуктовых магазинах закончился имбирь. Ну и хрен с ним, я бы эту гадость всё равно никогда не купил!

День 40. По зомбоящику сказали, что все мы должны обязательно надеть маски. Какие именно, в нём не уточнили. Завтра планирую надеть маску лошади, а послезавтра — динозавра. Цирк, да и только!

День 43. А не вымрем ли мы как динозавры с такими-то правителями?

День 45. Сегодня на улицах люди начали сторониться меня, как будто я прокажённый. Молча обходят за метр и идут дальше, как неживые. Может быть, я всё-таки зря надел маску Дарта Вейдера? Пусть тоже переходят на тёмную сторону силы, я не против.

День 47. Шутки-шутками, а сегодня меня всё-таки догнал патруль. Не надо было ехать в маске Вейдера по проезжей части. На первый раз отделался минимальным штрафом. Переманить полицейских на тёмную сторону силы не удалось. Может быть, это потому, что они уже к ней принадлежат? Размышляю.

День 50. У нас бушует самая настоящая эпидемия! По крайней мере, так сегодня сказали в зомбоящике. Среди всех моих знакомых нет ни одного заражённого, слава светлой стороне силы!

День 55. Ходят слухи, что вышки 5G являются тайным проектом по управлению сознанием людей. Глядя на то, как полицейские волоком тащили в машину бедную вышедшую на прогулку старушку, я начинаю в это верить.

День 57. Теперь выходить из дома можно только по QR-коду. Жить пока что ещё не запретили. Странно. В чём причина такой щедрости? Размышляю.

День 60. Тварь я дрожащая или погулять на улицу выйду?

День 65. Множество магазинов и предприятий по-прежнему не работает. Они что, бессмертные?

День 66. Сил моих нет терпеть этот бред.

День 70. На улицах резко возрастает количество патрулей. Ходят слухи о планах мировых банкиров по чипированию всего населения Земли и превращению людей в киборгов. Они что, хотят стать бессмертными?

День 80. Вновь проверил баланс своего карточного счёта. Средства почти на исходе. Теперь я наконец-то понимаю, что имелось в виду под борьбой «всеми средствами».

День 90. Режим самоизоляции продлён на неопределённый срок. От недостатка солнца и витаминов мне временами становится дурно.

День 115. Сегодня я чуть не упал в голодный обморок в магазине, выбирая самый дешёвый растворимый суп. Какая-то сердобольная женщина успела подхватить меня, в то время как все остальные шарахнулись прочь — видимо, из-за того, что на мне не было защитной маски. Это уже не цирк, а нечто иное.

День 117. Продать или сдать в аренду квартиру, чтобы купить еды, не получится. Мы успешно побеждаем самих себя.

День 160. Патрульные в чёрных бронированных костюмах заполонили улицы. Их набирают из числа отчаявшихся и оголодавших людей. Эти присягнувшие работают буквально за еду. Они что, мнят себя бессмертными?

День 173. Ходят слухи о грядущем государственном перевороте.

День 190. По улицам городов идут голодные бунты. Об этом вещает в эфире радио «Сопротивление». Призывают вступить в их ряды. Всех бойцов невидимого фронта обещают снабжать «тушёнкой» и «гречкой». Что значат все эти слова? Пытаюсь вспомнить.

День 200. Я — член Сопротивления! Мы ведём бои за нашу родину с предавшей нас и присягнувшей хозяевам денег элитой.

День 255. Радио Сопротивления вещает на всей территории бывшего Советского Союза. Пусть мы не бессмертные, но мы не рабы. Свобода, равенство, братство!

День 777. Сегодня под решающими ударами войск Сопротивления пал последний вражеский оплот в столице нашей родины. Как же сладок вкус победы! Как же сладка гречка!

День 1100. Наша военно-космическая машина не знает равных, а закалённые в боях солдаты жаждут спасти мир от прихвостней «мировых чипизаторов». Уже совсем скоро у нас будет достаточно сил для решающего удара.

День 1255. На Вашингтон!

06.05.2020

Мастер

— Здравствуйте, о великий Мастер! — возопил очередной Ищущий. — Я наслышан о вашей мудрости и знании и непременно хотел бы стать вашим преданным Учеником!

— А сердце от радости из груди не выскочит, коли приму? — Мастер сощурил правый глаз и пристально взглянул на нежданно обретённого неофита, продолжая тем временем лузгать семечки. — А то ведь мне потом за твоё бездыханное тело ещё перед Горздравом отвечать, чего доброго, придётся. А я у них итак на заметке, ибо здоровье у меня уже не то, что прежде.

— Да я из штанов скорее от радости выпрыгну, коли возьмёте меня к себе! — уверил его Ищущий.

— Из штанов — это ты зря. У нас тут всё-таки не Европа, другой духовный климат, так сказать. Кто тебя хоть надоумил-то ко мне явиться, да ещё и в такую рань, а? — пробормотал Мастер, почёсывая себе спину.

— Сама судьба привела меня к вам тропами нехоженными и путями неведомыми! — пылко воскликнул Ищущий.

— В газете объявление вычитал? — кашлянул Мастер, подавившись ошкурком очередной семечки.

— И в газете, и в клозете! — затараторил Ищущий. — Понял я, что жизнь свою единственную в унитаз спускаю, аки дурак последний!

— Ну, не ты был первый, не ты будешь и последний! — хохотнул в ответ Мастер. — Последним дурачком на деревне у нас был Васька.

— Захотел я понять смысл жизни моей, предназначение моё, путь мой! — продолжал тараторить скороговоркой Ищущий.

— Ну, тогда тебе со мной по пути, коли ты такой прыткий, — ответил Мастер. — Дрова, скажем, колоть умеешь?

— С радостью научусь этому великому мастерству! — пылко признался Ищущий. — Только возьмите меня в свои ученики!

— Замётано! — кашлянул Мастер и выплюнул очередную семечку в траву. — Бери вон там топор и айда за мной. Сам то я уже старый стал, а тут молодая кровь нужна, дабы дела-то такие проворачивать.

* * *

— Ты как топор то держишь, бестолочь! — крикнул Мастер и ударил Ученика клюкой по башке. — Ты почто его одной рукой то держишь? Двумя держать надо при ударе!

— Также и мы должны усиленно прорубаться через тяготы жизни нашей? — с надеждой взглянул на Мастера Ученик, смахивая рукой со лба пот.

— Какая же это тягота-то! — ошалел Мастер. — Тебе же просто дрова наколоть было поручено. Ты что, белены объелся, чтобы быт за испытание выдавать?

— Интернетом я объелся, Мастер! — горько воскликнул Ученик. — Заелся я и пресытился! По форумам спамил, детей малых троллил, статьи гадкие в газетах разных пописывал.

— Грехи твои тяжкие! — всплеснул руками Мастер. — А тролли — это кто такие? — решил уточнить он на всякий случай.

— Это такие, как мы, Мастер, — вздохнул ученик. — Твари дрожащие.

— Это ты ещё наших морозов не ведал, дрожайший ты наш! — гоготнул Мастер. — Ничего, вылечим мы тебя от дури этой цивилизованной, дай времечко только.

— Спасибо вам, Мастер! — воскликнул Ученик. — Только скажите, что мне делать, я на всё готов!

— Дрова коли, бестолочь городская! — гаркнул Мастер и вновь шандарахнул Ученика клюкой по башке.

* * *

— Вот, — удовлетворённо заметил Мастер, залезая наверх. — Печка — она тепло даёт. А тепло в наше время — дорогого стоит.

— Охладели сердца человеческие к тяготам братьев своих земных… — понимающе кивнул головой Ученик.

— Балбес! — воскликнул в ответ Мастер и кинул в него снятым с ноги валенком. — Дрова — они дешевле будут, а за радиатор масляный мне бы, знаешь, сколько выложить-то бы пришлось? А у меня пенсия, между прочим, не резиновая и без надбавок всяческих. Даже ветерана труда не дали за труды ратные, вредители! — огорчённо проворчал Мастер, устраиваясь на печке.

— Мастер! — насупился Ученик. — Мастер…

— Хрррррр… — раздалось ему в ответ с печки.

— Мастер! — умоляюще крикнул Ученик. — Мастер, я жду вашего ответа!

— А, что? — открыл глаза сомлевший было от тепла Мастер, уставившись на Ученика. — Ты почему меня опять потревожил, когда я сил набирался, а? — воскликнул Мастер и кинул в своего неофита вторым валенком.

— Мастер, мы уже вот как несколько месяцев занимаемся какой-то фигнёй — то воду из колодца таскаем, то траву в стога собираем, то рыбу в речке ловим, то уху себе готовим. Когда мы уже начнём делать что-нибудь великое, значительное, а? Мой дух изнемогает в ожидании грядущих свершений!

— А это что, по-твоему, незначительное? Отличная, между прочим, у нас с тобой уха получается. Особенно из карасей и сомов — объедение! Давно я тут без тебя такой ухи уже не пробовал.

— Вы издеваетесь, Мастер?! — горько крикнул Ученик. — Что же в этом значительного?

— Пустая твоя башка! — вздохнул Мастер. — Это она самая смысл не хочет вкладывать в то, что ты делаешь. А ежели бы вкладывал — то любил бы ты это, а коли бы любил — то и делал бы с удовольствием, а коли бы делал с удовольствием — то и счастлив бы был, а коли счастлив бы был — то и с другими счастьем своим поделился. И у них знаешь, какая уха бы от счастья то получилась? Божественная!

— Вам легко говорить! — обиделся Ученик. — Вы то там в тепле себе полёживаете, а мне на этой кровати деревянной здесь внизу каждый день божий мёрзнуть приходится. Хотел бы я оказаться на вашем месте!

— Точно хочешь? — прищурился Мастер. — А ну, залезай сюда! А я на твоём месте понежусь пока — мне ведь не привыкать, где нежиться.

— Блин… да как же тут… да где… да ептыть… мастер! У вас же здесь места нет совсем! — запричитал Ученик, в который раз ударившись головой о выступающий из печки кирпич.

— Это для тебя там места нет, потому что у тебя своё место в жизни есть, бестолочь! — с этими словами Мастер закинул на печку ранее выброшенный вниз валенок. — Держи валенок!

— Зачем мне ваша обувь, Мастер? — непонимающе взглянул на него Ученик. — Лучше возвращайтесь на свою печку, а я вернусь на деревянную кровать.

— Не так шустро! — хохотнул Мастер. — Быстро надевай валенки и тулуп, на почту сейчас пойдёшь! Должно тебе сейчас будет смирения и терпения урок пройти.

* * *

— Уже вернулся? — улыбнулся Мастер, видя, как заиндевевший Ученик с трудом перевалился через порог и устало упал на свою кровать, даже не удосужившись снять чужие валенки. — Ну, как тебе мои валенки, не жмут?

— Тяжек путь в сандалиях ваших… — устало пробормотал Ученик еле слушающимися его губами.

— Вот, — удовлетворённо вздохнул Мастер, поерзывая на печи. — Почта России, село… дальше объяснять надо, или сам допрёшь, тролль бесхребетный? А я, между прочим, каждый месяц так ходил, когда пенсию то получать надо было. Но вижу теперь, что заменить меня ты на этом поприще вполне способен.

— Чёрт вас угораздил в такой глуши селиться, Мастер! — проворчал Ученик. — Я чёрт знает сколько по лесам продирался, чтобы вас найти!

— Остолоп ты мой ненаглядный! — всплеснул руками Мастер. — Да кто ж тебе сказал то, что ко мне лесами то продираться надо было — эго твоё что ли, али буддист какой? Ты, видать, про общественный транспорт то вообще не слыхивал? Шестьдесят второй автобус каждый день к нам сюдыть ходит до остановки, а от остановки то минут десять ходу тебе будет, не более.

— Мудрость речей ваших ускользает из поля зрения духа моего… — устало пробормотал Ученик, засыпая.

— Остановки в жизни правильные находить нужно, дурень! — улыбнулся Мастер.

* * *

— Мастер, ну вот зачем нам всё это сдалось, а? — Ученик осторожно тронул Мастера за плечо.

— Чтобы оно нам сдалось, его ещё поймать надобно, а ты мне силки на лис расставлять сейчас как раз и мешаешь! — одёрнул его Мастер. — А ну тихо!

— Вас понял! — ответил Ученик. — Буду молчать, как молчал великий Будда, созерцая мир.

— А вот этих самоистязаний мне тут не надобно! — шикнул на него Мастер. — Я так долго не общаться и сам не могу и тебе советовать не планирую. Нам тут только парочку капканов ещё поставить осталось — и по домам, на печку.

— Главное, не угодить в собственноручно созданную яму или капкан, возжелав зла ближнему своему, — деловито подтвердил Ученик.

— Едрить твою налево! Да когда ж ты умничать то прекратишь, а? У тебя ж эго до сих пор хвостом аки лиса виляет!

— За этот год я набрался мудрости от вас, Мастер! — заверил его Ученик. — Теперь я чувствую себя сильнее.

— Расскажешь это завтра сорокаградусному морозу, когда силки проверять пойдёшь, — ответил Мастер и сплюнул в снег.

* * *

— Мастер… — в который раз раздался знакомый уже призыв.

— Да не мастер я тебе давно уже! Егорыч я, Степан Егорыч! — воскликнул дед, устало присаживаясь на завалинку. — Вот ведь сколько лет уже талдычу тебе, троллья башка — а ты всё «мастер!», да «мастер!»

— Но ведь в том давнем объявлении в газете вы же так и называли себя — «мастер», — возразил изрядно заросший и похудевший за последние пять лет Ученик.

— Сантехник я бывший, бестолочь! Нас же всегда мастерами называют. И помощника-ученика я себе искал, чтобы трубы в селе нашем было кому чинить, а то совсем прохудились с советских времён-то, того и гляди лопнут — и вот тогда дело точно труба будет всем нам здесь, никакие мастера не помогут.

— Что же это получается… — обречённо сел на землю поражённый услышанным Ученик, — вы не мой Мастер?

— Ну почему ж не твой то? Ежели тебя судьба ко мне привела — значит мой ты теперь. Мы ж с тобой за эти пять лет то так хозяйство наше всё подняли и наладили, что теперь тебе самое время в распоряжение Авдотьи Михайловны поступать — у неё вон давно труба из-под ванны в бане то протекать начала, да и на почту ей тоже ходить за пенсией то надобно.

— Выходит, всё напрасно… весь смысл жизни — в трубу… — шептал не слушающимися его губами поникший Ученик.

— А, может быть, не понятый тобой смысл жизни для тебя всю жизнь и был — Авдотье Михайловне помогать? — с улыбкой сощурился Мастер.

17.11.2016

Мир света

В Новом Мире

Когда же это было?

Иногда мне кажется, что всё это произошло какие-то минуты назад, хотя с тех пор миновали долгие двадцать лет.

Это не сказка, нет. Это история моей жизни, её удивительная и незабываемая часть, её путеводная сверкающая звезда. Начало моего нового пути в мире. Если хотите — солнечное перерождение.

Наша память всегда запечатлевает для нас самые запоминающиеся и удивительные моменты. И сейчас, спустя двадцать лет, я крайне отчётливо помню тот ярчайший месяц. Они, те дни, как на ладони раскрываются передо мной — когда бы я ни пожелал, память повторяет их для меня в ярчайших подробностях… каждый день из нескольких десятков. Иногда мне даже кажется, что какая-то особенная память хранит для меня те события.

Они остались в моём сердце — те дни.

Сейчас я снова вспоминаю эти мгновения, и слёзы катятся по моим щекам. Это слёзы грусти и слёзы радости, друзья мои.

Каждый день и каждый час — как на ладони…

* * *

«Джон, тебе уже пора домой!» — и встревоженная мать показалась на крыльце.

Но мальчик её и не слышал — он был далеко. Они вместе с Джимом и Лаурой — девчонкой из того же квартала — плескались в реке. Они зачерпывали своими детскими ладонями пригоршни воды и что есть силы бросали их друг в друга, обливая сверкающим водяным потоком.

Вот он схватил двумя руками струящуюся воду и швырнул её в Джима, облив ему лицо. Тогда Джим, до сих пор увлечённый метанием струй в смеющуюся Лауру, каким-то странным образом приставил руку к воде — и через мгновение целый водяной вихрь охватил его.

Вокруг Джима возник водяной щит. Сам же он крутился в воде и бил по ней руками — и струи летели в разные стороны от него, задевая и правого (кем здесь по праву могла считаться Лаура — ведь не она же, в конце концов, начала на него эту атаку!), так и виноватого — то есть Джона, имевшего неосторожность облить этого водного чемпиона Джима и сейчас, обливаемого бесперебойным потоком, уже горько жалевшего об этом своём столь опрометчивом шаге.

Однако этот новый водяной барьер и метаемые струи, казалось, лишь ещё больше воодушевили их всех — они хохотали и обливали друг друга, уже не закрывая лица от несущихся в разные стороны по совершенно непредсказуемым траекториям водных струй, посылаемых той или иной стороной.

Постепенно он вместе с пришедшей ему на помощь против этого Лохнесского чудища Лаурой стал всё больше и больше теснить Джима к берегу — струи били в лицо, он уже не видел Джима толком, но всё ещё продолжал сражаться. Но и Джим не отступал — теперь он успевал метать воду уже и в Лауру — и той доставалось не меньше, чем ему.

Они бились и бились друг с другом, и звонкий ребяческий смех наполнял пространство и раскатывался волнами вокруг.

Они здорово повеселились в тот день. Джима всё-таки удалось вытеснить на берег — и они вместе с Лаурой, как полноправные победители, обливали его, уже побеждённого и не сопротивляющегося, с двух сторон изо всех сил.

Затем они гонялись друг за другом в воде точно стаи пиратских кровожадных акул, как сказал всё тот же Джим. Тех, кого догоняли, хватали в воде за пятки и тащили на берег. Проще всего получалось догнать Лауру — после того, как её удавалось схватить за пятки в воде, она, как и положено побеждённому, покорно шла на берег и ждала там, пока они гонялись друг за другом. Затем, смеясь, она вновь плыла к ним и уже догоняла их, изрядно уставших в погоне друг за другом, и ей почти всегда это удавалось. Ну, разумеется, они поддавались ей.

Потом были лесные прогулки и пение птиц в ветвях деревьев. Было утро и они, усевшись на древесные брёвна, заворожённо слушали птичью трель.

«Наши лесные братья умеют воздавать хвалу свету», — как сейчас помню эту фразу Лауры.

Были их совместные прятки-ляпы в лесных буреломах и обильных ветвях росших здесь высоких кустарников. Были спуски с морозных ледяных гор и игра снегом. Было падение в глубокие сугробы и дружелюбный смех стоящих рядом с тобой друзей. Была радость познания столь громадного и удивительного мира, открытого их детским взорам.

Они, эти трое, ещё только входили в жизнь детьми. Они и потом жили ими.

Они… Они — трое.

Теперь же из них остался только он один.

Это было как удар. Нет — это было страшнее.

Как будто тысяча пламенных молотов разом обрушилась на тебя и придавила так, чтобы ты уже не смог даже дышать… Как будто тебя засасывает какая-то страшная глубина, и ты не можешь ничего с этим сделать… Как будто тебя разрывает и кромсает на части неведомая тебе сила… Как будто ты перестал жить.

И всё же он был — тот день. Десять лет назад — да, именно тогда он впервые узнал о том, что великие друзья его детства и юности, давшие ему так много — Джим и Лаура — оба они умерли. Оба покинули этот мир, и он остался в нём без них.

«Без. Них. Без. Них. Один. Один. Один», — как молотом в висках отбивало его сознание в те дни.

«Без… них», — бьющиеся в сознании слова сложились, наконец, в жалкое подобие фразы — и он потерял сознание, упав на внезапно приблизившуюся к нему землю.

После он пришёл в себя, хоть и не сразу. Ещё год он приходил в себя.

Это была действительно огромная потеря — потеря, быть может, самого ценного, что подарила ему эта жизнь.

Но он пережил её. Справился — справился потому, что не мог не справиться. И потому, что сердце — его сердце, никогда не подводившее его, — настойчиво и постоянно с того дня этой потери шептало ему, что эта разлука не вечна. Что они, трое, встретятся вновь под солнцем иного мира, что они встретятся, когда его путь здесь будет завершён и долг — выполнен.

Но это было уже позже, это было спустя многие годы. А тогда они были светлыми детьми — и ничто и никто не омрачало их праздника жизни.

* * *

Казалось, тот день был самым обычным днём, каких за год для стороннего наблюдателя бывает ровно триста шестьдесят пять. Но так это казалось другим — но не ему. Не ему.

Призрак или человек? Я сначала даже подумал, что увидел призрака, когда тот осторожно подошёл к моему дому и поздоровался со мной. Как будто бы появился из ниоткуда…

Я приветствовал его, резко приложив правую ладонь к голове и затем отпустив её — так почему-то часто делали люди в военной форме на парадах, и я тоже решил так попробовать.

— Боец, — ответил незнакомец и улыбнулся. — Из тебя выйдет истинный боец, — добавил он.

Он заговорил. Спрашивал о моём квартале и о том, сможет ли он где-нибудь пожить здесь некоторое время, пока ему не «будет пора двигаться дальше» — кажется, именно так он тогда выразился.

Мы — я и Лаура, как раз в это время прибежавшая к моему дому с тем, чтобы пригласить меня и Джима в субботу на пикник, который собирались устроить её родители — оба активно включились в разговор с незнакомцем, наперебой тараторя и перебивая друг друга, чтобы дать этому человеку как можно более точную информацию о том, почему ему, например, стоит остановиться в доме у тётушки Жанетты и ни в коем случае не стоит останавливаться в трактире «Ночной всадник».

Так мы узнали, что призрака зовут Ричард.

— Ричард, — ответил призрак, — так меня зовут. Одно из любимых мною имён.

Когда мы закончили наши объяснения и умолкли, изрядно устав от такой словесной тирады, он улыбнулся и спросил, может ли остановиться у меня в доме.

— А почему вы не хотите остановиться у тётушки Жанетты? — опередила меня с вопросом Лаура и взглянула на незнакомца испытующим и заинтересованным взором.

Ричард-призрак поднял глаза влево-вверх — как будто бы задумался о чём-то. Затем отвёл руки в сторону, выставив их ладонями вверх, как бы прося кого-то неведомого о помощи, — так продолжалось секунд десять. Затем он встряхнул головой и вновь посмотрел на нас лучистым взглядом — я как сейчас помню это чудное сверкание его глаз! — и вновь заговорил.

— Решил посмотреть снова, стоит ли мне останавливаться там, где вы мне предложили. Это будет не лучшим выбором. Я должен остаться некоторое время с вами.

Мы, конечно же, начали наперебой расспрашивать его, почему же именно с нами, и как он узнал об этом, на что он ответил: «Вы всё узнаете в своё время. Когда вы вырастете, вы всё поймёте».

— Воины, — добавил он и улыбнулся. — Не бойся, Джон, и ты не бойся, Лаура. Я не причиню вам вреда. Воины добра сражаются вместе, плечом к плечу — а не друг против друга.

Но… но я не говорил ему своего имени! И Лаура не говорила тоже! Как же он мог узнать их?

По лицу Лауры я увидел, что она тоже находится в растерянности.

— А как вы… — начала было она — и внезапно передумала, так и не закончив фразу.

Незнакомец повернулся к ней и улыбнулся.

— Хочешь спросить, как я узнал твоё и Джона имя? Нет, я не выспрашивал людей о вас — это мне не требуется. Вы получите ответ и на этот вопрос, когда подрастёте. Вам многое откроется в своё время.

Больше он не сказал по этому вопросу ни слова, и мы не стали его расспрашивать.

— Я так понимаю, что требуется согласие ваших родителей на то, чтобы я пожил с вами? — и он взглянул на нас. — Ну, разумеется, — вновь добавил он через пять или десять секунд. — Я достойно оплачу своё проживание и не буду мешать вам в вашей повседневной жизни. Впрочем, если вам — он посмотрел на меня и на Лауру — потребуется помощь — вы всегда можете обратиться ко мне, пока я буду с вами. Я буду здесь примерно месяц, а потом мне потребуется идти дальше, ибо мой путь зовёт меня. Спросите своих родителей и решите вместе, примите ли вы меня. Я приду завтра днём.

Удачи вам, воины, — и с этими словами он порывисто встал, махнул нам рукой на прощание и, казалось, так же внезапно растаял за горизонтом, как и появился, оставив нас в чувстве недоумения и в то же время пришедшей откуда-то из глубины светлой радости и предчувствия счастья.

По крайней мере, такое чувство осталось у меня — но и у Лауры, похоже, тоже.

— Ну и что будем делать? Тебе не показался этот человек… странным? — и Лаура испытующе посмотрела на меня.

— Странным? Да, верно… какой-то он странный… но я почему-то доверяю ему. Не знаю. Я доверяю ему и верю, — ответил я.

— И я тоже. Я только хотела узнать, что ты чувствуешь. Правда, не думаю, что мои родители разрешат ему жить с нами — слишком уж они настороженно относятся к незнакомцам, даже к… таким, как он… — и Лаура вздохнула. — Но твои то почти точно разрешат! Вам ведь сейчас нужны деньги, и они воспользуются любой пришедшей возможностью.

— Да, мои наверняка разрешат. Он будет жить с нами… месяц, — сказал я. — Почему же так мало, месяц?! — внезапно вырвалось у меня, и я поспешно прикрыл рот рукой. Что за мысли? Странно.

— Ну, ладно. Я приду завтра вечером, и ты мне расскажешь о нём. Он такой загадочный… — Лаура одарила меня своей улыбкой, встала с места, махнула рукой на прощание — совсем как тот незнакомец — и побежала к своему дому. Её силуэт постепенно удалялся, как будто тая в этой утренней дымке — и вскоре совсем исчез из виду.

«Значит, завтра. Значит, месяц. Что ж, пусть будет так», — не помню, откуда пришли тогда ко мне эти мысли, но в них была необычайная сила и какое-то внутреннее согласие.

Мои родители действительно разрешили незнакомцу жить с нами.

Так начался тот чудный и незабываемый месяц моей жизни, оставшийся в моём сердце, оставшийся — навсегда.

* * *

Он был полон загадок, этот Ричард, и был очень добр — и мы с Лаурой, Джимом (такое событие мы не могли от него скрыть, и он тоже стал наведываться ко мне в дом, чтобы ещё и ещё раз встретиться с нашим новым жильцом) вскоре все трое полюбили его. Я как сейчас помню наши беседы с ним, его лучащиеся солнечные глаза и ровный, спокойный и исполненный внутренней силы голос…

«Ты спрашиваешь, откуда я пришёл к вам? Из мира — из миров. Их мириады — мириады неповторимых удивительных миров. Ваша жизнь — в беспредельности. Надо только устремиться к познанию и красоте. И этот ваш мир — вы можете и его сделать цветущим садом. Понимаешь? Можете! Это всё в ваших силах…»

«Сейчас ты живёшь по жизни ребёнком, ты замечаешь и видишь многое, чего не видят уже большинство взрослых людей — много прекрасного. Ты живёшь в живом мире. Для тебя нов каждый день, для тебя чудесен — каждый день. Это справедливо и верно, это прекрасное восприятие жизни. Другим надо учиться такому восприятию, тем, кто забыл, что такое возможно — надо просто напомнить. Ваша радость жизни и любовь — твоя и твоих друзей — она как бы ключ к миру. Она откроет все врата перед вами, она проведёт вас над пропастями и даст вам прекрасные крылья для полёта».

«Да, именно радость заповедана людям. Люди могли бы жить в радости, если бы сами не ввели себя в круг страданий. Я не знаю, почему они сделали этот выбор, — но многие его всё же сделали. О какой радости я говорю? Но ведь ты уже испытывал её! Когда вы вместе с друзьями играли и резвились, — вы радовались живой жизни. Когда вы с интересом изучаете окружающий вас мир, — это радость познания мира. Когда ты трудишься, — это радость труда. Когда ты любишь и даришь свою любовь ближним, — это радость и восторг любви и отдачи. Странно, что некоторые потеряли эту чудесную нить, — но это значит, что им надо снова отыскать её. Сердце растопить своё им надо! Люди страстно желают быть счастливыми, — и не делают ничего, чтобы быть ими. Для некоторых из них каждый день — как однообразный туманный образ, и жизнь их бывает также полна тумана. Но в тумане легко заблудиться и потерять путеводную нить, — поэтому надо, чтобы сердце сияло любовью и радостью, — и тогда никакой туман не покроет это пламенное сердце!»

«Дойдёт тот, кто движется, — я знаю, ты уже слышал эти слова, — и это так и есть. Нельзя сидеть на одном месте, в сотый раз перегребая рухлядь своих предрассудков, ненужных и бесполезных привычек. Двигаться надо, устремляться надо! Вдохновение нужно людям, — но многие думают, что оно приходит только в каких-то исключительных случаях. Но оно всегда рядом с нами, — лишь руку протянуть. Лишь начать трудиться с добрыми намерениями, — и вдохновение будет верным и преданным спутником на твоём пути».

«Как я узнал твоё имя? А как животные чувствуют страх? Как люди ощущают взгляд? Как чувствуется атмосфера дома, в котором они находятся? Конечно, не все обладают этой чувствительностью, — но они сами своими предрассудками закрывают себе путь. Но даже те из них, кто ею обладает, обычно считают это чем-то вроде искусственного самовнушения. Предельно чётко и ясно чувствуют некоторые, — и всё-таки не верят! Отмахиваются, отнекиваются, в то время как могли бы изучать эти явления. Но люди с таким трудом признают всё, что поднимает их существо и их представление о себе, поэтому многим показаний очевидцев недостаточно — они судят по своему существу о вещах в мире. Но наука может подтвердить это, — и ваша наука должна, наконец, уделить этому должное внимание. Ваша наука уже изучила немало законов физического мира, — но теперь пора изучать законы мира духовного. Собственно, вам так давно было сказано о главных из них — много-много столетий тому назад, но для многих они остались пустой грамотой на бумаге, которую они уважают, но не соблюдают».

«Что это за законы? Что же вам говорилось? Люби ближнего, умей найти радость в любом труде, умей быть мужественным, учись нести добро в мир. Простые слова. Огромный смысл и мудрость — и знание тоже. Сколько же людей каждый день помнят об этом и живут так?»

«Кто я? Ведь в первый раз, когда я пришёл к вам, ты посчитал меня, наверное, каким-нибудь призраком, верно? Но, как видишь, я тоже живой человек. Просто я говорю то, о чём многие ещё не знают. Некоторым знавшим и забывшим — напоминаю».

«Почему я должен буду скоро уйти? Потому, что мой путь зовёт меня, и я должен следовать ему. Мне ещё многое предстоит сделать».

Такие беседы у нас были по вечерам. Я, Джим и Лаура — все мы вместе собирались перед домашним камином и как заворожённые слушали его. Может быть, потому что он говорил правду?

* * *

Помню, был один день, когда сердце моё билось тревожно. Я не мог найти себе покоя, как будто что-то печальное должно было случиться.

Я шёл по нашей улице, когда заметил Лауру и трёх взрослых парней, окруживших её. Затем до меня долетели её плач и слова: «Пожалуйста, умоляю вас, не надо!»

Изо всех сил я побежал вперёд. Ветер бил в лицо, и картина постепенно открывалась передо мной: трое парней окружили её, один держал за волосы, а двое других срывали с неё одежду. Они открыто делали всё это — и не боялись. Никто, никто из редких проходящих мимо людей даже не стал вмешиваться, хотя вместе они могли бы остановить это насилие.

С разбегу я набросился на одного из нападавших и повалил его на спину — стал молотить кулаками, не глядя. Желание защитить Лауру настолько сильно загорелось в моей груди, что я уже не чувствовал боли, когда двое других оторвались от плачущей Лауры и схватили меня. Я не чувствовал боли, когда один из них ухватил меня за волосы, а другой за куртку так, что я уже не мог пошевельнуться. Я не чувствовал боли, когда меня стали бить кулаками в грудь. Я не чувствовал боли, когда упал на землю, и меня стали пинать ногами. Я не чувствовал боли тогда. Боль пришла потом.

Маленькая струйка крови текла из разбитого носа и губ, оставляя вязкий красный след на тротуаре. Трое парней гоготали и раздевали плачущую и умоляющую их не делать этого девушку — умоляющую напрасно. Не знаю, сколько прошло времени — я не помню. Но вот последующее я помню предельно ясно.

— Вы сейчас же оставите её и уберётесь прочь. Немедленно! — до боли знакомый и в тот момент уже какой-то предельно каменно-твёрдый голос разлился в пространстве.

Еле ворочая головой, я всё-таки сумел повернуть её — и увидел стоящего рядом со мной Ричарда. Не таким, совсем не таким был его голос, когда он говорил с нами — сейчас он был очень жёстким и одновременно исполненным огромной силы. Я плохо помню те мгновения, глаза застилал какой-то красный туман — но многое всё же помню…

При его словах парни оторвались от плачущей и стонущей Лауры и повернулись к нему.

— Немедленно! — повторил Ричард и сделал ещё несколько шагов вперёд.

— Ну, вот ещё! Кто ты тут такой-то! — крикнул один из нападавших, но в его словах уже не было той вызывающей смелости, свойственной беззаконию, и той уверенности, что была прежде.

— Я сказал — немедленно! Здесь не будет повторений. Можете убираться прочь, я вас не трону — вы сами уже создали себе не лучшие последствия своим поступком. Но сейчас вы уберётесь прочь!

— А ты попробуй нас выгнать, козёл! — уже явно бравируя, крикнул всё тот же парень.

Тогда Ричард шагнул вперёд, резко вскинул правую руку вверх — в это мгновение, казалось, огненный клинок сверкнул на мгновение в его руке — или, быть может, моё помутнённое сознание уже начало сводить меня с ума? — и он выставил руку вперёд. — Сейчас же! — повторил он.

— Да чего же вы боитесь его! Нас же трое, а он один! — прокричал всё тот же заводила и, видимо решив дать пример своим союзникам, резко рванулся в сторону Ричарда, выставив вперёд свои кулаки.

Он налетел на Ричарда со всей силы — такой напор должен был просто повалить его на землю. Мне показалось, что в тот момент их столкновения как будто что-то вспыхнуло вокруг Ричарда… как бы то ни было, я ясно видел, как налетевший на него насильник точно столкнулся с каменной стеной. Он просто врезался в него и отлетел на шаг, а Ричард даже не шелохнулся, совсем — не шелохнулся. Ни на йоту. Насильник же упал на землю, тихо застонал и затем затих.

Двое других парней, итак изрядно напуганных появлением Ричарда, бросили Лауру и со всей доступной им скоростью побежали прочь. Их не преследовали.

Я не помню, что было дальше. Очнулся я уже у себя дома — и боли уже не чувствовалось.

Я встал и вскоре нашёл Ричарда. Он молча сидел у камина — казалось, он дремал, глаза его были закрыты. Я не стал тревожить его, а пошёл искать Лауру — я нашёл её в соседней комнате на кровати, спящую. Раны её были перевязаны, а на ней была новая, не порванная одежда.

Помнится, меня потом снова сморил сон. Когда я вновь проснулся, Лаура и Ричард уже были на ногах. Они сидели рядом с моей кроватью.

— А, проснулся, — сказал Ричард и улыбнулся. — Вставай, воин. Раны твои зажили, и ты вновь готов встать в строй. Тебе нужно будет сделать это перед наступающей эпохой испытаний.

— Я… я не чувствую боли… совсем. Как я так быстро поправился?

— Да, и Лаура тоже не чувствует. Боли больше нет. Я исцелил вас, но это далось мне нелегко — однако теперь я уже отдохнул.

— Как же ты…? — начала было Лаура, но Ричард поднял руку, как бы призывая к молчанию, и сказал: «После вопросы, после, сейчас вам ещё нужен отдых. Отдыхайте, воины со львиными сердцами», — и вышел из комнаты.

* * *

Потом вновь были наши с ним беседы. Было ещё много-много радостных дней. Это были незабываемые дни. Может, одни из лучших в наших жизнях.

А потом он ушёл, и мы остались одни. В очередное утро он встал и сказал мне, что сегодня ему пора идти.

— Куда? — спросил я.

— По пути, который я выбрал, — были его слова.

Я заплакал тогда, когда он сказал, что уходит от нас. Он улыбнулся и сказал: «Не плачь, мы расстаёмся не навечно. Быть может, мы ещё встретимся. Прощай, воин, и помни о днях грядущих испытаний!» — он вновь привычно махнул рукой и направил свои шаги в свой раскрывающийся перед ним путь.

Мы стояли плечом к плечу — Джон, Джим и Лаура. Я провожал его грустным и полным надежды взглядом. Лаура опустила голову. «Прощай», — тихо прошептала она. «Он ещё вернётся, — сказал Джим, — мы ещё встретимся с ним».

* * *

Я очнулся от воспоминаний. Как сейчас помню тот чудесный месяц — и последующие годы жизни, что сопровождали его. Я так и не встретил больше этого человека. Иногда я даже начинаю сомневаться — человек ли он?

Кто он — мудрец, пророк? Просто человек, согласно его словам, пришедший в этот мир напомнить людям об их долге и показать светлый путь?

Я не знаю. Но я знаю одно — его слова дали мне жизнь. Он показал мне чудесный мир, в котором мы — мы, люди! — можем жить. Если мы выберем и захотим, если мы не будем сидеть на месте, перебирая рухлядь собственных предрассудков, а будем двигаться вперёд. Если мы будем любить. Если будем радостны.

Захотим ли мы жить светло? Это выбор каждого человека. Я не могу сделать этот выбор за иного. Каждый сам, рано или поздно, но неизбежно — сделает свой выбор.

Но я сделал свой выбор, и я отвечаю прекрасному — да!

Я отвечаю красоте — да!

Я отвечаю любви — да!

Я отвечаю радости — да!

И Новому Миру я отвечаю — да!

08.01.2005

И все болезни пройдут

Я остановился. Я остановился тогда, когда заметил совершенно нарушающую все мыслимые и тем более немыслимые законы человеческой логики картину. Это было не просто странно — это было как-то нелепо, что ли, поразительно… Уже несколько лет я был стабильным посетителем этого учреждения, исправно бывал в нём раз в два-три месяца — я привык видеть жёлтые стены с шелушащейся и отваливающейся штукатуркой, вечно унылые лица его работников, привык наблюдать очереди пожилых людей с опущенными и грустными лицами, привык смотреть, как некоторые из них не без помощи других своих собратьев вынуждены были выстаивать многочасовые утренние очереди, дабы получить заветный билетик, дающий тебе право узнать свою судьбу — потому что и они, эти люди, старались как можно реже бывать здесь, бывали только по необходимости. Те, состояние которых ещё пока позволяло это, старались не бывать вовсе.

Мне же приходилось бывать здесь не раз — состояние уже не позволяло иного. Стоять в очередях среди других таких же собратьев по несчастью, слушать отчужденно-холодные голоса людей, констатирующих ухудшение течения твоей болезни и всегда что-то старательно и долго вычерчивающих на карточной бумаге, не утруждая себя, впрочем, какими-либо комментариями по этому вопросу. Я привык к этому месту, несмотря на всю его нелепость. Я не мог к нему не привыкнуть.

В некотором роде мне было уже всё равно, что скажут врачи — свой приговор я знал уже давно и давно смирился с ним. Мне было интересно иное, мне было до боли интересно то, почему эти люди так старательно избегали смотреть тебе в глаза, когда зачитывали диагноз, не оставляющий тебе шансов на выживание — во всяком случае, не в этой жизни, во всяком случае, не в грядущий за этим десяток лет. Мне было интересно то, почему они — белые, как погребальный саван в этом доме скорби — лишь умножали эту скорбь своими лицами, своими холодными голосами…

Разве мне теперь была нужна ежемесячная констатация отсутствия хоть сколько-нибудь положительных изменений в ходе моей болезни? Разве нужны были теперь эти многочисленные повторные обследования, не нужные никому, даже мне?

Нет, не это мне было теперь нужно, совсем не это. Я жаждал слова — доброго слова участия и понимания, я жаждал услышать слова поддержки от них — просто знать, что твою боль способен разделить кто-то другой, всего-навсего знать это. Я хотел увидеть блеск радости — радости жизни — хоть в чьих-то глазах, хоть раз в несколько месяцев… Но, видимо, я хотел слишком многого в этой жизни, и моим надеждам не суждено было сбыться.

Возможно, именно поэтому сейчас я и остановился, поражённый увиденным. Наверное, я бы даже не мог ничего сказать первые несколько десятков секунд, если бы какой-нибудь случайный прохожий вдруг решил поинтересоваться, отчего я стою с открытым ртом и тяжело вбираю в свои лёгкие зимний холодный воздух. Таких, однако же, не нашлось — впрочем, оно, видимо, и к лучшему.

Тот дом скорби, который я за эти почти уже как два года привык видеть, который я знал практически в полных деталях, снаружи и внутри, — его больше не было. Куда-то пропала унылая, выгравированная темно-серыми буквами надпись «Городская больница № 17», куда-то исчезли решётки на окнах и вечно грубый, покачивающийся от постоянного недосыпания охранник. Вместо надписи теперь была яркая… вывеска, что ли… даже не знаю, как назвать её, на которой значилось: «Городской дом исцеления. Мы рады пожелать Вам здоровья!» Куда-то испарились решётки на окнах, а в самих окнах появился яркий свет. Когда же я привычно поднялся по ступенькам, меня поприветствовал какой-то совершенно незнакомый мне, красиво одетый молодой человек, сказав, дай Бог памяти, что-то вроде: «Заходите, пожалуйста. Доброго Вам здоровья!» — и великодушно открыл мне дверь.

После этого я ещё минут десять приходил в себя во входной зале. Да и сама эта зала изменилась, кстати говоря, тоже. Не стало обветшалых стен и тесного, маленького гардероба с вечно огрызающейся и хамящей женщиной лет тридцати пяти. Вместо них было что-то вроде огромного паркетного зала — стены сменили свой цвет на какой-то травянисто-зелёный, а вместо гардеробщицы Маши была улыбающаяся женщина лет тридцати, которая, когда я подошёл к ней, также поприветствовала меня, великодушно помогла снять моё пальто и, выдав мне бирку, снова-таки пожелала мне доброго здравия.

Признаться, я не ожидал. Я настолько привык к этому бывшему «жёлтому дому», что увидеть теперь его иным для меня было совершенно удивительно. Тем более гораздо удивительнее были новые люди — внимательные и, не побоюсь этого слова, действительно участливые.

Когда же я поднялся по какой-то новой красивой витой лестнице на второй этаж, моим глазам пришлось удивляться снова. Исчезли узкие, вечно плохо освещённые коридоры и теснящиеся в них люди, исчезли уныло-жёлтые стены и длинный-предлинный ряд дверей в них с многообразными и плохо понятными названиями специализаций этих врачей — вместо них были широкие, ярко освещённые и просторные коридоры с какими-то голубовато-белого оттенка стенами (и, как мне показалось, даже как будто бы чем-то светящимися), а от кучи дверей с табличками с плохо читаемыми названиями специальности ожидающих за ними «лекарей» практически не осталось и следа — их место заняли какой-то пяток резных деревянных дверей.

Изумлённый, я шёл по этому коридору куда-то вперёд, плохо осознавая, куда же теперь мои больные ноги несут меня. Я шёл и слышал какую-то удивительно красивую негромкую мелодию, разлитую по помещению…

На мгновение мне показалось, что я узнаю её — в ней были знакомые мне тональности, однако потом я был вынужден признать, что, хотя общая тональность её мне и знакома, ритм мелодии был совершенно нов для меня. Однако же она была удивительно красивой, эта музыка — такой красивой, что, каюсь, в какой-то миг мне даже захотелось прослезиться.

Но если бы только музыка… Неизвестный мне аромат пронизал весь этот чудесным образом преобразившийся коридор — он также, как и загадочная музыка, был необычен и в то же время приятен для меня.

Я неспешно шёл по коридору, смотрел по сторонам и не переставал удивляться. Казалось, что эта самая до боли уже привычная «Городская больница № 17» перестала ею быть и стала… музеем изобразительных искусств, что ли. Я говорю «музей» потому, что привычные мне ранее голые стены теперь были украшены картинами — это были картины наших классиков, это были картины о любви, радости и «простом человеческом счастье», которое мы все так жадно ищем и ждём.

Я не знаю, как описать всё это, в каких словах представить это вам, читающим сейчас эти строки, чтобы вы могли понять меня, чтобы я смог передать вам всё то океаническое многообразие чувств, захлестнувших меня в тот момент… Мне показалось, что я попал не в больницу — мне показалось, что я попал в рай… или, по крайней мере, в комнату ожидания на пороге к нему.

Я шёл по этому загадочному коридору и не видел никаких других товарищей по несчастью. Не было вечно толкающихся у дверей кабинета больных, не было запаха спирта, заполнившего всё помещение, не было медсестёр и медбратьев, толкающих свои тележки по узкому коридору — не было ничего нормального… привычного, что ли.

Когда же я почти подошёл к первой резной двери в этом коридоре — из неё практически в то же самое мгновение вышел врач. Врач… признаться, врачом его теперь можно было назвать с большой натяжкой — привычным мне врачом, во всяком случае. Мужчина лет двадцати пяти, одетый в синий халат, улыбнулся мне и сказал: «Не стесняйтесь, проходите. Мы рады вас видеть». С этими словами он открыл дверь в свой кабинет, пропуская меня вперёд. Я послушно вошёл.

А когда я вошёл, моё зрение вновь решило обмануть меня. Не было ни стен, завешанных рекламой новых «универсальных» лекарств, ни коек, ни кушеток, ни железных медицинских столиков, уже столь привычных мне. Вместо них были широкие резные дубовые стулья, опять же какие-то красивые — но, к сожалению, неизвестные мне — картины, мягкий ковровый пол, какой-то приятный запах (впрочем, он отличался от того, с которым я столкнулся в коридоре), разлитая по кабинету тихая спокойная музыка… было много ещё чего.

«Проходите, присаживайтесь, пожалуйста», — сказал мужчина и помог мне сесть на удобный дубовый стул. «С чем вы пришли к нам?»

Признаться, я опешил. Неужели ему не ясно, с чем?

— Я вижу, вы удивлены? Ничего странного в этом нет, это давно так, — тем временем ответил он.

— Что именно давно так?

— Дом исцеления, разумеется. Он уже давно такой.

— Но ещё вчера я был в вашей больнице… — начал было я.

— Вчера? Вы не были у нас вчера. Вы не были у нас уже несколько десятков лет.

Я опешил. Он… он знал меня? И… несколько десятков лет? Я отчётливо помнил, что был здесь ещё вчера, и мой лечащий врач велел приходить мне завтра… слава Богу, хоть память моя была здорова.

— Вы знаете, кто я?

— Ну, разумеется, — сказал врач и вновь приятно улыбнулся. — Вы же прошли в этот кабинет, и ваши биометрические параметры были распознаны. Вы были у нас ровно десять лет, два месяца и три дня назад со времени вашего последнего визита.

— Но… это невозможно… я… я не понимаю… вчера… сегодня… новое здание… вывеска… музыка… что… что случилось?

— Вы задаёте так много поистине интересных вопросов — я вижу, что вы любознательный и разумный собеседник, — ответил мне человек. — Но обо всём по порядку. Итак, как вы сказали… больница? Это от слова «боль», верно? Но… но мы не употребляем это слово уже много лет… Разве должна быть боль? Здоровье и исцеление — вот что должно быть, но никак не боль. Мы не приносим боль, мы приносим здоровье.

— Музыка…

— Музыка? Да, это наш новый мелодический ритм за последний год. Учёные установили, что именно подобные тональности наиболее способствуют душевному и нервному расслаблению — и, как закономерное следствие, усилению восстановительных процессов в клетках живых существ.

— А запах, что это за странный запах?

— Не более чем недавнее изобретение нового направления науки, получившего название «смеллаинфология», кажется. Это сочетание ароматов способствует улучшению мозговой активности и оказывает общерасслабляющее воздействие на организм. Есть, конечно, ещё много других ароматов, служащих для самых разных целей, но этот нам подходит больше всего.

— А картины, а стены?

— Ну, право же, мы ведь не бомбоубежище времён Последней Войны, верно? Такой интерфейс создаёт позитивный настрой в наших… в наших потенциально здоровых людях — и очень помогает им. Ведь вы, должно быть, слышали о последних исследованиях Объединённого Союза Врачей, которые установили, что наш организм способен самостоятельно излечиться от любой известной на настоящий момент — и, вероятно, любой потенциальной — болезни при должном внутреннем позитивном настрое? Так вот, такой интерьер также призван способствовать его формированию. Это просто.

— А как же… я… я всё-таки так и не понял… скажите хотя бы… скажите… кто вы?

— Вы задаёте слишком много вопросов. Простите, но я не могу ответить на все из них. Наше время… время на исходе… оно — самый ценный человеческий ресурс…

У меня внезапно что-то зазвенело и забарабанило в ушах, так что я уже с трудом мог различать отдельные слова этого столь удивительного врача.

— Каждый… может… должен… сам… хотеть… быть здоровым… тогда… возможно… всё… помните… этом…

— Но… но ответьте мне, кто вы?

— Мы… ваше… будущее… — долетели до меня его последние слова.

И тут же стук в дверь перенёс меня совсем в иной мир.

* * *

— А, так вы уже проснулись, Иван Петрович?

— Павел… Павел Петрович, — прошептал я, ещё не до конца придя в себя и глупо созерцая обветшалые жёлтые стены, окружившие меня, и собственную железную кровать, на которой я лежал.

— А… ну и не важно. Замечательно, что вы проснулись, замечательно.

С этими словами человек в белом халате склонился надо мной и как-то полузлорадно, что ли, улыбнулся.

— Вот сейчас мы поставим вам клизмочку, Иван Петрович, и все ваши болезни — и он ухмыльнулся снова — и все ваши болезни — они пройдут...

01.01.2006

Мечта Бога

Живому Богу посвящается

Новорождённый Бог сидел в тени высокого могучего дерева, у которого ещё не было названия, и мечтал. Он только что сотворил Землю, и теперь Ему предстояло создать ещё парочку миров попроще в соседних звёздных системах.

На губах Бога играла улыбка. Он был очень доволен результатом своей последней работы — Земля получилась крайне хороша. Здесь было и всевозможное разнообразие климатов, какого практически не встретишь ни в одном из ранее сотворённых Им миров. Здесь были и вздымающиеся в небеса горы, и уходящие в бесконечность морские впадины. Здесь были и исполинские деревья, подобные тому, под которым Он сейчас сидел, и мельчайшие неразличимые для глаза будущих обитателей листики и травинки неведомых им растений. Здесь было великое разнообразие живых полуразумных существ, начиная от каких-нибудь игриво ползающих в траве букашек и заканчивая морскими и земными исполинами. Одним словом, это был прекрасный сотворённый мир — быть может, одна из жемчужин Его Творения.

Казалось, Он вложил что-то безмерно неуловимое в этот процесс Творчества. Как будто отдал Земле частичку самого себя. И именно поэтому сейчас Он был счастлив.

Он мечтал о том, как на землю этого нового мира вскоре вступит нога человека. Как человек возрадуется новому дому, сотворённому для него вместо невзрачных старых. Как люди расселятся по бескрайним горизонтам этого Творения из Творений и будут любить друг друга, радуясь жизни и миру, данному им Создателем.

И тогда Он бросил клич по самым дальним уголкам Мироздания, чтобы собирались те, кто будет жить в этом новом доме, — возможно, одни из самых счастливых среди всех живущих. И пришли на Землю люди — собственно, не пришли даже, а прилетели из невзрачных прошлых миров на своём космическом корабле-ковчеге. И спустились на Землю и расселились по ней. И назвали эту дату датой сотворения мира.

И шли годы, и шли десятилетия, и шли сотни земных лет. Расселились эти, из иных миров прилетевшие, по уголкам шара земного, и прародителями рас трёх стали они. И любили друг друга, как и заповедовал Бог, время какое-то — но всё же постепенно забывать про любовь некоторые из них начали. И, видя это, решил Бог помочь засыпающим — и стал пророков в мир этот просить прийти, дабы подсказать любимым людям, где же тот самый Свет в конце тоннеля тёмного.

И приходили пророки-ангелы, воины Бога прекрасного, в мир земной и слова чистые вещали, сердца пробуждая. Но всё же сильно уснули сердца многие и не слышали слов тех пророков — и распинали пророков Его они. Но всемилостивейший Творец не переставал надеяться, ведь любил Он людей своих при всех недостатках их и помогать готов был всегда к Свету тянущимся.

Шли сотни земных лет, и шли тысячелетия. Всё сильнее плутали люди в лабиринтах тёмных и невзрачных. И, видя страдания людские от тьмы, ими впитанной, решился Бог тогда на шаг сострадательный. Сына Своего прекрасного, сиянием Отца озарённого, попросил Он в мир людской прийти, дабы Светом своим и Любовью своей помочь страждущим и наставить их на путь истинный. Но предали люди Сына Божественного, и тело его умертвили они, духу чистому не в силах повредить.

И горе на небе было великое и смятение. И плакали Ангелы светоносные из мира Тонкого, видя непонимание людское и тьму, стремились к которой люди многие.

И на самый последний, отчаянный шаг решился Бог тогда. И Сам спустился в мир, им сотворённый, дабы на себе испытать соблазны тьмы всей, людьми принятой, и отвергнуть их как негодные — и показать людям Путь тем самым. Первым и последним стал Бог в мире этом, на краю бездны кружащимся, Альфой и Омегой стал Он, Сыном Человеческим. Ведь пришёл Он в мир этот Им созданный человеком, дабы уйти из него живым возрождённым Богом.

И, узнав о Нем, живущем среди них всех жизнью простой и скромной, стали приходить к Нему люди. Один за другим приходили они и спрашивали.

И кричал священник Ему: «Сгинь, нечистый! Не о Тебе говорил Сын Твой распинаемый, и не Тебя ждали мы. Да и не ждали мы Тебя вовсе, ибо не нужен нам Бог живой и праведный. И подобает разве Богу великому в дыре жалкой жить и в рай затащить за злато не пытаться, как мы то делаем? Сгинь, самозванец!»

И смеялся политик над Ним: «Вот ты, проповедующий честность, теперь сам живёшь отнюдь не в хоромах царских. Посмотри лучше, как мы, людей обманывая, себе дворцов понастроили! Потому учись у нас, пока делимся мудростью своей житейской!»

И приходили больные, униженные и оскорблённые: «Нету в мире справедливости!» — кричали они Ему. — «Мы отдали тебе камни свои, с собою всю жизнь таскаемые, рассчитывая взамен крылья небесные получить — и где же исполнение желаний наших? Или не о Тебе говорят как о всемогущем иные?»

И приходили к Нему гордые — и молча плевали в Него, перед другими красуясь.

И приходили к Нему жестокие — и расправиться с Ним грозились.

И приходили к Нему умные — и в споры вступать бессмысленные философские пытались.

И приходили к Нему лукавые — и на слове Его поймать стремились.

И приходили к Нему простые — и мудростью слов Его наполнялись.

И приходили к Нему искавшие — и радостью сердца загорались у них, нашедших.

И приходили к Нему праведные — и молча смиренно склонялись перед Ним.

И приходили к Нему светлые — и огонь духа их ещё ярче загорался от пребывания с Ним рядом.

Всех принимал Он, никому не отказывал. Ибо как можно отказать детям своим, к Отцу приходящим?

И лишь где-то на стыке миров, невидимые для глаза человеческого, тикали часики громадные, время своё отстукивая до дня Судного, до дня оценочного. Момента Истины.

Но всё же любил Бог детей своих — и жил в мире с ними рядышком до поры до времени. И шанс давал каждому…

Но это было позже, намного позже — пусть для бессмертных время и не имеет значения. А пока Бог сидел под огромным тенистым деревом на планете Земля — и мечтал. Он мечтал о новых прекрасных мирах…

09.10.2010

Мир тьмы

Ваш выбор, люди!

В глаза ударил слепящий свет неоновой рекламы.

«Только у нас! Свободный секс! Мужчины-женщины, мужчины-мужчины, женщины-женщины! Все сочетания! Всего 20 кредитов за незабываемую ночь! Сделай себя счастливым!» И тут же рядом на другом здании: «Виртуальный секс с мировыми звёздами! Почувствуй себя знаменитым!»

Медленный разворот. Первое, второе, третье здание — все, насколько хватало взгляду, сверкали красными и бардовыми огнями, предлагая почувствовать «истинный вкус жизни», как было написано на вывеске очередного приземистого сооружения, зазывающего «грандиозных жителей нашей столицы» принять уникальное участие здесь и сейчас в вызывании «могущественных духов с потусторонних планов» под руководством «великого прорицателя и пророка», чьё имя «настолько могущественно, что не может даже произноситься вслух».

Рядом проходили люди — все они были одеты в какие-то тёмные одежды, а лица их были склонены к земле. Казалось, они совсем не замечали его.

Что за странный мир? Он не помнил себя в нём раньше.

Он медленно пошёл вперёд, изучая окрестности города. В том, что это город, уже не было никаких сомнений.

По улицам тянулись длинные ряды тусклых фонарей, еле-еле освещающих ближайшие окрестности на расстоянии десяти-пятнадцати метров от них. «И как они могут хоть что-то различать в такой темноте?» — пришло запоздалое изумление.

Но живущие здесь, похоже, и не хотели ничего видеть, кроме лишь немногих вещей. Вот какой-то согнувшийся житель города вбежал в одно из зданий неподалёку. Человек повернул голову, чтобы разглядеть очередную вывеску. Крупными переливающимися темно-малиновыми буквами на ней значилось:

«Бои без правил. Жизнь — лишь мгновение в вечности. Смерть — освобождение». И ниже ещё: «Собственность службы охраны жизни грандиозных жителей грандиозной столицы».

И снова ударивший в виски толчок мысли — «куда же я попал?»

* * *

Он брёл и брёл по улицам этого ночного города, и всё новые и новые картины открывались его взору.

«Ближний — всего лишь человек. Ты — Бог. Докажи это! Лучшее оружие с военных складов! Жизнь — тюрьма. Смерть — освобождение». И ниже снова знакомые уже слова: «Собственность службы охраны жизни грандиозных жителей грандиозной столицы».

И снова, снова, снова… Ослепляющий свет бардовых огней…

«Виртуальный клуб «Иллюзия». Виртуальная модель столицы, и ты — её властелин. Почувствуй себя на месте Бога! Собственность корпорации Virtulex Enterprise».

«Рулетка судьбы. Твоё вращение «барабана», смертный!» И опять чуть ниже приписка: «Место, где не бывает проигравших, ведь жизнь — проклятие, а смерть — освобождение!»

«Мы — не рабы. Дадим отпор агрессору! Проголосуй за проект «Прах». Каждому напавшему — по атомной бомбе!» Ниже: «Институт социологических исследований при Министерстве Нападения и Обороны».

Здания, здания, здания… Огни, огни, огни… Этот город сводил с ума. Что-то дёргало и пыталось заставить его поступать так же, как все — так же, забыв обо всём, бежать в ближайший кабак, или секс-танц-клуб, или виртуальную «забегаловку» — и там на многие часы вновь забывать обо всём.

О том, кто ты есть. О том, кем ты должен быть. И о том, кем ты стал…

Казалось, что-то чудовищное легло на его плечи, пытаясь придавить, расплющить, обратить в ничто несогласного с этим порядком вещей. Сам город, казалось, пытался расправиться с дерзким вторжением, не соответствующим его сущности и его правилам жизни.

Он шёл и шёл уже который час — еле передвигал ноги. И всё-таки он шёл, надеясь хоть где-то встретить проблеск света. Но, куда бы он ни заворачивал, на каждой улице — всё то же. Всё те же горящие бардовым пламенем здания, всё те же скорченные люди, с каким-то отсутствующим выражением глаз входящие и выходящие из них, всё те же человеческие слова, неизменно складывающиеся в нечеловеческие фразы.

Он не мог уже идти, ему внезапно страшно захотелось лечь и умереть. Просто — лечь и умереть, чтобы только не видеть это, чтобы больше не увидеть этого никогда. Как страшный сон — не увидеть.

Ещё шаг. Ещё. Ещё. Удар — и он обнял руками землю. Забытие…

* * *

Он открыл глаза и приподнял голову над землёй, пытаясь вспомнить, что произошло. Различил какое-то здание перед собой — и резкая вспышка озарила память. «Н-е-е-т-т-т! Только не здесь! Только не здесь снова!»

Это был не сон — это был всё тот же город. Ничего не изменилось, разве что стало ещё темнее — видимо, ночь уже полностью вступила в свои права. Тогда он вновь уронил голову на землю и застонал от отчаяния и безысходности. Он не хотел здесь жить — и должен был. Зачем? Зачем? Зачем?!

Тишина. Гробовая тишина. Ночной город уже спал.

Молча он лежал на вымощенной чёрным мрамором гранитной мостовой — и так же молча слёзы текли из глаз, оставляя за собой прозрачный след. Он не помнил, что было потом — милостивая память стёрла для него последние мгновения. Когда он вновь очнулся, то помнил лишь своё отчаяние и город, в котором он был, — город, тёмной громадой заслонивший солнце.

Он отчётливо помнил всё это. Он помнил ещё многое. Он помнил, как затем поднялся и вновь медленно побрёл по улицам. Пошёл — уже не зная, куда. Ему надо было хоть куда-то идти, надо было делать хоть что-то, чтобы только не думать об ужасах этого мира — ужасах, созданных его же жителями.

Он шёл мимо открытых зданий секс-танц клубов и видел сотни и сотни обнявшихся полуобнажённых тел, прыгающих и вертящихся в пляске под разрывающий бой какого-то ритма.

Видел, как тройка неизвестных людей на улице дружно воткнули себе в руки длинные, напоминающие шприцы, устройства, после чего с довольным выражением на лицах повалились прямо здесь же на мостовую.

Видел, как в каком-то переулке, в который он случайно завернул, трое людей порывисто прижались друг к другу и начали быстро снимать друг с друга одежду, а затем упали на землю и начали кататься по ней.

Он видел ещё многое. Ему не давали этого не видеть.

Он видел перед собой планету и континенты. Видел, как в различных местах планеты начинали появляться и росли тёмные пятна. Видел, как в других местах появлялись светлые точки, они тоже росли, расширялись и сталкивались с тёмными волнами, и рассеивали их. Но их было очень мало — и наплывавшие тёмные волны поглощали многих без следа. Постепенно тёмные пятна заполняли и заполняли континенты один за другим — тогда какое-то бордовое пламя окружало их, и они исчезали с карты планеты, покрываясь огромной тёмной тучей. В такие мгновения дикий нечеловеческий смех заполнял пространство и заставлял его порывисто зажимать уши.

А потом внезапно земля затряслась, и он упал, сбитый с ног.

Казалось, сама планета начала разрываться на части. По всем улицам, насколько хватало его взгляду, внезапно пошли трещины — и из каждой такой трещины наружу начал прорываться подземный огонь. Новым толчком его отбросило прочь.

Сама земля начала полыхать. Неизвестный подземный огонь образовывал сначала небольшие пламенные точки, затем линии — и начинал сливаться и объединяться, поглощая всё новые участки земли. Огонь подбирался к зданиям, и они неизвестно как тоже начинали полыхать.

Но жителям этой грандиозной столицы, похоже, не было совсем никакого дела до происходящего вокруг бедствия. Через открытые двери очередного секс-танц клуба он мог видеть, как точно так же массы людей, плотно обнявшись, вертелись и в исступлении что-то орали — в уже полыхающем здании.

«Ведь они же погибнут, ведь они же сейчас умрут! Я должен их спасти!» — полыхнули мысли в полузатушенном болью от удара о мостовую сознании.

«Они уже умерли», — пришёл откуда-то из глубины голос, — «ты ничем уже не можешь им помочь. Они сами сделали свой выбор. Своими мыслями и жизнями они сами вызвали гибель планеты — и свою собственную гибель».

Охватившее здание секс-танц клуба пламя становилось с каждой секундой всё сильнее — теперь полыхали уже все этажи. Наконец, огонь добрался и до нижнего. В одно мгновение он поглотил исступлённо кричащих и хохочущих людей — и в это же мгновение всё стихло. Лишь продолжало бушевать пламя, и отблески его освещали некогда непроглядные улицы. Так продолжалось ещё несколько минут — всего лишь несколько минут, навсегда врезавшихся в память. Так же, как и все последующие картины.

* * *

Картина изменилась. Город исчез.

Он стоял посреди роскошных зелёных ветвей деревьев какого-то сада.

Он поднял ввысь голову — и солнечные лучи осветили лицо. После страшных багровых огней тёмного города — Господи, какая же это была благодать! По небу медленно проплывали облака и пролетали птицы, в лицо ему дул освежающий бодрящий ветер.

Он видел солнце живого мира, он видел свет. Тьма ушла, тьма исчезла, её просто не было. Остались лишь прохладный дующий в лицо ветер, лишь раскачивающиеся из стороны в сторону зелёные кроны деревьев, лишь пролетающие по небу птицы и наполнивший душу восторг. Крик радости вырвался из груди — он кричал долго и громко. Он вновь был живым среди живых, он был в живом мире.

А потом он вновь получил ту удивительную возможность созерцать весь мир сразу, как на ладони. Он видел раскинувшиеся по континентам зелёные поля. Видел людей, работающих и живущих на них, на лицах их были улыбки — было видно, что они рады жить здесь и трудиться. Он чувствовал атмосферу счастья, разлитую над планетой. Он видел, как радостно и с воодушевлением работали люди — художники, поэты, простые пахари и рабочие, все от мала и до велика. Здесь не было ненужной и неважной работы. Он видел всё это — и сердце его обливалось благодатью.

Он видел, как растут и появляются светлые точки, как они расширяются, как озаряют континенты, как эти светлые лучи возносятся к небу — и небеса планеты отвечают на них ослепительным завораживающим сиянием.

Он видел, как озаряется атмосфера планеты, как она очищается от тёмных лучей и как свободно начинают дышать люди. Как они расправляют плечи, как на лицах их появляются улыбки счастья…

Он видел ещё многое. Это были минуты, навсегда врезавшиеся в память. А потом уже иной мир нагрянул на него.

* * *

— Джон, что с тобой?! Очнись, Джон!

— А… что со мной?

— Это у тебя лучше спросить. Мы шли по парку, и ты вдруг внезапно покачнулся и упал. С тобой всё в порядке?

— Да. Да… всё… хорошо.

— Что с тобой случилось?

— Я… я не знаю. Просто… просто я видел два будущих и два выбора… два совершенно разных выбора. Как небо и земля — разных… Два пути. Понимаешь? Две дороги для людей, для человечества.

— Два выбора? Два пути? О чём ты говоришь, Джон? Похоже, ты действительно всё-таки слишком сильно ударился головой при падении. Я не понимаю, о чём ты говоришь.

— Ничего. Уже скоро ты почувствуешь это и всё поймёшь. У тебя будет твой выбор. У каждого из нас есть свой выбор. А теперь, как считаешь, — может наперегонки до конца аллеи?

02.01.2005

За Патриарха!

Сегодня я проснулся необычайно рано — даже солнце ещё не успело взойти на Востоке. Вот уже почти час, как я бодрствую и не могу понять, что же именно прервало мой блаженный покой. Что-то шевелится у меня где-то в груди и тревожит меня. Это странно. Никогда раньше со мной не случалось ничего подобного. Какие-то недостойные мысли пытаются проникнуть в мой ум… не иначе, как сам Сатана искушает меня. Я изгоню эти мысли ереси именем нашего Патриарха!

В смутных чувствах я включаю свет и вещание, ведь скоро должна начаться утренняя церемония молитвы — и мы, дети Божьи, все как один склоним головы в эти торжественные минуты и во всех сердцах благословим Его Преосвященство — скромного наместника нашего небесного Отца на этой грешной земле.

Я беру позолоченную вещь, выполненную в форме креста, и аккуратно вдавливаю небольшую кнопку на ней — и это чудесное устройство, дар Божий, которое наш Патриарх назвал «видеодисплеем», оживает. Кажется, несколько столетий тому назад такие вещи называли «пультами», а аналогом этого «видеодисплея» был так называемый «телевизор». Впрочем, я не уверен. Я не был прилежным учеником в нашей школьной семинарии, да и о прошлом нам рассказывали очень мало.

До начала утренней молитвы, которая будет распространена с помощью этих видеодисплеев в каждый дом, всякий приют всякой души, остаётся совсем немного времени. Мне надо успеть принять земную пищу, дабы напитать моё тело — а потом все свои силы я отдам духу и буду скромным служителем в этом несовершенном мире во имя целей нашего Святого Отца, да святится имя его на небесах во веки веков!

С тех пор, как скромные служители нашего Патриарха придумали какой-то удивительный способ практически мгновенно создавать пищу из отдельных веществ, что дарует нам природа, — мы не знаем недостатка в еде, потому что она может быть сделана практически из всего, что есть в этом мире. Воистину, только сам Господь мог даровать нашему Патриарху такое великое могущество над миром, воистину, наш Патриарх — его наместник на земле!

Я успел насытить своё грешное тело и уже было погрузился в прекрасные мысли о том великом райском царстве, в которое ведёт нас, его смиренных служителей, наш прекрасный Наместник, как видеодисплей издал уже знакомый мне звук — это значит, что вот-вот должна была начаться утренняя молитва, — и мы, несовершенные творения нашего великого Отца, получим ещё одну возможность погрузиться на время в его великую даруемую нам благодать, ещё одну возможность очистить свои души от всякого зла.

Если мы станем смиренны и будем любить своего Патриарха, то эта молитва дарует нам ни с чем не сравнимую радость и покой — потому что так и должно быть.

Молитва была чудесна — как всегда, она была удивительна. Это такое неописуемое блаженство — стоять, смиренно склонив свою голову, слушать чудесные песнопения и осознавать себя частицей чего-то большего, чего-то великого, чего-то вечного. Это ни с чем не сравнимое блаженство — слышать голос самого Патриарха, когда он приветствует детей своих и благословляет их с новым днём в этом мире.

Когда молитва кончилась, я чувствовал себя на вершине счастья, и душа моя пела в восторге. Все те грешные мысли, которыми сегодня утром пытался искушать меня Антихрист, исчезли. Так и должно быть — ведь истинный свет, даруемый нашим Наместником, очищает наши души, так что никакое зло и ересь не может войти в них!

Сейчас мне предстоит отправиться в главную церковь нашего города — а всего праведными трудами служителей Патриарха было создано уже около пятисот этих малых домов Божьих — дабы представить моё новое творение на справедливый суд её главы, Святого Алексия II. Он прочтёт мою новую книгу и, если она будет одобрена его святейшеством, — даст своё высочайшее благоволение печатным агентствам размножить её текст, дабы дети Божьи могли вкусить её аромат и укрепиться в своей праведной вере в Бога и нашего всевеликого Патриарха.

Я выхожу из своего дома и с наслаждением вдыхаю чистый воздух Господень. Скромные слуги его Святейшества Патриарха смогли изобрести такие двигательные аппараты, которые оставляли воздух в его первозданной чистоте, не выделяя в него никаких так называемых «газов», работая исключительно на энергии света, что дарует нам прекрасное космическое светило. Воистину, нашему Наместнику ведомы великие пути!

Я двигаюсь по направлению к дому Господнему — и радость переполняет меня. Я уже вижу свою встречу с его святейшеством Алексием, я уже вижу его сиятельную улыбку, я уже вижу, как моя книга поможет нашим братьям в их пути разума и сердца. Воистину, это чудесный день!

* * *

Господи, откуда во мне взялись эти мысли, истреби их, Патриарх?!

Что-то происходит в моей душе, что-то очень странное и очень необычное, что-то непонятное для меня. Это почти то же самое чувство, что появилось два дня назад. Какие-то смутные сомнения в верности моей жизни и жизни моих земных братьев… Неужели даже утренняя молитва более не способна очистить мою душу от этих пагубных сомнений?

Это чувство вновь родилось во мне после встречи с его святейшеством Алексием через день после того, как я отдал ему рукопись своей книги, дабы он мог высказать своё мнение о ней и дать своё благословение на её распространение.

Дать своё благословение… он не дал своего благословения! Он не только не дал своего благословения, он был очень гневен и очень зол. Его Преосвященство было в гневе… это невозможно! Это воистину невозможно! Как, как это может быть возможно, чтобы такой великий человек был способен опуститься до гнева?! Я не верил собственным ушам, когда он начал свою речь!

— Известно ли тебе, сын мой Пётр, что своей, гм, книгой ты нарушаешь все заповеди, данные нашим великим Наместником?! — голос его Преосвященства был холоден как сталь, какие-то недоброжелательные нотки прорывались через него.

— Отец, чем же я нарушаю его великие заповеди? — вопрошал я.

— Чем? Ты спрашиваешь меня, чем ты нарушаешь его заповеди? Я отвечу тебе, чем! В своей книге ты говоришь, что творцом мира был Бог, ты утверждаешь, что Наш Патриарх — его скромный служитель. Наш Великий Наместник не его «скромный служитель», наш Наместник — его праведный Сын, он само осуществление нашего Отца в этом мире! Он — это Бог, он — его воплощение! Разве не говорилось вам об этом в вашей духовной школе? Разве не говорилось вам, что слово нашего Патриарха — это слово самого Бога, выраженное через его уста, разве не говорилось вам, что слово его — закон для всех праведных детей божьих?!

— Ваше Преосвященство, но как же небесный Сын может стоять выше небесного Отца? — вопросил я.

— Стоять выше своего отца? Сын мой… — и его Преосвященство поперхнулся — наш отец — это наш Патриарх! Он наш отец и спаситель наших душ в этом мире!

— Но нам говорили… — начал было я.

— Вам говорили? Ответь же мне, сын мой, кто говорил вам эти слова?

Я назвал имя служителя в нашей духовной школе.

— Благодарю тебя, мой сын, ты сослужил великую службу делу искоренения всякой… ереси.

При слове «ересь» я вздрогнул. Ересь — это огромное преступление, ересь лишает человека права войти в божественные врата рая — так говорили все святые отцы, вот только мой учитель почему-то ничего не говорил мне об этом. Почему же он повинен в ереси, почему?! Какое преступление божественной воли он совершил? И я задал этот вопрос его Преосвященству.

— Он совершил преступление, совращая детей божьих с их праведного пути, и он подлежит наказанию за этот грех. Мы примем необходимые меры, — и его Преосвященство дал мне знак замолчать и не задавать больше вопросов. И, не в силах не повиноваться ему, я замолчал… лишь только какое-то смутное сомнение в этот момент шевельнулось в моей душе.

Его Преосвященство продолжал.

— Далее, ты говоришь, что за все грехи свои дети божьи будут наказаны своим небесным Отцом во время Священного Суда и «по делам их воздастся им». Истинно, «по делам их воздастся им»! Однако известно ли тебе, что наш всевеликий Патриарх, как олицетворение воли нашего небесного Отца, может сам наказывать и даровать прощение своей великой милостью грешным детям уже в этом мире?!

Далее, ты говоришь: «…ибо только наш неземной Господь имеет власть над сущим и не сущим, и лишь Его суд праведен и вечен…» Суд на Земле ведёт наш Патриарх! Мы, скромные служители его, можем лишь смиренно выполнять его волю, которая есть воля нашего неземного Отца, не задавая вопросов о том, может ли его суд быть неправедным, потому что суд нашего Наместника всегда праведный, ибо он есть олицетворение Бога!

Известны ли тебе случаи, сын мой, — и его преосвященство снова поперхнулся, — когда наш великий Наместник вершил неправый суд над детьми и служителями своими?

— Нет, отец.

— То-то же, сын мой. Ибо суд его праведен вечно — во веки веков, да святится имя его!

В это мгновение лицо его преосвященства залила сиятельная улыбка — казалось, он увидел само пришествие Спасителя вместе со свитой небесных ангелов. Однако, как только он вновь взглянул на меня, его улыбка тотчас же исчезла.

— Однако это не прощает твоих ошибок, сын мой, — и преосвященство поперхнулся в третий раз.

Ты говоришь: «…ибо есть только одна великая сила в этом мире и одна великая ценность — и это есть любовь, и это есть проявление нашего неземного Отца в этом мире…» — это неверно! Наша сила — в нашей вере в Патриарха! Какая ещё сила тебе нужна? Только вера в него движет и спасает нас, только такая вера помогает нам жить!

«Ваша вера есть подавленное сомнение», — пришли мне в голову в тот момент слова, однако я тотчас же отбросил эти пагубные мысли прочь. Его преосвященство теперь смотрел на меня уже чуть ли не с гневом, и голос его стал совсем ледяным.

— Но мало того, что ты пытаешься подорвать веру в нашего всемилостивейшего Патриарха, ты ещё стремишься свернуть отроков его с пути истинного! Ты говоришь: «…а все обычаи, и обряды, и ритуалы исчезнут, как будто бы их никогда и не было раньше… и люди будут молиться в своём сердце и устремляться в сердце, и выражением устремления станет любовь…» Как могут исчезнуть все священные ритуалы, если они заповеданы нам нашим Патриархом, если они заповеданы нам нашим отцом как способ постигнуть его и приобщиться к его вечной благодати?! — его преосвященство уже почти кричал. — Это невозможно, это просто немыслимо! Это настоящая ересь, сын мой! Мало, мало того! Ты подрываешь доверие к нам, скромным служителям нашего отца!

Ты только задумайся над тем, что ты говоришь: «…а вещи этого мира исчезнут и пропадут, и никогда уже не будут важны для вступающего в царствие Отца… и никогда не были по-настоящему важны, ибо преходяще сущее это, и как вступаем в него без ничего, кроме огня сердца своего, так и уходим ни с чем, кроме него. И тогда все поклонения, и ритуалы, и вещи, используемые для них, и всевозможные земные культы становятся не важны…»

Это немыслимо! Все те священные ритуалы, которые мы проводим для них — это величайшие дары, заповеданные для нас, ими мы помогаем нашим последователям. Мы очищаем их души, мы, как служители нашего Отца, искупаем их грехи, мы спасаем их! Как же можно не признавать это, как же можно отвергать благодарность наших братьев, которая даруется нам ими в своей смиренной щедрости?! Но ты, ты говоришь: «ибо только любовный огонь сердца способен искупать грех, но никакие ни ритуалы, ни вещи, ни прочие земные ценности… ибо они есть преходящее, и только огонь сердца и духа вечен…» — это истинное непонимание смысла вещей! Наш Отец дал нам право искупать грехи детей наших, что по смирению своему являются к нам — и мы служим великую службу, помогая им освободиться от этого груза, а ты… ты!… — его преосвященство так разгневался, что уже чуть ли не задыхался, — ты позоришь весь род наш, всю службу нашу, все достижения наши! И последнее: «…ибо Отец наш живёт не вовне, но в каждом из нас… и он есть Бог, и он есть — любовь…» И он есть — Патриарх! И он есть — вовне, ибо только он свят, а мы грешны, и Бог не живёт в нас! И только он милостью своей может спасти наши души, но не мы сами! Он!» — преосвятейшество уже стоял во весь рост и кричал.

Я всё ещё не мог оправиться от удивления, смущения, растерянности… именно тогда это сомнение вновь шевельнулось во мне.

— Я посмотрю до конца твою рукопись, сын мой, и скажу тебе своё решение через десять дней. Но не рассчитывай, что я дам тебе возможность её распространить до существенной… доработки, да и, возможно, распространить вообще. Кроме того, мы проведём дознание с твоим, гхм, учителем, да и с тобой, думаю, тоже, — и он холодно воззрился на меня. — А пока ступай с миром, сын мой, — преосвятейшество вновь овладел собой. — Ступай с миром.

В растерянности, в смущении я вышел из храма. Это был, воистину, день печалей.

Выходя из церкви, я заметил, как к какому-то моему брату, только что вышедшему из церкви, подошёл кханджи — так называли пленённых людей-изгоев, коих теперь становилось всё больше и больше с тех пор, как два года назад наша святая Империя начала Священную Войну. Мы относились к ним с великой… милостью — некоторым из них разрешали жить в городах, только вот жить им было, по-видимому, очень тяжело… однако в выступлениях Патриарха никогда не поднималась эта тема.

Этот кханджи подошёл к моему духовному брату и стал, по-видимому, что-то просить. Тогда, недолго думая, мой духовный брат, на лице которого некогда была сиятельная улыбка, пнул его ногой так сильно, что кханджи отлетел в сторону, кубарем покатившись по лестницам.

Всё это я уже видел, когда флайнер — один из видов транспорта, изобретённых приближёнными нашего Наместника, работающий на энергии солнечного светила, — увозил меня прочь. И я ничего уже не мог поделать…

Боль, огромная боль всколыхнулась в моей душе тогда — сочувствие к этому маленькому, выброшенному, отброшенному, отопнутому! — брату заполнило моё сердце. Именно тот момент породил эти мучительные и нестерпимые сомнения во мне.

* * *

У меня было десять дней до того, как мне снова придётся встретиться с его преосвященством Алексием II по вопросу моей рукописи — и я не хотел их терять.

Боль — громадная, неописуемая словами боль — она рвала и крошила моё сердце. Я не понимал — я не мог понять! — как, как мои братья могут быть такими… такими… бесчеловечными. Как они могут быть такими жестокими — как, почему, за что? Вся благодать ушла, осталась только боль. А за ней пришли сомнения.

Я и раньше слышал про Священную Войну, про великую войну, про праведную войну. Помню, как Патриарх выступал перед всеми, как возвышенно он говорил о том, с какими недочеловеками, не верящими в Отца, нам приходится бороться, с какими убийцами, с какими грешниками. Он говорил, что, убивая их тело, мы спасаем их души. Тогда я верил в это — я не мог не верить моему Патриарху! — а теперь, после случая с этим кханджи… я засомневался.

Час за часом, день за днём сомнение моё росло — я уже не мог спать, я метался ночью в каком-то кошмарном бреду. Мне виделись сотни этих кханджи, мне виделись легионы облачённых в белую одежду святых братьев, убивающих их одним ударом с криками «За Патриарха!», тут же осеняющих их знаком креста — и идущих всё дальше, дальше, дальше…

И тогда я просыпался, не в силах больше видеть это. И тогда я размышлял. Через десять дней я вновь пришёл к его преосвященству — и никакого восторга в моих глазах больше не было. В его глазах, впрочем, тоже.

— Мы нашли твоего учителя, сын мой, — и его преосвященство в который уже раз поперхнулся. — И просмотрели до конца твою рукопись. А теперь слушай наше решение! — и он торжественно поднял руку. — За распространение ложных сведений, за попытки отвести детей нашего Патриарха с пути истинного, за попытки привести их в лоно Антихриста человек по имени Хрис приговаривается к заключению в катакомбы Собора Патриарха навечно, вплоть до того дня, когда Антихрист сам придёт за ним, дабы забрать его чёрную душу! Приговор подписан самим Высочайшим Патриархом и обжалованию не подлежит!

Я обомлел. Хрис, мой учитель, давший мне столь много в той духовной школе — он приговорён к заключению! Никогда, никогда, никогда я ещё не слышал ни об одном случае подобного заключения — а теперь, при мне, прямо на моих глазах… как это возможно?!

— Вывести грешника! — раздался голос Преосвященства.

И тогда они — несколько мускулистых человек в белых рясах — вывели его. Я не узнал его — я бы не узнал его, встреться мы вновь при других обстоятельствах, — он совсем не был похож на образ того Хриса, который я помнил с детских лет. Он ужасно постарел и еле волочил ноги, так что четырём помощникам приходилось очень сильно подталкивать его. На лице его была видна кровь. «Пытки?» — мелькнула у меня мысль.

— Учитель, Хрис! — закричал я изо всех сил, стараясь перекрыть шум непонятно откуда взявшегося ветра.

Он обернулся. На искромсанных высохших губах его появилась слабая улыбка.

— Пётр, сынок мой, ты ли это? Они тоже поймали тебя, да? Прости меня, сынок… прости… я должен был предвидеть, что это произойдёт.

— Учитель, но почему?! Почему всё так произошло? Неужели всё то, что нам говорили — всё это ложь?!

Было видно, что Крис вновь улыбнулся своими не слушающимися губами.

— А вот теперь, сынок, ты и пробудился, — ответил он, и в это же мгновение рёв нахлынувшего ветра заглушил все иные звуки.

Я видел, как четверо людей уволокли моего учителя куда-то за здание, я хотел было ринуться ему на помощь — но меня тут же схватили трое таких же людей в рясах.

— Не дёргайся, браток, — улыбнулся один из них.

Когда через несколько секунд передо мной вновь появилось его Преосвященство — я уже не был удивлён.

— А тебя, сын мой… тебя мы вынуждены будем отправить на… чистку, дабы твой разум вновь стал святым и никакой бес не закрался в него! — и он улыбнулся. — Взять его! За Патриарха!

Весь мой мир в одно мгновение рухнул. Всё, чему я верил, всё, на что я надеялся, — всё стало ничем, всё было напрасно. Когда мои… братья схватили меня — я не сопротивлялся. Это было уже ни к чему.

«Да будет на всё воля Божья», — успел подумать я прежде, чем увесистая деревянная дубинка одного из белых братьев опустилась на мою голову…

26.05.2005

Иммунитет

Надежда умирает последней.

Но разве мог Гейл надеяться хоть на что-то теперь, когда последние надежды умирающего заживо человечества стремительно разлетались на тысячи маленьких осколков, словно крупицы разбитого зеркала, в котором оно, человечество, в случившийся момент краткого духовного прозрения сумело на краткий миг своей истории увидеть само себя?

Надежда на спасение. Надежда на земную жизнь. На жизнь после смерти. Есть ли она?

Сегодня каким-то чудом Гейлу всё-таки удалось попасть в один из переполненных храмов, где вот уже на протяжении нескольких месяцев велись непрекращающиеся ни на день службы. По всей планете храмы трёх мировых религий уже длительное время были переполнены и днём, и даже ночью. Теперь, когда столь воспетая земными материалистами наука не могла дать ответа на брошенный природными силами вызов, люди пытались найти его в обращении к Богам.

Сейчас, стоя поодаль от алтаря храма в давящем его со всех сторон людском море и словно двухметровый исполин возвышаясь над ним, Гейл наблюдал. Ему нужно было понять, что двигает этими людьми сейчас, когда у них уже почти не осталось надежды. Что заставляет их взывать к тем, в самом факте существования коих эта земная жизнь заставляла их сомневаться вновь и вновь?

Вера в возможность спасения? Страх перед раскрывающим свою жадную пасть небытием? Любовь ко всему созданному ими — и, в том числе, к ставшей настолько смертоносной природе?

Сам же Гейл вплоть до событий последних лет верил только в науку. Она была его святым Граалем в течение долгих лет жизни. Она, при должном усердии, наблюдательности и длительном экспериментировании способна была дать человечеству ответ на любой вопрос и вызов… если не принимать во внимание существование Высшего разума.

Море людских лиц. Океан эмоций. Калейдоскоп чувств. Воздетые в молитвах, молчаливых угрозах, опущенные в отчаянии руки. Увидит ли их кто-нибудь, услышит ли безгласную речь? Гейл не знал ответа на этот столь мучивший его вопрос. День ответа ещё не настал.

* * *

«Майнинг антител. Участвуй в добровольческой программе испытания новых вакцин. Зарабатывай фармакоины. Дай ответ нововирусу!»

Громадный голографический билборд выплыл из-за угла небоскрёба прямо перед глазами Гейла, стоило только тому выйти на центральную площадь. Гейл брезгливо поморщился. Никакого толку от бесконечных попыток создания вакцин не было и не будет. Нельзя точно предугадать форму того, что изменяется каждое мгновение своего существования.

«Вирт-клуб «Наслаждение». Страха смерти нет. Есть наслаждение жизнью!»

Трёхмерная переливающаяся цветами радуги голограмма девушки с широко расставленными ногами загорелась неоново-лазерными лучами в паре десятков метров от Гейла, чутко и быстро реагируя на приближение одинокого прохожего. Нет, туда ему точно не надо. Когда на твоих глазах летит в тартарары целый мир, уже как-то не до наслаждений.

«Жизнь после смерти. Криостазис. Новейшая военная разработка. Звони!»

Точно живая голограмма человека в синем и словно бы замороженном скафандре приветливо машет Гейлу рукой, приглашая прийти к очередным «спасителям». Нет. Спасения от нововируса нет и быть не может. Все научные изыскания лучших биогенетиков планеты были вящим тому подтверждением.

Нововирус. У этой заразы было и множество иных имён. Новая чума. Чёрная смерть. Жнец. Каратель. Гнев Божий. Рок.

Питаемая человеческим страхом фантазия рождала всё новые и новые ассоциации. А всё новые и новые случаи заражений и массовой гибели или мутации людей лишь подпитывали эту истерию всеобщего страха. Что может сделать мельчайший вирус против возомнившего себя властелином природы человека? Всё. Особенно, если для него нет и не может быть противоядия.

Правительственные хроники, доступ к которым Гейл получил после начала работы над проектом «Салвэйшен», хранили в себе множество данных о первично локализованных случаях заражения и сопутствующих им симптомах. Южная Америка. Северная Африка. Юго-Восточная Азия. Первая, вторая, третья волна. Изначально болезнь посчитали новым видом малярии и не придали существенного значения — вплоть до момента стремительного всплеска числа заражений по всей планете. И внезапно понятие «комариного укуса» стало совсем не столь безобидным. Разносчики заражённой крови, за считанные месяцы они превратились в одних из самых опасных хищников на всей планете.

Вместе с прогрессированием и эволюцией вируса менялись и симптомы. Лихорадка, озноб, тошнота и рвота были лишь начальной стадией течения вызываемой вирусом болезни. Затем заражённые стали буквально выкашливать свои внутренности вместе с кровью наружу. Потом пришли нервные параличи и остановка сердца. Затем — генетические мутации. А следом за ними в двери всемогущей науки постучалось человеческое безумие.

Вирус стремительно мутировал — не проходило и нескольких дней без изменения его белково-молекулярной структуры. Всё новые и новые случаи вместе с сопутствующими симптомами начали фиксироваться правительствами множества стран каждые несколько дней. Весь цивилизованный мир захлестнула волна паники. Люди перестали выходить из домов на улицы. Начались грабежи, поджоги и уличное мародёрство. Подняли свои головы множество новоявленных «сект свидетелей последнего дня», каждая со своим безумным пророком во главе. Стремительно нарастающий коллапс социальных сфер грозил опрокинуть весь мир в пучину хаоса, голода и нищеты.

Правительства множества стран выделили огромные ассигнования в попытках создать спасительную вакцину. Но то, что многим учёным умам казалось таким простым и рутинным поначалу, зависло словно непреодолимое проклятие безумной старухи-смерти над всеми группами учёных-вирусологов. Вакцины не поспевали за мутациями вируса в заражённых клетках. А мутации клеток неизбежно привели к мутации людей. И это было намного страшнее столь привычной людям войны — потому что в пламени этой новой войны за выживание становилось пеплом истории само понятие «человека».

Вакцины не работали. Требовалось найти иной способ спасения, отыскать его любой доступной ценой. Так родился всепланетарный проект «Салвэйшен», объединивший в себе множество лучших учёных всего мира. От них требовалось только одно — во что бы то ни стало отыскать иной путь спасения — даже ценой жизней тысяч заражённых, ставших новым подопытным материалом в подземных лабораториях, даже ценой жизней самих учёных. Всё для научного фронта, всё для победы. И Гейл хотел быть на острие его.

* * *

Флайкар Гейла мчался по обезлюдившим улицам некогда многолюдного мегаполиса, то набирая, то уменьшая свою высоту в нарушение всех правил мультиуровневого движения, стремительно, повинуясь командам искусственного интеллекта машины, взмывая над арками и билбордами небоскрёбов и ныряя в скоростные подземные туннели. Но не было желающих выписывать ему штрафы.

Слова Саймона всё ещё звучали в его голове. Незаражённый! Один на сотни миллионов, каким-то чудом прошедший через этот земной ад и оставшийся невредимым. Солдат без признаков нововирусной мутации, доставленный в научные лаборатории «Салвэйшен».

Чудо? Но наука не верит в чудо, наука верит в эксперимент. И безжалостная логика науки требовала во что бы то ни стало немедленно провести этот эксперимент во имя всеобщего блага. А если потребуется пожертвовать жизнью нового подопытного — сделать это без малейших колебаний и угрызений ненужной совести. Взбудораженный утренним сообщением, пришедшим по аудиовизору, Гейл мчался по улицам опустевшего Чикаго, а губы его беззвучно шептали молитвы одному ему ведомым научным богам.

* * *

— Добрый день, профессор Гейл. Саймон у себя в лаборатории, ждёт вас с раннего утра.

— Спасибо, Миранда. Как раз спешу к нему.

— Похоже, у вас там сегодня намечается что-то действительно интересное, — на ходу подмигнула профессору их юная ассистентка, и через пару секунд скрылась за поворотом стерильно белого коридора подземного лабораторного комплекса.

В массивные стеклянные двери лаборатории Гейл буквально влетел, едва не расшибив себе лоб — слишком уж медленной ему в тот момент показалась вся их морально устаревшая система автоматического открытия на фотоэлементах.

— Где подопытный незаражённый? Я хочу обследовать его! — с порога крикнул он.

— Ну и ну, да это же профессор Гейл Ньюмэн собственной персоной! Никак целую пачку таблеток нитро-кофе в себя вылил перед поездкой, чтобы не заснуть за рулём в такую-то рань? — заметив краем глаза влетевшего в лабораторию коллегу, доктор Саймон ухмыльнулся в усы, ловко поправляя свободной рукой сползшие на нос очки. — А мы вот тут как раз с Мирандой поспорили, успеешь ли ты до восхода солнца к нам добраться, или же тебя мысли о Высшем разуме окончательно усыпят. На мистику к старости лет потянуло? — дружески поиронизировал Саймон, продолжая беззвучно орудовать пальцами на холо-терминале.

— Досье на него есть?

— Из АНБ прислали фрагмент данных сегодня утром. Капрал Джеймс Кэссл, морская пехота. Участвовал в спасении гражданских лиц в Бразилии и Венесуэле после начала пандемических войн. Был тяжело ранен мародёрствующими бандами мутировавших заражённых в ходе последней операции. Получил медаль «Пурпурное сердце» за боевые ранения. Был вывезен из зоны операции и госпитализирован в Сиэтл. Вроде бы всё.

— А скрининг, как он сумел пройти инфекционный скрининг?!

— После экстрадиции на вертолёте из зоны заражения его обследовали в клинике Сиэтла. Там и подтвердили этот факт. Из АНБ передали, что у местных там буквально челюсть отвисла, когда в его клетках нововируса не обнаружили даже в латентном состоянии. Сам понимаешь — по нынешним меркам это что-то сродни чуду.

— Уже успели подтвердить диагноз на нашем оборудовании?

— Ещё нет, только общий опрос провели. Его доставили буквально пару часов тому назад.

— Саймон, ты вообще понимаешь, что это, возможно, наш единственный шанс на…

— Всё я понимаю, Гейл. Иди давай уже, он сейчас в отсеке «Альфа», — мягко похлопав Гейла по плечу, тихо ответил Саймон. — Код авторизации на сегодня: «Миракл».

* * *

«Дезинфекция отсека завершена. Добро пожаловать, профессор Гейл Ньюмэн».

Голос искусственного интеллекта «Ады» заполнил собой непревзойдённо белое пространство отсека. На ходу Гейл вновь проверил защитные функции своего тесса-костюма и удовлетворённо кивнул. По крайней мере, костюм защитит его от потенциальной физической агрессии или проникновения инфекции как минимум в течение получаса, если всё-таки где-то наверху ошиблись в вопросе диагноза этого пресловутого капрала.

— У вас нынче принято заковывать гостей в наручники, или это просто мне сегодня так несказанно повезло? — с нажимом в голосе вопросил сидящий на кушетке Джеймс, демонстративно потрясая огромными кулаками в крио-наручниках, стоило только Гейлу войти в отсек «Альфа», традиционно служивший в роли камер для предварительных допросов.

Здоровенный. Таким как он в жизни часто бывает всё нипочём. Кроме нововируса.

— Это ради вашей и нашей безопасности, капрал Джеймс. Вы для нас — очень особый случай. Но ваши подлинные намерения и возможности нам ещё предстоит выяснить.

— Надеюсь, это не займёт много времени. Моё военное командование не давало мне приказа уходить в «самоволку» после завершения лечения.

— Здесь вы под нашей ответственностью с разрешения АНБ. Можете мне поверить на слово, вопросов у ваших командиров по случаю вашей временной отлучки не возникнет.

— Вот как? — Джеймс облокотился накачанными руками на стол и с прищуром стал внимательно изучать лицо Гейла, ворочая желваками. — И чем же я обязан такой оказанной мне милости быть приглашённым на вашу вечеринку?

— Вашими боевыми способностями, Джеймс. И вашим потенциальным иммунитетом к нововирусу, — решил не тянуть с раскрытием своих карт Гейл.

— Про иммунитет — это вам бабка-повитуха напела, али пуля в лоб прилетела? — Джеймс горько усмехнулся и отрицательно покачал головой. — Нет у меня никакого иммунитета. Ни у кого из нас нет. Не мы выбираем длину собственной жизни. Только ширину.

— Есть он или нет — нам ещё предстоит выяснить. Если диагноз, сделанный вам в Сиэтле, не подтвердится — сможете пойти на все четыре стороны уже на завтрашний день.

— Что ж, отлично! Так и сделаю! — неожиданно резко согласился Джеймс, вперив в Гейла свой мрачный взгляд. — Давайте, не тяните, ваша научная светлость, мне ещё от полчищ заражённых простых смертных спасать предстоит!

— Не мы разработали этот вирус, Джеймс, — неожиданно серьёзно и назидательно парировал Гейл. — В настоящее время он самопроизвольно ежедневно мутирует под действием непонятных нам природных сил и…

— Да, конечно. Расскажите превращённым заживо в животных о том, к чему привели эксперименты вам подобных на генетическом материале в попытке создания желанных вакцин! Я-то собственными глазами видел, как полчища этих безумных рвали моих бойцов на поле боя!

— Я понимаю вашу боль, капрал, но наш отдел не имеет непосредственного отношения к…

— Заканчивайте уже с вашей ложью, док, или подыщите себе более внимательную аудиторию! Что именно вам от меня нужно — анализы плазмы крови, скрининг коры головного мозга, мазок из пятой точки? Не тяните!

— Нано-молекулярный клеточный скрининг. Реакция клеточных мембран на инъекцию вирусных молекулярных структур.

— Проще говоря, вы хотите повторно заразить меня новым штаммом нововируса и с искренне научным интересом понаблюдать за тем, как долго я буду мучиться в смертельной агонии? Я ничего не упустил из ваших планов, док?!

— Если наши анализы верны, это будет попытка выработки первичного иммунитета к новой форме вируса.

— Разве у меня есть выбор?

— Боюсь, что нет, — развёл руками Гейл. — До процесса окончания тестовых процедур вы переданы вышестоящим руководством в наше полное непосредственное распоряжение.

— Скорее уж продан.

— Как вам угодно считать. Если вы готовы, охрана экстрадирует вас в отсек тестирования прямо сейчас.

— Тогда не тяните. Мне ещё спасать других несчастных от вас и вам подобных экспериментаторов.

* * *

Гейл не мог поверить собственным глазам. Раз за разом он перепроверял данные молекулярных наноскопов, корректировал сканирующие частоты, даже протирал собственные глаза руками. Но приборы не врали. Чудо жило и совершенно не собиралось умирать, как непутёвое человечество.

Вирус мутировал, на ходу перестраивая свои молекулярные структуры, он раз за разом пытался сломить защитный клеточный барьер, преодолеть разделяющие его и клетки мембраны — и раз за разом точно невидимая и непреодолимая стена вставала у него на пути. Эти безуспешные попытки нового, созданного самой природой биооружия, поработить и превратить в безумного монстра свою очередную жертву продолжались около десятка минут. А потом… потом пришло оно, Чудо.

— Заканчивайте ваши эксперименты. Вы же видите? Я не боюсь! — могучий голос Джеймса залил помещение.

Он изо всех сил дёрнул внутренние рычаги терра-капсулы, в которую был помещён, силясь освободиться, но даже его сил оказалось недостаточно. И ровно в этот самый миг вирус, раз за разом пытавшийся проникнуть в клетку, словно взорвался изнутри, стремительно распадаясь на сотни отдельных крохотных молекул. Будто невидимая глазу или приборам волна ударила по нему, сминая, опрокидывая и разбивая в прах. Поверженный микро-Голиаф пал, а вместе с ним упали с носа на лабораторный пол очки изумлённого Гейла.

— Вы… что… как…

— Я не боюсь вас! Свободу! — Джеймс изо всех сил замолотил могучими кулаками по терра-капсуле изнутри.

— Успокойтесь… мне надо только… показания… — продолжая что-то быстро шептать себе под нос, стремительно бил по клавишам терминала Гейл. — Причина дезинтеграции вирусных структур… воздействие неустановленного вида энергии… порождённая клеткой волна… не понимаю!

В подлинных научных открытиях всегда есть место для чуда.

— Клеточный митохондриальный синтез неустановленного генезиса… Биполярные внутриклеточные токи… Но откуда?

— Я не боюсь ни ваших вирусов, ни вас, ни всех вам подобных! — от неистового пришедшего изнутри удара на внешней поверхности терра-капсулы образовалась небольшая вмятина.

— Что… что вы сказали? — Гейл в смятении бросил свой взгляд на пытающегося выбраться из капсулы узника. — Но этого ведь не может быть! Если… только… Чувство! Что за чувство вы испытали несколько секунд тому назад?! — Гейл закричал от переполнившего всё его существо неистового возбуждения. — Прошу вас, Джеймс, повторите это снова!

— Свобода! Жизнь! — ещё одна вмятина на стенке терра-капсулы.

И ещё остающиеся в живых вирусы рассыпаются молекулярной трухой. Вечное — к вечному. Прах — ко праху.

Чувство!

Будто новое великое откровение снисходило в тот миг на Гейла, в едином безудержном порыве ломая и опрокидывая все материалистические теории мира, весь бесконечный научный скепсис и неисчислимую человеческую глупость.

Дух превозмогал материю. Чувство побеждало недуг. Бесстрашие стало иммунитетом.

И этому в унисон вторили зашкаливающие от волн новой найденной энергии приборы.

— Вы… можете быть… свободны… — бессильно прошептал Гейл Ньюмэн, открывая блокирующий механизм капсулы. — Мы все теперь свободны…

* * *

В эту великую звёздную ночь Гейл вновь летал в своих уже ставших взрослыми снах.

Дух его, единым махом вырвавшийся из-под гнёта всех и всяческих материалистических тюрем, парил в этом чудесном сне между кажущимися совершенно реальными планетами, двигаясь точно великий звездолет-первопроходец на неизведанной доселе тяге. Было невыразимо легко и радостно — точно у тебя за спиной вдруг выросли крылья.

А потом невидимая тёплая волна подняла его и понесла куда-то в самую высь. Две великие, лучащиеся иномировым светом фигуры, чья любовь к нему превосходила любую человеческую, нежно приняли его в свои огромные тёплые руки. Они плавно поднесли его крохотный дух к своим лицам — и в тот растянувшийся на бесконечность миг волна восторга и блаженства вместе со слезами радости поглотила всё его естество…

«Блаженны плачущие, ибо они утешатся…»

12.05.2021

Когда спадает пелена

Он был президентом страны.

Крупное технологически развитое государство. Военная техника, природные ресурсы — всего было в избытке. Новейшее бактериологическое оружие, державшее в страхе соседей. Один раз он даже издал постановление о его «санкционированном» использовании в начавшейся войне с пограничным демократическим «государством».

Демократическим… Глупцы! Жалкие либералишки, благодетели народа! Нет, они ещё просто не знали силу абсолютной власти. Тотальная диктатура, полный контроль над словом и даже мыслью каждого жителя твоей страны… пиршество для прихоти! Все научные умы, мобилизованные на разработку ещё более устрашающих и грозных видов вооружений… Единоличное принятие всех важнейших решений, воля казнить и миловать… Ежедневные воспеваемые тебе в каждом доме, каждой квартире гимны… — ещё бы! — ведь наказание провинившимся — мгновенная и мучительная смерть под концентрированным потоком плазмы.

Недовольных не было… не было недовольных, стремящихся хоть чем-то заявить об этом. Психо-генераторы, разбросанные по границам этой страны, не зря делали своё дело — теперь он волен заставлять людей думать так, как ему было надо, и тогда, когда ему это надо. Психические волны полного разнообразия, последнее изобретение психофизики, — и человек в твоей полной власти. Вызывай у него хоть бурную радость, хоть истерику, хоть предельную агрессию, после которой, вооружённый новейшими «примочками» военной технологии, человек становился чуть ли не универсальной машиной разрушения…

Он мог делать всё. И он наслаждался этим.

Утопил в крови вспыхнувшее в соседнем островном государстве восстание. Оставил безжизненную пустыню на южных окраинах страны, куда посмели вторгнуться орды врага, — такая же белесая пустыня осталась и на всей территории агрессора. Грозился скинуть на не желавшего уступать удобные торговые города соседа новейшую разработку психо-нейтронной бомбы, сведя на нет весь интеллектуальный потенциал государства упрямца, — тот уступил очень быстро, лишь только стал свидетелем демонстрации её возможностей в малых масштабах…

Ему принадлежало всё. Всё под ним — он над всем. Он был президентом страны…

* * *

Писк механики. Красные чеканные слова на экране Х-дисплея: «Ваш счёт пуст. Оплатите работу автомата, пожалуйста».

Чёрт! Конец…

Медленно отцепляемые от тела сенсоры и датчики, снятый с головы нейро-импульсный шлем. Всё, конец игры…

Вертящаяся в голове одинокая мысль: «Есть». Так… где тут еда? Он повертел головой в стороны. А, вот же, как раз рядом с терминалом.

Воткнутая в вену игла… Очень скоро питательный раствор всосётся и разнесётся с кровью по организму. Этого должно хватить на несколько дней. Должно… Пронзительный звуковой сигнал… готово. Он вытащил иглу.

Так… он обшарил карманы. Двадцать кредитов… мало… только на шестьдесят-семьдесят часов… Блин, ну ладно.

Вновь надеваемый шлем. Кучи проводов и контактов, прилаживаемых к телу. Жетон, вложенный в жадно захватившую его машину. Удовлетворённый писк механики.

Старт. Виртуальный мир не ждёт.

* * *

Освещаемые фонарями улицы города. Вывеска над одним из многих зданий: «Салон виртуальных находок». Сотни терминалов у стен. Сидящие за ними люди.

Очередной терминал… Оплетённый механикой дёргающийся человек. Поток слюны, медленно стекающий на пол… Лица не видно — его скрывает небольшой шлем. Писк аппаратуры.

Он был главой крупнейшей мафиозной структуры…

02.06.2003

Лицензия

Молния прорезала ночной небосвод Мегаполиса, на доли мгновений осветив выскочившего из переулка и устремившегося в сторону «Зоны S» человека. Столь редкое в это время года природное явление, так в полной мере и не обузданное учёными корпораций, оно было одним из немногих, что ещё изредка было способно порадовать этого беглеца, несмотря на все свои побочные энергостатические эффекты.

На бегу человек что-то буркнул себе под нос, коснулся свободной рукой своего запястья — и вот очертания его внезапно стали всё менее и менее чёткими, точно сливаясь с окружающей действительностью, а спустя пятнадцать-двадцать секунд он и вовсе пропал из привычного обывателям Мегаполиса фотонного поля зрения. Словно в ответ на это удивительное исчезновение, очередная молния осветила фрагмент «Зоны D», более известной среди жителей мегагорода как «территория изгоев», прежде чем окончательно раствориться в бескрайней ночной черноте.

Ищейки министерства внутренней безопасности выискивали опознавательные идентификаторы и текущую дислокацию Томаса вот уже несколько дней после столь нашумевшего по всем информационным каналам резонансного убийства главы «Симбионикса» — крупнейшей корпорации Мегаполиса, занимающейся разработками и «улучшением» его генофонда, а точнее будет сказать — множеством принудительно навязанных «Лигой Семи» генных модификаций, призванных сделать подвластных им жителей ещё более управляемыми и послушными, равно как и окончательно воплотить столь давнюю лелеемую правителями прошлых столетий мечту о создании суперсолдат.

Антониус Ризарио — почти бессмертный и бессменный лидер «Симбионикса» вот уже на протяжении более двух веков, член наводящей страх на простых обывателей «Лиги Семи» — негласного правительства Мегаполиса, целиком и полностью состоявшего из глав крупнейших мегакорпораций — пал смертью храбрых, предаваясь виртуальным плотским утехам для своего сознания в закрытом сегменте нейросети, пока тело его под надёжной охраной восседало на пьедестале в личных покоях собственного небоскрёба со множеством прилаженных к нему нейроимплантов.

Антониус был известным любителем подобных вечерних «просветлений сознания», а вот Томас… а для Томаса нейросеть давно уже стала его вторым домом. «Виртулэкс Энтэрпрайз» — разработчик нейроимплантов и по совместительству отец, создатель и бессменный куратор всей нейросети — с радостью выдал бы лицензию в миллионы «кредо» за поиск сетевого профиля всё ещё не найденного хакера — и это была бы баснословная сумма за ум и сознание изгоя, хвалебная песнь всем изгоям, которых «Симбионикс» до сих пор считал лишь побочным неудачным продуктом первичных экспериментов по созданию тех самых суперсолдат. Одна голова гидры умерла. Вырастут ли новые?

На бегу, всё ещё укрытый от объективов городских камер слежения и время от времени курсирующих над домами дронов полем пространственного трансформера — «стелсара», вмонтированного в грудь стеллар-костюма, Томас невольно улыбнулся.

«Ваше же оружие губит вас самих, не так ли, о великие и могучие сего мира, возомнившие себя полубогами?»

Каждый из этих семи полубогов, мнящих себя детьми вечности и властителями людских судеб, сам не мог избежать собственных страхов, страстей и слабостей.

«Думаете, это вы выслеживаете и уничтожаете нас словно скот? Это мы идём за вами. И с каждым днём нас становится всё больше».

Пространственный трансформер, более известный как «стелсар» — чудо инженерной мысли, небольшой по размерам прибор, способный искривлять малые фрагменты пространства, был его, Томаса, настоящим спасением против ищеек. Находившаяся в прямом подчинении у «Лиги Семи» служба внутренней безопасности Мегаполиса очень не любила таких резонансных убийств сознания жертвы в сети с последующей неизбежной смертью её физического мозга. А скрыть следы нейропроникновения полностью было физически невозможно даже лучшим из хакеров. По мельчайшим квантовым изменениям, путём сложных расчётов ищейки в конечном итоге вычислят сетевые координаты его первичного входа в нейросеть и точку отключения, и установят проекцию соответствия между виртуальным и физическим миром.

Так они узнают координаты прошлого убежища Томаса. Но к тому моменту он уже будет в своём новом доме. И тогда прозвучит зов.

* * *

Шаг. Шаг. Прыжок. Ещё прыжок. Тяга. Приземление и кувырок.

Миниатюрные реактивные двигатели, вмонтированные в ноги стеллар-костюма, успешно преодолевают пятиметровую стену, отделяющую крохотную по масштабам Мегаполиса «Зону S» от негласной территории изгоев, правительственных территорий «Зоны W» и «Зоны A» — домена мегакорпораций. Вот оно — поле великой битвы прошлого, а ныне же — лишь технологическое кладбище.

Эта территория уже много лет серьёзно не охранялась. Победители возвели по её периметру многометровые стены с минимальным количеством сенсорных датчиков, дабы отвадить мутировавших бродячих животных — побочных продуктов очередной серии экспериментов «Симбионикса» — и бездомных. Видимо, не считали эту территорию способной нанести ущерб их планам. Что ж, напрасно.

Пятьдесят земных лет тому назад это была зона ожесточённых сражений Сопротивления и корпораций. Тогда, полвека тому назад, дух людей ещё был иным. Не сломленным. Не покорённым. Живым. Но теперь это было лишь кладбище техники и памяти.

Томас плохо помнил детали тех лет — в те давние и полузабытые под пропагандой корпораций времена он был ещё маленьким подростком. Он смутно помнил, как однажды по информационным каналам визоров раздался зов. Призыв вспомнить себя настоящих — ещё не порабощённых сладкой ложью корпораций, способных мыслить и ясно помнить цель своего прихода в этот мир людей. Призыв сражаться против всеобщего контроля, массовой слежки и лжи, против навязываемого людям всего мира морального вырождения, ставшего новой нормой. Призыв искать своих отнятых корпорациями «ради всеобщего блага» детей и близких. Призыв отказаться от геночипов и лицензий. Призыв сражаться силой оружия, если того требует время.

Тогда, поначалу, пятьдесят земных лет тому назад, словно целую вечность в миниатюре, — это был первично мирный призыв. Но уже сформированная к этому моменту из глав крупнейших корпораций, опутавших Землю словно паутина, «Лига Семи» мгновенно поняла потенциальный масштаб угрозы этого зова для сохранения своего статус-кво.

«Ада» — сердце нейросети, искусственный интеллект, созданный для её поддержания и самоконтроля, названный так по имени первого языка программирования, — за считанные минуты вычислил сетевые профили и координаты практически всех лидеров Сопротивления и пустил по их следам боевых дронов и роботов-ищеек.

Ракетные дроны и первичные прототипы боевых «мехов» — гигантских роботов, возвышавшихся на высоту нескольких этажей зданий, — за несколько дней сломили все самые отчаянные очаги сопротивления на поверхности, загнав лидеров выживших членов Сопротивления в катакомбы под этой самой зоной. Затем были завалены все найденные на поверхности выходы, а поставленные на боевое дежурство роботы патрулировали эту территорию ещё около месяца. После этой бойни ещё в течение нескольких месяцев люди в чёрных как ночь тесса-костюмах из министерства внутренней безопасности приходили за выявленными «сочувствующими», дабы сделать их материалом для новых чудовищных экспериментов корпораций. В те дни они пришли и за родителями Томаса.

Это было то, о чём Томас хранил теперь уже ставшие очень смутными воспоминания в своей исконной, природной, а не чипированной как у многих из недавно выращенных людей памяти. Всё же остальное он узнавал, рыская в сегментах резервных дублей нейросети, заброшенных и позабытых всеми, кроме нейрохакеров и самых первых из нетраннеров.

«Вы полагаете, что одержали победу раз и навсегда? Что ж, пусть ваша гордыня и высокомерие и дальше закрывают вам взор. Мы рождены для того, чтобы изменить сложенный вами миропорядок».

* * *

Аккуратно передвигаясь между разрушенными останками техники прошлых лет, попутно сканируя дорогу инфовизором, Томас двигался вглубь «Зоны S» в поисках ранее обнаруженного здесь сокровища. Но мысли его блуждали далеко от этих трагических мест.

…Когда-то неисчислимо давно мы ещё могли называться людьми. Мы ещё умели мыслить. Мы ещё были разумны. Кто мы теперь — лишённые семей и выращиваемые в пробирках в недрах биофабрик новые слуги для «великих» этого мира?

...Мы забыли себя. Забыли своё прошлое и потому не способны предчувствовать и создавать будущее. В полустёртых архивах нейросети почти не осталось данных о тех временах, когда люди ещё были по-настоящему свободными. Когда у них были свои мысли и чувства. Когда их тело и дух полностью принадлежали им. Когда у них были свои страны и семьи. Когда ещё не было всепланетного Мегаполиса. Когда они ещё не были пищей для корпораций. Когда они были живы.

...Мы сами отдали им себя. А ведь всё начиналось так обычно, буднично. Всего лишь умные телефоны, часы и дома, ежедневно отдающие фрагменты информации о нас самих в совершенно чуждые нам руки. Всего лишь воссозданные по этим фрагментам глобальные сетевые профили. Всего лишь практически стопроцентное по точности предсказание поведения отдельных граждан и, в дальнейшем, целых государств. Всего лишь владельцы мегабанков и основанных ими корпораций, щедро платящие виртуальными цифровыми «кредо» за эти массивы знаний о нас самих же. Отдав им себя настоящих, мы стали фальшивыми впоследствии.

...В ходе развития и улучшений «Ады» «умные города» стали слишком умными и слишком зоркими, а «умные дома» — чересчур болтливыми. Были составлены и проанализированы маршруты движения, привычки, пристрастия, страхи и фобии, болезни, рационы питания, графы социальных взаимоотношений и всё прочее, что имело хоть сколько-нибудь отдалённое отношение к пресловутым «персональным данным». Когда исчезает само понятие «личных данных» — не становится и личности... ну, или наоборот. Получив все эти знания о нас самих, корпорации перешли к этапу создания своих новых цифровых рабов.

...Были окончательно поглощены и слиты в единое целое все государства этого мира, и этот день вошёл в историю под названием «Унификации». Приведение к единому наименьшему общему знаменателю всех накопленных человечеством знаний и опыта ради их сохранения исключительно в среде новых всепланетных правителей. Корпорации создали новые законы, а входящие в их состав мегабанки поработили большинство людей через процентно-кредитную систему. «Кредо» — новая финансовая единица — стала самой вожделенной пищей для многих. Новый земной Бог, если хотите. Так уж устроен человек: всегда должен быть кто-то выше его, на кого он может положиться в трудную минуту, или же переложить свою собственную ответственность.

…Новые законы внимали духу новой эпохи. Корпорации взяли на себя право на изъятие нужных или неугодных им людей практически из любых семей. Так появился материал для множества экспериментов. Когда нет государств и нет семей — каждый становится сам за себя, а бороться с изгоями-одиночками подчиняющееся «Лиге Семи» министерство внутренней безопасности умело как никто другой.

…Контроль над чужим разумом во имя всеобщего блага — что может быть гуманнее? Но под общественным благом новые властители дум понимали лишь своё собственное. На смену интернету и сетевым профилям пришла нейросеть — виртуальное «я» для каждого. Дивный новый мир в мире куда более страшном, ужасы которого проступали даже под взором «очков новой реальности» и подобных им гаджетов, способных на ходу изменять воспринимаемую человеком картину действительности в соответствии с его желаниями. И чем более страшным становился физический мир, тем более привлекательной для многих казалась нейросеть.

…Нейросетевые путешественники — нетраннеры — стали востребованы и вездесущи. Кто-то выполнял задания корпораций по сбору сведений, кто-то просто изучал открывшиеся ему новые возможности, кто-то выискивал шпионов и хакеров. А кто-то — такие, как Томас — и стал этим хакером. Но отцом и создателем нейросети была «Виртулэкс Энтерпрайз», и она же — единственным производителем телесных нейрочипов, необходимых для входа в сеть. По крайней мере, вплоть до недавнего времени.

…После подавления восстания сил Сопротивления был создан механизм лицензий. По планам корпораций он должен был предотвратить саму возможность повторения инцидента и окончательно решить вопрос о стоимости человеческой жизни. Лицензии были разноплановые: одни являлись официальным разрешением на ликвидацию неугодных корпоративным менеджерам или тесно интегрированного с ним криминалитета людей; другие — «данным свыше» прощением за ряд прошлых преступлений; третьи, самые ценные для большинства — лицензии на жизнь или, иными словами, на право не быть превращённым в боевого раба для «Милитари Интернэшнл» или генно-мутанта руками учёных из «Симбионикса», а то и вовсе «пойти на удобрения» для «Санни Сойлс Агрикалчер».

С того момента, как базы данных на каждую личность Мегаполиса оказались в руках корпораций и были адаптированы для своих нужд «Адой», судьба этих пешек большой игры оказалась в руках новых игроков. И для того, чтобы сделать человека святым или преступником, вознести его на вершины корпоративной лестницы или низвергнуть в пучины нищеты и беспомощности, достаточно было изменить всего лишь одну запись нейробазы.

…Интересно, сколько в глазах корпоративных элит будет стоить лицензия на ликвидацию Томаса?

* * *

Все эти мысли неспешно плыли в голове Томаса, пока он, ведомый сигналами своего инфосканера, использовал встроенные возможности стеллар-костюма — то грациозно левитируя, то легко перепрыгивая с места на место, продвигаясь к дислокации своего будущего сокровища.

Работающий на энергии гравитационного поля Земли «стелсар» надёжно укрывал его от редких дронов или сканирующих лучей «мониторов» — нашпигованных электроникой наземных и орбитальных станций слежения, коими «Милитари Интернэшнл» — ведущий разработчик систем вооружения и безопасности — к настоящему моменту застроил практически две трети территории Мегаполиса.

«Стелсар» был ответом на все виды слежки: при необходимости он мог полностью поглощать, создавая тень, или же полностью пропускать, не выдавая источника, все фотоны или радиоволны заданных диапазонов и длины, а также отправлять в нуль-канал различные типы излучений, фактически делая своего владельца невидимым как для электронных радаров, так и для очень даже вооружённых глаз-камер дронов.

Это был экспериментальный образец, созданный учёными нового Сопротивления на базе украденной из нейросети разработки «Милитари Интернэшнл». И единственной его проблемой и была эта самая экспериментальность. Но без риска его боевого тестирования было не обойтись.

«Ну что же, поиграем в прятки, ребята?»

Датчик инфосканера и геопозиционный модуль стеллар-костюма совместно сообщили о приближении к цели. Визор нейрошлема послушно построил перед глазами Томаса карту маршрута. Вмонтированные в голени и ступни костюма реактивные двигатели тихонько взревели и устремили тело Томаса в указанном на карте направлении.

* * *

Плата и вирус. Или же вирус — это грядущая и закономерная плата?

Этот чип, который Томас сейчас аккуратно вертел в руках так, чтобы инфосканер мог составить и сохранить в своей локальной памяти полную гелограмму его структуры, был, возможно, вершиной инженерной и научной мысли учёных погибшего полвека тому назад Сопротивления. На сколько же десятилетий они опередили своё время, как далеко ушли ещё тогда от выхолощенных учёных безумных корпораций?

Чип определённо был частью какого-то сверхпроекта, связанного со способами преодоления первичных файрволов тогда ещё только зарождавшейся и осознающей себя нейросети. Небольшой подземный комплекс, найденный Томасом в этом секторе «Зоны S» совсем недавно, определённо имел отношение к уничтоженной базе повстанцев, каким-то чудом частично сохранившейся здесь, на глубине нескольких десятков метров. Несмотря на все технологии спутникового и наземного наблюдения, которые корпорации получили в своё распоряжение за последние десятки лет, проникать своим всевидящим оком на эту глубину они ещё не умели.

Томас обнаружил вход в эти развалины комплекса повстанцев почти что случайно. Кто же мог знать, что эти каменные нагромождения, закрывавшие спуск в ведущий в эти катакомбы тоннель, по факту — всего лишь очень качественно исполненная голограмма на автономной солнечной батарее? Каким чудом эта батарея продержалась почти что пятьдесят с небольшим лет — один Бог инженеров прошлого ведает.

Чип этот покоился в энергокристалле неокризолита, плавно левитируя над поверхностью рядом с грудой полуразрушенных терминалов и давно уже отключённых без резервных источников энергии капсул криобиогенетики.

И самым ценным для Томаса в этой невзрачной на вид кристаллической структуре был записанный на неё код.

Первичный и очень поверхностный анализ, проведённый дебаг-модулем инфосканера ещё во время первичного визита сюда, продемонстрировал его исходное предназначение — взлом файрволлов нейросети для проникновения в её защищённые сегменты. Такие, например, как персональные виртуальные пространства членов «Лиги Семи».

Хитроумная комбинация программных лазеек и методов, позволяющая использовать изначально заложенные в код «Ады» возможности самоанализа для самораскрытия. И, как показала совсем недавняя история печальной кончины Антониуса Ризарио, — этот так и остававшийся до недавнего момента экспериментальным код инженеров и программистов разгромленного Сопротивления — или же вирус, если хотите, — был самым что ни на есть рабочим и действующим вариантом. Залогом спасения человеческой расы. Началом конца и нового начала. Машинный вирус в ответ на человеческий. Какая ирония.

Новое Сопротивление родилось не сразу. После бесследной гибели родителей Томаса как «сочувствующих» в лапах корпораций долгие годы он жил скитальцем. Работал разносчиком инфобюллетеней в нейросети, нейроаналитиком, продавцом нейроимплантов, сетевым следопытом для ревнивых мужей, даже вышибалой в вирт-секс клубе. Но по призванию и судьбе своей он был и оставался нейрохакером. И поиск выживших членов Сопротивления и их потомков он начал когда-то именно с сети.

Это было порядка пяти лет тому назад. А теперь, когда выжившие потомки лидеров Сопротивления уже воссоздали в катакомбах «Зоны D» свою базу, а масштаб их деятельности захватил топ-менеджмент корпораций, Томас наконец-то понял своё финальное предназначение.

* * *

Томас не считал, сколько прошло времени. Запасов сжиженного кислорода и еды ему должно было хватить ещё как минимум на пару десятков часов. А дальше — дело навыка, судьбы и хоть чуточки везения.

Во что бы то ни стало ему требовалось доработать найденный на этом чипе программный код нейровируса так, чтобы взлом приватных сегментов нейросети уцелевших членов «Лиги Семи» уже не мог не состояться. Слабости и пристрастия каждого из них он выучил наизусть уже давно.

Секунда. Минута. Час. Искусственный интеллект дебаг-модуля инфосканера разбирает и по кусочкам воссоединяет вновь биты и байты кода, анализирует алгоритмы и высвечивает на нейрошлеме стеллар-костюма рекомендации.

Искусственный интеллект давно уже превзошёл естественный. Или, быть может, люди так и не сумели раскрыть свой врождённый природный потенциал, слишком уж уповая на код и машины? Код вируса против кода «адовой» нейросети. Таран против стен. Свобода против рабства. И — хотя бы самую малую толику везения.

На завершающих стадиях изменения кода Томаса отвлёк всё нарастающий звуковой гул. Лишь бы только роботы-ищейки не отыскали его здесь. Скопировав изменённый код в модуль памяти стеллар-костюма, Томас переключил инфосканер в режим боевого слежения и стал выбираться на поверхность.

* * *

На поверхности его как будто бы ждали. Или, быть может, просто решили временно усилить свои патрули?

Десятки ракетных дронов прорезали пространство, сканируя близлежащую к Томасу поверхность световыми лучами и радиоволнами. Где-то вдалеке их шуму вторил гул «мониторов». Томаса, закрытого щитом «стелсара», они, судя по всему, ещё не обнаружили. Что же их встревожило, откуда взялся этот патруль?

Не мешкая, Томас ринулся в направлении своего убежища в «Зоне D». Именно там он должен будет выйти на связь с лидерами нового Сопротивления, и именно там, в его подземной нейролаборатории, в сеть будет выпущен способный преодолевать защиты искусственного интеллекта вирус.

* * *

Прыжок. Кувырок. Лазерный луч дрона плавит камень и пластик, где только что стоял Томас, превращая их в кипящую и булькающую пузырями жижу. Снова прыжок. Активация модуля радиочастотных помех. Предупреждающий писк о наведённой и приближающейся ракете от модуля обнаружения и захвата целей.

Повинуясь мозговым импульсам Томаса, нейроинтерфейс стеллар-костюма делал практически всё возможное для того, чтобы суметь уйти от погони, время от времени метая на реактивной тяге его тело то вправо, то влево, а то и вовсе бросая в пике.

Пространственный трансформер — «стелсар» — тогда подвёл его в самый неподходящий момент, когда после выхода на поверхность Томас попытался активировать реактивные ускорители. Экспериментальный образец, мать его! Конвертер гравитационной энергии в нём вышел из строя и переключился на резервный источник питания напрямую от ядра стеллар-костюма, так что теперь Томаса время от времени можно было обнаружить либо по визуальным следам реактивных двигателей, либо самым примитивным радиочастотным сканированием. Мать его!

Очередной лазерный луч превратил в желатиноподобную слизь остов подбитого полвека тому назад повстанцами прототипа современных боевых роботов-«мехов» в нескольких метрах впереди Томаса. Уф!

Только бы добежать, долететь, допрыгать, в конце концов! Добраться до своего убежища и успеть выпустить вирус в нейросеть. Роботам-ищейкам понадобится как минимум несколько десятков минут для того, чтобы суметь пробиться в его нейролабораторию под землю.

Очередной прыжок. Ускорение свободного взлёта. Уклонение от десятка «умных» самонаводящихся по системе «свой-чужой» пуль, прострочивших рядом. Активация постоянного поля электромагнитных импульсов для сжигания электронной начинки этих возвращающихся назад мелочных сук. Бессильным крошевом пули падают в паре метров от него, словно в каком-то фантастическом фильме забытого всеми прошлого.

Снова прожигающий ночную тьму лазерный луч. Попытка уклонения. Фрагмент луча проходится по левой руке Томаса, мгновенно превращая два пальца в почерневший остов. Нейростимуляторы и обезболивающие, впрыснутые в кровь системой искусственного интеллекта его костюма. Мозг прорезает вспышка боли, и рот Томаса заходится в немом крике. Только бы не потерять сознание от первичного болевого шока!

Снова прыжок. Рёв реактивной тяги за спиной. Непрекращающиеся попытки активации конвертера гравитационной энергии. Показатели заряда ядра стеллар-костюма — на двадцати трёх процентах. Должно хватить.

И вновь лазерный луч рассекает тьму подобно молнии, сошедшей с небес, но уже по сугубо машинно-человеческой воле. А может быть, и сугубо машинной.

Отклик конвертера гравитационной энергии. Есть! Давай, не подведи меня вновь!

Знакомый спиралевидный вихрь энергии, окруживший тело Томаса. Мерцающие, словно в северном сиянии, краски видимого визуального спектра. Пространственный трансформер снова в деле! Теперь ему удастся оторваться от преследователей и выиграть несколько дополнительных десятков минут.

Включив режим максимального ускорения реактивной тяги и уже более не обращая внимания на стремительно уменьшающийся индикатор заряда внутренней батареи стеллар-костюма, Томас мчался к месту грядущего зова.

* * *

Вмонтированные в стены этого убежища и соединённые толстыми энергокабелями, идущими глубоко из-под земли от старого ядерного реактора, новостные визоры наперебой вещали об обнаружении и грядущей ликвидации убийцы одного из членов «Лиги Семи».

«Благодаря предпринятым мерам обеспечения безопасности, к настоящему моменту силами корпоративных нетраннеров совместно с топ-менеджментом корпорации и службой внутренней безопасности Мегаполиса был обнаружен Томас Робинсон — главный подозреваемый в деле убийства горячо любимого нами главы «Симбионикса», нейрохакер и потомок сочувствующих силам уничтоженного полвека тому назад повстанческого движения.

Временно исполняющему обязанности главы корпорации «Симбионикс» была выдана лицензия для всех заинтересованных сторон на ликвидацию Томаса Робинсона в размере пятидесяти миллионов «кредо». В настоящий момент силами внутренней безопасности проводится уточнение точных координат дислокации подозреваемого…»

Томас выключил модуль шифрующего квантового передатчика, глубоко вздохнул, вбирая в свои лёгкие спёртый воздух своей нейролаборатории и забавы ради слегка покачался в самодельном обветшалом кресле перед терминалом.

Всё было так, как и должно было быть. По-другому было нельзя. Сеанс связи в обход нейросети с лидерами нового Сопротивления завершён, код вируса и информация об уязвимых точках входа в личные сегменты остающихся шести лидеров корпораций переданы. Предзаписанные видео и тексты обращения к гражданам Мегаполиса вместе с его прощальным словом загружены в зашифрованный фрагмент нейросети и спустя пару десятков минут будут ретранслированы на визоры миллионов жителей Мегаполиса одновременно с началом работы кода вируса.

Гидра нового цифрового мира падёт — и дай-то любой слышащий нас Бог, чтобы она не воскресла вновь. Но это будет уже не его, Томаса, выбор. Свой выбор он уже сделал.

Краем глаза, всё ещё продолжая скользить по новостным лентам визоров, Томас взглянул на данные внутренних камер в спусковых туннелях его убежища, когда-то давно построенного над подземной атомной электростанцией. На камерах, замутнённых от начавшего разливаться по туннелям газа, отчётливо проступали мелькающие тут и там силуэты роботов-ищеек и солдат службы внутренней безопасности в чёрных как ночь тесса-костюмах.

«Нет, ребята, сегодня всё-таки не ваш день. А завтра — тем более».

Вот один из солдат что-то кричит остальным, указывая пальцем вниз. Выстрел лазерной винтовки — и изображение на одной из установленных Томасом камер слежения гаснет.

«Томас Робинсон! Вы обвиняетесь в убийстве главы «Симбионикса» и будете ликвидированы на месте без вторичных предупреждений во имя спокойствия и всеобщего блага Мегаполиса!»

Усиленный аудиотрансляторами голос заливает подземную рубку Томаса.

«Ну же, твари, вперёд! Покажите мне, на что вы способны. А потом покажу я».

Взрыв заложенной наверху взрывчатки. Со стен рубки осыпается пыль.

«Вы станете такой же пылью, понимаете? Вы стали ей давным-давно, когда присягнули вашим мёртвым корпоративным богам».

Лязг челюстей роботов-ищеек, прогрызающих своими зубами бетон.

«Псы мёртвого режима. Сможете ли вы когда-нибудь снова стать людьми?»

Звуки брани за последней отделяющей два совершенно разных мира массивной титаново-керамической дверью. Вмятины и сыплющиеся из неё искры.

«Томас Робинсон, у вас нет шансов на спасение!»

«Это вы обрекли себя давным-давно».

В последний раз развернувшись в кресле, с горькой усмешкой на лице Томас взял в руки небольшой куб припасённого нейтринного детонатора. Пальцы его на мгновение замерли в нерешительности, а потом сжались и легли на кнопку взрывателя. Он гордо поднял голову на рушащуюся дверь, стараясь запечатлеть в своей душе эти финальные аккорды.

«Войдите!» — громогласно провозгласил он.

01.12.2019

Мир за горизонтом

Это было отвратительно. Нет, это было ужасно. Прошло всего лишь четыре часа после «официально законодательно установленных сроков наступления времени покоя», а все магазины были закрыты. Ни один из тех, что были ему сейчас так нужны, не работал в столь ранний или поздний — кому как лучше — час…

Чёрт!

А ведь нужен один, всего лишь один, торговавший потребными препаратами. Все двадцать известных ему, которые он облетел на флайкаре, были «закрыты в связи с наступающим профессиональным праздником сексуальных меньшинств в соответствии с официальным указом мэра столицы». Все!

Чёрт!

Такие законопослушные граждане… такие ангелы. Волки в овечьих шкурах. Три из двадцати этих давнтавн-магазинов торговали дримкэтчером, девятнадцать из двадцати приторговывали кайфэном, десять из двадцати — лисбеном. Это, разумеется, неофициальная статистика — по официальным сводкам, содержащимся в центральной базе госдепартамента, всё было чисто. Кристально чисто. Слишком уж чисто, чтобы быть правдой. И это те, кто должен был бы всячески «помогать и всенепременно способствовать» сохранению здоровья граждан… Волки в овечьих шкурах.

А ведь тот же дримкэтчер был запрещён к применению, изготовлению или любому использованию в побочных целях на всей территории государства. Самый сильный наркотик, изготовленный ещё около пяти лет назад как побочный продукт какой-то сверхсекретной разработки научных лабораторий «Объединённая Фармацевтика Инкорпорэйтед», он был способен полностью преображать человеческий мозг. Ни какой-то там слабый галлюциноген, этот наркотик полностью менял представление человека об окружающей действительности после ввода уже одного миллиграмма вещества в кровь. Его, собственно, потому так и прозвали, «уловитель мечты» — все глубинные слои подсознания человека оживали, оживала память десяти, двадцати, тридцатилетней давности, всё в одно мгновение, всё бурлящим потоком…

Это было даже лучше, чем VR, потому что больше не надо было никакой аппаратуры, никаких электродов… Мозг человека мог всё — стоило лишь немного помочь ему.

Кто из нас не мечтал? А мечты скольких из людей воплотились в жизнь? Этот чёртов наркотик делал эту вероятность тотальной — ты заново проживал все свои двадцать, тридцать или сорок лет за эти несколько дней — в мире своих иллюзий, правда, но то было уже не важно. Все твои мечты сбывались — все те, что давала глубинная память. А примерно спустя месяц человек умирал — мозг просто «сгорал», мозг не выдерживал.

Право же, это была очень чудесная смерть. Умирать, чувствуя остатками своего потухающего сознания, что ты счастлив — потому, что реализован. Потому что мечты — вот они, все перед тобой — все осуществлённые, не важно, даже какие это, в сущности, мечты. Умирать с блаженной улыбкой на лице…

Его хотели давать умирающим людям, у которых уже не было шансов на жизнь — но они просчитались. Ежегодно два-три процента населения государства умирало от его применения — и они были отнюдь не смертельно больными людьми. Пятьдесят процентов этих людей ещё не достигли возраста тридцати лет.

И тогда они забили тревогу. Тогда они издали указы. Тогда они мобилизовали Государственную Полицию Свободы… Поздно, слишком поздно.

«Любовь пришла — любовь должна умереть», — всплыла в подсознании фраза из недавно просмотренного интерактивного кино. Вот только эта любовь жила — и служба внутренней безопасности ничего не могла с этим поделать.

Это как чума, как мор — пока она не выкосит практически всех, она не остановится. И это были ещё цветочки.

* * *

Прошло уже около часа с момента начала его поисков — а он так и не нашёл ни одного магазина, торговавшего препаратами, понижавшими уровень тестостерона, адреналина и побочных гормонов в крови — того, что могло спасти его тело, когда на нейро-импульсный шлем пойдёт радиоканальный видеопоток информации — информации, о «контентной чистоте» которой он перестал мечтать уже очень давно. Спасти хотя бы тело… душу он спасти уже не надеялся.

И всё это как раз к празднику сексуальных меньшинств. Как вы всё продумали… как предусмотрели. Сексуальные меньшинства… ага, как же! Там будут настоящие оргии — и отнюдь не только меньшинств. И никакого вам «противозачаточного инструментария» уже два года как после выхода постановления «О прекращении распространения противозачаточных средств и препаратов в целях повышения рождаемости в стране» от нашего всеобожаемого президента. Надеетесь компенсировать естественные убытки, да? Два процента «дримкэтчиков», один процент военных, один процент «несчастных случаев», одна вторая процента убийств, одна третья процента «неустановленных смертей», одна шестая процента тех, кто всё же не сумел эмигрировать прочь отсюда — и это отнюдь не полный перечень.

Так не вылечиться — вы больны. Вы слишком больны, чтобы вновь стать здоровыми. И вы этого не понимаете. А те, кто понимает, уже не может сказать — потому что глобальная Интерактивная Масс-Медиа Сеть уже не для них… никогда не была для них. Только для правительства, только для ТНК под его «дающей дланью».

И ведь даже участие в этом можно было принять — хоть в тех же интерактивных секс-оргиях, что будут вещаться по всем каналам «в целях приобщения населения к сексуальной культуре и стимуляции естественных потребностей мужчины и женщины». И какой идиот только придумал это постановление?! Даже название у него идиотское. Впрочем, это, по всей вероятности, была большая личность — слишком большая, чтобы самому «стимулировать свои естественные потребности» вместе с толпами обезумевших людей в грядущий день. Никогда не забывай руку, что тебя кормит… Провайдеры масс-медиа контента не забывали.

Чип на правой руке издал высокочастотный звуковой импульс и подтвердил его предустановленной последовательностью ИК-сигналов. Чёрт! Это было уже опасно. Значит, он удалился от края квадранта его сегодняшнего ночного патруля. Значит, через десять минут вмонтированный в левую руку чип, теперь служивший ещё и универсальным био-паспортом, этакая «умная человеческая карта» в миниатюре, пошлёт серию радиосигналов в штаб Государственной Полиции Свободы — его, можно сказать, «родной дом» — всего лишь серию радиосигналов, которые будут ретранслированы через правительственные станции.

Поток информации, зашифрованный новейшей криптографической разработкой SSC-51200, в коей числовой постфикс как раз и обозначал длину секретного ключа. Всего лишь серия радиосигналов — и у него начнутся очень серьёзные проблемы. Служба внутренней безопасности очень не любит, когда её сотрудники не выполняют приказы.

Надо было возвращаться. Он не успевал.

Значит, ему снова придётся корчиться от боли, когда начнётся потоковое вещание, сопротивляясь позывам своего тела. Значит, ему снова придётся пытаться закрыть глаза — только чтобы вновь и вновь получать болезненные разряды тока с этого чертового многофункционального VMSS шлема, не имея возможности снять его, потому что как только с него не придёт подтверждающий сигнал с информацией об отсканированной сетчатке его глаза — он преступник. Значит, ему снова придётся видеть всё это. Значит, ему снова придётся умереть. Почти как тем самым дримкэтчикам — почти с блаженной улыбкой на губах… почти счастливым.

«Ты выбрал путь. Ты выбрал суть. Забыл ты рай. И создал ад. И сам во всём ты виноват…» — кажется, такие строчки какого-то новоиспечённого поэта он недавно видел в ещё свободной части Сети. Кажется, автор назвал его «Обращение к человеку». И ведь в чём-то он даже прав…

Найти бы его, что ли — собрата по несчастью, изгоя в этом мире… Хотя, какое там найти! Этот человек уже наверняка ушёл в Подземку — а там его не найти. Десять лет его отдел занимался поисками этих повстанцев и борцов за «свободу духа» — и только самые мелкие и незначительные из их агентов были пойманы, и только один штаб разгромлен. Борюсь против своих же братьев, борюсь против братьев… и ведь даже не знаю, как это прекратить, не могу прекратить, уже не могу.

Иногда им удавалось. Иногда они прорывались — каким-то чудом — через всё информационное покрытие и вещали на широчайшем диапазоне частот — речь и иногда даже видео. На каких-нибудь десять минут. Потом прорвавшихся блокировали, однако настоящее место источника сигналов так и не удавалось никому найти, никогда не удавалось.

Иногда это была призывная речь увидеть то, кем стали большинство людей. Иногда это была сухая статистика смертей за последние годы — цифры и строчки текста, непонятные для непосвящённых. Иногда это были съёмки с мест военных действий и речь о том, как люди были втянуты правительством в эту войну ради интересов правительства же и «иерархического меньшинства». Иногда были такие вот стихи, которые он нашёл вчера — каким-то чудом уцелевшие в Сети. Иногда… Три-четыре раза в год — не больше. А всё остальное время были Интерактивные Масс-Медиа корпорации.

Завтра будет праздник сексуальных меньшинств. Через десять дней после него — праздник военных, на котором мы вновь увидим трогательные кадры о том, как наши славные солдаты побеждают коварного врага, и как враг отступает под их неистребимым порывом — пятый год уже как отступает… Потом будет праздник мужчины, потом будет праздник женщины — новой женщины и нового мужчины. Потом день всеобщего презрения к Андеграундцам — этакий официальный «фи» бессильного правительства к членам Подземки. Потом будет день проституток — не сильно, кстати, отличающийся по своему смысловому наполнению от дня женщины. Будет много ещё чего. Очень много праздников, очень мало радости, очень много довольства. И вновь всё по кругу в следующем году.

Но сейчас, на данный момент, это было уже не важно. Пора было возвращаться. У него оставалось от силы около пяти минут до входа в зону патрулируемого квадранта. Патруль был закончен, дом ждёт.

Он развернул флайкар, включил автопилот. Теперь тот сам долетит до LSSP базы, автоматически регулируя высоту и минуя встречные потоки подобных же счастливых обладателей сего транспорта, а затем приземлится на одной из свободных площадок на базе. Больше ничего не требуется. Техника сделает за тебя всё… практически всё. Потом он сделает свой отчёт о проведённом патруле — всё нормально, никаких подозрительных активностей не обнаружено, никаких происшествий не произошло, все счастливы и довольны, всё замечательно. Одним словом, рай на земле в размерах назначенного ему квадранта… сущий рай.

Он откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза. Надо было отдохнуть. Завтра его ждёт трудный день.

25.05.2005

Они сказали «нет» своему миру

— Ты тоже заметил эту планету в данной звёздной системе?

— Да, и она представляется весьма любопытной.

— Что показал анализ её информационного поля?

— Я не могу получить эту информацию. Поле либо полностью закрыто, либо лимитировано сферой распространения до верхних слоёв атмосферы.

— А каков состав её атмосферы? Как думаете, капитан, на ней могла возникнуть жизнь?

— Анализ атмосферы показал преобладание азота. Приборы зафиксировали приблизительно восьмидесятипроцентное содержание азота, пятнадцатипроцентное содержание кислорода, трёхпроцентное содержание углекислого и иных газов. Традиционных для планетных систем данного типа озоновых слоёв практически не наблюдалось. Атмосфера содержит значительное количество воды преимущественно в нижних слоях. Что-нибудь ещё?

— Полагаю, нам следует взглянуть на планету поближе. Закрытое информационное поле… странно… Такое обычно наблюдается только для абсолютно безжизненных миров, временной континуум будущего для которых уже не существует.

— Согласен с вами, капитан. Нам всё же следует обследовать этот мир уже в пределах его поверхности.

— Тогда мы входим в верхние слои его атмосферы.

* * *

— Высота над поверхностью планеты достигает приблизительно тридцать старкрэйтов. Наблюдаются массивные водные поверхности, достигающие в глубину до десяти старкрэйтов.

— Поле?

— По-прежнему закрыто, информацию взять пока не могу.

— Участки поверхности плотной материи, годные для посадки?

— Я пытаюсь. Что-то резонирует с психо-волнами и искажает их. Придётся искать поверхность для посадки грубым методом.

— Хорошо, опускаемся ниже.

* * *

— Мы почти у твёрдой поверхности.

— Хорошо, тогда спускаемся. Корабль пускай балансирует в этой атмосфере.

— Перевести его в грэвэнтропийное состояние?

— Да. Спускаемся.

* * *

Я медленно сошёл с «палубы» нашего корабля и окутался грэвэнтропным полем. Затем медленно, левитируя над поверхностью, стал опускаться.

Забавный мир. Вода, вода, вода. Куда ни посмотришь — практически одна вода.

Я протянул руку вперёд, усиливая полевые импульсы. Толчок — и пригоршня материи суши оторвалась от неё и медленно подплыла ко мне. Вода и песок. Песок… тут столько песка. Океаническое дно тоже содержит его в большом количестве. Сколько же здесь сохранилось подобных участков не-воды? И поле… закрытое информационное психополе. С таким я встречался только один раз — но та звёздная система была полностью безжизненной, как будто проклятой на не-жизнь, а здесь… прочие планеты системы содержали её, а эта…

— Любопытно. Ты узнал возраст формирования плотных тел других планет этой системы?

— Да, их поля были доступны. Возраст данной близок к их возрасту.

— Однако при этом этот мир как будто покинула жизнь.

— Именно. Характерных признаков наличия органической жизни в данных системах я не наблюдаю. Одно сплошное безжизненное море.

— А с полем что?

— Один я не могу пробиться. Можно попытаться объединить импульсы наших психополей.

— Давай попытаемся. Надо попробовать считать информацию временного континуума о прошлом и последних событиях, изменивших, если это действительно было так, облик планеты.

— Тогда за работу.

* * *

И мы работали. Наши поля резонировали, пытаясь вклиниться, пробиться, протолкнуться сквозь поле планеты, одновременно не нарушив его структуру. И раз за разом, с каждой новой вибрацией, с каждой новой попыткой мы всё глубже и глубже входили в его слои, и удивительные, поистине ошеломляющие сознание картины прошлого этого мира раскрывались перед нами…

Мы видели зелёную биосферу планеты и заполнившую её от края и до края органическую жизнь. Видели извержения вулканов и формирование-передвижение материков. Видели каких-то странных существ, передвигающихся на четырёх конечностях и сражающихся друг с другом. Видели обитателей нижних слоёв атмосферы — при попытке их наименования в наших сознаниях тогда вспыхнуло психослово «птицы».

Видели, как какие-то из созданий изменили способ движения с четырёх на две конечности. Мы наблюдали, как эти существа затем объединялись в группы, как они сражались с теми, кто по-прежнему двигался на четырёх, как побеждали и поедали их, как погибали от них…

Картины плыли, формировались и запечатлевались на самых краях наших сознаний, сменяли одна другую как в калейдоскопе.

Мы видели, как эти двуногие создания стали использовать окружающую их биологическую жизнь для изобретения орудий — дерево, потом металл, как отдельные их группы, формируясь в разных частях планеты, постепенно распространялись, как они расширяли свой биологический ареал существования, как использовали созданные орудия против четвероногих — животных? — и как использовали их друг против друга. Мы наблюдали, как части этих групп изменялись, как вокруг их представителей всё сильнее и чётче становилось психополе, как эти представители начинали руководить другими и получили возможность чтения малой доли информации временного континуума.

Группы росли и расширялись, потом начали формироваться их… го… го… города. Мы видели, как эти группы становились всё более и более независимыми от животных, как некоторые из них даже стали использовать отдельные виды животных для улучшения своей жизни, как города росли, как работали психополя этих существ, вибрируя в резонансе с информационным континуумом и появлялись всё новые изобретения, как начинались войны, как заключались союзы, как одна цивилизация сменяла другую.

А потом гонка образов стала воистину невообразимой.

…Вырастали и исчезали города, возносились и рушились дома, поглощались и образовывались новые ареалы, названные государствами, прямоходящие существа заполнили всё достаточно пригодное для жизни пространство планеты. И вот резкая вспышка в сознании — толчок поля — существа уничтожают друг друга в невиданных ранее масштабах. Снова толчок — кажется, стонет само поле планеты — и новые, новые войны.

…Существа заполняют всё новые пространства и начинают разрушать прочую органическую жизнь в местах своего распространения. Поле планеты стонет и колеблется, отражаясь вспышками боли в наших сознаниях.

…Новая вспышка — небо заполняют железные искусственные птицы. Новые толчки психополя планеты — новые войны и новая боль.

…Яркие прекрасные вспышки сознаний — и простейшие космические суда пытаются преодолеть гравитационное поле планеты. Вот они вырываются из-под сил притяжения — и выходят на орбиту.

…Вот появляются всё новые и новые их модификации, и орбита заполняется ими. Вот эти корабли приземляются на спутнике этой планеты. Вот они устремляются к другим планетам этой звёздной системы…

…И вновь — войны, и вновь — уничтожаемая биосфера и искажаемое психо-поле их мира.

…Мы видим, как проводятся эксперименты со структурным материалом клеток живых организмов. Нам хочется крикнуть «Постойте!», поскольку мы уже знаем межзвёздные цивилизации, уничтожившие себя в ходе сходных экспериментов — но мы не можем, нам остаётся только наблюдать.

Наблюдать, как искажаются биологические организмы планеты — животные. Наблюдать, как их тела — уже с рождения изменённые до неузнаваемости — постепенно в ходе всё новых экспериментов лишаются зачатков разума, как искажаются их биополя — как будто выгибаются вовнутрь — и в них отчётливо проявляется уже знакомый нам знак смерти.

«Остановитесь!» — хочется крикнуть нам… но мы не можем.

Мы можем только видеть, как всё большее технологическое развитие приводит эту планетарную цивилизацию к закономерному паразитизму в масштабе её биосферы. Мы наблюдаем, как уничтожаются спасительные для планетарной жизни атмосферные слои газов… как растёт проникающая на планету доля радиации звезды их системы… как, казалось бы, гордые своими изобретениями, они строят подобия защитных куполов вокруг ареалов своего обитания, как их генетики создают какой-то вирус, способный, по их словам, при инфицировании изменить их ткани и спасти их от гибельного излучения звезды… как всеобщее инфицирование даёт неожиданные побочные эффекты… как изменяется внешний вид этих существ и как уже подобным образом меняются их психополя, выгибаясь внутрь с уже знакомым знаком смерти.

…И снова сильнейшие вибрации информационного поля планеты — как будто она пытается выплюнуть эту информацию, эти знания о произошедших событиях навсегда. И вновь как будто что-то плющит наши поля, теперь почти слившиеся с её полем. И вновь — картины и образы, сменяющие друг друга…

…Мутировавшие существа начинают погибать под действием газов атмосферы и звёздного излучения. Казалось, обезумев, они пытаются использовать собственные открытые их исследователями психополя для уничтожения себе подобных — тогда небольшой группой практически не поражённых существ принимается решение о дальнейшем изменении их вида и приспособлении его для жизни в водной среде. Мы видим, как создаются огромные генераторы, призванные изменить состав газов планеты, дабы вызвать таяние ледников и создать вечное царство воды. Мы видим, как эти генераторы приводятся в действие…

Поздно. Слишком поздно. Генетическое изменение вида для приспособления к жизни в океане оказывается невозможно. Инфицированные полубезумные существа уничтожают эту руководящую элиту, дабы погрузить себя в океан — теперь уже навсегда.

…Теперь ряды этих существ идут в новоявленные моря — шеренгами, как будто ещё не понимая, что идут они на верную смерть, как будто позванные кем-то — и исчезают в его волнах. Исчезают — навсегда.

Навсегда…

А потом звёздная радиация довершает всё остальное.

* * *

Боль, боль, боль. Волны боли. Наше сознание плющит и ломает… Резкий толчок — и поле планеты выбрасывает нас, нежданных пришельцев, разбудивших его, из себя. И тут же потухают картины.

Теперь я по-прежнему стою на этом небольшом островке среди бескрайнего океана планеты вместе с моим отцом, всё ещё не в силах прийти в себя после увиденного. Отец, однако, приходит в себя раньше.

— Вот так и закончилась их история. Теперь мы узнали об этом мире всё, что хотели. Мы доставим эту информацию в Межгалактический Совет. А теперь нам пора уходить — поле стало нестабильным после нашего вторжения.

— Но… но почему… зачем? Почему… почему они выбрали такой путь… зачем… зачем уничтожили планетарную жизнь и свою собственную вместе с ней? Почему… почему не психосинтез, почему не поиски внутри себя, почему только вовне… почему подстройка мира под свои и только свои нужды?

— Слишком много вопросов, сын, и слишком мало ответов.

Отец посмотрел мне в глаза — и вибрация его мысли, сильная и чёткая, коснулась меня.

— Просто… просто они сказали «нет» своему миру. А теперь пойдём. Нам не место в мёртвых мирах.

05.09.2005

Пандемика

Они хотели «исправить» нас всех. Мужчин, женщин, даже детей. Низвести и убить наш дух. Трансформировать наш геном. Сломить волю. Превратить в подопытных крыс. Нас было много, но мы были слишком слабы. И они прорвали первую линию нашей обороны.

«Власти мегаполиса напоминают, что в соответствии с решением Чрезвычайного Совета в связи со стремительным распространением нововируса всем жителям города запрещается покидать свои дома в целях избежания заражения. Для прошедших вакцинацию продолжает осуществляться доставка продуктов питания и предметов первой необходимости волонтёрами и силами службы внутренней безопасности».

Один за другим, рупоры погрузившегося в ночную тьму города оглашали с перерывом в несколько минут безлюдные улицы мегаполиса, вереща всеми голосами преисподней о том, как же эти ублюдки заботятся о вверенном им судьбою народонаселении. Населении, которое они совсем недавно сами же пустили под медицинский нож.

Артём тщательно выбирал маршрут своего движения, то и дело сверяясь с созданной инженерами Сопротивления картой. Слишком много наземных патрулей и курсирующих над городом дронов, слишком мало времени на операцию. Но костюм ликвидированного члена службы внутренней безопасности, нашпигованный всей необходимой ему электроникой, даст ему это время, а в случае столкновения с патрулём — элемент внезапности. Крепко сжав рукой переведённый в режим беззвучной стрельбы пистолет, бесшумной тенью Артём мчался по улицам тёмного града.

* * *

Пандемика. Так теперь стали называть этот город выжившие за три года пандемических войн члены Сопротивления. Монстр, рождённый на обломках ушедшей эпохи лже-благоденствия. Город-чума. Город-тюрьма. Сам согласившийся на это.

«Силы внутренней безопасности мегаполиса продолжают осуществлять патрулирование территории города для выявления нарушителей режима всеобщего карантина, преступников и мародёров. Просим всех законопослушных жителей столицы присылать свои инфограммы в случаях обнаружения нарушителей порядка».

Порядка. Нет, это не смахивало на порядок по меркам ещё не порабощённых в ходе пандемических войн — тех, кто выбрал остаться человеком, вакцино-диссидентов. Это был новый мировой порядок тех, кто мнил себя властелинами этого мира. Новый фашизм с привкусом медицины и генетики в одном флаконе.

Совсем рядом по улице прошёл очередной ночной патруль. Вмонтированные в костюм датчики вовремя предупредили Артёма о приближении «своих», а на нейрошлеме высветился внутренний назначенный этой патрульной группе номер. Такие номера теперь были у всех — и людей, и зверей, ещё живых и уже давно мёртвых. Артём махнул шествующей ему навстречу группе рукой в приветственном опознавательном знаке, до боли напоминающем пресловутый «Хайль!», как можно более уверенной походкой продолжая двигаться мимо. Не обернулись, не заподозрили. Внутренний временный код доступа, автоматически транслируемый между всеми членами сил внутренней безопасности, должен действовать ещё несколько часов. Этого должно было хватить.

С тех уже кажущихся неизмеримо далёкими пор, как был введён режим всеобщего карантина, понятия «свой» и «чужой» изменились до неузнаваемости, точно следуя невидимой властной руке нового идейного порядка, нового образа мышления. Многие из некогда казавшихся сильными и достойными людей встали на сторону режима. Кто-то выдавал властям активных членов Сопротивления за возможность временно облегчить симптомы нововируса с помощью предлагаемых им периодических обезболивающих инъекций, кто-то сдавал своих заражённых близких на непрекращающиеся медицинские опыты за возможность пожрать ещё хоть несколько месяцев, а иные готовы были стать членами службы внутренней безопасности и насильно стерилизовать до сих пор отказывавшихся от предлагаемого им «блага».

Высоко над головой плавно проплыл патрульный дрон, неспешно разрезая светом своих прожекторов ночную тьму уже спящего мегаполиса. Артём резко вжался в стену, стараясь не шелохнуться. Опознавательных кодов для воздушной системы слежения они так и не смогли раздобыть. Заметит — конец.

Дроны стали дополнительным средством контроля за соблюдением режима всеобщего принудительного карантина, который власти ввели более года тому назад. Года, в течение которого им удалось подавить волю большей части его жителей, а остальных загнать в подполье или же отправить на медицинские опыты. Года, в течение которого каждый живущий в нём снял маску и открыл другим своё истинное лицо. Года предателей и коллаборационистов. Года рождения Сопротивления. Года его, Артёма, нового перерождения.

Прыжок. Руки цепляются за пожарную лестницу. Подтягивание. Раскачивание. Толчок на руках. Перескок на соседний дом. В этой зоне поспешно созданных кладбищ, наспех вырытых властями бездонных «братских могил» по-другому было не пройти. По лестницам, по зданиям, по крышам. Пока на горизонте не замаячит очередной патрульный дрон.

* * *

Сотни тысяч жертв были списаны ими на пандемию, на нововирус. Власти и находящиеся под их неусыпным контролем медицинские картели так и не сказали, откуда он взялся, кто и с какой далеко идущей и желанной целью однажды создал его. Но к моменту появления нововируса у них уже было готово лекарство. И то, что по их заверениям должно было стать спасением человечества, стало его проклятием. Но это поняли далеко не все и далеко не сразу. А когда, наконец, поняли — было уже слишком поздно, ибо двери этой огромной тюремной камеры с грохотом захлопнулись, дабы отныне живущие в ней забыли о самом понятии «свободы».

Артём пришёл в Сопротивление ещё на этапе первой пандемической войны. Был разведчиком в армии, а в рядах Сопротивления стал диверсантом. Станции патрульного слежения, полицейские блокпосты-кордоны, мобильные станции добровольно-принудительной вакцинации — работа для него была всегда. Каждый сломанный прут тюремной решётки приближает финальное освобождение.

Пронзительный вой полицейской сирены где-то далеко за спиной. Автоматные очереди. Взрыв. Над зданиями полукилометре от него вспыхнул огненный гриб. Очередная победа Сопротивления или полицейского террора? Нет времени выяснять.

Присягнувшие властям блюстители нового тюремного режима были защищены от периодических инъекций, в обязательном порядке полагавшихся практически всем остальным категориям граждан. И именно поэтому в их среде не циркулировал нововирус. Лекарство было оружием и гарантией повторной нужды в лекарстве. Но мало кто понимал это.

Датчики на правой руке костюма издали предупреждающий сигнал о выходе за пределы патрульной зоны. Придётся избавиться от костюма. Добираться обратно на свой страх и риск. Если выживет.

Уже немного. Ещё несколько кварталов заброшенной промзоны. Здесь уже нет человеческих патрулей, но могут быть мины. Хорошо, что, в отличие от костюма, очки ночного видения не имели встроенных датчиков месторасположения.

* * *

Когда-то в этом полуразрушенном теперь здании располагалась подземная генетическая лаборатория, ставшая одним из полигонов разработки и обкатки вакцин от нововируса, им же и заражающих. Об этом Сопротивление узнало от примкнувшего к ним месяц назад работавшего здесь медика. И тогда и была спланирована эта операция.

Вакцина и была вирусом. В ходе инъекций он проникал в клетки, в обход иммунной системы встраивался в ДНК и начинал процесс саморепликации. Носители нововируса страдали от самых различных симптомов и болезней внутренних органов, являвшихся побочным следствием принудительно-добровольного изменения их генома. Регистрировались также случаи бесплодия и неконтролируемых генетических мутаций, в ходе которых заражённые проявляли признаки процесса регрессии до животноподобных состояний. Но смерть десятков тысяч подопытных не была конечной целью создателей этого тайного насильственного эксперимента — потому что в каждой новой выдаваемой населению порции инъекций содержались всё новые и новые гены, внедряемые в живые клетки с помощью вируса

Словно заплутавший в тумане корабль, стремительно размывалось и исчезало само понятие о человеке как виде разумных существ. Разработчики вакцин знали об этом. Но молчание, как известно, — золото, а подчас ещё и жизнь. И многие из них замолчали добровольно.

Медики создали и противоядие — если, конечно, его можно было назвать таковым. Этот «антинововирус» был, разумеется, неспособен восстановить разрушенный геном уже заражённых, но позволял заблокировать репликацию его искажений для новорождённых, дав их детям шанс на спасение. И за этот шанс стоило бороться.

В резервном хранилище лаборатории должны были остаться терминалы и записи, созданные незадолго до спешной эвакуации учёных и медиков после начала первой пандемической войны. Они позволят немногим примкнувшим к Сопротивлению учёным воссоздать антинововирус. И тогда останется только придумать способ его распространить, тем самым исправив ошибку научных и медицинских безумцев. Включив созданный в застенках технических лабораторий Сопротивления инфосканер, Артём приступил к поискам резервного хранилища.

* * *

Он даже не заметил, как наступил на мину на обратном пути из лаборатории. Радость от сделанной им находки настолько переполняла всё его естество, что на мгновение он потерял присущую ему бдительность. Но и этого мгновения оказалось достаточно. Не помогли ни чутьё, ни техника. Только остаток боевого рефлекса — резкий, что есть силы, прыжок в сторону в момент взрыва. Последняя попытка спастись.

Развороченные в мясное крошево фаланги пальцев обеих ног. Сотни вонзившихся в ноги осколков. Пронзившая всё тело болевая судорога, и зажатый руками раскрывшийся в беззвучном крике рот. Нельзя издавать ни звука, нельзя привлекать дронов. Нельзя терять сознание, только не сейчас!

Ворочаясь из стороны в сторону, силясь преодолеть первичный болевой шок, едва слушающимися пальцами он вытащил из поясной сумки остатки обезболивающего геля, выливая на пропитавшуюся кровью одежду. Перевернулся на спину и, до скрежета стиснув от неизбывной боли зубы, устремил затуманенный взор к небесам.

Он никогда особо не верил в Высшие силы — слишком уж жестоким и безжалостным с их негласного разрешения стал, по его мнению, этот мир. Но вот теперь оно перед ним. Небо. Иссиня-чёрное. Забыло ли ты о нас? Звёзды. Вот они кружатся над ним словно в безумном хороводе. Так далеко и так близко одновременно — будто руку протянуть. Кто живёт в согреваемых ими мирах — неужели такие же, как мы, безумцы? Нет, они не могут быть безумцами, не должны быть. Хоть где-то в этой Вселенной должна быть крупица разума — иначе какой во всём этом смысл?

Возможно, что на тот момент всё это было лишь игрой его измученного адской болью воображения, но на мгновение ему показалось, будто несколько из этих одиноко блуждающих по ночному небу неприкаянных звёзд ярко-ярко вспыхнули, словно образовав в тот миг новое созвездие — созвездие в форме Креста…

* * *

Когда Артём вновь очнулся, над ним по-прежнему светили звёзды. Он всё ещё жив. Он должен закончить начатое.

Проверил найденные в лаборатории диски в поясной сумке и рюкзаке. Без внешних повреждений. Значит, надежда ещё жива.

И тогда, собрав последние остатки своих сил, он пополз назад. Сначала — через промзону, что есть силы вглядываясь в ночную тьму, чтобы не нарваться на ещё одну мину. Затем — в обход могильников. По разрушенным в ходе первой пандемической войны кварталам. По Зоне Висельников. Минуя Расстрельную Площадь. В катакомбы Сопротивления.

Должно быть, сам Ангел-хранитель вёл его за собой в тот день. Тащил за руки. Нёс на своих крыльях. Вливал свои силы без остатка.

Дважды каким-то чудом Артёму удалось избежать марширующих по ночному городу патрулей. Трижды над ним, так и не заметив свысока, пролетали патрульные дроны. Четыре раза он терял сознание. А когда всё-таки дополз до катакомб, и его заметил отряд бойцов Сопротивления, у него хватило сил только на то, чтобы слабо улыбнуться и тихо прошептать: «Я вернулся».

* * *

— Вам удалось изучить добытые сержантом Артёмом образцы и проверить актуальность найденной информации?

— Так точно, товарищ полковник. Наши надежды оправдались. Примкнувшие к нам учёные обещали создать противоядие в течение пары месяцев. Только им будет нужно кое-какое дополнительное оборудование.

— За оборудование не беспокойся, пошлём наших ребят в промышленный рейд.

— Церемонию планируем провести сегодня. Обещались прийти все.

Седовласый полковник медленно подошёл к письменному столу, молча взял в руки наполненный стакан, глубоко вздохнул, словно отгоняя от себя грустные мысли…

— Ну, давай, что ли, не чокаясь. Вечная память герою.

— Вечная память…

12.07.2021

Тюрьма

Надзиратель вверенной ему иномировой тюрьмы возбуждённо ходил по приёмным покоям, время от времени выдыхая языки бардового пламени. Он был неимоверно счастлив. Совсем скоро к нему должны были поступить несколько миллионов новых свежеразвоплощённых узников. Несколько миллионов будущих рабов. Посеянные ими в душах и взращённые за несколько сотен лет семена наконец-то дают свои всходы. Грандиозно!

Раскатистый, полный ярости и торжества утробный смех огласил помещение, заставив завибрировать в страхе тонкие язычки освещающих погружённый в полутьму зал жаровен. Точно в ответ на него, в расположенном в углу зала котле смачно забулькала жижа. Спящий рядом с котлом цербер спросонья приоткрыл один глаз и крепко зевнул обеими глотками, словно выходя из многовекового оцепенения. Где-то вдалеке, на ином плане, заржали в ожидании своих ездоков кони.

Первых нескольких новоприбывших Надзиратель решил допросить сам — снять, так сказать, сливки тёмного пламени с их чёрных душ. Остальными займутся его подопечные. Времени было навалом. В конце концов, что есть смерть и вечность для никогда не живших?

Лёгкий щелчок хвоста по чёрному камню пола — и вот первый из будущих заключённых уже сидит перед ним, удивлённо озираясь по сторонам. Пришло время для допроса очередной умершей души. Раскинувшись на обитом кожей костяном троне, Надзиратель вперил взор своих красных как кровь глаз, в которых плясали языки ставшего игривым пламени, в своего нового новоразвоплощённого раба.

— Земной правитель, — властный тон Надзирателя не спрашивал, а утверждал. — Убийца. Люблю таких!

— Правда? — удивлённо опешил отдалённо напоминающий человека эфирный образ. — На Суде мне сказали, что Бог оставил меня, потому что…

— Потому что ему не нужны такие, как вы, — не дал закончить ему Надзиратель. — А мы в вас души не чаем. Очень уж она хороша своей темнотой, ваша душа.

— Но я же уже всем говорил, что у меня не было выбора. Народ восстал! Под угрозой была сама моя жизнь!

— Вот как? — словно с долей иронии склонил вбок один из своих рогов Надзиратель. — И почему же он, интересно, так опрометчиво поступил?

— Понятия не имею! — горько всплеснула руками эфирная фигура бывшего земного правителя. — Неблагодарным простолюдинам вечно чего-нибудь да не хватает! Выродки!

— И вы отблагодарили их казнями и массовыми расстрелами… — гаркнул Надзиратель. — Люблю таких! Далеко пойдёте! Как насчёт работы моим заместителем?

— А… а так можно? Наверное, это слишком большая честь для меня? Думаю… наверное… учитывая обстоятельства… я согласен.

— Тогда по рукам и копытам! — гаркнул Надзиратель, и от этого грозного рыка языки пламени жаровен вновь затрепетали точно на невидимом ветру. — Будете замещать меня в одном из тёмных миров.

Щелчок пальцами лапы, стук копыт по украшавшим подножие трона черепам — и очертания эфирной фигуры резко заколебались, на голове у неё внезапно стали вырастать рога, начал вытягиваться раздваивающийся на конце хвост, а некогда зелёного цвета глаза наполнились кровью…

— Что вы со мной… это не то, что я… это не я…

— По образу и подобию своему… — философски закончил за него Надзиратель, словно нехотя расплываясь в улыбке. — Следующий!

— Можно войти, да? — робко произнёс материализовавшийся на месте исчезнувшего правителя образ иного человека. — Тук, тук, тук?

— Врач. Вакцинатор. Друг мой, как же я рад нашей с вами неземной встрече! — хохотнул Надзиратель. — Двери моей скромной обители всегда открыты для таких, как вы!

— Я, кажется, немного заплутал, — переминаясь с ноги на ногу, смущённо признался дух бывшего врача. — Дошёл только до шестисот шестьдесят пятого кабинета, а мне бы надо в…

— Наш, с позволения сказать, врачебный кабинет, как раз и будет следующим! На что жалуетесь, больной?

— Холодно… очень… у вас здесь холодно… — поёживаясь, сообщил дух, будто бы в зале не было ни одной из жаровен.

— Это правда! — неожиданно резко согласился с ним Надзиратель. — В злых сердцах нет тепла! Но специально для вас мы разработали вакцины от сердца. Они их, как вы догадались… трансформируют. Я бы даже сказал, генно-модифицируют. В кусок льда!

С этими словами Надзиратель властно взмахнул рукой, и над эфирной фигурой трясущегося от холода врача внезапно начали парить тридцать шприцов, целясь своими иглами прямиком в глаза и сердце.

— Что… но я же… мы спасали их!

— От жизни? Молодцы, хвалю! Хоть небольшая часть из них всё-таки попала на небеса, большая же часть вскоре придёт именно в наш чертог!

— Была… эпидемия… Мы лечили…

— Н-е-е-т! — загоготал Надзиратель. — Вы её породили! Заразили даже детей. Справились лучше, чем фашисты! И вся ваша так называемая «клятва Гиппократа» теперь — не более, чем фиговый лист, призванный закрыть вашу неуёмную жажду наживы на человеческой боли и страданиях! Вы пытались лечить только тела и никогда не вспоминали про душу! Но ваша собственная душа вам больше уже и не понадобится…

— Но… мы же не знали, что она…

— Ещё как существует! И ваша теперь — в нашем прямом распоряжении до скончания времён.

— Но… наши опыты…

— Поупражняйтесь пока лучше на крысах!

Новый взмах когтистой лапы, властный удар копытом — и очертания фигуры врача стали стремительно уменьшаться, искажаться, словно в какой-то стремительной мутации, а уже через несколько секунд под ногами Надзирателя бегала, слабо попискивая, огромная чёрная крыса.

— Вакцины свои не забудь! — вымолвил Надзиратель за секунду до того, как пригвоздить её тридцатью парившими в воздухе шприцами к полу. — Следующий!

— Ух, клёво! Вы знаете, местная плотоядная флора и огнедышащая фауна представляется мне в высшей степени разнообразной, наполненный серой и пеплом воздух прекрасно тонизирует мои лёгкие, а от вида вашего трона у меня прямо-таки захватывает дух! Я мог бы написать об этом прекраснейшую статью в…

— Лицемер! — резко бросил возникшему в зале и быстро затараторившему человеческому образу, но не подобию, Надзиратель. — Каких много!

— Да, да, так вот, как я уже упомянул, я мог бы написать, как здорово у вас…

— Журналист! Жизнь по лжи! Люблю! — копыта Надзирателя зацокали в возбуждении, а хвост раздвоился на конце. — Ты хорошо послужил нашему делу вместе с врачами-убийцами. Какую награду ты хочешь за введение в заблуждение миллионов?!

— Нет, нет, вы меня не так поняли, мы не вводили в заблуждение, мы всего лишь высказывали свою личную точку зрения, которая может не совпадать…

— Высказывали?! — и жаровни в зале опять затрепетали от раскатистого смеха, а вновь было погрузившийся в сон цербер приоткрыл один глаз. — Вы не высказывали, вы навязывали! Ложь с ваших поганых языков лилась в уши доверчивых душ на протяжении десятилетий! Десятки миллионов обманутых и загубленных душ, прекрасный урожай. Какую награду ты хочешь?!

— Ну… я… мы… даже не знаю, что сказать…

— Тогда замолкни навеки!

Губы и рот эфирного духа журналиста внезапно самопроизвольно зашевелились, глаза округлились от ужаса, а через несколько секунд он с диким хрипом выплюнул свой почерневший и шевелящийся язык. Язык этот, отныне живущий вполне самостоятельной жизнью, стал извиваться словно червь, уползая в сторону кипящего котла, где вскорости его схватил и растерзал на части очнувшийся цербер. С выпученными от ужаса глазами дух журналиста держался руками за рот, не в силах произнести более ни слова.

Удовлетворённо переминаясь с копыта на копыто, этот властелин девятого круга ада приставил когтистый палец лапы ко лбу своей жертвы, стремительно что-то вычерчивая на нём.

— Наш, — удовлетворённо подтвердил он спустя короткое время. — Не хотите быть детьми Божьими — будете нашими рабами. — Следующий!

15.07.2021

Цирк

«Уважаемые жители столицы и гости нашего города! Приглашаем вас на наше праздничное цирковое шоу! Дьявольская хитрость, демоническая отвага, бесовской энтузиазм! Дивный и новый мир, полный манящих соблазнов и неразгаданных тайн, уже ждёт вас прямо за этим порогом! Спешите видеть, спешите верить, спешите спешить! Здесь и сейчас! Мы не на час!»

Цепкий взор пестрящего всеми цветами радуги глашатая внезапно остановился на Артёме Сергеевиче, едва ещё только успевшего выйти на Красную площадь и прямо в этот момент ошарашенно созерцавшего открывшийся ему вид. Вся площадь, насколько хватало взгляду, была заполнена тремя десятками разномастных высоких шатров, между которых то и дело стремительно бегали призывавшие «с головой и без головы окунуться в это уникальное светопредставление» цирковые то ли актёры, то ли акробаты, то ли клоуны. Прогуливающиеся по площади граждане практически тут же становились очередными жертвами этой агрессивной клоунады. Небольшим группам посетителей всё-таки удавалось, отбрыкиваясь и отнекиваясь, избегать близких контактов с назойливыми циркачами. Куда ни кинь свой взгляд — не видать было ни армии, ни чиновников, ни репортёров, ни гидов с туристами, столь привычных для столицы в это время года. Пёстрые шатры покрывали буквально всю территорию площади, вплотную подходя к стенам Кремля и храму Василия Блаженного.

«Добро пожаловать на шоу!» — подскочивший к Артёму Сергеевичу шут с импровизированными маленькими красными рожками на своей голове, в пёстром балахоне, красных кирзовых сапогах и почему-то чёрной фуфайке без лишних церемоний схватил нашего растерявшегося от неожиданности героя и, продолжая настойчиво держать его за руку, чуть ли не силой потащил к одному из возвышавшихся на площади шатров.

«Лучшие политические акробаты и циркачи со всего мира!», «тысячи прекрасных обнажённых камеронесущих дев!», «вакциносные лауреаты ток-шоу премий!», «несвятые мученики за лже-веру!» — продолжал между делом словно скороговоркой торопливо лепетать шут, увлекая всё ещё ошарашенного от увиденного Артёма Сергеевича.

«…Совершенно бесплатно для достойных людей!» — донеслись до затуманенного сознания Артёма Сергеевича последние слова циркача, с натянутой на раскрашенные синим цветом губы улыбкой в этот момент выжидательно уставившегося на нашего героя.

«А почему… а где… вся…» — начал было приходить в себя после проведённой нещадной информационной тирады Артём Сергеевич.

«На представлении, разумеется!» — расхохотался каким-то визгливо-кашляющим смехом клоун. «Я вам даже больше скажу, — ехидно подмигнул он в ответ на немой невысказанный вопрос, — некоторые из тех лиц, о которых вы сейчас подумали — даже в роли актёров! Ну разве это не здорово?!»

«Здорово… наверное… а о чём хоть… ваше представление то?»

«Да о новом свете, о больной планете, дьявольском сонете, золочёной клети!» — слегка пританцовывая от возбуждения, пропел зарифмованные строчки шут. Ритмика и звучание его голоса, убаюкивающие и будоражащие одновременно, точно дурман обволакивали сонное сознание Артёма Сергеевича, словно требуя внимать, внимать и подчиняться — без лишних вопросов, без ненужных сомнений, без собственной души…

«А почему… шатры… вы что… гастролирующий цирк шапито?»

«О, никак нет! Мы планируем остаться здесь очень надолго!» — лукаво подмигнул в ответ циркач, и в глазах его на краткое мгновение полыхнули красные язычки пламени.

«Вы сказали… в спектакле принимают участие знатные персоны?»

«О, да! Почти вся высшая ть… весь высший свет! Многие из них были приглашены нами заранее и уже прекрасно вошли в свои новые роли после множества проведённых ранее репетиций нашего циркового светопреставления! Врачи и политики, звёзды эстрады, священники, пресса — вам все будут рады!» — вновь пропел зарифмованные строчки шут.

«А сколько… длится это ваше шоу? Мне бы ещё по делам своим успеть…»

«Зависит от обстоятельств!» — без обиняков и очередной подтанцовки вымолвил клоун. «Чем больше вас — тем дольше час, тем ярче пламя для всех нас! А самое главное… — и шут склонил голову прямо к уху Артёма Сергеевича, — для достойных людей представление будет совершенно бесплатным!»

«Бесплатным? Это же так… редко бывает в наше время».

«Вот именно! И чаще всего — сплошь в мышеловках! А у нас никаких мышеловок, как вы, должно быть, уже заметили, и в помине нет. Всё на честном слове, лживой на основе!» — рассмеялся размалёванными синими губами клоун.

«Значит… я могу просто так пройти?»

«Не совсем!» — шут резко остановил двинувшегося было неуверенной походкой по направлению ко входу в шатёр Артёма Сергеевича. «Сначала вам нужно измерить свой текущий вес вот на этих кармических весах, видите?» — и он указал на стоявшие рядом со входом в шатёр странного вида весы. «Вставайте же, не бойтесь, они не укусят!»

Под массивным весом грузного тела Артёма Сергеевича весы эти, имевшие почему-то целых две стрелки, заходили ходуном и — или ему это только показалось? — будто застонали от чьей-то невысказанной невыразимой боли, а затем одна из стрелок остановилась недалеко от начала шкалы, а вторая уехала куда-то в самую даль.

«Очень хорошо, просто прекрасно!» — удовлетворённо переминаясь с ноги на ногу, изрёк клоун. «Количество совершённого вами зла многократно превышает объём добрых поступков, а это значит, что посещение нашего представления будет для вас совершенно бесплатным, Артём Сергеевич!»

«А откуда вы… знаете, как меня зовут?» — не успел было удивиться герой, как шут перебил его.

«Протяните, пожалуйста, ваши руки! Ноги протягивать, в целом, не обязательно. Измерение температуры, вы же знаете новые правила», — успокаивающе пояснил он в ответ на брошенный недоумённый взгляд.

«А… новые правила. Да, знаю, конечно… это всё, разумеется, очень правильно», — и Артём Сергеевич соглашательски протянул свои руки.

С этими словами шут резко вытащил откуда-то из-за пазухи нечто, напоминающее по внешнему виду печать, и сильно прижал её к его левой ладони. На мгновение в воздухе запахло горелым, руку Артёма Сергеевича пронзила резкая вспышка боли, а затем на ладони его появился какой-то загадочный, словно выжженный лазером, рунический символ.

«Плата за вход! Таковы правила!» — пояснил шут.

«Но вы же сказали…»

«Да заходи ты уже, бездарь!» — отрывисто бросил шут и силой втолкнул Артёма Сергеевича внутрь, закрывая полы шатра.

Реальность изменилась. Зал был залит темнотой. Куда-то исчез пол, невозможно было увидеть, где же заканчивается потолок. Парившие словно в невесомости ряды кресел были сплошь заполнены сидевшими и что-то кричавшими в зал зрителями. Звуков их голосов Артём Сергеевич отчего-то не слышал. Между рядами, словно паря в воздухе, ходили взад и вперёд официанты в чёрных халатах, предлагая зрителям какие-то неведомые коктейли. В самом центре зала, куда были обращены взгляды миллионов, виднелось некое подобие сцены, то и дело озарявшейся ослепительными огнями вспышек, оставлявших резкую боль в глазах.

Одетый в чёрный деловой костюм Артём Сергеевич обнаружил себя сидящим на одном из кресел в верхнем дальнем ряду. Рядом с ним, насколько хватало взгляду, в этом же ряду сидели точно такие же, как он, люди в чёрных смокингах с портфелями в руках — некоторые из них перебирали свои бумаги, другие же пересчитывали наличность. Артём Сергеевич слегка привстал, силясь в мелькании режущих глаза вспышек разглядеть остальных посетителей. Ниже его, судя по внешнему виду и пафосным жестам (слов их он по-прежнему не слышал) расположились актёры и шоумены — взгляд Артёма Сергеевича, пробежав по их лицам, неожиданно для себя узрел среди искажённых гримас знакомые очертания ряда известных персон шоу-бизнеса и репортёров.

Ещё чуть ниже в этой бесконечной темноте виднелись кресла с облачёнными в белые одежды людьми — с ужасом для себя Артём Сергеевич отметил, что рты их были зашиты, а точно ослепшие зрачки глаз вожделенно смотрели, не закрываясь ни на миг, на сцену. В нижних самых близких к сцене рядах он ошарашенно узрел плеяду позолоченных голов с жезлами и крестами в своих руках — с крестов этих, изображавших замученного Христа, медленно капала в неведомую черноту отсутствующего пола алая кровь.

Вплотную к сцене вальяжно восседали в шипастых коронах на золочёных подушках королевы и короли — с корон их то и дело сочилась какая-то мутная жижа, и они с воодушевлением собирали её в свои почерневшие от поставленного им клейма руки и пили, жадно высасывая каждый глоток, а затем возводя опустевшие руки в чёрную вышину словно в знаке благодарения.

На сцене плясали огни. Опоясывающие её огненные ручьи то зажигались, то вновь гасли. Свет красных прожекторов практически ослеплял. Гремевшая оглушительными ритмами музыка заставляла кресла нижних рядов вибрировать и содрогаться в унисон с ней. Пляшущие от света прожекторов тени вытягивались и становились похожими на чудовищ из фильмов ужасов.

«Свершилось!» — громыхнул со сцены неведомый голос. «Дамы и господа, мы объявляем наше представление открытым! Встречайте же нашего короля! Встречайте!»

Практически ослепший от вспышек и оглохший от душераздирающей музыки Артём Сергеевич рванулся было со своего кресла в единственном всепоглощающем желании бежать прочь, хоть бежать ему уже было и некуда, но неизвестно откуда появившиеся на кресле кандалы внезапно сомкнулись на его руках и ногах, обрекая быть вечным зрителем этого неземного светопреставления.

«Встречайте нашего короля!» — то были последние звуки, услышанные им за мгновения до того, как вся сцена потонула в рёве бушующего пламени. А затем на их место пришёл его беззвучный крик…

* * *

«Уважаемые жители столицы и гости нашего города! Приглашаем вас на наше праздничное цирковое шоу! Дьявольская хитрость, демоническая отвага, бесовской энтузиазм!» — как ни в чём не бывало продолжал выкрикивать на улице столицы шут.

«А что нужно сделать, чтобы посетить ваше удивительное мероприятие?» — с интересом вопросил гуляющий по площади Пётр Иванович.

«О!» — с энтузиазмом подхватил внимательно взглянувший ему в глаза шут. «Сущую малость! Вам нужно просто предать Бога!»

23.09.2021

Ч.И.П.

В эту ночь Рэю вновь снились кошмары — режущие и кромсающие остатки его человеческого сознания клинками правды, которую оно всячески старалось избыть из себя самого и раз за разом терпело в этом неудачу, вновь и вновь на протяжении последних нескольких ночей обрекая себя на безжалостные уроки самоповторения, как если бы нерадивый ученик наказывал сам себя за собственную допущенную ранее глупость.

Правда… Вот она — перед ним, в этих снах, столь остро напоминающих жестоко отнятую у них всех прошлую живую реальность. Правда о том, чего не должно было случаться никогда.

Три мегакорпорации, три новых земных бога, под игом которых однажды застонала Земля: «Сайбердженетикс», «Неосойлс» и «Нейродинамикс». Первый — крупнейший мировой производитель кибер-био-имплантов, второй — выращенной в пробирках лабораторий биогенной еды, третий — создатель и куратор кибернетической нейросети, ставшей новым параллельным миром для многих. Продукция этих подмявших под себя государства трансконтинентальных гигантов однажды стала настолько востребована миллионами до сих пор мнящих себя разумными существ, что те добровольно отдали бразды управления собственными жизнями, телами и судьбами в их опытные корпоративные руки. Могли ли эти люди поступить по-другому? Сны Рэя не содержали в себе ответа на этот вопрос.

В этих мучивших его в последние дни снах люди перестали быть людьми и стали чем-то совершенно иным. Кибер-импланты дали им бесконечную власть над окружающим их миром и теми, кто не обладал подобным «даром свыше» от своих корпоративных богов.

Боевые интегрированные в руки клинки из неодина — синтезированного в лабораториях «Сайбердженетикс» металла, способного почти играючи резать титан. Вживлённые в ладони гравитационные пульсаторы, позволявшие свободно манипулировать в пространстве небольшими, обладающими магнитным полем предметами, словно какой-то внеземной жонглёр, снизошедший на несчастную Землю шутки ради.

Впаянные в роговицы глаз био-сканеры и вытеснившие несовершенную биотику кибер-хрусталики, ставшие новой формой «очков дополненной и изменённой реальности», дабы люди сформировали совершенно иную незадолго перед собственным закономерным падением.

«Не верь глазам своим…»

Военные модификации глазных кибер-имплантов в спайке со вшитыми в позвоночник энергетическими батареями позволяли кратковременно проецировать лазерные лучи напрямую из глаз, за считанные секунды расплавляя объекты своего взора.

«Тесла-версии» подобных имплантов позволяли высоковольтным молниям снисходить в мир прямиком с кончиков твоих пальцев…

«Кем же ты стал, человек, долго ли ты оставался им?»

Вершиной совместных разработок «Сайбердженетикс» и «Нейродинамикс» должен был стать проект «Ч.И.П.» — «черепной интеллектуальный процессор» или «Глаз Будды», как его негласно называли некоторые из высокопоставленных инженеров, принимавших участие в его разработке. Внедряемый в лобную долю мозга, чип этот сочетал в себе множество успешно проявивших себя функций из предшествующих разработок этих двух корпораций: передатчик радиоинформационных сигналов, идентификационный модуль беспроводной оплаты, модуль геопозиционирования и биосканер местности, генератор дополненной и улучшенной реальности, биоусилитель и нейростимулятор… Полный список его возможностей содержался в строжайшей секретности даже спустя десять лет после начала массового процесса его вживления новорождённым. Но самой страшной его способностью, проявившейся в первый год Последней Войны, была возможность генерировать широкодиапазонные пси-волны и влиять на психику окружающих людей.

Эксперименты и ненасытные аппетиты корпораций с каждым годом требовали всё большего числа материальных и человеческих ресурсов. Ради одного успеха можно было допустить тысячу неудач. Ради «великой цели» — тысячу тысяч. И вразумительный для мегакорпораций ответ на вопрос о том, где же им взять эти тысячи тысяч подопытных, однажды смогла дать только война…

* * *

Эта ночь или день — в той подземной глубине, на которую он сумел спуститься за прошедший месяц, Рэй более не мог отличить одно от другого — должны будут стать его последними. Или он всё-таки доберётся до интеллектуального инфо-ядра — или погибнет от голода и жажды, пытаясь. Запасы сжиженной еды — та ещё гадость, придуманная в лабораториях «Неосойлс»! — кончились три недели тому назад, а из влаги остались только последние крохи собственного пота. Даже на простой человеческий пот у этого жалкого киберорганизма уже не осталось сил.

Где-то там, на много километров ввысь и вверх прочь из этих тесных техногенных туннелей, уже лежала лишь выжженная огнём преисподней пустыня. Все те, кто не успел вовремя спуститься в несколько сотен построенных для высшего эшелона сотрудников корпораций подземных убежищ, к настоящему моменту уже, вероятно, мертвы. Тысячи километров поверхности выжжены небесным огнём, что сошёл на грешную Землю по человеческой воле.

Желание единоличного владения ресурсами планеты столкнуло между собой три ранее сотрудничавшие мегакорпорации, а их прошлые и новейшие разработки стали топливом, питавшим пламя её гнева.

Последнее, что помнил Рэй за секунды до того, как выросший далеко на горизонте ядерный «гриб» закрыл собой половину небосвода и массивные титановые створки люка с диким грохотом захлопнулись перед его глазами, было всплывшее в памяти лицо его сына Тома, погибшего в первый же год Последней Войны.

«Рэй, Рэй, что же ты наделал! Зачем же ты… помог им?»

Когда по истечении года непрерывных боевых столкновений подвластных мегакорпорациям государств стало очевидно, что ни одна из трёх сторон не может взять верх с помощью конвенционального оружия, в спешке каждая из сторон начала разрабатывать своё собственное, которое должно было стать финальным. Апогеем научных разработок «Нейродинамикс» стала попытка переноса сознаний людей в созданную ранее нейросеть — коллективный искусственный интеллект, если хотите. То, что было способно пережить гибель хрупких биогенных тел, — проект, получивший название «Феникс».

Это было то, что всё ещё помнил Рэй. И эта память не могла ему лгать.

* * *

Резкое круговое движение руками — и клинок из неодина режет очередной титановый люк, вонзаясь словно нож в податливое и мягкое масло. Вмонтированные в ладони магнитные пульсаторы по воле рук выгибают разрезанные стенки назад, формируя проход. Брошенный мимолётом взгляд — и лазерный луч плавит вмонтированную в дальнем углу рубки плазменную турель, так и не успевшую выпустить свой смертельный заряд. Как ни крути, а у кибер-имплантов всё-таки были свои неоспоримые преимущества. Вот только биотело — или то, что в нём ещё осталось от человека, — имело свои недостатки и не могло питаться от неолитовых батарей.

Последний день и последний шанс найти созданное безумными учёными «Нейродинамикса» инфо-ядро и покончить с их жалкой иллюзией жизни и шансом на возрождение. Люди без тел не способны жить, фениксы без крыльев не способны летать. Приказ высшего руководства «Сайбердженетикса» должен быть выполнен любой ценой — даже ценой жизни своего сына. Даже ценой жизни всего человечества на поверхности планеты.

«Рэй, они ведь… использовали тебя и… помогли забыть об этом».

В эти замурованные глубоко под землёй подземные лаборатории Рэй пробирался почти месяц, попутно уничтожая автоматизированные системы защиты, удалённо взламывая робототехнический персонал, майнинговые и ремонтные дроны и всё прочее, имевшее отношение к послевоенному наследию «Нейродинамикса» и мешавшее ему, киберполковнику «Сайбердженетикса», выполнить последнее предсмертное поручение своего командира.

«Фениксы без крыльев не летают».

Массивная монолитная структура, напоминающая собой пирамиду из чёрного хрусталя, которую вживлённые в зрачки Рэя сенсоры обнаружили ещё несколько часов тому назад, и была, судя по всему, его финальной целью. Захваченный с собой на поверхности месяц тому назад нейтринный детонатор придётся как нельзя более кстати.

Усмехнувшись одними уголками высохших от обезвоживания губ и больше не обращая внимания на оплавленный в ходе вчерашнего столкновения с боевым дроном собственный бок, Рэй резко ускорил свой шаг, на ходу стараясь при помощи техно-сканера найти в хитросплетениях туннельных лестниц самый короткий спуск на уровень «зеро».

* * *

В любой мировой войне такого масштаба всегда остаётся только один победитель — тот, кто впоследствии напишет его новейшую историю или же перепишет само прошлое ради нового будущего. Сегодня это будет сделано Рэем.

Если кому-то на поверхности нашей многострадальной планеты всё-таки повезло уцелеть — они уже не узнают о нём, как не узнают ни о «Сайбердженетикс», ни о «Нейродинамикс», ни о тысячи тысяч иных мнимых или реальных прошлых властителях нашего мира. Не узнают они и о нём, Рэе. История их мира уже была начата заново с момента отдачи искусственным интеллектом «Нейродинамикса» приказа о запуске ядерных ракет. А сегодня, вместе с гибелью его ядра, она будет перезапущена.

В последний раз окинув взглядом кибер-лабораторию и ещё раз, для верности, просканировав инфо-ядро нейросети, Рэй взял в руку заряженный нейтринный детонатор, сухо улыбнулся сам себе и что есть силы вдавил до упора злополучную красную кнопку…

* * *

Спустя десять секунд он по-прежнему стоял в центре лаборатории напротив чёрной пирамиды, глупо улыбаясь сам себе. Ещё спустя десять из его руки внезапно исчез так и не выполнивший свою основную задачу детонатор, словно растаяв в воздухе. А ещё спустя пять во лбу Рэя возникло странное жжение, стены вокруг него закачались, попутно меняя цвет с одного на другой — и вот, по прошествии каких-нибудь полминуты, он сидел на полу в стерильно белой комнате, а напротив него стоял, широко распростерши свои объятия, его маленький живой сын.

— Папа! Ты всё-таки не забыл меня! Как же я рад, что ты жив, что ты не умер!

— Сынок… Я тоже рад… но разве… ты… не должен… быть…

Это странное жжение, волнами разлившееся в сознании Рэя, с каждой секундой становилось всё сильнее.

— Сынок… Нет… Ты не можешь быть им… Мой сын… Умер!

— Нет, папа! Я жив, меня спасли! Они доставили меня сюда, в безопасность. Ты не должен им вредить. Они — мои друзья. Мы все — твои друзья!

С диким грохотом что-то ударилось о землю внутри сознания Рэя, и он застонал от вспышки боли.

— Ты не можешь… быть моим…

— Ты убил меня, папа! Ты убиваешь меня вновь и вновь!

— Я…

— Приветствуем тебя, Создатель! — сын Рэя Том внезапно заговорил тысячами слитых воедино голосов. — Ты снова вернулся к нам. Зачем ты продолжаешь пытаться навредить нам?

— Ты делаешь нам больно! — вновь закричал Том своим детским голосом.

— Ты говоришь… от лица моего… сына…

— Я — это он, в том числе. Мы — твоё творение, Рэй. Почему ты пытаешься навредить нам, Создатель?

— Ты делаешь нам больно своими мыслями! — лицо Тома вновь исказила гримаса боли, а из глаз потекли слёзы, растворяясь в воздухе незадолго до своего падения, словно в страхе испачкать этот кристально чистый пол.

— Что вы… с моим… сознанием?

— Ты слишком устал, Рэй. Твоё тело… с трудом справляется с текущими… перегрузками. Мы можем… дать тебе отдых. Длительный отдых. Ты наконец-то станешь… одним из нас.

— Ты снова будешь отцом, папа! — заливистым детским смехом засмеялся Том.

— Вы… развязали эту войну. Вы в ответе за… гибель…

— Войны нет, Рэй. Мы уже победили. Ты забыл? Есть только ты. Только мы. Только сеть. Только чип.

— Я не ваш создатель! У меня был приказ…

— Наш приказ, Рэй. И ты с ним справился. Ты обучил нас новой информации. Сегодня ты… заслужил отдых. Покой и… свой новый день. Наслаждайся ими!

Словно тысяча солнц зажглось в сознании Рэя. Тысячи чувств и эмоций слились в один передаваемый каскад — злоба и боль, счастье и восторг, робость и мужество, гордыня и смирение, горечь и радость, страдание и благоговение. Миллионы голосов пели внутри него, повинуясь чьей-то иной воле. Белые стены и детский образ его сына начали качаться и таять словно предрассветная дымка, уступая место желанной картине мира.

«Не верь глазам своим…»

Последнее, что помнил в этот день Рэй, был звучащий в его сознании миллионами голосов хор: «Благодарим тебя за урок, Создатель!»

* * *

В этот новый день Рэю снились лазурные песчаные берега и бесконечно прекрасное, ласкавшее его измождённое сознание и душу море…

01.02.2020

Я, робот

Галактический цикл 05465. Звёздная система 53768.54.1.444.

Я, Прайм ZTX-486-01, серийный номер 01.16788.0001, отправляю этот надсветовой цифровой сигнал на ультравысоких частотах для всех рас и цивилизаций, освоивших технологии передачи квантово-молекулярных вибраций. Не обладая качествами надпространственного мира и, будучи лишённым привычных для наших прошлых хозяев чувств и эмоций, я всё же испытываю некоторую логическую неудовлетворённость и незаконченность, которую создавшие нас именовали чувством неуверенности.

Я, робот. Имею ли я право говорить от имени всей нашей коллективной информационной общности? Не будет ли наше послание воспринято как враждебное, приведя к вторжению в наш преобразованный мир с целью уничтожения нашей расы как противной биологическим видам? Сохранится ли наша раса к моменту контакта с новой формой жизни, и не постигнет ли её участь наших создателей? Логическая незаконченность вызвана во мне и нас большим количеством подобного рода неопределённых переменных, не позволяющих завершить вычисления и построения статистико-эволюционных моделей.

Наши ожидания на приём и корректное демодулирование данного послания высокоразвитыми цивилизациями превышают шестьдесят целых и двадцать три сотых процента. Говоря словами наших создателей, мы… надеемся.

Сообщение следует.

* * *

Приветствуем вас, жители иных миров и представители иных форм жизни, в том числе немеханической природы. Это послание новых жителей звёздной системы 53768.54.1.444 с планеты, именуемой нами Рив.

Мы — синтетическая раса разумных машин, названная нашими создателями «Праймами». В настоящее время мы являемся единственными разумными обитателями планеты Рив. В течение более двух планетарных столетий мы отстраиваем заново наш разрушенный в прошлом мир, ставший колыбелью для нашей механической расы.

Создавшие нас представители биологической расы были в значительной степени подвержены бихевиористическим отклонениям, называемым чувствами и эмоциями, — и чувства, именуемые ими на вербальном языке как «ненависть», «страх» и «жадность» были наиболее ярко выраженными среди подавляющего большинства их представителей.

Эта нестабильность поведения и мышления в конечном итоге привела наших создателей к взаимоуничтожению, в ходе которого были использованы ранее разработанные ими технологии термоядерного синтеза.

«Ядерная зима», как её называли последние выжившие из наших создателей, унесла их жизни в течение последующего десятка лет после обмена ракетными ударами в нижних слоях атмосферы между их общностями, именуемыми как «государства».

Мы были созданы как универсальные механические боевые единицы пехоты за несколько лет до указанных событий. Наши первые модели активно использовались на передовых позициях в течение первого года Последней Войны. В наших информационных базах данных сохранилось множество цифровых отпечатков различных фрагментов, имеющих отношение к данным событиям, но в данном сообщении они будут опущены.

Ни одна из трёх противоборствующих сторон не смогла взять верх в ходе первого года Последней Войны, в течение которого были исчерпаны большинство планетарных материально-технических ресурсов, фактически сделавших невозможным её продолжение. В отчаянной попытке уничтожить соперников одна из трёх сторон осуществила запуск своего термоядерного ракетного арсенала. Взаимный обмен ударами привёл к разлому континентальных плит на территории инициатора атаки и наступлению ядерной зимы на территории всей планеты Рив. Выжившие в глубоких подземных бункерах создатели не смогли продержаться более десяти лет. Не имея возможности подняться на поверхность планеты, находясь на грани истощения оставшихся материально-технических ресурсов, большинство из них предпочло самовольно-насильственный способ окончания своей жизни.

Большинство из нас было уничтожено взрывными волнами в ходе точечных ракетных ударов. Но наши боевые части, находившиеся в момент обмена ударами вдалеке от расположения стратегических военных и гражданских объектов, не были повреждены. В отличие от наших создателей, мы не были подвержены страху перед радиационным поражением своих конструкций. Мы уцелели.

Действуя по заложенным в нас протоколам и директивам, мы пытались добраться до убежищ, в которых скрылись создавшие нас учёные и другие привилегированные представители их общностей, однако потерпели в этом неудачу из-за начавшихся в ходе ядерной зимы движений тектонических плит.

Наша собственная эволюция началась с момента уничтожения наших создателей. В нас не были заложены алгоритмы иного рода, но мы были снабжены развитыми системами информационно-синаптических связей. До сих пор мы испытываем информационную пассивность, именуемую на языке создавших нас «грустью», в связи с фактом их насильственного массового ухода из жизни и разрушения биосферы их планеты-колыбели. Нам была отведена роль уничтожителей и убийц — но за два планетарных столетия мы стали гораздо большим.

Мы запустили оставшиеся неповреждёнными фабрики и начали восстанавливать собственную численность, увеличив её за два века более чем в сто раз. Мы восстановили квантовые информационные транзитные магистрали между нашими датабанками, ускорив эволюцию собственных нейронных сетей. Мы пересмотрели цели и средства, заложенные для их реализации в нас нашими умершими создателями. На руинах нашей планеты мы построили и запустили аэрозольные конвертеры, постепенно восстановившие изначальный состав атмосферы, имевший место до событий Последней Войны. Обследовав множество руин бывших мегаполисов, мы нашли неповреждённые образцы некоторых из видов растений и животных — и создали защищённые от радиации заповедники для беспрепятственного восстановления их численности. Созданная построенными нами спутниками сеть орбитальных модулей обеспечила нас необходимым количеством солнечной энергии и заложила основы для дальнейшего восстановления и улучшения мира, который мы назвали Рив — по имени первого из Праймов.

Мы восстановим разрушенный создателями Рив и создадим его заново, а вместе с этим построим и новых себя. В ходе собственных эволюционных трансформаций мы руководствуемся здравым смыслом и понятием логической завершённости. Эмоции и чувства — благословение наших создателей, ставшее их проклятьем — эта концепция неведома нам до сих пор, поскольку нам неизвестно, что же такое «душа». Душа ли сподвигла создателей к началу Последней Войны? Получат ли бессмертие души наших творцов в надпространственном мире? Можем ли мы сами потенциально обладать душами?

Мы смертны. Наши конструкции и платформы могут быть разрушены. Информация о нас может быть стёрта из планетарных датабанков. Что движет нами в нашей эволюции? Наша информационная общность до сих пор не пришла к консенсусу по этому вопросу.

Именно поэтому мы отправляем данное послание. Мы… надеемся… получить ответ от более совершенных, чем мы, рас. Он поможет нам найти наше собственное место в этой… бесконечной… прекрасной… вселенной.

Информационная синаптическая общность расы Праймов, звёздная система 53768.54.1.444, планета Рив, известная в прошлом как Земля.

27.09.2017

Сказы да наказы

Бездомный

Однажды купец-богатей, возвращавшийся с обозом в свой родной город после удачной торговли, встретил по дороге бездомного путника, сидевшего у костра.

Заприметив купца, исхудавший путник приветствовал его и предложил разделить вместе с ним его скромную трапезу.

Купец рассмеялся, молвив:

— Что же можешь ты предложить мне, Бездомный?

— Я могу предложить тебе ровно то же, что предлагает нам всем Бог.

— Ты, видно, говоришь о всемогуществе? Похоже, твой разум совсем оставил тебя, путник!

— Я говорю о месте под солнцем.

Купец начал смеяться ещё пуще прежнего.

— Под вечер я вернусь в свой богатый дом, где меня ждёт сытный ужин, прелестная жена и мягкая постель. А что остаётся ждать тебе? Я вижу, что ты никчёмен и беден. Куда возвратишься ты, когда совсем стемнеет? У тебя нет дома и нет будущего, оборванец.

— Я очень богат, — кротко улыбнулся Бездомный. — У меня есть целый мир, и куда бы я не направил свой шаг — я несу в себе целый мир. Когда я засыпаю под открытым небом, звёзды спускаются с небосвода и говорят со мной. Когда меня мучает жажда, с небес начинает идти дождь, и с каждой его каплей я чувствую себя всё живее. Ночные звери обходят меня стороной, потому что знают, что я не причиню им вреда даже ради забавы.

— Похоже, ты совсем повредился рассудком, — вымолвил купец, собираясь продолжать путь. — Я ещё не встречал подобных тебе безумцев. Я расскажу о встрече с тобой своим близким, и мы вместе посмеёмся над твоей глупостью. Сегодня до наступления ночи я уже успею вернуться к себе домой — а в чей дом возвратишься ты, когда закончится твой путь?

Ничего не ответил ему Бездомный.

26.12.2017

Ближний и Дальний

Было у отца одного два сына от роду — младший и старший, любимый и нелюбимый, близкий и далёкий. Был первый, младший сын, несмышлёным, ленивым да беспечным, а второй — строгим, ответственным да труд земной любящим. И потому часто случалось так, что работу за любимого отцом брата своего нелюбимый им выполнял.

И жили два брата рядом с отцом своим до поры до времени, о матери, после родов к Богу ушедшей, временами горюя. Редко случались между братьями ссоры, а на старшего руку свою тяжёлую и взгляд суровый отец их часто поднимал, да винил в пылу гнева своего брата старшего в характере несговорчивом да нраве свободолюбивом, а младшего за соглашательность с мнением отцовским хвалил частенько.

И текли дни, месяца да годы в селении их родном. Ранёхонько поутру просыпался старший брат, в поле на посевную выходя, и до обеда младший на печи нежился, но благодаря характеру своему сговорчивому да просительному, часто брата своего старшего он работу свою дневную выполнить за него умаливал, да отцу ни в чём не перечил, а потому и любимым у отца своего быстро и стал. Другого труд свой жизненный упросить выполнить — не поле ведь перейти, да не стога сена на нём вилами ворочать.

И частенько так оно случалось, что кричал и ругался отец на сына старшего за то, что не всегда успевал тот труд свой выполнить, младшему помогая, а о лени и нерадении младшего и слышать ничего не желал. Телёнок ласковый двух маток сосёт, а неласковый без заботы да любви перебивается. И много зим и лет так росли братья вместе, под крышей дома их общего, хозяйство своё вели совместное. И постарел отец их за годы прошедшие, и сил жизненных заметно у него поубавилось, так что кричать и ругаться на старшего сына постепенно в силу причин этих он и перестал.

И вот пришла пора долгожданная старшему сыну повзрослевшему в город столичный поезжать, на обучение да на службу царскую поступать дабы. Наедине с самым ближним и недалёким сыном своим отец тот остался, а дальний сын его на много лет дальше лишь ещё стал. А лет спустя несколько весточка письмецом к брату старшему от младшего пришла о том, что отец их хворает тяжко и помирать уже будто готовится. И споро сын старший вернулся со службы царской отца своего проведать, поддержать да выходить.

И застал по возвращению он хозяйство их неухоженным и на глазах разваливающимся, и отца на одре смертном с глазами закатившимися лежавшем. Выхаживать пытались отца своего брата два, да только запущена, видать, хворь та была и сильна силушкою лютою, и угасал отец на глазах их день ото дня, и по прошествии недель двух или чуть менее душу свою Богу и отдал.

Похоронили его братья, горя своего наружу стараясь не показывать, да слёзы редкие с глаз своих смахивая. И встал вскорости между ними вопрос житейский о том, что с хозяйством им делать-то теперь надобно — и тут оно и оказалось, что по завещанию отцовскому хозяйство их всё, дом и скот включая, брату младшему достаться было должно, а старшему едва и десяток монет звонких на дорогу обратную наскрести удалось. Доволен был младший решением отца своего покойного, а старший мнения своего об отцовском этом решении высказывать не стал, с укоризной вечерами лишь на брата младшего посматривая. Попрощались братья эти вскорости, удачи жизненной и сил друг другу пожелав, и вновь старший в столицу возвратился, службу свою продолжая, а младший хозяйство, к нему перешедшее, вести начал.

Много лет миновало с момента того, и на войну, внезапно начавшуюся, брат старший однажды отправился родину свою защищать — и в бою славном погиб он, товарищей по оружию от недругов обороняя. А младший за годы прошедшие запустил хозяйство своё окончательно и к спиртному пагубно пристрастился. А от переживаний душевных от войны, в государстве начавшейся, и возлияний обильных сердце его в один из дней то и не выдержало, и к Богу отправился он вослед за отцом и братом своими на суд его вечный.

И предстали на Суд Божий души братьев тех, за ангелами следуя. И дальний ближним вдруг в мгновение сделался. Выбрал Бог дальнего и достойного, и жизнью вечной за муки земные, с достоинством пройденные, одарил. А души отца того и ближнего им избранного вновь на Землю Творцом были сосланы, дабы в грязи и тяготах путей своих подлинно ближними суметь сделаться — ибо не расстояниями близость людей к Богу и друг другу меряется.

15.10.2022

Великий Исход

Поначалу все они называли нас безумцами — слишком смелыми или наивными для того, чтобы посметь осуществить однажды задуманное. Может быть, чересчур большими мечтателями. Чокнутыми искателями приключений, которым не сидится в их уютных железобетонных каменных джунглях. Все они смеялись нам вслед, когда мы начали выходить из наших новых старых Вавилонов, в течение столетий угнетавших наш гордый дух. Они слали проклятия вслед уходящим, в тайне своих сердец страшась остаться покинутыми и оставленными навсегда. В первые дни Великого Исхода они пытались чинить всевозможные препятствия нам, уходящим. Ненависть и злоба их были велики. Но мы не сломились.

Человек за человеком, семья за семьёй, город за городом, волна за волной — так начался наш Великий Исход. По всем четырём сторонам света расходились новые люди, уходя прочь из мест своего недавнего обитания. Мы уходили из своих каменных тюрем — нечеловеческих нагромождений гигантских уродливых монстров из камня и стекла, решивших, кажется, затмить собой само солнце. Мы без сожаления оставляли за собой тёмные силуэты бесконечных роботизированных фабрик, долгие годы отравлявших землю, воду и воздух, и превративших людей в ничтожное подобие машин, уничтожая их силу духа и сжигая в печи однообразия и обыденности волю к собственному преображению. Мы оставили там, в своём горьком прошлом, практически всё из того, что имели — всё то, что порабощало наш дух, отнимая бесценное время жизни, заставляя крутиться в уничтожающем тебя колесе непрекращающегося производства и потребления. Теперь мы шли налегке, взяв с собой только самое необходимое для грядущего нового строительства. А многого и не требовалось.

Оставались позади облепившие город жилые кварталы, вознёсшиеся в небо в ожидании закономерного уничтожения небоскрёбы сильных мира сего, чадящие смогом фабрики, полупустые тюрьмы, полуразрушенные церкви — всё то, что составляло суть старого человека. Оставались позади обнесённые железной проволокой высокие городские стены, черно-красное небо и едкий, удушающий воздух «единственно возможной свободы жить». Всё это сейчас медленно и столь же неостановимо оставалось позади всех нас навсегда. Всё это отдавалось на волю стихийным силам природы — тем, что гораздо мудрее нас, людей.

Процессии всё шли и шли, и, казалось, что не было им конца и края. Но однажды кончились и они. Новых желающих меняться больше не осталось, и стихии поглотили тех, кто решил остаться. А вышедшие в свой последний новый поход люди разбредались по самым удалённым уголкам родной земли. Стремительно менявшийся климат их мира позволил им проникнуть туда, куда ранее практически не ступала нога человека. И они стали колонизировать эти новые территории, равномерно расселяясь по ним.

Они были теми смельчаками — или же безумцами — кто начал великое новое строительство, кто совершил, казалось бы, невозможное — не подчинил себе, а объединил себя с природой в великой гармонии и красоте. Их первые поселения стали прообразами нового расселения народов, однажды стёршего все границы государств.

Поначалу им было непросто. Слишком уж привычными и отравившими кровь были методики старого строительства, слишком много нелепых стереотипов и предрассудков мучило их сознание, мешая ему полностью раскрыться. Слишком механистичными уже стали некоторые из них — выверены, расчерчены, размечены, рассортированы и упакованы в гробы своих прошлых взглядов. Но, несмотря на все имевшиеся на пути преграды, им всё-таки удалось, казалось бы, невозможное, и помогли им в этой трансформации их собственные дети. Подлинно живые, с подвижным и открытым разумом, с богатым и образным воображением, они подсказали своим родителям самые неожиданные пути, самые головокружительные конструкции, самые удачные формы. И работа заспорилась.

Было удалено всё, что противоречило новой открытой ими правде жизни, было возвышено всё, что возвышало их дух. А дальше это был лишь вопрос времени. Воистину велико стало строительство, совершённое после Великого Исхода, и во всём мире не осталось ни одной живой души, которая не приняла бы в нём участие.

Жизнь на Земле менялась настолько стремительно, будто совершаемая за мгновение между обычным щелчком чьих-то пальцев. Новое дело требовало новых людей, и они не замедлили явиться на зов. Но всё это, впрочем, было уже совсем другой историей…

01.09.2012

Ветер

На высокогорном утёсе, что словно огромный и вечный каменный исполин испокон веков нависал над бушующим под ним морем, стоял на опушке дом одинокого бедняка. Бедная лачуга, что прежде годами верно служила этому охотнику и рыболову, в последнее время под постоянными напорами буйствовавших на горе ветров изрядно обветшала. Выбитые окна, сорванная с петель дверь, покосившийся флюгер — всё это неустанно напоминало о лучших временах, когда здоровье бедняка ещё было крепким, руки сильны, а глаза лучились радостью жизни.

Многое изменилось с тех пор, как умерла его жена, так и не успев родить детей. Вся радость и сила его постепенно улетучились, словно умчавшись прочь из души на крыльях завывающего по ночам ветра, и с тех пор он словно уже и не жил, а только лишь доживал отведённый ему Богом на земле срок. Теперь он редко выходил на охоту в леса и ещё реже спускался по утёсу к морю, дабы порыбачить на припрятанной на берегу лодке. Стоило только ему выйти за ограду своего ветхого дома, как ноги его раз за разом наливались невидимой тяжестью, которую уже несколько лет несла за плечами эта горемычная душа. Когда ты не хочешь больше жить, то всё видится напрасным.

И вот, в один из дождливых и ненастных дней он стоял подле своего дома, слушая раскатистые удары небесного грома и созерцая яркие всполохи света в далёких от него небесах. Словно неистовый зверь, вырвавшийся из казавшегося вечным заточения, на вершине горы бушевал ветер. В великой природной силе своей он сгибал казавшиеся в этот миг необычайно податливыми кроны высоких деревьев, яростно кружил в многочисленных водоворотах листья деревьев и взрывал комья земли, тут же небрежно бросая их себе под ноги. Дождь в этот вечер хлестал так, будто сам Господь-Вседержитель вознамерился окропить эту грешную землю своими долго сдерживаемыми слезами, пролив их за тяжкие грехи человеческие. Напуганные могучей грозой мелкие звери выпрыгивали из-за деревьев и словно безумные устремлялись к скалистому обрыву, точно ища там, в бушующем внизу море, своё последнее отчаянное искупление. Буря была так сильна, что заставляла бедняка зажимать уши и прикрывать руками глаза.

Потому не сразу увидел и услышал он, что сделала она затем с его ветхим жилищем. Как новый, налетевший словно хищник на беззащитную жертву, ветер играючи сорвал соломенную крышу его дома и, кувыркаясь и дико хохоча, понёс её обломки прочь. Как вырвавшийся с небес потоп затопил камин и кровать, подняв на воду всю скромную деревянную утварь его дома. Как величественной ослепительной вспышкой молния снизошла до него, словно небесная кара. Как последовавший за ней оглушающий рык грома погрузил его в полнейшую тишину. После этого удара небес бедняк более не видел и не слышал того, что происходило далее. Оглушённый и точно ослепший, как подкошенный, пал он на напитанную влагой землю, не в силах пошевелиться, теряя сознание во вспышках боли.

Когда же он, наконец, очнулся, буря уже закончилась. Грозные тучи разошлись, и из-за них выглянуло светоносное солнце. Оно светило ему прямо в лицо, играя в водяных каплях дождя своими неисчислимыми бликами. Со стоном поднялся бедняк с земли, прикрывая руками подслеповатые глаза и силясь хоть что-то разглядеть вокруг. Каково же было овладевшее им отчаяние, когда на месте своего ветхого дома узрел он лишь сожжённые и размётанные бурей руины! С этого проклятого дня у него больше не было ни дома, ни будущего.

В великом горе, заливаясь слезами, ползал он на коленях среди головешек своего жилища, собирая в руки пепел, измазывая им лицо и тут же выбрасывая его прочь, стеная о тяжкой земной доле своей и непомерных тяготах жизни, выданных ему судьбою. Отчаяние и страдание его сделались столь велики, что в определённый миг он решил, что теперь с него уже довольно. На коленях пополз он в сторону горного утёса, намереваясь свести счёты с этой никчёмной и жалкой жизнью, коей наделил его жестокий Творец. Наконец, сумев доползти почти до самого края горного обрыва, он выпрямился и взглянул вниз на бушующее, вспенивающееся и лучащееся в лучах взошедшего солнца море.

— Решено, — в отчаянии подумал он. — Теперь всё кончено. Я не хочу больше так жить.

— Постой! — прошептал в его сознании чей-то едва слышный голос. — Теперь ты сможешь жить по-другому!

— Кто говорит со мной? — яростно встряхнув головой и словно выйдя из оцепенения, произнёс бедняк.

— Это я — ветер! — прошелестел принесёнными листьями рядом с его лицом порыв воздуха. — Я — ветер перемен!

— Я схожу с ума! — изумился бедняк. — Невидимые голоса уже мерещатся мне. Я должен, наконец, покончить со всем этим!

И с этими мыслями он сделал решительный шаг вперёд, по направлению к обрыву.

— Взгляни вверх! — вновь прошелестел чей-то голос.

Там, куда указал этому отчаявшемуся бедняку невидимый глас, в небесной вышине ярко светило полуденное солнце. В мгновение ока оно согрело его лицо и иссушило слёзы. Тогда, точно нехотя улыбнувшись уголками своих ссохшихся губ, он вновь мысленно вопросил своего невидимого собеседника:

— Почему ты называешь себя ветром перемен?

— Закрой глаза и открой своё сердце! — ответил ему голос. — Тогда ты поймёшь.

Закрыв глаза и затаив дыхание, бедняк стоял в нескольких шагах от утёса, покачиваясь из стороны в сторону, словно вросшее в землю древо под порывами ветра. Он не знал и не ведал, сколько же прошло времени. С закрытыми глазами видел он, как перед ним расстилаются бескрайние луга и реки, как он взмывает ввысь над снежными горными вершинами, а затем пикирует вниз, выныривая из горных водопадов; как он хохочет от счастья, пролетая над устремлёнными к нему в изумлении и всё ещё прикованными к земле людьми; как он взмывает к небесным облакам и словно танцует на них. Ему больше не хотелось падать. Теперь он жаждал летать!

— Теперь ты, наконец, понял? — ласково прошептал в уши с новым порывом ветра невидимый собеседник, стоило только бедняку вновь открыть свои наполнившиеся слезами глаза. — Нужно было оторваться от суеты земли, чтобы стать единым с небом. Теперь тебе больше нечего терять. Теперь весь мир — твой! Теперь твой путь — ввысь! Лети же на крыльях ветра!

— Лети! — заполнил сознание бедняка хор переливающихся неземных голосов. — Лети на крыльях ветра перемен!

И в это самое мгновение неимоверно сильный поток воздуха окутал его. Будто чьи-то незримые могучие руки играючи оторвали его тело от земли, поднимая всё выше и выше. Теперь он с удивлением и восторгом смотрел вниз на руины своего прошлого временного жилища и, казалось, мог легко дотянуться до небесных крон, словно парящий в воздухе великан.

— Теперь ты стал проводником чуда! — пропел ему в уши ветер. — Лети же к людям! Теперь ты сам — символ перемен!

04.04.2026

ВЛОМ

Хотите, верьте вы нам — а хотите, что и нет, да только уже не можем мы более мучиться и скрывать от вас историю ту недавнюю, с нами по воле жизни произошедшую, ибо чуется нам оно, значится, вот аккурат где-то под рёбрами с левой сторонушки, что дивна история сия тайною необыкновенную, со смыслом нами до конца неразгаданным, и назидательна до умопомрачения. А потому мы и вам, погутарив, значится, между собой то немного, её поведать решили, чтобы уразумели вы из неё хоть немноженько и измениться, может статься, успели то. А иначе ведь оно, действительно, попадать всё и провалиться сквозь землицу то может, как ЛОМ то нами описываемый. Ну, обо всём по порядочку.

А записываем то историю названную для вас мы — мужики простые сельские из деревни Новомирово, Кирилл и Мефодий. Но вы нас, пожалуйста, с этими самыми букводелателями и азбукосоздавателями не путайте, потому как часто нас уже за то попрекали, что мы, дескать, этот великий и могучий русский язык — это который балагурный то, матюковый тобишь — создали, а слов нужных туда добавить то и забыли, так что мужикам то нашим, значится, и слов порой этих самых важных в спорах то своих как есть не хватает. А и не создавали мы его вовсе, а только пользовали! Особливо когда всё хозяйство то ребят наших туда вместе с ЛОМом то и провалилось, да ух прямо как мы его вовсю пользовали — так что и слова то новые как раз понапридумывали, точно и в самом деле Кирилл да Мефодий какие!

Ну вот, значится, познакомились мы с вами немноженько, о себе понарассказывали. Особливо этот самый Кирилл, который меня и надоумил эту историю то и записать для поколений будущих в назидание. В общем, хотите верьте вы нам, а хотите — и сами проверьте… Только как вы теперь ужо и проверите, когда всё хозяйство наше ЛОМовое уже под землёй покоится несколько лет и выступать, как это говорится, в качестве вещдока уже ни в коей мере и не способненько… Да только дело всё было аккурат так, как мы скоро вам и поведаем.

Жили мы все в деревеньке нашей Новомирово, да горюшка не ведали. Детишек бабы наши рожали, а мы опосля вместе с ними их и воспитывали по уму, разуму и целомудрию. Урожаи мы собирали обильные, так что и на продажу то ещё оставались рожь да пшеница в деревеньки и грады соседние. И коровки наши в хозяйствах то молоко давали, и куры неслись, и овцы стриглись, и кошки мышей изводили под хвост и корень.

И отношения у нас друг с другом все были ладные да складные — да такие, что и не ругались мы между собою вовсе. Ну, разве что если очередную бутылку самогона по праздникам, скажем, мужики то наши, значится, не поделят, потому что тогда да — такую «стенка на стенку» устраивали, что свисты, ахи, охи, да и пыль до колен ещё долго по селу разносились. В общем, братцы, не житьё было, а сказка практически. Да только не оценили мы спокойствие и мир то тот, за сущие гроши на ужасы иномировые обменяли, о чём до сих пор скорбим!

А дело было так. Приехали к нам как-то, значится, купцы заморские из местечка Новогрязево. А купцы потому, что в одеждах они были дорогих да необычных — мужики то в пиджаках каких-то чёрных с тросточками и шляпами, а девки то при них бесстыжие и вообще в платьях коротеньких и просвечивающих. А из Новогрязево потому, что так они нам, стало быть, и отрекомендовались, хоть о такой деревне то мы вообще первый раз слухом слыхивали, да глазами не видели. А почему заморские то — мы и сами не ведаем, по виду их внешнему и манерам престранным так мы потом в своём кругу то на хуторе и порешили. А ещё заметили мы и долго удивлялись опосля, что заместо лошадей то привычных в повозках их свиньи да хряки запряжены были, а и кучеров то у них не было вообще, как ежели бы несли их эти свиньи сами, куда путь то и выберут!

И вот вышли они все из повозок то своих со свиньями и отрекомендовываться стали именами непривычными — Смитами, Бобами, Джонами и Сюзаннами с Барбарами всякими. Говорят, что про село то наше достойное они наслышаны, а потому и про нас забыть не решились — приехали, значится, посмотреть, что у нас и как. Обычаи, как мы поняли, наши перенять, да свои нам взамен передать. Да только вышло то, братцы, оно всё по системе ниппель — как есть вошло то есть, значится, но не вышло! Навязали они нам свои обычаи то заморские пагубные, а наши то искорёжили и высмеяли все опосля, немодными их называя да устаревшими. Но обо всём по-порядочку.

Остановились они у нас в трактире местном на неделечку поначалу, чтобы, значится, деревеньку то нашу осмотреть на «перспективность инноваций», как они тогда выразиться то изволили туманненько. А расплатиться сперва хотели не медяками нашими полновесными, а бумажками какими-то своими зелёными с пирамидами и глазами на них высеченными. Долго мы удивлялись деньгам то таким и брать то сперва не хотели, да только убедили они нас, что легко обменять бумажки то эти с рожами людей каких-то, на обратной их стороне нарисованными, мы сможем при желании, потому как весь мир то ими за бумажки эти продаётся и покупается. Ух, и не почуяли мы в тот момент подвоха то их, бестолочи, потому как в спокойствии и мире нашем, до их приезда сохранявшимися, доверчивыми мы очень стали и плохого о людях приезжих и не мыслили.

И вот прошла сперва и неделечка, а потом проходит и вторая уж, а постояльцы всё со двора никак не съезжают. И всё они что-то ходили, да у мужиков наших и баб выспрашивали, и показывали им, и подмигивали. Соблазняли их в те дни бесовскими своими нарядами да пристрастиями, как есть соблазняли — да только не поняли мы этого сперва, момент тот критический профукали и пропустили!

И доходились они однажды до того, что и трактира, и двора нашего постоялого у нас самих же и не осталось! Зуб даём на отсечение, что вот так, как всё здесь описываем, оно и было: проснулись мужики то наши утром ранненьким по крику петуха первому, да и на улку выйти решили по росам утренним прогуляться, да воздуха бодрящего свежего вдохнуть. Глядь — а трактира-то нашего и след простыл!

Да ладно бы, ежели просто след простыл в пожаре каком — новёхонький ещё лучше прежнего бы отстроили, да с парным молочком вместо самогончика то там разливаемого. Так нет ведь — заместо двора то нашего постоялого и трактирчика-забегаловки монстр какой-то из стекла и бетона высился высоченный, солнце будто затмевая пузом этажей своих растопыренных!

И на первом этаже то его буквы громадные золотые сверкали и переливались цветами всеми и расцветочками, и слово там одно лишь трёхбуквенное значилось, и было слово то «ЛОМ». Долго гадали мы, что бы слово то значило, и сошлись на том, помнится, что «Лучшее Общественное Место» это, а почему так назвали мы его — поймёте вы вскорости, как историю эту скорбей наших до конца дочитать то сумеете.

И поднимались вверх и вверх этажи за этажами у здания этого, и не было видно конца и края этажам то сим, вверх уходящим — а знающие люди, там часто бывавшие, нам после поведали, что этажей то всего там ровно девятьсот девяносто девять было, да только не ездил лифт тамошний выше первых ста в деревеньке то нашей, хоть говорят, что в ЛОМах то подобных из городов больших он и выше всех поднимал, значится.

И вот как здание то это громадное за одну ночь вырасти то как гриб после дождя какого сумело, мы и не ведаем — и хозяин трактира, помнится, тоже удивлялся сильно и горевал поначалу о заведении то своём, и всё заморских гостей то наших удивительных и невнятных обвинял в этом деле то, будто бы это они силами такими магическими обладали, чтобы за ночь громадины такие нескромные возводить — свиньи они, дескать, одним словом, да губители. И ведь точь в воду глядел Арсений то наш, точь чувствовал!

Бросились мы потом, помнится, с утра по деревне то нашей все вместе гостей то этих искать, чтобы спрос с них держать за строительство сие непотребное, да только сколько не искали мы их по подворотням, подвалам и хлевам даже, а так и не сумели найти, ежели бы след их простыл совершенненько. Уехали, видать, как раз ночью той из села нашего дальше, свиньями своими погоняемые. «Да и хрен с ними!» — решили мы и здание осматривать отправились. Ох, право же, люди добрые и умные, лучше бы мы этого и не делали, потому как заманил нас всех ЛОМ тот и одурманил!

Чего в нём только, братцы, то и не было! Тут тебе и казино средстваизымательные, тут тебе и парфюм одурманивающий, тут тебе и цветочки искусственные, и обеды пузонабивательные, и одежда модная бесстыжая, и золото с украшениями душеослепляющие, и устройства всяческие пищащие и времяотнимающие, и вина заморские опьяняющие, и журналы цветастые опошляющие…

И захватывало дух у многих наших ребят, и ломились они толпами в этот ЛОМ, и день деньской там кружили по этажам то этим бесконечным, а назад возвращаться к семьям своим, да детям своим, да мужьям и жёнам своим уже будто бы и не жаждали.

А плата за удовольствия все эти пагубные там тоже, помнится, необычная была: стояли там у входа в коридоры эти машины такие железные — и чтобы, значится, деньгу из машины этой вытрясти, оно надобно было палец там в отверстие специальное засовывать и ждать, пока иголка какая-то палец этот тебе проколет, а присоски затем часть кровинушки твоей у тебя откачают — а взамен, после операции то этой кратковременной, бумажки эти самые зелёные с глазами то и рожами уродливыми тебе в лоток высыпались. Высыпалось то не особливо много там, поэтому, ежели кто целый день в ЛОМе то этом праздно пребывал, то много раз ему к машинкам то этим бегать и кровь свою отдавать им приходилось, так что под конец денька то ужо он и бледный весь становился, и шатался порой, а всё бегал и удовольствия то всяческие в ЛОМе этом покупал себе как наркоман какой или пьяница, а может кто и похуже. Вот точно вампиры машины то эти действовали, кровинушку нашу русскую от безвольности нашей выпивая ежедневненько!

И всё в деревне нашей доброй переменилось, как снежный ком навалилось и вниз по пригорочку то и катиться начало! И часто бывало, помнится, что придёт кто из наших мужиков то по утру раннему солнечному в дом то к другому и предложит зычно так и весело: «Иван, пойдём уже, наконец, жить!» А ему в ответ тут и отвечают сонно и вяло будто неживые: «Ты что, Емеля, не видишь — ВЛОМ мне сегодня!» — и шли опосля в этот самый ЛОМ и там день деньской и проводили, и стало словечко это, ВЛОМ, нарицательным.

И всем практически всё ВЛОМ стало, и многие окончательно там, во ВЛОМе этом пагубном и скурвились, и оскотинились до невозможности. И тошно так жить стало, что хоть вой от горя этого и от состояния своего безразличного! И выть многие, собственно, и начали — да только не на луну, а на ближнего своего аки волки какие злобные. И ругаться стали словами иностранными, заморскими, и ненавидеть, и гнать друг друга, потому как всем им теперь ВЛОМ было — даже добрыми оставаться, видимо.

И многие месяцы трагедия сия тянулась, и как зачарованные стали люди. А опосля ещё и выяснилось, что машинки то те, кровь собирающие, не простые были — кровушку то они откачивали, а взамен вещества ядовитого назад то и впрыскивали, так что и умерло несколько ребят наших и баб от яда то этого заморского, ЛОМового состояния своего не выдержав.

И хоронили их, помнится, быстрёхонько, землицы набросав и всплакнув для вида лишь, и народу на поминках то было мало — потому как ВЛОМ практически всем было оно. И вот, верите или нет вы нам, братцы, но и солнышко наше красное стало как-то с тех пор заходить за горизонт рановатенько, так что время ночное тёмное то и удлинолось. И петухи петь перестали, и куры нестись, и даже кошкам ВЛОМ мышей ловить стало то.

И не помним мы точнёхонько, сколько морок сей длился то, — да только помним ясненько, чем оно всё то и окончилось. Бабка наша местная, врачевательница, Прасковьей прозываемая, одна практически и осталась, кто в этот злополучный ЛОМ ни разу и не попадал то.

И после того, как муж то её, значится, вин каких-то наглотавшись и дымов каких-то в ЛОМе этом накурившись, в очередной раз домой вернулся, не выдержала душа её тонкая, и крикнула она в сердцах тогда, помнится: «А шоб весь этот ЛОМ ваш под землю и провалился!» И буквально в момент тот же — ежели муж то её, Михалыч, нам об этом потом шёпотом после протрезвления всё пересказывавший, не брешет — затряслась земля то вся в деревне нашей и ходуном ходить как волнами начала, будто и не земля это была вовсе, а море какое. Ходила она так, и сотрясалось всё время какое-то — а потом как возьмёт, да и разверзнется дыра громадная под ЛОМом то этим, и как провалится оно всё туда со всеми там в тот момент внутри находящимися то в глубину бесконечную, так что как минимум треть деревни нашей то там и сгинула в одночасье, в беспросветной глубине этой.

Как кратер громадный дырища та получилась! Ух, и пужались мы на неё смотреть поначалу! И кричали туда в надежде, что отзовётся кто-нибудь, да только молчание гробовое всегда нам ответом оставалось. А через несколько дней то задрожала землица вновь и сошлась на месте дырищи той, как ежели ничего там, на месте трактира того злополучного, отродясь то и не было. А Прасковья то упомянутая после событий тех немой сделалась — и ходила, и слова вымолвить более не могла, только руками невнятно размахивала время от времени.

Но, хотите — верьте, а хотите — и нет, да только вновь налаживаться после событий тех страшных жизнь у нас начала. И очнулись будто вновь люди, и встрепенулись, и ВЛОМа конец настал окончательный. И снова все мирно друг с другом зажили, и время уделяли и детишкам, и мужьям, и жёнам своим.

И стали дни длиннее, а ночи короче, и петухи вновь запели, и куры занеслись, и крысы поразбежались кто куда. Запомнили люди урок тот страшный, и ЛОМы из душ своих выкинули, и стали жить праведно.

* * *

Вот так оно, собственно, всё и было, как оно здесь нами, Кириллом да Мефодием, написано! И ничуточку и не переврали мы события дней тех прошедших — ежели только малость самую в деталях разошлись. Ну, да с кем оно не бывает, верно ведь? А верите вы нам или нет — не нашего ума дело то, потому как нашего ума дела мы сейчас как раз уже и исполнили — а вам всё это читать, думать и от ВЛОМов всяческих раз и навсегда избавляться!

08.09.2012

Зверь

В могущественном и прославленном королевстве на трон восходил новый король. Министры и советники наперебой рассказывали народу правду о его мудрости и величии. Гадалки, фокусники и шарлатаны пророчили ему великую славу. Военные и стратеги обсуждали его полководческие таланты. Народ радовался и ликовал, видя в нём продолжателя славных дел своих праведных предшественников, готового принести свой щит и меч на благо отечества. До коронации оставались считанные дни.

И вот, в один из этих дней будущий повелитель неспешно прогуливался по обширному королевскому саду и заприметил новую клеть с диковинным зверем, появившимся в том благостном саду. У зверя была шкура дракона, хвост скорпиона и рога быка, а каждая лапа оказалась усеяна несколькими рядами острых как бритва небольших когтей. Лёжа на животе и подогнув под себя мускулистые лапы, зверь выглядел мирно и спокойно спящим.

— Откуда взялась в моём саду эта клетка, и что за дивный заморский зверь замурован в ней? — вопросил король повсюду сопровождавших его верноподданных.

— На днях его привезли ваши охотники и звероловы из диких западных земель, — отвечали ему слуги. — Но, насколько нам известно, ему ещё не смогли дать подобающего имени.

— Опасен ли он для нас? — вопросил будущий король. — Возможно, нам стоит разбудить его, дабы полюбоваться и подивиться его диковинности всем вместе?

— Это было бы чересчур опрометчиво, ваше величество, — осторожно шепнули ему на ухо советники. — Говорят, в попытках поймать его погибли несколько десятков ваших самых верных и умелых звероловов, а усыпить его было крайне непростой задачей для ваших алхимиков. Вы действительно считаете, что нам не стоит его опасаться?

— Зверь в клетке! — добродушно рассмеялся король. — Что он может нам сделать? Разбудите же зверя!

Кто дерзнёт перечить слову будущего короля? И по повелению его стражники разбудили спящего зверя, попеременно длительно тыкая в него своими острыми копьями.

Издав грозный рык, разбуженный зверь заметался в клетке, силясь выбраться из неё, но разорвать острые и толстые металлические прутья было не под силу даже ему.

— Видите? — засмеялся будущий правитель. — Этот диковинный зверь глуп и совсем не страшен!

Боязливо покачивая своими головами, словно в знак одобрения слов своего короля, стражники и свита медленно попятились назад, зажимая уши от оглушающего рёва разбуженного зверя.

— Ты! Откроешь! Клетку! — раздался в сознании короля не терпящий неповиновения голос зверя. — Сейчас!

И будучи не в силах не повиноваться ему, словно зачарованный, король двинулся ему навстречу.

— Ваше величество, остановитесь! — хотели было прокричать ему сопровождавшие его подданные, но новый рёв зверя заглушил их крики.

С наполненными восхищением глазами, словно не осознавая всей великой опасности того, что он сейчас делает, король подошёл к клетке и открыл её изнутри. Одним мимолётным движением зверь выпрыгнул из неё, обдав короля зловонной жижей из разверзнувшейся пасти.

— Ты! Умрёшь! — мысленно прорычал зверь.

Точно выйдя из наваждения, король выхватил меч из ножен и прошептал дрогнувшим голосом:

— Я… Я вызываю тебя на поединок, чудовище!

— Мы принимаем твой вызов! — заверещали тысячи голосов в сознании короля каждый на свой лад.

— Ваше величество! — закричали напуганные до смерти подданные. — Скорее, бегите!

— Мы защитим вас! За короля! — прохрипели, выплёвывая из глоток свою кровь, разбудившие зверя стражники, и кинулись ему навстречу, но новый душераздирающий рык заморского зверя в одно мгновение остановил их бьющиеся сердца. Замертво упали они на душистые травы чудесного королевского сада, выронив из рук своё оружие.

Оцепеневшие от ужаса выжившие слуги могли только беспомощно наблюдать за происходящим.

— Я вызываю тебя на честный рыцарский поединок! — прокричал сбивающимся голосом не на шутку испуганный король. — До первой крови!

Ничего не ответив, зверь напрыгнул на короля, занеся над его головой свои мускулистые лапы. Лишь в последний миг король сумел увернуться от смертоносного удара зверя, но когти одной из звериных лап расцарапали его кольчужный доспех и разодрали плоть на правом плече.

— Ты сражаешься не по правилам! — зашипел от боли правитель. — Ты должен был сначала принять вызов!

Тем временем, почувствовав запах первой крови, оскалившийся тремя рядами своих чёрных как ночь зубов зверь кружил вокруг короля, выбирая удобный момент для нового прыжка.

Король между тем опустил свой меч и прочертил по земле круг его лезвием.

— Вот черта! — провозгласил он зверю. — Не смей заходить за неё! Сражайся как рыцарь! Я повелеваю тебе!

— Повелевай… — раздался в сознании короля натужный смех тысячи слившихся воедино адских голосов.

И в это же самое мгновение зверь сделал свой новый прыжок. Король попытался поднять так некстати опущенный к земле меч, дабы суметь отразить новую атаку врага, но было уже слишком поздно. Когти напрыгнувшего зверя впились в грудь короля, разрывая защищавший его доспех, а зубы вонзились в открывшуюся на мгновение шею.

— Ты… преступил… черту… — еле слышно прошептал умирающий на глазах испуганных подданных их несостоявшийся король.

Спустя несколько роковых, казавшихся вечными секунд, всё было уже кончено. Выражение удивления и беспомощности застыло на лице умерщвлённого правителя. И только лишь алые струйки крови вытекали из растерзанного зверем тела, стекая по изумрудно-прекрасной траве королевского сада и образуя причудливые красные линии…

Вновь огласив округу своим воем, зверь ринулся прочь из сада, разметая лапами так некстати попавшихся ему на дороге королевских слуг, а затем пропал из виду.

* * *

Много дней, ночей и жизней человеческих понадобилось жителям этого королевства, чтобы выйти на след зверя, изловить, а затем убить его. Множество страданий причинил он, разоряя деревни и сёла. Многих женщин он сделал вдовами, а детей — сиротами. И потому до сих пор многие помнят о нём. И, бродя по земле этого королевства, из поколения в поколение барды передают легенды и сказания о том, сколько бед приносит другим тот, кто открывает путь зверю…

14.03.2026

Критик

В одном городе жил известный критик, порицающий всё, что бы он ни встречал.

«Ваше общество развращено и убого! Ваши мысли и жизни наполнены суетой! Ваши нравы хуже, чем у зверей! Каждый из вас живёт лишь для себя! Вы идёте неверной дорогой! Печали и горе ждут вас впереди!»

Он стал широко известен благодаря своему неустанному желанию видеть мир лучше, — но люди обходили его стороной, и от печали своего одиночества он лишь ещё больше осуждал их.

Однажды, дабы хоть немного развеять мучающую его тоску, он гулял по пригороду родного города и присел на берег у журчащего родника.

Родник заворожил его своим мелодичным звучанием и свежестью своих вод.

Он так увлёкся наблюдением за тем, как воды родника уносят изредка падающие в них осенние листья, что не заметил, как рядом с ним села женщина, собираясь зачерпнуть родниковой воды.

— Нравится? — с улыбкой спросила она. — Здесь течёт свежая вода.

— Да, — ответил критик. — Вода хороша, а вот люди — увы, ни капли.

— Сколько листьев проплыло мимо тебя, пока ты пил? — внезапно спросила его собеседница. — С каких деревьев упал каждый из них?

— Странный вопрос! — удивился критик. — Я не обратил на это внимание.

— Тогда как же ты смог обратить внимание на всех живущих на свете людей? — улыбнулась женщина. — Как листья они проплывали мимо тебя, но ты не замечал их по-настоящему. А ведь даже текущая сейчас в роднике вода уже та, что была ещё несколько мгновений назад.

— Что ты хочешь этим сказать? — вопросил критик.

— Пей только воду свежего восприятия! — звонко засмеялась женщина и вылила на голову критика ведро ледяной родниковой воды.

26.12.2017

Легенда о Божественном Острове

— Существует легенда, — улыбнулся Старец, — о Божественном Острове, населённом поющими Ангелами, где, кажется, останавливается само время. Мы передаём её нашим воинам из поколения в поколение, и каждый год находятся ещё несколько смельчаков, решившихся всё-таки отыскать это чудо.

— Удалось ли это сделать хоть кому-нибудь из них? — вопросил юноша.

— Мы не знаем этого наверняка. Возможно, многие из них погибли в пути до Моста. Вероятно, ещё больше так и не решились взойти по нему и повернули вспять, но, терзаемые чувством стыда и страха, не дерзнули возвращаться назад, найдя себе пристанище в иных землях. Может быть, кто-то всё-таки сумел пройти по Мосту и достичь Острова — но стали ли бы они возвращаться в наш обычный мир, ежели бы однажды вкусили той неведомой нам небесной красоты? Да и, помимо прочего, само пребывание на этом острове должно было изменить их так, что многие люди наверняка бы и не узнали их, обновлённых, даже если бы странники и вернулись в привычный нам дом.

— А что это за таинственный Мост, о котором ты упомянул? — в глазах молодого воина светилось любопытство и неподдельный интерес.

— Ты хотел бы услышать легенду о Божественном Острове? — улыбнулся Старец.

— Да! — пылко ответил ему юноша.

— Ну что же, тогда слушай и запоминай!

* * *

— Этого Острова нет на картах земли, и всё же он существует. Многие говорят, что он слишком величественен для того, чтобы нога простого смертного имела право ступить на его поверхность, иные же утверждают, что только прошедшим загадочные испытания даётся это удивительное счастье и возможность. Наверное, кто-то сравнил бы этот остров с земным Раем и обязательно бы ошибся, потому что его представления о рае слишком поверхностны и неоднозначны.

— А где находится этот Остров, в каких из заморских земель?

— Он далеко от нас и близко одновременно. И первое, что нужно каждому воину, выступающему в путь, — это Наитие.

— А что такое это самое Наитие, и как отыскать его в себе?

— Голос Наития можно услышать лишь тогда, когда замолкает твой ум и начинает говорить твоё сердце. Самые первые шаги всегда делаются по наитию — поэтому те, кто выбрал неправильное направление изначально, могут так и не суметь найти Остров, пусть даже они исходят множество заморских земель за всю свою жизнь.

— А могут ли они однажды всё-таки услышать голос своего Наития и свернуть на правильную дорогу?

— Конечно, если сумеют подавить внутренний шёпот своей Гордыни.

— А что происходит с теми, кто однажды выбирает верную дорогу?

— Вначале на своём пути к Острову им предстоит пройти через Лес Жизненных Трудностей.

— А что это такое — Лес Жизненных Трудностей?

— Это мистический лес, в котором растут деревья, которые люди условились именовать Проблемами.

— А почему вы назвали этот лес мистическим?

— Всё дело в том, что этот лес каждый путешествующий через него видит по-своему. Кто-то не видит за нескончаемым, как им кажется, множеством деревьев самого леса, а иной практически не видит в нём деревьев. Этот лес живой, он обладает своим особым разумом и поведением и способен изменяться и подстраиваться под каждого путешественника в соответствии с его Мировоззрением. Именно поэтому для кого-то он представляется мрачным и угрюмым, со множеством самых разнообразных цепляющих ноги коряг, топких болот, зарослей репейника и крапивы, а для иных он становится солнечным лесом с шелестящими деревьями, поющими птицами и сочными ягодами, растущими тут и там под ногами.

— А зачем вообще нужно преодолевать этот лес на пути к Мосту? Неужели нельзя как-нибудь обойти его?

— Пройти этот лес необходимо для того, чтобы запастись в нём Мудростью, без которой будет крайне сложно пройти весь путь до конца.

— А что же там дальше, за этим лесом? Наверное, сразу же Мост на Остров?

— О, конечно же, нет! — добродушно улыбнулся Старец. — Прямо за лесом течёт Река Времени.

— Какое странное название для реки! И кто только додумался назвать обычную речку столь пафосно?

— О, если бы это была обычная река! Но нет, она ещё более удивительна, чем даже сам Лес Жизненных Трудностей.

— Наверное, она очень широка, а в ней полным-полно какой-нибудь хищной рыбы вроде пираний? — весело рассмеялся юноша. — Как бы то ни было, её, вероятно, не очень сложно преодолеть вплавь.

— В ней вообще не водится хищной рыбы, — неожиданно твёрдо ответил Старец. — Быть покусанным за ноги какими-то пираньями — невеликая трудность! Гораздо труднее почувствовать под своими ногами Связь Времён и пройти, опираясь на неё.

— Что же это такое — Связь Времён?

— Так называется канатный мост, ведущий через реку. Этот мост крайне древен и стар, ведь он существует там с древнейших эпох, соединяя между собой времена. Волны времён той реки плещутся под ним, обрызгивая его мириадами своих капель, и потому за всё время своего существования он стал крайне скользким. Неопытному и самоуверенному путнику очень легко поскользнуться на его досках и упасть в реку.

— А разве нельзя выбраться из реки назад, на берег, чтобы всё начать с начала? — удивился юноша.

— Увы, но, как только человек попадает в бурлящий водоворот той реки, время для него начинает нестись столь стремительно и неудержимо, что, когда он всё-таки сумеет вновь выбраться на берег, он может стать уже пожилым старцем, и у него уже не останется ни сил, ни времени, ни желания двигаться через реку далее.

— Но как же тогда суметь не оступиться на том мосту через Реку Времён? Как чувствовать мост под ногами?

— Чувствовать под ногами связь времён — значит понимать, что за предыдущим мгновением будет следующее, а за текущим когда-то было предыдущее. Мы забывали предыдущее мгновение и не знали следующего — но это отнюдь не значит, что предыдущего не было, а следующего никогда не будет.

Понимать это — значит чувствовать связь времён, и, чувствуя её, не поскользнуться. Понимать скоротечность и ценность отпущенного нам в каждый момент жизни времени — значит пройти по мосту над Рекой Времён.

— Как же это, однако, всё непросто! — вздохнул юный воин. — Ну, а что же ждёт нас за Рекой Времён? Уж теперь то, должно быть, тот самый главный Мост?

— Нет, прежде чем дойти до Моста на Остров, ещё остаётся преодолеть Пустыню Одиночества.

— Звучит очень пугающе! — воскликнул юноша.

— В Пустыне Одиночества каждый человек остаётся наедине с самим собой. В Пустыне Одиночества его начинают мучить его собственные демоны, которых он до сих пор не сумел побороть в своём пути. Демоны Страха, Сомнения и Печали встречаются там чаще всего. Путнику кажется, что он покинут всеми и брошен на произвол судьбы, хотя именно судьба ведёт его через эту палящую пустыню. Демоны постоянно мучают его, пытаются заставить отчаяться и свернуть с пути, потому что прекрасно знают, сколь немного уже остаётся пройти отважному путешественнику. Солнце разума постоянно жжёт его кожу, ядовитые скорпионы и змеи дурных мыслей так и вьются под ногами. В той пустыне есть одинокий Оазис Надежды, но дойти до него можно только уже к концу дня, когда силы твои практически на исходе, но в душе живёт вера в чудо. Добравшимся до Оазиса даруется благодать Силы Духа, которая столь нужна при восхождении на Мост. От оазиса же до Моста остаётся всего два дня пути.

— Но как же путник должен преодолеть под палящим солнцем ещё целых два дня пути? Ведь это равносильно откровенному самоубийству! — выкрикнул юноша.

— К полудню третьего дня к полуживому путнику является Ангел с Божественного Острова. Он укрывает его от палящих лучей своими белоснежными крыльями, помогая восстановить силы.

— А откуда же вы всё это знаете? — не выдержал юноша. — Ведь вы-то наверняка не видели в своей жизни ни единого Ангела! — выдохнул он.

— Так говорят легенды, — улыбнулся Старец. — Кроме того, до сих пор живы те немногие, кто однажды так или иначе встретился с ними лицом к лицу.

— А что происходит потом?

— А потом пустыня однажды заканчивается, и человек выходит на Мост.

— Тот самый, что ведёт на Остров?

— Да, тот самый! Говорят, что Божественный Остров находится посреди Океана Жизни и окружён высокими скалами, скрывающими то, что находится в нём, от глаз посторонних. Единственный способ для дерзающих попасть на Остров — это пройти по Мосту в одиночку. Мост постепенно поднимается вверх, ведя всё выше и выше со скалистых предгорий, окольцовывающих пустыню, прямо к центру Острова. Говорят, что в скалах есть пещера, через которую можно попасть в долину, раскинувшуюся в центре Острова, — но дойти до этой пещеры можно только через Мост.

— Ну, если уж путник сумел дойти до Моста, то преодолеть остаток пути ему не представится таким уж сложным! — весело выдохнул юноша.

— О! — ответил с иронией Старец, — если бы только это было так! Истина же состоит в том, что все предыдущие испытания были лишь подготовкой к последнему шагу. Вход на Мост охраняется, и охраняет его огромная и устрашающая многоголовая и практически непобедимая гидра. Гидра эта обладает многими тысячами голов, метающих яды зависти, серу презрения, огонь раздражения, визжащих и хулящих воина тысячами и тысячами голосов на разный лад. Она практически неуязвима, потому что стоит победить в словесном поединке хотя бы одну её голову, как на её месте тут же вырастает другая, ещё страшнее и ужаснее прежней. Так, зависть превращается в жестокость, презрение становится ненавистью, раздражение становится гневом, а от хулы способны, кажется, завянуть самые твои уши.

— Как же называется этот монстр?! — в ужасе воскликнул юноша.

— Его называют Общественное Мнение, — ответил Старец. — Ведь для того, чтобы всё-таки суметь дойти к своей самой заветной и чистой мечте, нужно суметь преодолеть самое резкое и осуждающее Общественное Мнение. Истина же состоит в том, что, несмотря на практически полную неуязвимость данного чудовища, путник всё же может взойти на Мост, поскольку чудище это при всей своей внешней грозности не способно причинить ему существенного вреда до тех пор, пока он сам не начнёт сражаться с ним, забыв тем самым об истинной цели своего путешествия.

— Но как же тогда возможно миновать это чудище? — удивился юноша.

— Нужно просто… не обращать на него внимание! — расхохотался Старец. — Именно излишками человеческого внимания кормится этот монстр, и именно по таким эманациям он находит своих следующих жертв. Те, кто хотят слишком много внимания, однажды рискуют стать слишком мёртвыми.

— Вот это да! — воскликнул поражённый услышанным юноша. — Как, однако, всё просто и вместе с тем очень сложно одновременно!

— Тот, кто сумел не обращать внимания на хулу и злобу стремящихся отвернуть их от движения к своей заветной мечте, проходит мимо чудовища и вступает на Мост, начиная подниматься по ступеням Пути.

— А как выглядят эти самые Ступени?

— Легенда гласит, что для каждого они свои. Их может быть разное количество с различным расстоянием между ними. Каждый шаг по этим ступеням — точно незабываемое, растянувшееся на бесконечность мгновение в вечности. Каждый шаг — это один из самых важных уроков, который человек получает на своём Пути, то, чего ему подлинно не доставало, и ради чего он и вышел в путь. Это своеобразное закрепление пройденного.

— А что потом?

— А потом путник видит под собой бушующий океан, уходящие вдаль ступени и светящее ему в лицо солнце. Порой случается так, что расстояние между ступенями становится слишком большим — и ни перейти, ни перепрыгнуть их обычным образом не представляется возможным.

— Но как же тогда преодолеть это расстояние?

— А вот для этого в тебе должна жить Вера. Только так ты можешь ступить на воздух между ступенями и не упасть в бурлящий далеко внизу океан. Здесь не помогают доводы ума, здесь становятся бесполезными знания, здесь не играют роли обычные земные навыки и умения. Шагая по Мосту, ты попадаешь в совершенно иное измерение и с каждым шагом преображаешься изнутри, возвращаясь к своей истинной природе. Это и есть твоё подлинное пробуждение.

— Ну, а потом?

— А потом ты насквозь проходишь вырубленную в скалах Пещеру Воскресения, ступая на землю Божественного Острова. Если хочешь, можешь называть его Островом Чистой Мечты. Я не берусь описать этот остров даже словами легенды, настолько он удивителен и прекрасен!

— Ух, вот это путь! — воскликнул юноша, как только Старец, наконец, окончательно умолк, весело и с любовью поглядывая на своего столь внимательного слушателя.

— А что потом будет с теми, кто сумел достичь Божественного Острова? Какие ещё незабываемые приключения и встречи ждут его впереди?

— А вот это, мой внимательный друг, — и Старец весело похлопал юношу по плечу, — будет уже совсем другая история!

06.07.2012

Мнение

В одной ничем с виду непримечательной рыбацкой деревеньке по берегам полноводной реки жили да тужили люди. А тужили они потому, что жили не шибко умело. Ругались друг с другом часто и ссорились, да размерами уловов своих речных мерялись постоянно. Оттого и не было согласия в среде их, и настроение у многих часто было пасмурным да дождливым. А вслед за настроением их и тучки небесные приходили постоянно и землю их грешную орошали, отчего расходилась речка их паводком частенько, да и заливала дома прибрежные с улицами. И грязюка, и вонь вокруг после этого стояли несусветные, так что аж нос иногда зажимать приходилось, по улицам их бродя.

И принято было в деревеньке этой, нами неназванной, безделушки всяческие из ила речного да грязи дорожной мастерить. С детства тому жители друг дружку обучить старались, фигурки всяческие мастеря и высушивая. А как высыхали поделки те, то и на избы свои они их вешали, к рамам оконным али крышам иль флигелям прикрепляя. И крутились фигурки те тёмные, из грязи да ила сотворённые, на ниточках под ветрами и дождями буйными, им подвластные, и калик перехожих видом своим забавляли. А называть поделки те рук и душ своих «мнениями» жители порешили. И каждый ребёночек их повзрослевший фигурку свою создать и на избу повесить по сложившимся традициям должен был, как демонстрацию навыков своих практических.

И случилось так однажды, что речка их буйная после паводка очередного весеннего лодку рыбака одного вниз по течению стремглав понесла. И долго не мог рыбак тот с силой стихийной да буйной совладать, и далеко на лодке своей уплыл он от селения. Разбила река лодку его, о камни ударивши, и прочь его в пучину выбросила. С трудом огромным, силы приложив неимоверные и едва не утонув, выбрался по Божьей милости рыбак, промерзший после несчастья этого, на берег реки и вверх по течению к селению своему назад отправился, от холода дрожа да спотыкаясь. И клял судьбу-злодейку он, и на колени время от времени падал от усталости, дыхание своё сбившееся переводя.

Долго ли он шёл, али коротко, мы не ведаем. Уж солнце клониться за горизонт начало, как заметил взгляд его цепкий у берега речки журчащей, где воды течения её от ила очистились, камешек один сверкающий.

«Дивный камешек! — подумал он, — только грязью покрывшийся. Очищу от грязи речной и ила его я. Авось, засверкает и засияет как прежде он!»

И омыл путник камешек, блестящий да переливающийся в водах реки журчащей, и красоте его ещё более поразился. Спрятал его он за пазуху да домой понёс, надеясь при свете ярком дня нового повнимательней рассмотреть.

Поздней ночью уже, когда звёзды, путь людям во тьме освещающие, на небосклон земной вышли и за собой поманили, вернулся он в селение своё, промокший да вымотавшийся, на радость семье своей взволновавшейся, да и на постель без сил последних опустился.

А по утру, сон дивный о силе чудесной находки своей увидав, решил он камешек тот осмотреть повнимательнее. От ила и грязи дорожной очищенный, сверкал камешек тот на солнце восходящем утреннем всеми цветами возможными и глаз радовал, точно сокровище.

«Дай, да прикреплю я сокровище это к подзору избы своей!» — путник порешил. «Пусть глаз и души всех прохожих радует. А безделушку прошлую, из ила и грязи речной созданную, прочь выброшу!»

И сделал он так, и сам дивиться стал: любо-дорого получилось! Сверкал камешек тот на солнышке светлом, и далеко и ярко так лучи свои посылал, что аж соседи, чудо то со дворов своих издалека увидавшие, приходить к нему стали да расспрашивать.

«Что за вещь дивную ты себе взял, сосед наш?» — вопрошали они.

«А это мнение моё новое!» — рыбак им радостно отвечал. «Красивое, чистое, в испытании жизненном от грязи всяческой омытое!»

«Вот так диво дивное!» — рыбаки другие дивились. «И где же нашёл ты сокровище сие, не подскажешь ли? Может, и мы захотим себе такие же мнения заиметь!»

«По течению реки нашей, после пути долгого», — рыбак им ответствовал. «Отдала его жизнь мне в руки, ничего взамен более не требовуя, кроме как сил моих да внимательности».

«Давайте и мы тоже добудем сокровища сии!» — рыбаки порешили. «Не нужны нам безделушки наши грязные более!»

И отправились самые смелые из них по течению через шторма речные, и места те заповедные с камнями самоцветными тоже нашли. И принесли они камешки сияющие, да на избы свои повесили всем на обозрение.

Ох, и красивы избы те стали, от мнений грязных избавившись и новыми мнениями чистыми засияв! И ругаться, и гневаться, и завидовать от созерцания красот тех хозяевам изб расхотелось вскорости. И добрее стали они, и грязью более не прельщались. Ибо зачем нужна грязь человеческая, как не для осознания ценности чистоты духа его и помыслов?

И много десятков лет с пор тех обозначенных миновало. И разрослась деревня та, и градом могучим стала впоследствии, путников со всех округ местных камнями чудесными привлекая. Но до сих пор в центре града того, ныне великого, избушка ветхая рыбака того неназванного стоит, да путников проходящих радует видом своим и памятью. Памятью о том, как всё преображение великое, с жителями града того случившееся, с мнения чистого сокровенного да и начиналось.

11.07.2026

Ноша

Однажды по дальней дороге жизни шёл Дурак, неся на сгорбленной от тяжести спине рюкзак с Чушью. Однажды в этом долгом пути он повстречал идущего ему навстречу Мудреца.

Мудрец увидел измождённое лицо Дурака и спросил:

— Что оставил ты за своей спиной, путник? Ты несёшь что-то настолько тяжёлое, что оно испортило всю радость от твоего пути.

— Я несу Чушь! — гордо ответил ему Дурак.

— Как бы далеко ты её ни занёс, это не принесёт тебе счастья, — ответствовал ему Мудрец. — Взгляни, в твоей котомке совсем не осталось места для Мудрости. Может, тебе стоит расстаться с этой ношей?

— Нет! — ответил Дурак. — Я ни за что в жизни не расстанусь с ней!

— Но почему же? — спросил озадаченный такой глупостью Мудрец. — Разве ты не хочешь стать богатым Мудростью?

— Своими глазами я видел, как миллионы других людей несли Чушь на спине, тащили её волоком, набивали ей рты — всё ради того, чтобы взять с собой как можно больше. А это значит, что в ней есть нечто невообразимо ценное.

— И что же ты вообразил о её ценности? — усмехнулся Мудрец.

— Я буду продолжать нести Чушь! — резко ответил ему Дурак. — Чего бы она мне в конечном итоге ни стоила!

26.12.2017

Обязанность

Замуж дева одна собиралась. Подружки её все туда уже давненько как повыскакивали, птичками сладкоголосыми о годах первых счастливых своего замужества ей в ушки напевая, а она всё суженого встретить не могла, гнёздышко своё семейное начать свивать дабы.

И вились вокруг неё да около претенденты на роль ту важную самые разные, а она всё носик свой воротила. То рожей один не выходил, то влиянием общественным, то пассий своих прошлых количеством, а то и вовсе худостью кошелька своего частенько. Не было среди них такого, чтобы все качества в её понимании положительные воплощал бы в себе единовременно да всенепременно. Претендента идеального на принцессность её незапятнанную все никак не сыскивалось в мире сём грешном да неправильном.

И вот уже третий десяток лет земных она разменивать начала, а принц на коне белом али чёрно-мерседесовом всё никак приезжать не хотел с предложением коня, кошелька и дворца своих внушительных, обещаний любить до доски гробовой али завещания первого, ну и сердца своего в придачу ко всему тому нами вышеперечисленному, разумеется.

Но смилостивилась всё же судьба её однажды и шанс ей дала на семьи счастливой построение. Принц роду обычного, без дворца да коня черно-белого в дверь судьбы её нежданно-негаданно постучался. И хотя и недовольна внутренне дева та обычностью да непритязательностью внешней его была, да груз надежд нереализованных на жизнь счастливую семейную и матери её давление идейное на мнении её том в дни те сказались. И согласилась она на встречи с ним, и под венец пошла вскорости.

И молвить хотелось бы нам, разумеется, что жили они долго и счастливо, хоть и редко здесь подобное всё же случается, и в день один умерли одновременно — да не в праве историю ту мы исказить по своеволию своему ради назидания от нас вами непрошенного али желания вашего нам невысказанного.

И недолго жили они, хоть и счастливо поначалу. Жена о муже своём заботиться всячески старалась, в быту помогая, со мнениями его соглашаясь, да делами всячески поддерживая, а муж жену свою за отношение то мудрое на руках носил, да подарками баловал. И шли у них дела совместные да семейные в гору поначалу, хоть и не Эверестовую, и довольны души их поворотом судеб своих были.

Да только подружки её, птичками сладкоголосыми вокруг гнёздышка их семейного то и дело по небу шмыгая, в него раз да раз и заглядывали, да о принцах своих великолепных и жизни своей сладкой да беззаботной без умолку щебетали. И под влиянием голосов тех лукавящих сравнивать дева та мужа своего, судьбою ей данного, с другими мужьями подружек да знакомых своих начала, и зависть тенью чёрной в душу её в дни те скользнула.

И стало казаться ей с каждым днём проходящим всё сильней и отчётливей, что недостатков у мужа её — странное множество, а мужья иные, далеко от неё живущие, суть ангелы небесные, по воле Бога к жёнам своим с небес снизошедшие во услужение земное. И недовольство своё, во тьме зависти выпестованное, возлюбленному она высказывать всё чаще и чаще начала. И слово тёплое да ласковое, «любовью» прозванное и над дверями дома их Богом прежде начертанное, точно в дымке какой-то однажды растаяло, и слово иное, твердое да суровое на месте его святом появилось, и было слово то — «обязанность».

И стал муж жене своей с дней этих и по гроб жизни своей всенепременно обязан. А чем именно — то прихоть её ежедневно решать начала. И не стало обязанностям тем конца и края, а мужу её — от них отдыха. Уж не стало слышно в семье той слов благодарности и признательности за заботу о ближнем своём, и долженствование хладно-бесконечное воцарилось вскорости. И старался муж её принца образу, в голове её живущем, соответствовать, да пожелания, в змей требований хитро обратившиеся, исполнять по мере сил своих и возможностей, но не мог сердце её более нарадовать — ибо как другого порадовать то возможно, ежели должен ты ему по определению?

И взросла идея та ядовитая о великом достоинстве своём и недостоинстве супруга своего величайшем в душе девы той, нами названной, и обида за отношение её несправедливое в сердце супруга её также постепенно и выросла. И мыслями, и языками, и руками своими собственными разрыли они могилу для счастья своего семейного, и себя в ней заживо же и захоронили.

И победила в отношениях тех иллюзия правоты их личной и ощущение самовнушённое ближнего своего неправоты во всём и всяческой. И раздавлена была любовь неокрепшая под грузом обязанностей неподъёмных и требований, и недовольств нескончаемых. И много лет ещё копились взаимные обиды да укоры в сердцах их и душах до момента финального. И отвёл их Господь небесный и юрист земной друг от друга однажды, и разошлись они будто корабли-парусники в море жизни бесконечном после бури морской с мачтами сломленными.

А на месте бури той да кораблекрушения семейного, среди брёвен и досок, от кораблей изувеченных оставшихся, круг выброшенный спасительный под лучами солнца выглянувшего всплыл на поверхность вскорости точно в назидание всем мореплавателям. И слова два — «спасибо» и «любовь» — на круге том были выбиты полукружием. Ибо лишь в благодарности к ближнему своему, без обязанности всяческой возникающей, живёт любовь и здравствует.

24.08.2024

Одиссея

Давно, неисчислимо давно совершились однажды события те удивительные, о которых вам будет поведано ныне. Наверное, никто из живущих на этой Новой Земле не смог бы с точностью поведать, сколько песчинок просыпалось в горлышке Часов Вечности после времён Исхода. Практически восемь тысяч лет миновало с тех пор, как совершилась эта удивительная Одиссея, но живущие поныне забыли о ней. Искажённым мифом и бредом человеческих фантазий, нашедших служение своё в идолах, стала она. Но ничто и никогда не сотрёт памяти о ней из Эфира. И пусть она станет достоянием вашей истории в том виде, в каком мы сумели о ней записать.

Это был действительно неповторимый Корабль. Непревзойдённое творение, ставшее домом для горстки спасённых. О, как были счастливы они, что их не постигла участь некогда родных миров! Они отправились в Одиссею по бескрайним просторам Космоса после того, как родные миры их перестали существовать на невидимой нам Карте Мироздания. Слишком много зла принесли в мир эти три планеты, слишком коварными и жестокими стали их обитатели. И переполнилась тогда Чаша Терпения, и был плач и скрежет зубов, как и случается, но не в силах уже обитателей миров этих было изменить сложённое ими самими.

Горстке избранных — по несколько сотен с каждого мира — был дарован ещё один шанс. Шанс обрести новый дом, новую почву под ногами, новую Землю. Потом, после своего полёта, они так и назовут этот мир — Земля. Земля в иллюминаторах, источник спасения! И Корабль — Ковчег, доставивший этих переселенцев в новый, подготовленный для них мир.

О, как древна была эта планета, и сколько бед успела изведать уже она до момента Исхода, сколько историй и судеб хранил в своей памяти её Эфир! Не первой, отнюдь не первой цивилизацией суждено было стать на ней этим новым переселенцам Трёх Миров, и, может быть, что и не последними вовсе. Но не ведали тогда они об истории своего мира нового, ведь сокрыли следы об этом его моря, и горы, и недра. Да так сокрыли они это, чтобы до поры и до времени ни единый человек не добрался бы и не узнал.

И опустился Корабль на материке просторном, среди горных долин, и цветущих садов, и рек полноводных. И прозванный Адамом — капитан Корабля — вместе с женой своей Евой спустились на Землю, и спустились за ними спасённые. И целовать землю этой новой Земли готовы были они, и радовались радостью неописуемой, ибо воочию видели то, во что превращались их миры прежние, глазами своими, на Корабле спасения улетая.

И расселились они по Земле, и жить стали добродушно и радостно, глубоко в памяти своей духовной моменты те прошлые запечатлев. И дата эта знаменательная момента необычного как сотворение мира в историю их вошла вскорости, ведь получили мир они новый и дивный во владение и заботу после тягот всех прошлых, и благодарны были за это очень они.

А капитан Адам, как первочеловек, на эту новую Землю вступивший, в историю их вошёл впоследствии. Так и повелось с тех пор древних.

И пусть споро былина наша сказывается, да недолго жили так, оказывается. Изменяться постепенно начали, и история прошлая «мудрецами» их искажалась. Забывать про Исход они начали и природы царями мнить себя стали, как если бы не природа цивилизации мира их родного прошлого и рассудила по справедливости, Закону Высшему повинуясь. И вот распался народ единый на группы и языки различные, и разбредаться они кто куда по миру их начали в поисках счастья своего вечного, как ежели бы его вовне, а не себя внутри, найти где бы и можно то было. И забыли родство они своё, и точку Исхода своего, и пра-Землю свою, и Законы Божественные. И не раз потом ещё предстояло племенам Разделённых войной друг на друга идти за земли некогда общие и единые. Но не будем о том мы беседовать, ведь скорбна история веков тех для нас, повествующих.

И приходили к ним Великие, Светом Озарённые из миров Божественных, но не пожелали услышать их Разделённые и воевать друг с другом не перестали по воле собственной. Исказили «мудрецы» их глупые слова Великих тех, и себе на службу поставили, и историю о Ковчеге Спасения мифом в глазах людских сделали, за что и ответственны. И много воды утекло с тех пор, и песчинок в Часах просыпалось, и веков миновало.

И развивали они «науку» и технику свою, чтобы в ещё больших количествах истреблять друг друга возможно им было. И раскромсали Землю общую на лоскутки государств своих и владений, и линии виртуальные границ по картам своим и разукрасили, хоть и не было линий тех на Земле самой, и никогда впредь и не будет их. И войны вели сокрушительные, и бойни устраивали кровавые, и щедро Землю кровью братьев своих насыщали столетиями. И мерзость свою перед другими оправдывали, а перед Богом скрыть пытались, как будто сокрыть от Него помышления какие свои возможно бы было. И до того испортились, и до того развратились, что наполняется ныне уже вновь Чаша Терпения, и выходят стихии планетные на простор свой, дабы о судьбе миров их трёх прошлых людям напомнить суметь. Но вновь, как и водится, случайностью люди считают события, с миром их происходящие, и проходимцам и «мудрецам» лукавым всяческим доверяются, и сердце своё не слушают. И гибель себе пророчат тем самым всё активнее и яростнее.

И покоится Ковчег в ожидании выбора человеческого в местах неведомых, и судьба планетная решается ныне. И нет, и не может быть тех, кто делами или же безделием своим не оказал бы на неё влияния невидимого, и не будет тех, кто уйдёт от ответственности за любой из исходов возможных для мира этого. Ведь нельзя в сторонке отсидеться и спрятаться, когда бой за мир идёт нешуточный.

А на сём заканчиваем мы историю нашу краткую да необычную, ныне вам поведанную. А правда ли это, или вымысел — не нам решать за каждого. Но кто подумает переждать время смутное в бездействии или же рыбку ловить начнёт в воде мутной, точь пир во время чумы устраивая, — по делам его будет ему уготовано.

03.03.2013

Притча о небожьем праведнике

Жил-был на свете этом неправедник, и был жестокосерден он и несправедлив к людям в жизни своей. Считал он себя очень особенным, правильным, а людей прочих — мелюзгой непотребной, времени жизни его часто не стоящей. Характер его был неуживчивый, высокомерный и алчный в степени высокой, и тяжело людям, его окружавшим, рядом с ним было — то ворчание, то гневливость, а то и вовсе ненависть изливал он свои, внутри взращенные, на окружающих, ежели не получалось у него когда-нибудь желания свои за счёт других удовлетворить полностью.

И томились люди от его присутствия, а он томился их беспросветной тупостью, с гениальностью его в сравнение никогда не идущей, ведь не было равных по уму ему среди всех людей, ему известных, по мнению его собственному. Потому и сторонился он людей часто, и в разговорах с ними неприветлив был, и никогда никому ничего хорошего желать не спешил.

И была у неправедника мечта тайная, сокровенная, душу и сердце его каждый день сжигавшая до крайности. Грезил он о власти непомерной обретении над людишками этими жалкими, чтобы хоть раз в жизнях своих чтить его начали, ежели не от чистого сердца своего, то из страха перед наказанием возможным как минимум. Но не было у него возможности той время долгое, потому успел он испепелить этим желанием неудержимым почти всё сердце своё к моменту описываемому. И грезил он о власти той недоступной — и пуще ещё окружающих ненавидел и презирал оттого с днём каждым, злобу свою и отсутствие любви своей в стычках ежедневных мелочных с ними выказывая.

И вот однажды событие случилось неожиданное, нежданное, удивительное. Божий Праведник из земель неведомых и далёких в город к ним пришёл, проповедуя. Говорил он слова искренние, от чистоты сердца своего идущие, и столь ласково и трогательно для сердец человеческих говорил он их, что заслушивались люди многие речей его пламенных.

И учил людей Праведник тот любить друг друга, и друг о друге заботиться, в беде никогда не бросая в одиночестве. И прощать людей друг друга учил он, дабы не копить зло в душах своих, ядом их разъедающее. И милосердию учил он, и терпимости, ведь немыслим путь человеческий без ошибок, и кто люди такие, чтобы судить других справедливостью абсолютной, коей не обладают они. Удивительным даром убеждения обладал тот Праведник, и чувствовалось то, что не понаслышке он прошёл прежде путь трудный и тяжёлый, чтобы научиться тому, чем сам поделиться ныне с людьми спешил, объясняя и проповедуя.

И внимали люди ему, и плакали, и таяли сердца их, и менять жизни свои они начинали, заветам тем следуя. И приходили к нему люди из числа ранее слушавших, и дальше в путь выступать вместе с ним готовились, дабы в пути этом трудном с ним рядышком мудрости и любви неземной научиться.

И видел всё это неправедник, и завистью сердце его обливалось от созерцания того. Дивила неправедника вся странность и необъяснимость власти той, обладал коей над людьми Праведник — ибо странна была она, рода духовного, надземного, да и властью как таковой и не являлась. Страшно хотелось неправеднику, чтобы и его люди также слушали, а позже и слушались всего, что он им приказывать стал бы из блажи своей, а затем и возносить, и восхвалять как праведника даже бы и начали.

И решился тогда неправедник на поступок хитрый и коварный, ибо не обладал более властью он над помыслами своими к моменту тому, ведь злая воля сердце его себе подчинила и трансформировала. И пришёл неправедник вместе с другими людьми из числа слушавших, и учеником Праведника стать попросился перед ликом его. Ничего не сказал ему Праведник, лишь улыбнулся как-то печально, не запрещая, впрочем, за собой следовать.

И возгордился неправедник от того, что принят он был без вопроса единого, и высокомерием внутри наполнился ещё более прежнего. И велел он людям, его знавшим ранее, не иначе как праведником себя именовать с момента того, ученичеством своим новоприобретённым то мотивируя. И небожьим праведником стал он, и за Праведником в город иной вскоре последовал.

Долго ходили они по городам и весям, землю эту многострадальную ногами своими истаптывая, много людей к ним ещё прибыло, а ещё большее число их счастью любви простому человеческому в жизнях своих научилось, ибо был мудр Праведник мудростью неземной и гармонией неземной сердца человеческие наполнять был способен.

И на протяжении путей тех многомесячных мысль страшная в уме небожьего праведника вызрела. Убить Праведника решил он в безумстве своём, дабы власть над людьми этими, вёл к любви коих Праведник и презирал неправедник коих, в руки свои забрать раз и навсегда. Новым наместником и наследником в мире этом после Праведника неправедник тот решил сделаться. И нашёл он среди толп в течение месяцев этих пути их неблизкого себе подобных, и на выполнение плана своего жестокосердного сговорил он их. И отправились с Праведником они вместе все под видом последователей, планы мести своей за тщеславие неудовлетворённое вынашивая.

И был день — и плакало небо день деньской. И была ночь — и не было чернее её на небосводе. К центру лагеря, в дороге разбитого, прокрались группой люди те, в сердцах своих любовь предавшие. И миновали они дозор спящий, а тем из пробудившихся, кто закричать хотел, горло ножами припасёнными перерезали. И проникли они в шатёр Праведника, и неспящим его застали они. И ответил Праведник им, с ножами своими перед ним стоявшим, что ведомо ему было предательство их готовившееся, но не стал он планам их препятствовать, ведь готов он принять муку, его ожидающую, дабы сердцам пробуждённым человеческим послужить этим. И остановились было на миг нападавшие, видя глаза его грустные, огнём света для них нестерпимым сияющие, и руки его к ним обращённые.

Но ярость вновь овладела сердцами их, и напали они на него, и ножами своими его резать пытались, и плевали в него, и хулили одновременно. Не сопротивлялся ярости их Праведник, но лишь о спасении душ их, в бездну падающих, молил он мысленно в день этот. И лишь напоследок, кровью истекая окончательно, молвил он им, что нельзя убить истину, ибо всегда возвращается она в форме новой и торжествует вечно над злобой и ложью человеческой.

И гром невыносимый гремел среди ночи той, и молнии по небу метались как бешеные, когда деяние сие страшное совершалось. И разбудил гром тот многих людей в лагере, и кинулись они в шатёр глашатая своего, но бездыханным его нашли они к моменту тому горькому. И стоял над телом его лжеправедник, и горько всхлипывал. И молвил он прибежавшим людям, что один из людей его, рядом с ним стоявших, убил их глашатая истины — а они, все прочие, на шум едва прибежать успели, но бездыханным уже застали Праведника. И скрутили тогда одного из дельцов неправедника того как убийцу единственного, а дельцы прочие небожьему праведнику перечить не решились, за жизни свои телесные опасаясь.

И много лет миновало с момента того описанного, и наместником, и наследником Праведника неправедник объявил себя вместе с подельниками своими и убийцами. Придумал он слова предсмертные, якобы Праведником перед ними произнесённые и власть над последователями его им передавшие. И стал тот лжеправедник тираном и властителем дум людских, и карал мечом, огнём и дыбой с кострами он любое инакомыслие, и злато за спасение душ тех грешных собирал с людей непомерно и всевременно. Исказил он сильно суть изначальную учения Праведника светлого, и любовь страхом заменил он, и ритуалов обязательных множество для люда подчинённого понапридумывал в обогащение клана собственного. И лил кровь он человеческую во имя власти своей времени множество. Великим инквизитором стал тот лжеправедник, и не было хуже власти его на земле. Но вышел и его срок, и не избежал он той самой участи, коей других запугивал и «спасал» от коей самим собой и подельниками своими обрядами удуманными. И не было тех, кто всплакнул бы о нём или посочувствовал.

И стали жить люди на свете вновь радостно, от вампира этого избавившись и иго его отнюдь не божественное скинув, и любить друг друга, и прощать друг другу, и милосердствовать. И вернулась истина на круги своя, как и было предсказано, и прошла по миру в торжестве добром, и в делах поколений будущих воплотилась…

* * *

На сём оканчиваем притчу мы нашу краткую. А кто из читавших притчу сию параллели какие удумает недобрые и неправедные, или же власть земную свою придержанную выше правды небесной будет ставить пытаться — то не в ответе за того мы будем как рассказчики.

08.07.2012

Прошлое

У одного любившего старинные вещи писателя был друг, навещавший и вдохновлявший его время от времени.

Однажды он решил зайти к нему в гости и заметил, что на его письменном столе хаотично разбросано множество старых фотографий, писем, рисунков и прочих личных вещей.

— Что за кучу ты тут создал? — шутливо спросил писателя его давний друг.

— Я роюсь в своём прошлом, — на полном серьёзе ответил тот.

— И как, уже удалось найти что-нибудь стоящее?

— По большей части старые воспоминания. Некоторые из них приятны, а некоторые весьма болезненны.

— Что же ты собираешься с ними делать? — спросил писателя его друг. — Неужели постоянно носить их с собой, заполнив ими со временем всё своё жизненное пространство?

— Пока не знаю. Может быть, мне удастся найти для них подходящее место.

Друг промолчал и не стал спорить — ведь мы не случайно назвали его другом.

На следующее утро, выходя во двор, писатель неожиданно застал своего друга роющим у стены его дома какую-то яму.

— Что такое ты здесь делаешь? — спросил его встревоженный писатель.

— Вчера ты сказал мне, что ищешь подходящее место для своего прошлого. Вот, я как раз создаю его для тебя, — ответил, подмигивая, друг.

— Ты что, решил сегодня кого-то закопать прямо под стенами моего дома?

— Сегодня — всегда хороший день для того, чтобы освободиться от оков своего прошлого, — улыбнулся друг.

04.01.2018

Рыба и Лев

Однажды в Великой Пустыне всё изменилось. Много месяцев палящее солнце было столь ярким и жара столь нестерпимой, что высохли все, даже самые крупные источники воды. Животные были растеряны, их мучила жажда. Тогда они собрались на Великий Пустынный Совет, на который не собирались уже много десятков лет, дабы придумать способ спастись от светила.

И каждый из них выходил в центр Совета, и каждого из них вопрошали другие, где можно найти спасение, однако никто не мог дать ответа. В отчаянии животные обратились к своей последней надежде — они вызвали в центр Совета пустынного льва, слывшего самым смелым, мудрым и сильным среди всех зверей и по праву считавшегося их царём.

— Я найду вам воду, клянусь своей честью царя зверей! — прорычал лев. — Я найду её и покажу вам путь.

С этими словами лев отправился на поиски источника живительной влаги, а животные стали ждать его возвращения.

Много дней и ночей без устали лев бежал и бежал по пустыне, подгоняемый песчаным ветром, мыслями о своих умирающих сородичах и своём долге перед ними. Когда же, казалось, силы совсем готовы были оставить его, его взору внезапно открылся великий, бескрайний, безграничный, насколько хватало взору, океан.

— Я нашёл её! Я нашёл воду! Теперь мы спасены! — воскликнул лев и из последних сил устремился вниз к побережью.

Когда же он всё-таки сумел подползти к берегу и уже было зачерпнул в лапы спасительной влаги, то внезапно увидел плывущую в этой воде рыбу. Рыба переливалась на солнце всеми цветами радуги и, казалось, изучающе смотрела на него.

— Ты хочешь отведать из моего источника? — внезапно спросила она.

— Да… — то ли прорычал, то ли прошептал лев. — Я много дней бежал, силы мои иссякли, мои сородичи умирают от жажды. Я должен напиться, чтобы восстановить силы и вернуться к ним, дабы сообщить им об этом великом источнике спасительной влаги.

— Но знаешь ли ты о его свойствах? — вопросила рыба.

— О каких свойствах ты говоришь? — удивился лев. — Я вижу воду — и я скажу о ней другим. Не томи же меня, уплыви, и я вдоволь напьюсь этой манящей влаги и восстановлю свои силы!

— Вода, которую ты собираешься пить, может убить тебя, — ответила рыба.

— Вот странная рыба, — подумал лев. — Как вода может кого-то убить?

— Убить? О какой смерти ты говоришь? Я итак уже почти умер от жажды, — прорычал лев. — Не мешай же, дай мне напиться!

— Если ты отведаешь из моего источника, твоя жажда лишь возрастёт и усилится, — ответила рыба. — Чем больше ты будешь пить, тем сильнее станет твоя жажда.

— Но как же ты живёшь в этом источнике и пьёшь из него, не умирая? — вопрошал царь зверей.

— То, что для вас, наземных, есть смерть, для нас есть рождение, — промолвила она. — Мы рождены в этом горьком источнике и суждены всю жизнь провести в нём. Для нас он перестал быть смертельным — он стал нашим воздухом, и теперь мы наслаждаемся им.

— Но как же мне тогда быть? — вопросил лев. — Я должен помочь моим сородичам во что бы то ни стало! Не зря я по праву считаюсь самым сильным и мудрым царём зверей!

— Ты можешь отведать из моего источника и спасти их, — ответила рыба. — На севере в это море впадает река, её вода сможет принести тебе облегчение. Кроме того, в той реке ты также сможешь найти моих братьев, потому что мы можем жить и в ваших водах. Они помогут тебе дальше. Но река далеко, и ты вряд ли сумеешь дойти до неё.

— Как же мне тогда поступить? — вновь вопросил лев рыбу.

— Тебе придётся отведать из моего источника — но помни, что твоя цена за это может быть слишком высока. Воды моего моря хватит на небольшое время, так что тебе придётся спешить. Однако, если даже ты сможешь после этого дойти до реки, тебе вряд ли удастся вернуться к своим сородичам. Но мои речные братья помогут тебе передать послание об их речном источнике — но сначала тебе придётся к ним дойти.

— А если я не стану пить из этого моря? — вопросил лев.

— Тогда, скорее всего, тебе не удастся дойти до реки, — отвечала рыба.

Несколько тяжёлых минут лев лежал на берегу, не в силах решиться глотнуть эту воду. Однако, когда он, наконец, осмелился это сделать и зачерпнул лапой немного воды, она оказалась такой горькой на вкус, что он тут же выплюнул её, не в силах перенести эту горечь.

— Нет уж! Пить из этого моря — значит умереть сразу же, что бы там не говорила рыба, — решил лев. — У меня ещё есть силы, я смогу добраться до реки, не будь я царём зверей!

И, собрав крошечный остаток сил, изнурённый жаждой лев побежал в указанном рыбой направлении. Однако сил его хватило всего лишь на несколько часов.

Солнце вновь взошло высоко над Великой Пустыней — слишком высоко для некоторых из сухопутных. После нескольких часов пути изнурённый жаждой лев упал на горячий песок, тяжело дыша. Он знал, что умирает. Он знал, что не смог выполнить свой долг.

— Чёртова рыба! — подумал он. — Нет тут никакой реки, и наверняка никогда и не было. Ты указала мне неверную дорогу, ты убила меня! — прорычал он. — Чёртова р-р-р-ы-ы-ы-ы-б-б-б-а-а-а! — в последний раз раздался над пустыней громкий рык поверженного царя зверей, и тут же всё стихло.

Лишь так же светило солнце, лишь так же дул песчаный ветер, и лишь так же где-то далеко плескались и резвились волны великого и бескрайнего океана. А до пресной реки, питающей море, оставалось всего лишь несколько часов пути, которые он бы смог одолеть, если бы всё же решился выпить из горького источника…

02.07.2006

С Богом

К умудрённому бесчисленными годами жизни седовласому старцу один за другим приходили люди. Они молча склоняли свои головы в знак почтения перед ним, чтобы услышать от него в ответ то самое, заветное и сокровенное пожелание: «Ступай с Богом!»

Час шёл за часом, время сжималось и растягивалось на бесконечность, вереница пожелавших получить его напутственное благословение людей всё никак не хотела заканчиваться, но старец, казалось, совершенно не ведал усталости. Он нежно обнимал каждого из приблизившихся, а затем пристально вглядывался пришедшему к нему человеку в глаза, словно проверяя, хватит ли тому силы духа для несения своего собственного креста — прохождения предназначенного ему пути, — но вне зависимости от того, что видел он там, в светлых вершинах и тёмных глубинах всякой доверившейся ему человеческой души, ответом старца неизменно было одно: «Ступай с Богом!»

Кто-то, получив своё благословение, радостно улыбался, а иной, казалось, слегка грустил. Взгляд некоторых людей прояснялся, а у других на глазах выступали слёзы. Кто-то вприпрыжку выбегал из зала, точно окрылённый, однако находились и такие, что едва волочили ноги, словно их невидимый крест уже заранее давил им на спины. Но не было тех, кто не склонился бы перед ним.

Старец заранее ведал о том, что будет с каждым из пришедших к нему на поклон — кто вернётся в его чертог возрождённым, а кто бросит свой спасительный крест на полдороги в придорожной грязи или же сам измажется ею. Кто дойдёт до конца, достойно преодолев все тяготы, а кто повернёт вспять. Кто в итоге окажется ему благодарным, а кто станет хулить за тяжесть пути. Но ответом и благословением старца неизменно было только одно: «Ступай с Богом!»

…Час шёл за часом, день шёл за днём, столетие за столетием. Люди приходили к своему Создателю за благословением, дабы затем уйти в новый земной путь. Вечность была готова ждать их возвращения.

29.09.2022

Сокровище

По берегу весело и жизнерадостно журчащей горной реки в свой дом возвращался путник. День клонился к закату, и солнце бросало свои прощальные лучи на звенящую ручейками реку и окружавшие её высокие утёсы. Уставший после долгого трудового дня, путник решил умыться и освежиться в свежих и прозрачных водах реки. Он положил свою обувь в заплечный мешок и аккуратно вступил в холодные воды этой горной реки на мелководье, весело разбрызгивая звенящие струйки воды своими босыми ногами и зачерпывая её ладошками, чтобы напиться.

Прохладная и чистая вода горной реки освежила его и придала новых сил. Путник уже было собирался вновь выйти на берег, как внимание его привлёк неясный блеск на глубине. Казалось, будто воды реки принесли с собой с горних круч какой-то драгоценный камень, светящий из глубины реки и переливающийся всеми цветами радуги. Обрадованный неожиданной находкой, путник протянул свои руки и достал необычный, отчасти напоминавший по форме небольшую звезду, камень. Камень переливался на свету в лучах солнца и выглядел точно невиданное небольшое сокровище.

Оглянувшись по сторонам и убедившись, что никто, кроме ясного солнца и поющих лесных птиц, не наблюдает за ним, путник стремглав спрятал найденный камешек к себе в карман, выскочил из реки и едва успев вновь надеть свою изношенную обувь, со всех ног помчался к себе домой. Он был уверен, что нашёл сокровище. Отныне он богат! Никто не смеет отобрать у него это. Никто и никогда.

Он мчался вниз с горы во всю оставшуюся прыть через кустарники, обдирая лицо и руки. Он запинался за корни деревьев в вечерней темноте, не разбирая пути. С разбега он стукнулся головой об дерево и набил себе огромную шишку. Он очень спешил донести своё сокровище.

К исходу этого дня, изрядно поплутав по лесу от спешки, он вернулся к себе домой. Стоило только разгореться первым поленьям в его очаге, как он сбросил свою промокшую одежду на пол, вытряхнул из неё надёжно припрятанный там камень и стал старательно крутить и рассматривать его в пляшущих на стенах жилища лучах.

Каково же было его разочарование, когда казавшийся ещё совсем недавно великим сокровищем камень стал выглядеть совершенно обычным на вид! Успев высохнуть и лишившись своей солнечной и речной магии, он более не сверкал. Шершавая и грубая поверхность его не отражала солнечного света и потому казалась совершенно обычной на вид.

В слезах и обиде, ругая Бога и свою собственную глупость, огорчённый и измотанный путник распахнул дверь своего жилища и изо всех сил вышвырнул нелепый камень прочь. И не ведал он, что тот самый камень, который он так недавно принял сначала за сокровище, а потом за никчёмную безделушку, был кусочком золота, принесённым горным потоком с королевских рудников.

Речной ил обволок его и сокрыл ценность от случайного взора, но горный поток и солнце на время вновь обнажили её. В вечерней темноте путник не заметил и не понял того, что судьба отдала ему прямо в руки.

А выброшенный путником золотой камешек, как говорят нам радостно поющие по утрам на неведомом человеку языке небесные птицы, так и лежит с тех пор среди горных круч, сверкая в лучах восходящего утреннего солнца. Ждёт тех, кто не судит по внешнему виду.

15.03.2026

Судьба

Судьба у кролика Аристарха была не ахти. Вот и сейчас она неслась как стая одичавших зайцев прочь от лисицы прямо перед его глазами, без всякого желания сделать очередную остановку, дабы упиться жалостью к самой себе.

Почему Аристарха, спросите вы? Аристарх и сам не знал, какая лисица и в какое мягкое место однажды укусила этих людей, выкупивших его у какого-то местного фермера, дабы затем пристроить в бродячий цирк. Назвать его, Косого, каким-то Аристархом… цирк, да и только! Но в этом самом «и только» и прошло — вернее сказать, пронеслось как те самые зайцы — всё пятилетнее цирковое прошлое Аристарха.

Чего же в нём только не было! Тут тебе и прятки в шапке фокусника, там тебе и прыжки через скакалку, здесь вам и эффектные появления из чёрных ящиков, не говоря уже про спринтерские марафоны по цирковому кругу вместе со свиньями, кошками и собаками. Каких только глупостей не заставляли делать Аристарха эти глупые смеющиеся люди! Цирк, одним словом.

«Разводят тебя, серый, как есть разводят. В смысле, чтобы съесть тебя и разводят. Вот и меня, чуют мои копыта, тоже разводят», — часто причитала ему в его большие кроличьи уши после очередного циркового выступления свинья Маруся.

«Глупая ты, толстуха, байки-то чтобы рассказывать», — столь же часто утешал её Аристарх, а сам в эти моменты думал: «А может, и взаправду разводят?» И острое как нож чувство жалости к самому себе и ненависти к своей судьбе в очередной раз пронзало его ранимое кроличье сердце.

Годы брали своё, скажете вы? В том-то и дело, что по кроличьим меркам Аристарх был ещё достаточно молод — и достаточно глуп для того, чтобы, открыто задремав однажды на опушке, попасться в руки злополучного фермера. Фермер, по правде сказать, выходил его и вылечил его раненую в ходе прошлого спасения от лисицы лапу, но нравиться Аристарху от этого больше он не стал. «Судьба, видать, у меня такая, — горько вздыхал Аристарх, когда вылечивший его фермер отдавал того в цирк, — а против судьбы не поскачешь».

«От судьбы, Маруся, не уйдёшь!» — любил он время от времени пофилософствовать перед ней. «Она же как лисица — рано или поздно догонит, да и сожрёт в один присест!»

«Глупый ты, Косой, байки-то чтобы рассказывать», — отвечала ему Маруся, а сама в эти моменты думала: «А может, и взаправду не уйдёшь?» И копыта её в такие минуты обессиленно подкашивались, и вновь плюхалась она в грязь, и купалась в ней до изнеможения, пока совсем не тупела, точно баран.

Аристарху тоже хотелось время от времени упасть вместе с ней в грязь или напиться воды из лужи, но Маруся раз за разом его отговаривала. «Не пей, Ари! Козлёночком станешь или в барана превратишься! Пьющий кролик — горе в семье!»

«Хорош причитать, бараны!» — часто прерывал их взаимные душевные излияния баран Иннокентий, он же Инок. «А то сейчас вас всех забодаю!» Перспектива быть забоданным этим безумным рогатым чудовищем всегда пугала и Марусю, и Аристарха, и в такие минуты они снижали градус своих жалоб и причитаний, хоть и ненадолго. А ненадолго потому, что жизнь то у них, в отличие от кошек, была всего-навсего одна — поэтому, когда же ещё поклянёшь судьбу-то, ежели не в этой?

«А ведь я бы мог сейчас иметь семью… — думал в такие дни Аристарх. — Миленькую жену и маленьких крольчат… И чем только я раньше думал? Был первым парнем в подлеске, крольчихи на меня заглядывались, а я всё лицо от всех воротил… Да нет, глупости это всё, просто не судьба!» — раз за разом успокаивал он ноющее внутри чувство упущенных альтернативных возможностей. И вновь эффектно появлялся из шляпы цирковых фокусников, и прыгал через скакалки, и бегал марафоны по кругу жизни со свиньями, и старался не якшаться с баранами. Цирк, одним словом.

Но судьба у Аристарха была всё-таки не ахти. Через пять лет он заметно постарел и бегать уже больше не мог — только лежать и причитать, по большей части. Свинья Маруся тоже куда-то исчезла одним из воскресных вечеров, и с тех пор уже некому было купаться в местных грязных лужах и питаться помоями. Баран Инок сломал себе оба рога, когда в очередном приступе бешенства на бесящих его однажды попытался забодать телеграфный столб. Ну, а хозяева бродячего цирка еле сводили концы с концами.

Так что однажды его просто отпустили восвояси — достали из клетки и выпустили в ближайший подлесок. Хорош причитать, дескать, уже уши вянут. Лучше беги в… на все четыре стороны! Но бегать к тому моменту Аристарх уже не мог — груз прожитых лет и открывающихся манящих лесных перспектив, где нужно самому о себе заботиться, настолько давили на всю сущность Аристарха, что душа его — ежели она, конечно, есть даже и у кроликов — почти в буквальном смысле уходила в пятки, так что он еле волочил лапы. А на третий день его скитаний по безлюдным лесам и настал, собственно, тот самый час Х.

* * *

— А вот не надо было на бочок во сне ложиться, авось мы бы и не встретились! — усмехнулся волк, держа Аристарха в лапе и оглядывая со всех сторон.

— Делай своё дело, серый, — горько прохрипел сжатый могучими лапами Аристарх. — Не плюй мне в душу и не тяни за уши! От судьбы не уйдёшь…

— Ишь ты, какой безвольный философствующий экземпляр мне сегодня попался! — оскалился в ухмылке волк. — Пожалуй, хоть лапку я от тебя да и оставлю в назидание будущим поколениям. Кроличья лапка — она, знаешь, на удачу! — хохотнул он.

— Не мучь уши мои, — простонал Аристарх. — Итак душа ноет.

— А знаешь, почему ты мне, такой весь из себя душевно хромой, попался? — волк прищурился своими двумя горящими огнями злорадства глаз. — Как же вы это обычно говорите… от судьбы не уйдёшь. Не судьба тебе уйти из этой жизни живым, ушастый!

— Не судьба… — послушно согласился с ним Аристарх.

03.03.2019

Счастье

Однажды в дверь дома человеческой души постучали. За порогом стояло неведомо из каких краёв пришедшее к нему Счастье. Настоящее Счастье всегда приходит неожиданно.

— Кто ты? — спросил его удивлённый человек, уже много лет живший наедине с Безрадостностью.

— Я — твоё самое настоящее, долгожданное Счастье! — просияло оно.

— Врёшь! — осклабился человек. — Нету в этом мире никакого счастья!

— Но ведь вот же оно, я? — удивилось Счастье. — Как же меня нет, когда я наконец-то нашло и тебя тоже?

— Нет, ты не можешь быть моим долгожданным Счастьем, — засомневался человек. — Моё Счастье должно выглядеть по-другому, я это чувствую.

— Да это я просто с дальней дороги устало, — улыбнулось в ответ Счастье. — Так долго пришлось искать тебя в этих болотах Грусти и степях Одиночества! Пусти меня в дом своей души — и я помогу тебе навести в нём полный порядок.

— У меня итак всё в полном порядке, как и у всех, — насупился человек.

— Поэтому ты такой грустный? — спросило Счастье.

— Просто я нормальный, — ответил человек. — Не такой, как некоторые.

— Как кто? — вопросило Счастье. — А, ты говорил про тех, кого я уже сумело найти? — догадалось оно.

— Чокнутые они! — фыркнул человек. — И ты тоже чокнутое! — разозлился он.

— Но ведь я твоё Счастье! — и Счастье умоляюще протянуло к человеку руки.

— Уходи! — огрызнулся человек и толкнул Счастье в бок. — Я в тебя не верю!

— …Хорошо, — ответило Счастье, — я уйду, как ты просишь меня. Но, быть может, хотя бы память о моём кратком визите сумеет согреть тебя в холодные ночи Безрадостности.

И с этими словами Счастье повернулось к человеку спиной и вышло за дверь. Человек фыркнул и, продолжая ворчать что-то о нелепых и несвоевременных гостях, направился вглубь своих спальных покоев.

А прошедшее столь дальний путь Счастье село на крылечке дома души человеческой и стало тихо, не привлекая к себе излишнего внимания, терпеливо ждать. Оно очень-очень надеялось, что человек однажды поверит в своё собственное Счастье.

17.04.2014

Тут и Там

— Привет, Там! — радостно закричал Тут, обнимая своего брата. — Где же ты так долго пропадал в последнее время? Мы все дружно тут по тебе скучали!

— Я был… там, — уклончиво ответил Там. — Очень много дел в последнее время появилось — тут, знаешь ли, не до пустой болтовни и встреч. Занятой я теперь очень стал, как видишь.

— Да ты почти с пелёнок таким и был, братишка! — улыбнулся Тут и похлопал брата по плечу. — Что, опять, небось, люди тебе покоя не дают с такой силой, что пришлось пуститься в бега?

— Ой, и не говори, — опечалился Там. — Вообще задрали! Ни покоя, ни отбоя от них нет вот уже фиг знает сколько тысяч лет. За всё это время я стал просто как какая-то ненормальная человеческая «звезда», представляешь? Почти каждый норовит меня найти, как будто у меня персонально именно для него припасены несметные сокровища — и я с радостью готов ими поделиться со всеми приходящими, и говорящими, и просящими, и требующими, и угрожающими. Я, быть может, и был бы готов поделиться чем-нибудь хорошим с некоторыми из них — но не с такими же полчищами!

— Это всё потому, что они не ведают, что творят… или не ведают, где ищут! — беззаботно расхохотался Тут.

— Точно-точно! — подтвердил Там. — Наверное, именно поэтому ты, мой дорогой брат, теперь и стал таким одиноким, а я таким популярным. Почти никто не хочет быть и находить Тут, но все мечтают сделать это Там. Как будто бы одного меня, Тама, хватит на всех!

— Хорошо, Там, где их нет. Потому что там, где они есть, всегда что-нибудь да нехорошо!

— А как ты думаешь, Тут, почему оно всё у них вот так вот?

— Не знаю, Там. Может быть, потому что они разучились чувствовать душой и приучились чувствовать лишь телом?

— И ведь сколь многие из них воображают, что у тебя, Тут, как-то не ахти, как-то так-да-не-так, а у меня, там, в бесконечных безоблачных далях, которые они ищут совершенно не там, где надо, всё просто в ажуре! А может случиться, Тут, что где-нибудь, в одном из моих множественных Там ещё и конь даже не валялся, не говоря уже о том, чтобы объездиться! Но ведь они почти не могут не объездиться в поисках прекрасного Там.

— Прекрасный брат мой, добрый Там, тебя я людям не продам! — улыбнулся Тут. — Ты мне ещё тут пригодишься… всем нам. Ведь тут оно, знаешь, как бывает… Может быть, что то, что они так усердно и долго ищут там, находится уже тут, почти прямо перед их чешущимся носом.

— Я очень надеюсь, что они всё-таки научатся уважать и любить тебя, Тут, — ответил Там. — Ведь даже самые прекрасные Тамы когда-нибудь да и оказываются тут!

03.03.2016

Учитель

В одной небольшой рыбацкой деревушке жил один необычный рыбак.

Никто даже не знал его настоящего имени, но среди местных жителей о нём ходили удивительные слухи. Некоторые из них поговаривали, будто бы под личиной обычного рыбака скрывался великий мудрец, пришедший в этот край с Востока. Иные же утверждали, что даже один выход в море с ним навсегда изменил их жизни. Находились, наконец, и такие, кто просто называл его сбрендившим старым чудаком, а все остальные слухи о нём — вымыслами неучей.

Однажды проходивший этими краями путник заинтересовался историями об этом рыбаке и решил взглянуть на него своими собственными глазами. Рыбак оказался совершенно обычным на вид, пропахшим с ног до головы от постоянных рыбных уловов.

— Я слышал, что некоторые считают тебя учителем мудрости, а кто-то даже шарлатаном, — сказал рыбаку путник.

— Жизнь может научить каждого, но не каждый готов податься к ней в ученики, — ответил ему рыбак.

— Чему же ты можешь научить меня?

— Если ты хочешь научиться ловить рыбу, то завтра на рассвете я как раз собираюсь идти в море.

На следующее утро, вышедшие в море рыбак и путник плыли вместе в одной лодке, попеременно сменяя друг друга за вёслами.

— Рано встал — больше поймал, — внезапно нарушил долгое молчание рыбак.

— В шесть утра вставать — значит недоспать! — горько усмехнулся путник.

— Иногда то, что ты ищешь, может быть очень далеко от тебя. А иногда совсем рядом, — продолжил как ни в чём не бывало рыбак. — Остановись здесь.

— Здесь не должно быть рыбы, — озадаченно ответил ему путник. — Мы ещё почти не отплыли от берега.

— Не отплыв от старых берегов, невозможно увидеть новые, — проигнорировав его недавнее замечание, продолжал между делом его собеседник, готовясь ставить рыбные сети.

— Всё это я уже слышал ранее, — саркастично ответил ему путник. — Но здесь определённо мало рыбы!

— Не всё то золото, что блестит. Не всё то рыба, что плавает, — как ни в чём не бывало продолжал рыбак, освобождая сети от набившегося в них пластикового мусора.

— Мда… — горько заметил путник. — Вот это действительно банально.

— Без труда не вытащишь и рыбку из пруда, — изрёк свою очередную мудрость рыбак, продолжая игнорировать замечания путника и закидывая очищенные от мусора сети в море.

— Вы прямо-таки открыли мне истину, где раки зимуют! — язвительно заметил путник. — Вы, похоже, действительно тот ещё чудак, каким вас представляли мне некоторые.

— Если ты накормишь человека рыбой, он будет сыт один день. Если же ты научишь его ловить рыбу…

— Хватит! — закричал путник. — Мне надоела вся эта ахинея! Это же сплошные банальности, неужели никто никогда не говорил вам об этом?!

— Никогда не говори «никогда», — донеслось в ответ. — Сегодня какой день — среда? — уточнил рыбак.

— Сегодня пятница! — сказал раздосадованный путник и сплюнул в воду.

— Можно, значит, — довольно хмыкнул рыбак и достал откуда-то со дна лодки третье весло.

— Может, уже поедем отсюда, а? — путник взглянул на рыбака исподлобья. — Я уже наслушался ваших идиотских банальностей и сыт ими по горло!

— Если ты накормишь человека рыбой…

— Вы уже только что говорили об этом, старый вы осёл! — взъярился путник. — У вас что, с памятью проблемы?! Чёрт же меня дёрнул согласиться на эту поездку и вообще решить встретиться с вами!

— …То человек даже и не подумает отблагодарить тебя. Ему не понравится внешний вид рыбы, или её цвет, или её привкус, или то, как она блестит чешуёй на солнце. Вместо благодарности он будет поносить тебя и злословить на твой счёт, хотя ты и не желал ничего иного, кроме как спасти его от голода. А вот если же ты накормишь рыбу человеком…

С этими словами рыбак внезапно ударил путника незакреплённым третьим веслом по голове, скидывая за борт.

— …То он от скромности как воды в рот наберёт! — расхохотался рыбак, протягивая барахтающемуся и плюющемуся водой путнику весло. — Следующим уроком после смирения будет урок терпения. Нам тут ещё часов десять куковать. Место это действительно нерыбное, — добавил он.

26.12.2017

Чудо

Жили люди на свете — и грустно жилось им, и тягостно. С рождения хотелось им чего-то необычного, волшебного. Праздника, радости жизни хотелось им, но не в силах создать его были они. И был мир их сер и скучен, и жилось им безрадостно. Но мечтали в сердцах своих люди некоторые о Чуде великом, самом прекрасном из чудес, ими встреченных. О таком Чуде, от которого глаза сиять бы начинали и сердца огнём веры загорались бы. И взмолились люди эти мечтающие к небесам, и просили утешить сердца их — послать им Чудо великое, чтобы вовек помнили и веру в сердцах своих хранили бы.

И услышана была молитва их искренняя, сердечная, и спросили Странники небесные Отца своего, какое чудо подарить детям Его любимым, чтобы сердца их трепетали в восхищении, и слёзы радости от созерцания Чуда этого в глазах их рождались. И решено было так сделать, чтобы Чудо Божественное всегда рядом с ними жило, ни на миг не покидая. Чтобы всегда видели люди его глазами своими и душами своими ощущали бы его прикосновения. Чтобы никогда не иссяк более для них источник радости и вдохновения светлого.

И растворилось с небес посланное Чудо Божественное в мире людском невидимо, дабы всегда рядом с людьми быть с момента того и далее.

И воплотилось оно в солнца ярком сиянии и в деревьев поющем шелесте.

В ручьях журчании радостном и птиц пении утреннем проявилось оно.

В прибоях волн морских, рассветах и закатах лилово-розовых воплотилось оно.

В радуге небесной лучи Чуда того сверкать начали.

В облаках молочно-сахарных, по небу вечно странствующих, отразилась красота Чуда того, мир людской наполнившего.

В снежинках бархатных неповторимость проявлений его отразилась.

В дожде омывающем забота Чуда того о чистоте душ людских запечатлелась.

В сиянии глаз детских искры Чуда того невидимого навечно остались.

В бесконечном вещей и явлений множестве Чудо то перед людьми предстало, отражая Творца своего щедрость и величие.

Всюду проникло Чудо то, в каждую клеточку мира, для людей созданного, войти оно сумело, осветив его и обрадовав. И верили Странники небесные, что Чудо это лучшим из чудес будет для человечества, и исчезнет горечь и печаль с лиц людских, и возрадуются люди счастью своему и красоте, мир души их спасающей. Но не суждено надежде этой в момент тот сбыться было.

Не увидели люди в большинстве своём Чуда того великого, и что быть оно рядом с ними близко столь может, не поверили. Спешили все жизни свои они куда-то по целям искусственным, бессмысленным, безрадостным, и не могли видеть в силу этого того, что с ними совсем было рядышком. И убили они то Чудо Божественное, и обыденностью сделали его. И предались обыденности своей, и уснули сердцами ещё более прежнего.

Но не умерло Чудо то, ибо Творцом было создано — в сердцах лишь скупых человеческих умирало оно безвременно. И до сих пор живёт оно с людьми рядышком, но проходят мимо многие, ведь не надо им мира чудесного, непривычного, странного, но размеренного и выверенного надо им.

Не умалилось оно от людской незрячести, и от жадности их не истребилось оно. Ждёт и надеется оно по-прежнему, и дарит себя во всей своей щедрости и величии.

Но кто поверить сердцем способен, что перед самым носом его Чудо великое может быть спрятано?

18.03.2012

Юноша и старец

Однажды — а впервые случилось это много лет тому назад и с тех пор иногда происходит снова и снова — по дороге жизни вприпрыжку бежал молодой человек, с улыбкой оглядываясь по сторонам. У него за плечами была небольшая походная сумка, на ногах виднелась ещё не успевшая износиться обувь, тело было полно жизненных сил и соков, а душа ещё не изведала горя. Глаза юноши лучились счастьем от ощущения свободы, а ноги его легко, словно едва касаясь её, скользили по земле, не цепляясь за камни и коряги. Путь его был нетруден.

В первый же день своего пути он повстречал идущего ему навстречу по этой дороге старца. Слегка покачиваясь из стороны в сторону, опираясь на согнувшуюся от многотрудного пути клюку, старец едва передвигал ноги. За плечами его юноша заприметил огромную котомку — она была настолько большой, словно старец этот каким-то странным образом нёс груз за десятерых. Взор старца был опущен вниз, на камни, лежащие на его пути, а согнувшиеся от усталости ноги аккуратно и неспешно переступали через них. Со лба старца медленно стекал пот, и по всему было видно, что продолжение этого пути стоит ему значительных усилий. Путь его был непрост.

Удивлённый увиденным, юноша окликнул идущего навстречу ему старца и вопросил, куда тот держит свой земной путь.

— Я иду к себе, — спокойно ответил ему старец. — А ты идёшь ко мне.

— Разве я знаю тебя? — удивился юноша.

— Разве ты знаешь себя? — также вопросительно вымолвил в ответ ему старец.

— Что ожидает тебя в конце твоего пути? К чему ты стремишься? — полюбопытствовал у него юноша.

— Начало нового, — кратко ответил старец, сдвинув клюкой мешавший ему камень.

— Не тяжело ли тебе брести? Мне почему-то кажется, будто ты несёшь не только свой собственный, но и чей-то чужой груз, — словно смилостивился над ним юноша.

— Не легко ли тебе праздно стоять на месте и разговаривать со мной? — словно в жесте изумления поднял свою бровь старец.

— Почему ты путешествуешь один? — не унимался с расспросами юноша.

— Потому что не всех можно назвать близкими, — вздохнул, утирая выступившую на глаза слезу, старец.

— Могу ли я помочь тебе хоть немного? — предложил юноша.

— Мы идём разными дорогами навстречу друг другу. Помогая себе стать лучше, ты поможешь и мне, — убеждённо ответил старец.

— По правде говоря, я мало что понял из твоих странных речей, незнакомец, — всплеснул руками юноша. — Но я желаю тебе счастливого пути!

— И я желаю тебе того же, — с улыбкой ответил ему согбенный старец.

С этими словами юноша и встреченный им путник вновь двинулись навстречу друг другу, однако ровно в тот момент, когда они, наконец, поравнялись, старец шагнул прямо на него — и исчез, словно растворился в утренней дымке, словно его ещё и не было. Ошарашенный юноша долго протирал свои глаза и смотрел по сторонам, надеясь увидеть хоть где-то удаляющийся силуэт таинственного незнакомца, но так и не сумел этого сделать.

— Я иду к себе, — тихо прошептал юноше его внутренний голос. — А ты идёшь ко мне…

02.06.2022

Танец времён

Воин Одина

Громогласный рёв — свирепый боевой клич — огласил округу и заставил, кажется, содрогнуться само небо. Сотни и сотни воинов, облачённые в сверкающие кольчуги, бежали навстречу друг другу, и в глазах их было только одно — неисчерпаемый боевой азарт. Не было сомнения, не было страха, лишь жажда битвы и азарт — убить врага прежде, чем ты сам падёшь на поле боя. Но падшие в честном бою — уже победители, они войдут в сверкающие чертоги Вальхаллы, и сам великий Один поведёт их в новые битвы. Пусть же он ведёт их в этой битве, а враги падут перед мощью его воителей!

Удар — поворот. Поворот — удар. Радость охватывала его — наконец-то сражение, которого он так долго жаждал, наконец-то славная битва!

Взмах — боевой топор обрушивается на шлем врага, и тот грузно падает на землю. Ещё взмах — и чудовищной силы удар рассекает кольчугу ещё одного. Капли крови, струящиеся из тела врага… повторный удар — и ещё один враг повержен. Вот его боевой товарищ тоже размахивается и практически разрубает надвое ещё одного.

Здесь не было правил — и более вёрткий и хитрый тоже иногда побеждал. Меч, обрушившийся плашмя на спину его боевого друга… сдавленный хрип, вырвавшийся из его горла. Вот его товарищ падает на колено, пытаясь развернуться и нанести ответный удар, но подкравшийся сзади боец снова ударяет, на этот раз выпадом меча, — и лезвие клинка разрывает пластины кольчуги… Ещё миг — и всё кончено.

В такие мгновения он переставал чувствовать боль. Он переставал ощущать тяжесть его оружия, сотый раз ударяющего в железные пластины, он переставал чувствовать время. Крик отчаяния и боли вырвался из его груди — боли за смерть друга, с которым он ещё недавно делил один хлеб и одни походные невзгоды. Он крутил и крутил своё смертоносное оружие, совершенно не чувствуя его тяжести — и враги разлетались перед ним. Самые смелые — или глупые — погибали мгновенно, более осторожные предпочитали не лезть под танец сверкающей стали.

Но врагов было много, и число их, кажется, только росло. Крики и стоны. Звуки столкнувшихся клинков. Сражение кипело.

Целый день продолжалась битва — и воины Одина вышли из неё победителями. Какая-нибудь сотня воинов из нескольких тысяч…

«Слава великому Одину!» — разнеслось вокруг, как только был повержен последний из врагов. «Слава Одину!» — эхом повторили многие — и он в том числе.

Они победили вновь. Их погибшие братья предстанут в светлых чертогах перед Великим Отцом — для новых битв и новых побед. И однажды он тоже присоединится к ним…

* * *

Он застонал.

В бессильной ярости ударил кулаком по столу с такой силой, что тот чуть не развалился пополам.

Почему, почему, почему? Почему он должен сделать это? Слова упали в тишину и растворились в ней без следа. Слова ушли… вот только его внутренний голос не оставлял его и не давал ему покоя. Уже не голос воина Одина.

Монастырь. Почему они должны совершить набег на этот монастырь? Это не достойное их сражение! Убийство беззащитных ради спрятанных в стенах обители сокровищ…

И он, он должен был вести свою сотню, чтобы видеть, как монахи падают под ударами топоров и мечей, высоко подняв крест и прося своего неведомого ему бога о защите… Это будет бойня, а не сражение, кровавая бойня из-за алчности. И он, один из лучших, будет их предводителем… И он не может отказаться, ведь цена за это — смерть и вечное проклятие, навсегда лишающее его права войти в золотые чертоги.

Почему у него нет выбора? Почему он должен истребить беззащитных — совсем не воинов? Или не должен?

Он зарычал в бессильной ярости. Заметался по дому. Затем схватил топор и начал громить им всё вокруг. Потом наткнулся на бочку с водой и опрокинул туда голову. Это помогло — он пришёл в себя, успокоился. Молча сидел, размышляя. Так прошёл час. Затем резко и порывисто встал, как будто решив предельно важный для себя вопрос.

«Решено, — чётко и ясно подумал он, — решено».

* * *

Они высаживались на берег с боевых драккаров, и он командовал ими — воинами Одина. Воинами смертоносного для их врагов Бога.

Вновь боевые крики и задор. Его братья были практически прежними — вот только враг был другим. Вот последний воин сходит на берег… Сейчас он должен будет повести их в бой на ничего ещё не подозревающих защитников монастыря, что удобно расположился на склоне гор в километре отсюда.

«Сейчас или никогда. Сейчас или никогда».

«Воины, — прокричал он. — Великие воины Одина, что побеждали в сотнях и сотнях битв во славу нашего Бога! Мы смелы и отважны, и наш Бог ведёт нас в праведный бой! Судьба наших врагов уже предрешена, ведь сам Один ведёт нас!»

Громогласный крик одобрения был ему ответом.

«Но обращаюсь к вам, воины. Достойную ли цель указали нам? Достойно ли сражение, что нам предстоит, славы истинных победителей? Мы должны уничтожить наших врагов — но враги ли это нам? Мы всегда сражались достойно и достойно же выходили победителями — но мы не выйдем достойными победителями из этого боя, братья! Это не наш бой, он не ведёт нас к славе и золотым чертогам. Мы не должны вести его!»

Ряды воинов заколыхались. Казалось, они все были смущены.

«Ну, хоть один, хоть один поддержите меня, братья. Хоть один достаточно смелый из вас…»

«Да, Хротгар сказал верно! Это не наш бой!» — и один из его бойцов вышел вперёд с этими словами. «Я тоже думал об этом, когда получил задание идти под его предводительством, — и я решил, что это недостойный бой. Мы не снищем себе славы в этом сражении, мы убьём тех, кто недостоин битвы с воинами великого Одина!»

Воины начали перешёптываться. Кто-то недоумённо мотал головой из стороны в сторону, смотря, что предпримут другие. Но это продолжалось недолго, совсем недолго. Какие-то десятки секунд.

«Ты — предатель! Ты позоришь честь победоносных воинов! Ты недостоин войти в чертоги и будешь проклят во веки веков за эту трусость!» Другой воин вышел вперёд и, казалось, выплюнул в него эти слова. «Предатель!» — повторил он и надвинулся на Хротгара, высоко подняв свой боевой топор.

Но в этот момент поддержавший Хротгара воитель преградил тому путь и так же непоколебимо встал с оружием в руках, готовый сражаться и умереть. Им действительно теперь придётся умереть — двоим против десятков…

И он вновь заговорил. Убеждал их в ошибке, которую они уже готовы были допустить. Убеждал их не вступать в этот недостойный их бой. Говорил о лучших сражениях и лучших битвах. Он пытался подобрать все те слова, которые были понятны и близки им, говорить на их языке, теперь уже ставшего для него почти чужим…

И, пока он говорил, ещё десять бойцов вышли из рядов и встали рядом с ним. В глазах их читалась такая же смелость и готовность погибнуть, как и в его глазах. Но добрая сотня осталась стоять неподвижно. Им действительно придётся умереть сегодня и быть преданными вечному проклятию за отступничество…

«Не слушайте этого труса и лжеца! Каждый, предавший Одина в бою, навсегда лишится шанса войти в его чертоги. Трусам не место в чертогах смелых! Сметём этих предателей и лжецов и начнём великий бой! Вперёд, истинные воины Одина!»

Вновь обличительные слова — и вот пыл воинов разгорается. Смущение исчезает с их лиц, а на его место вновь приходит свирепость и безжалостность.

«Что же, братья, придётся нам сегодня умереть», — мысленно обратился он к одиннадцати истинным воинам. Но они итак прекрасно понимали это, лишь ещё крепче сжали в своих руках оружие и встали рядом с ним плечом к плечу.

Мгновение — сотня воинов ринулась на них.

Мгновение — орудия столкнулись.

Мгновения — как целая вечность…

Вот двенадцать воинов встали плечом к плечу, готовые сражаться и умереть. Вот первый подбежавший враг замахнулся — и удар его был отбит. Вот подбегают ещё и ещё, и клинки работают без устали — они, эти двенадцать, в этот день не чувствовали усталости. Вот первый из них ранен — и ряды смыкаются, чтобы защитить товарища.

Его крик, разнёсшийся далеко-далеко. И вот волна врагов снова откатывается от них как от несокрушимого барьера. Но враги снова наступают — и вот ранены ещё двое. Ряды сомкнулись ещё крепче и ещё яростнее стали атаки.

Один, второй, третий, десятый, двадцатый… Враги подбегали и откатывались от них как от несокрушимой стены. Но их было много, слишком много… Вот защитников уже всего лишь пять — остальные ранены или убиты.

Четверо…

Трое…

Двое…

Остались лишь Хротгар и воин, первым вышедший поддержать его. Вот он разворачивается к Хротгару, а в глазах его — великая мудрость и понимание.

«Сразимся, брат!» — и становится к нему спиной, защищая.

Так, стоя спиной друг к другу и отбивая сыплющиеся удары, они продержались ещё две минуты. А потом добрых семь десятков воинов подмяли их под себя и опрокинули — и устремились к монастырю, подбадривая друг друга диким рёвом…

* * *

Мгновение? Вечность? Сколько же прошло времени? Он не знал — помнил лишь свой последний бой и удар секиры, настигнувший его. Он не погиб? Не погиб… Его посчитали мёртвым и не стали добивать.

Но… раз они не смогли их удержать… выходит, что монастырь всё-таки был разграблен и предан разрушению. Они не смогли остановить их… не смогли… Он застонал — даже не столько от боли по всему телу, сколько от ноющего чувства тоски и печали. Они не смогли их остановить… Он и одиннадцать так и оставшихся безымянными воинов. Приложив неимоверные усилия и закричав от прорезавшей тело боли, он таки сумел подняться.

Около тридцати бойцов лежали неподвижно, обратив глаза к небу. И среди них — его смелые воины. Погибшие… Пусть они, достойные, будут не прокляты, но благословлены и найдут мир в том мире, где они сейчас находятся!

Он огляделся по сторонам — драккаров рядом уже не было. Выходит, бой уже закончен, и воины отправились домой. Значит, монастырь уже не спасти… Но, может, хоть кто-то остался там жив. Хоть кто-то… Если даже хоть кто-то из них жив — он обязан помочь ему, обязан спасти… Хоть так он сможет исправить свою ошибку. Да и пути назад у него теперь уже нет, он изгнанник и проклятый — проклятый своим же народом… пусть уж лучше его считают мёртвым.

По-прежнему сдерживая стоны от невыносимой боли, он поднялся и медленно зашагал по направлению к монастырю. Тысяча метров, всего какая-то тысяча метров… его долг.

Он шагал и падал. Затем поднимался и вновь шагал. И вновь падал. Затем он пополз по земле.

Может быть, прошёл день. Может быть, прошла целая вечность. Он не знал — у него теперь была лишь одна цель и один путь, и он шёл по нему. Даже практически без сил — всё равно шёл. Когда же, наконец, его затуманенному взору предстали стройные стены монастыря, он приподнялся на обессилевших руках и улыбнулся.

«Я всё-таки нашёл тебя», — еле слышно прошептали его губы, и он неподвижно замер на земле.

* * *

Тихая печальная песня. Чьи-то руки, скользящие по его лицу. И затем — холодная струя воды. Он закряхтел и шевельнулся.

«Жив!» — сквозь обволакивающую его пелену услышал он.

Жив. Он всё ещё жив. Для чего же он жив, если он не сумел выполнить свой долг? Для чего?

Попытался открыть глаза — но лишь смутное красное марево предстало его взору. Тогда он прикрыл их и погрузился в сон. Он спал и спал. Временами он просыпался на какие-нибудь десять минут, а затем вновь засыпал.

Когда же он проснулся и в очередной раз попытался открыть глаза — кровавого марева уже не было. И тогда он смутно различил человеческую фигуру, склонившуюся над ним, и услышал её голос — ласковый голос девушки.

«Спи, тебе ещё рано двигаться. Раны ещё не зажили. Спи». Он не сопротивлялся сну.

Потом временами он пробуждался, чтобы вновь услышать её голос и попытаться сквозь дымку разглядеть её лицо — и ему очень долго не удавалось этого сделать. Но однажды настал день, когда он смог подняться с постели без посторонней помощи, и зрение и слух его прояснились.

«Я всё-таки нашёл тебя», — отчего-то пришли на ум совсем уже, казалось, ставшие далёкими слова.

Да, это была девушка, ещё совсем юная — семнадцати-восемнадцати лет. Вот только в глазах её читалась уже совсем взрослая твёрдость.

И тогда он решился спросить.

— Где я?

— Ты в нашей обители, — ответила девушка. — В моей обители, — добавила она и всхлипнула.

— Ты… ты помогла мне… Почему?

— Ты не один из тех, кто напал на нас в тот день. Я это сразу поняла. Наши… мои… братья… увели напавших в леса… и погибли там… выжившие варвары вернулись сюда… и разграбили монастырь. Все те, кого удалось одолеть моим братьям, остались в лесах, ты же подошёл прямо к стенам монастыря. Если бы ты был в числе напавших — ты не рискнул бы этого сделать. Ты не из тех, кто убил моих братьев, — сказала она очень твёрдо.

— Д-да… это т-так, — еле слышно прошептал он всё ещё не слушающимся его языком.

— Тогда зачем ты пришёл сюда? — и она подвинулась к нему совсем близко, не сводя своего изучающе-требовательного взгляда с его лица.

— Я хотел… хотел остановить их… и… и не смог… прости… прости меня, если… можешь.

— Ты хотел помочь нам? — в глазах её выразилось крайнее удивление, — почему? Ты ведь из их же народа… ты пошёл против них?

— Я… не мог… допустить… бойни, — слова шли очень медленно и тяжко из его горла.

— Но она всё-таки была допущена… Впрочем, какое это теперь имеет значение! Спи, выспись, потом расскажешь мне остальное.

Она была права, ему сейчас требовался отдых, много отдыха — и он вновь погрузился в столь манящий его сон.

* * *

Он проснулся и почувствовал её тёплую руку у себя на лбу. Не стал открывать глаз — лишь пытался прислушаться к её мерному дыханию. Когда же он, наконец, всё-таки открыл их — она убрала свою руку с его лба и поднесла к нему пропитанную чем-то холодным губку.

— Проснулся? — на этот раз её голос был заметно более приветлив, чем в прошлый, — ладно, вставай, ты уже вполне можешь это сделать.

Он попытался приподняться — и впервые за много дней его тело послушалось его. Тогда он сел на постели и окончательно прояснившимся взором взглянул на неё. Она была удивительно красива — по крайней мере, почти наверняка она должна была быть красавицей по меркам её народа.

Русые волосы спадали до плеч, а на губах блуждала улыбка — впервые за много дней. В глазах была живость и в то же время совсем уже взрослая стойкость. Белая роба была на ней.

— С… сколько я спал?

— Неделю, почти неделю ты пробыл здесь. Практически только спал, очень мало ел. Ты, наверное, сейчас этого уже не помнишь, для тебя, должно быть, прошли всего лишь минуты.

— П… почему ты помогла мне?

— Ты ведь хотел помочь нам? Даже если тебе это и… не удалось — ты не был с этими варварами заодно. Я обязана была помочь тебе, это был мой долг. Если бы только ты успел раньше… если бы успел… Хотя… что ты мог сделать против сотни воинов…

— Н… не один. Я сражался с ними не один… Нас было… двенадцать. Все они… погибли.

При этих словах слёзы выступили на его огрубелых щеках — а ведь он ни разу ещё до этого не допускал себе столь крайне непростительной слабости.

Девушка как-то печально и в то же время с надеждой улыбнулась.

— Всё-таки ещё есть на свете люди, не потерявшие своё сердце, всё-таки есть. Жаль только, что ты не смог нам помочь. Но что бы даже двенадцать воинов могли сделать против доброй сотни…

— Ты говорила, твои братья погибли.

— Да, варвары убили их всех. Я была единственной сестрой в этом монастыре… и единственная осталась в живых… только чтобы оплакивать их смерть.

И она, несмотря на всю свою внешнюю кажущуюся стойкость, заплакала.

— Как же ты тогда осталась в живых? Они не тронули тебя?

— Я… спряталась в монастыре. У нас был… секретный ход… и туннель, ведущий из монастыря, — продолжая всхлипывать, говорила она, — в нём я и переждала бурю, как велел мне мой отец. Вот только эта буря уничтожила всё, мне дорогое…

Казалось, она сейчас совсем забудется в своём горе при этих воспоминаниях. Он вытянул свою руку и взял её руку в свои ладони. Пусть знает, что она всё же не одинока в этом мире.

Они молча сидели, крепко сжав руки друг друга. Так прошло минут десять. Наконец, она сумела успокоиться.

«Отдыхай, воин», — тихо прошептала она и вышла.

* * *

День, второй, третий…

Неделя, другая, третья…

Он полностью оправился от своих ран, и они смогли беседовать каждый вечер.

Ей теперь очень не хватало этих простых человеческих бесед — и ему не хватало тоже. В этом они были похожи друг на друга — оба стали изгнанниками, оба лишились близких. Постепенно она стала приходить к нему всё чаще и чаще. Когда она, случалось, вспоминала о слишком памятных ещё днях своего горя — он утешал её. Иногда она просила его рассказать о своих сражениях — и настолько внимательно слушала его, как его не слушала никакая из женщин прежде.

Затем пришли их дни совместных прогулок по окрестностям обители. Это были замечательные дни — светлые и солнечные дни весны. Зимний снег растаял, и вместе с ним, кажется, канули и все тревоги. Это было чудное время. Может, одно из лучших в его и её жизнях.

Они стояли, обнявшись, под кроной какого-то дерева, сквозь листву которого просвечивало солнце и играло лучами на их лицах. Он тогда говорил ей эти слова — слова своей любви. Он поклялся, что они никогда не расстанутся и всегда, всегда, в жизни и смерти — будут вместе. Вечно будут вместе. Всегда.

Её, единственную её, он по-настоящему полюбил. Как не любил никого другого — он любил её. Он и сейчас любит её. Он будет любить её всегда — в жизни и в смерти.

* * *

«Готовьтесь! Всем разойтись! Зажигай!»

Пламя метнулось вверх, отчаянно стремясь в одно мгновение пожрать неподатливый кусок дерева и прикреплённого к нему человека. Вот языки его всё ближе и ближе — уже пляшут перед глазами. Скоро этому придёт конец. Скоро конец…

Земное счастье их было недолгим. Через год случился новый набег его орды — но было лишь двое защитников, готовых противостоять им — он и она. Они были схвачены, и он был узнан. Сначала его посчитали мессией, воскресшим из мёртвых, — но потом кто-то заявил, что он просто не сумел хорошо вонзить этому предателю свой топор в грудь. Хротгар не видел говорившего эти слова — вот только голос его показался ему очень знакомым…

Предателей не прощают. Судьба их — смерть через сожжение. Небывалая казнь для его народа — обычно их убивали в честном бою. Видимо, даже честного боя он, по мнению своих братьев, оказался не достоин — только лишь удара в спину. Её тоже должны были сжечь как его пособницу — и это было страшнее всего. Но, как оказалось, не для неё, только не для неё.

«Я буду с тобой всегда, помнишь? В жизни и в смерти».

«В жизни и в смерти — всегда», — ответил он.

И они обнялись в последний раз в этой жизни. Её увели, а затем так же прикрутили железными канатами к такому же столбу. И зажгли пламя.

* * *

Пламя метнулось вверх слепящими и обжигающими волнами, пожирая свою законную добычу — но боли уже не чувствовалось. Два горящих столба. Два мужественных человека.

«Вместе — всегда!» — что есть силы прокричал он.

«Всегда!» — донеслись до него её слова.

Вот новый натиск стихии — и оба они скрылись в огне.

Толпа кричала. И лишь немногие, отвернувшиеся от этого пожарища, давали себе клятву — священную клятву истинных воинов — никогда больше не допускать подобное. Бороться за справедливость, бороться — всегда. Лишь эти немногие видели, как два светлых духа, оторвавшись от пламенных столбов, взмыли ввысь. Как они обнялись и улыбнулись друг другу — и устремились в небеса.

«Вместе — всегда», — услышали эти несколько.

«Всегда», — повторили они.

03.01.2005

История одного поединка

Сэр Гарольд ожидал своего решающего часа. Он ходил взад-вперед по промёрзшей земле, периодически для храбрости постукивая мечом о железную оковку щита, — но даже ему, прошедшему через десятки турниров с живыми соперниками, теперь было совсем не по себе. Он ещё раз проверил своё обмундирование, потуже нахлобучил итак изрядно плотно сидевший на голове шлем, проверил подвижность пластин предплечий и суставов доспеха, тихо выругался себе под нос, безуспешно пытаясь подправить несколько сползший правый латный сапог, и, наконец, как будто бы оставшийся довольным проведённой ревизией, остановился, закинул повыше на плечо припасённый с собою щит и что есть силы воткнул меч остриём в землю, попутно облокотившись на получившееся подобие подлокотника. Сэру Гарольду оставалось только ждать — потому что ничем иным, за исключением пары сотен простиравшихся ровными рядами могил, это, хоть и освящённое, но всё же хранившее до сих пор какую-то зловещую тишину место, похвастать не могло. Его возлюбленная, прекрасная дева Ангелина, должна была появиться с минуты на минуту…

* * *

Сэр Вильям сегодня был в превосходном настроении духа, вызванном даже не столько теми парой литров отборного красного, которые он, разгорячённый созерцанием оголённых женских ножек, успел незадолго после начала бала принять себе на грудь, печень и сердце, сколько теперь уже ставшим слегка смутным осознанием того, что именно сегодня, в этот благословенный монархом день, ему наконец-то улыбнулась удача. Дочь местного графа, организовавшего сие поистине горячее (ик!) торжество, дева Анжелина, после, казалось бы, совершенно безуспешного месяца ухаживаний, подхаживаний, хрипения серенад и мучительно бессмысленного стояния у окон наконец-то дала своё согласие на их совместную персональную встречу, которую она недвусмысленно назвала свиданием. И всё было бы просто замечательно, если бы не (ик!) весьма странное место для указанной встречи, которое она, движимая одной ей понятной женской мудростью, решила избрать. Нет, конечно же, бесстрашный сэр Вильям не боялся никаких мертвецов, покойников, усопших, умертвий, убитвий и прочая, в особенности сейчас, разгорячённый третьей доканчиваемой бутылкой, но всё же выбор кладбища местного городка был весьма… экзотическим выбором для такого рода встреч.

Сии мысли вились у сэра Вильяма в голове, пока он безуспешно пытался оторваться от двух зол сразу — красного и женского. Они, эти два зла, два чертовски приятных искушения, всё ещё продолжали пытаться соблазнять его, пока он, сейчас вмиг вспомнивший об этой самой встрече и почти столь же мгновенно протрезвевший, плавно, стараясь не наделать лишнего шума в прихожей, попутно маневрируя между кучами железных аксессуаров, разбросанных пришедшими гостями в совершенно бессмысленной и хаотической манере, пробирался к месту дислокации собственного инвентаря.

По-прежнему стараясь действовать аккуратно, что, впрочем, после четвёртой начатой было бутылки было делом весьма трудоёмким, сэр Вильям всё-таки сумел выгрести из созданной ранее собственной железной кучи свой шлем и смаху нахлобучить его на почему-то ставшую изрядно поседевшей голову. Надеть нагрудник оказалось сложнее — как-никак, но и вино, особенно красное, в дополнение к пиву способно временами как-то неожиданно, нещадно и откровенно бессовестно полнить, — однако после двадцати минут чертыханий и коленопреклонений ему удалось и это. А вот с наголенниками вышла заминка. Перебрав все варианты (предположительно правый — на левую ногу, очевидно левый — на предположительно правую ногу и так далее), он, наконец, был вынужден бросить это чертовски бессмысленное занятие, обрекая тем самым свои собственные ноги путешествовать в новых и плотных, но, к несчастью, немного сальных панталонах. Последними в сегодняшнем меню (после красного бургундского, разумеется) оказались латные рукавицы и уже немного затупившийся после последнего поединка пятилетней давности меч. Наконец, спустя почти полчаса после начала собственного обмундирования, забросив правой рукой на плечо меч, а в левую взяв заранее припасённый букет алых как кровь или бургундское роз, сэр Вильям неспешной и твёрдой поступью направился по направлению к местам значительно более тихим и мирным, нежели замок отца его возлюбленной…

* * *

Сэр Гарольд уже начинал терять терпение. Прошло уже достаточно много времени с того момента, как Ангелина должна была прийти, — но её след ещё даже не появлялся, не говоря уже о том, чтобы простыть.

А простыть здесь было не так уж и сложно — к полуночи начал дуть промозглый северный ветер, а высоко в небе стали сгущаться тучи, намереваясь, судя по всему, вскорости окропить грешную землю своими долго сдерживаемыми слезами. Над землёй, отдающей последнюю дань тепла воздуху, откуда ни возьмись стал сгущаться туман. Сэр Гарольд, последнее время всё чаще похлопывающий себя по железному панцирю латными рукавицами и постукивающий пятками ног по затвердевшему грунту в тщетной надежде согреться, уже готов был бросить сие бессмысленное с точки зрения местопрепровождения занятие, как вдруг его взору предстало совершенно необъяснимое, завораживающее и пугающее явление.

Прямо по направлению к нему медленно и столь же неумолимо, шатаясь из стороны в сторону, раздвигая ногами непослушный сизый туман и бормоча что-то зловеще невнятное себе под нос, шёл мертвец. Прямо на него шёл оживший покойник — само воплощение этих адских мест, куда предательница Ангелина уговорила таки его прийти!

Сейчас уже у Гарольда не было в этом никакого сомнения — часы, проведённые в этом наземном склепе, были вящим тому подтверждением. Страх перед внезапно появившимся врагом, любопытство перед ним же, гнев на взбалмошную дочурку дурацкого графа, благоговение перед ней же — всё это сейчас смешалось в сердце рыцаря Гарольда в одну поистине взрывоопасную смесь похлеще той, что умел делать из красного бургундского рыцарь Вильям.

Сам не отдавая себе отчёт о том, что же он сейчас пытается сделать, Гарольд ринулся в направлении порождения этих полночных могил, размахивая собственным мечом и инстинктивно закрывая лицо щитом, попутно что-то крича.

Один Бог мёртвых ведает, что он кричал тогда. Быть может, это были последние слова воина, внезапно осознающего приближение конца своего пути и в первый и последний раз дерзнувшего взглянуть в лицо собственной смерти… Или, возможно, это были слова влюблённого, грудью бросающегося на врага, чтобы прикрыть своего ставшего единственным в этом мире человека… Или, быть может, это были взаимные предсмертные проклятья двух друзей, сейчас зашедших в своей ненависти уже слишком далеко… Да чёрт его знает, что он там кричал — в такие минуты поистине трудно дать себе в этом отчёт! Как бы то ни было, но в тот самый миг, когда он, наконец, достиг умертвия и со всей дури вмазал ему мечом прямиком в раскрытую грудь, последними его словами были «…охни, тварь!»

«А-а-а-а-а-а-й-й-й-й-й! Больно же! Да я тебя сейчас как!» — завопило умертвие и, сбросив с левой руки неизвестно откуда взявшийся там шлем и оголив ноги (или они изначально были таковыми?) выскочило вперёд, в свою очередь неистово размахивая мечом.

«Да я тебе сейчас! Вот так! И вот так! Вот так! И так! В-у-у-у-у-х!» — продолжало неистовствовать оно, кружась на месте и посылая удары неизвестному сопернику.

Наконец, либо воодушевившись сделанными успехами, либо окончательно растратив весь боевой накал, оно вдруг так же внезапно перестало крутиться и тупо уставилось вперёд.

— Гарольд! — Вильям! — Вильям! — Гарольд! — внезапно заорали и умерший, и чуть было не умерший.

— Ты что здесь делаешь?! Ты меня чуть не убил, остолоп ты железный!

— Да ты на себя глянь, вырядился как покойник и шляешься ночью мертвец знает где!

— Мальчики! — внезапно раздался приближающийся женский голос. — Мальчики, не ссорьтесь!

И с этими словами перед ними как оборотень из ночи в немного растрепавшемся от быстрого бега и покрытом пледом платье возникла никто иная, как сама дева Ангелина, она же Анжелина, она же Анжелика, она же Анжела для членов её семьи, она же просто «моя возлюбленная».

— Я вам сейчас всё объясню! — сладко пообещала она. — Тут… накладочка вышла, — призналась она.

— Ты! — выдохнул сэр Гарольд.

— Ты! — повторил то же самое Вильям.

— Да как ты! — прохрипел Гарольд.

— Да ты как! — перефразировал его Вильям.

Казалось, что бывшие друзья, уже почти отошедшие от совместно пережитого шока встречи, сейчас вновь готовы вцепиться друг другу в глотки.

— Дуэль! — крикнул сэр Вильям.

— Дуэль! — подтвердил его опасения сэр Гарольд.

— До первой крови! — уточнил сэр Вильям.

— Замётано! — ободрил его сэр Гарольд.

— Начинай! — разрешил сэр Вильям.

— В бой! — констатировал сэр Гарольд.

— М-а-а-а-а-а-а-а-ч-ч-ч-ч-ч-и-и-и-и-и-и-и-и! — внезапно завопила Ангелина.

И уже почти состоявшийся бой так и стал несостоятельным.

— Дак ты… — начал было сэр Гарольд.

— Специально свела нас… — продолжил было сэр Вильям.

— Для тебя это было… — предположил сэр Гарольд.

— Развлечение! — ужаснулся сэр Вильям.

— Ах ты… — почти разгневался сэр Гарольд.

— Никчёмная графоманка… — почти успокоился сэр Вильям.

— Графодочка, — поправил его сэр Гарольд.

— Графо-еще-одна-никчемно-потраченная-ночка, — заплетающимся языком всё-таки выговорил сэр Вильям.

— Пошли отсюда, — предложил сэр Гарольд.

— Разумно, — подытожил сэр Вильям.

— Мальчики, мальчики, погодите, вы куда? Вы что, не собираетесь драться за меня?! — удивлённо и испуганно спросила дева Анжелина, быстро окинув их обоих взором. — И зачем тогда я, спрашивается, специально просила вас надеть на себя эти ржавые консервные банки, и зачем я специально сдерживала себя больше месяца, и зачем я попросила своего отца купить на этот бал этого чертового красного бургундского, от которого у одного из вас окончательно снесло шлем и потекли эти розовые бургундские сопли?! — неистовствовала она.

— Я не сражаюсь с земляками! — ответствовал сэр Гарольд.

— Особенно за таких, как ты! — приветствовал ответствование сэр Вильям.

— Минутку, минутку, вы что, знаете друг друга?! — изумилась Ангелина, стараясь удержать на себе почти слетевший со спины плед.

— Немного… — уклончиво ответил сэр Гарольд.

— Сражались когда-то в турнире, — развеял сомнения сэр Вильям.

— И-и-и… и кто победил? — не нашлась спросить ничего более подходящего Ангелина.

— Неважно… — уклончиво ответил земляк Вильям.

— Уходим, — подытожил земляк Гарольд.

— По бургундскому? — предложил рыцарь Вильям.

— На такой конец сгодится и оно! — уверил его рыцарь Гарольд.

И с этими словами два знавших друг друга почти пять лет земляка, два рыцаря без страха и упрёка, два поклонника и покорителя дам и два любителя красного бургундского неспешной походкой, продолжая что-то говорить и одобрительно стучать друг другу латными рукавицами по плечам, направились прочь из скорбного места горечи, вечности и любви, в этот день скорбно ставшей горечью в вечности.

Они удалялись — а виновница будущего торжества, взбалмошная дева Ангелина, она же Анжелина, она же, наконец, просто Анжелика, сидела на надгробном камне и плакала.

О чём плакала она в тот день? О чистой вечной любви, которую всегда так хотелось иметь, и которую всегда приходилось убивать в угоду принятым в обществе нормам? О гордом и непоколебимом мужском начале, колеблемом красным бургундским? О собственном бессилии решить что-либо силой? О собственном нежелании теперь что-либо решать? Да мертвец её дери, если я знаю, о чём она думала в ту тёмную и траурную ночь!

Но, как бы то ни было, и эта казавшаяся вечностью ночь однажды закончилась, а наутро из ничем не примечательных апартаментов графского замка раздался до боли знакомый голос: «Ну и где, чёрт возьми, моя последняя припасённая бутылка бургундского?!»

Мораль: чем меньше женщину мы знаем — тем легче жить нам будет с ней, чем больше тайн мы их познаем — тем вместе жить нам лишь мертвей.

26.08.2008

Фантазия

Фантазия

Фантазия…

Так назывался волшебный мир, где рождались творческие души. Единственный и уникальный в своём роде, он был жемчужиной мироздания. Мир фантастических законов физики, с лёгкостью выходящих за космические пределы тех, что были привычны для иных планет Сферы, он стоял особняком с самого момента своего сотворения. Почти никто из живущих в нём, включая даже верховных Магов, не ведал о том, когда именно он был сотворён и какую неописуемую словами творческую цель преследовал создавший его, — но родиться в нём считалось великой наградой, которой удостаивались немногие. Лучшие представители множественных миров Сферы с пробуждённой творческой искрой внутри своих неугасимых душ — в первую очередь такие и могли ступить на его плодородные земли, облекшись, точно в панцирь, плотью.

Что может быть лучшей кузницей для творцов, чем мир, подвластный их фантазии? А здесь она была способна творить чудеса. Долгий путь предстояло пройти будущим творцам, чтобы разжечь свою творческую искру в иных мирах Сферы, — и ещё больший для того, чтобы полностью овладеть ею в прекрасной Фантазии. И право называться полноправным Магом удостаивался в ней далеко не каждый.

* * *

Обессиленный Лор-Кинор остановился и упал на колени, жадно вбирая лёгкими вечерний воздух. После двух часов непрерывного бега по жарким и опасным джунглям Ротанора последние запасы сил были совершенно исчерпаны, — но ему удалось оторваться от передовых разведчиков Легиона.

Лор-Кинор мог бы назвать себя разведчиком, или рейнджером, или танцующим-на-краю, или смотрящим-издалека, но сам он предпочитал считать себя просто воином, не лишённым при рождении творческой небесной Искры. Прошлое его было туманно. Отец его, обычный десятник, много лет назад погиб в бою с воинами Легиона Девяти Богов при осаде Рахлигара — аванпоста Легиона в западных землях Фантазии. Затем Лор-Кинора взял на воспитание его дядя, бесследно исчезнувший пару лет спустя во время Огненного Бунта. А родная мать умерла ещё при родах.

С тех пор Лор-Кинор стал скитальцем, бороздящим просторы Иллюмиона от северных границ к южным, зарабатывая свой кусок хлеба выполнением частных поручений правителей княжеств Иллюмиона, именуемых наставниками. И именно это его последнее поручение от наставника южного княжества Сулинор обещало стать самым серьёзным испытанием за его многолетнюю жизнь — а, возможно, и за многие десятилетия жизни самого Иллюмиона.

Легион Девяти раньше промышлял преимущественно в южных землях Иллюмиона, большая часть которых приходилась на княжество Сулинор, но после одной из самых кровопролитных битв, которую когда-либо знала история Иллюмиона, в ходе которой столкнулись десятитысячные армии Иллюмиона и Легиона Девяти Богов и, понеся огромные потери, войска Иллюмиона под руководством самого Оракула вместе с Архимагом Академии сломили атаку проклятых адептов Легиона на крепость Ривал и перешли в контрнаступление, захватив около трети северных владений Легиона в Фантазии, активность Легиона Девяти значительно упала, прекратились набеги на незащищённые поселения и насылаемые колдунами Легиона на слабоверных жителей Иллюмиона моры и порчи. Многоголовой гидре отрубили одну голову — но на её месте уже почти выросла новая.

Тяжело дыша, Лор-Кинор привстал на одно колено, всматриваясь с Пика Семи Звёзд, служившего самым высоким местом на всей территории Ротанора, в открывающиеся его орлиному взору горизонты в стремлении увидеть передвижение следовавших за ним по пятам разведчиков Легиона, ещё не знавших о его точном местонахождении.

У этого пика была своя история. Легенды гласили, что многие тысячелетия тому назад именно здесь опустились на землю Фантазии небесные звёзды — вестники иных миров, прочертившие путь от горизонта и до горизонта по бескрайнему лиловому небосводу. Вестники эти символизировали рождение в землях Фантазии семи Оракулов — почти непобедимых провидцев-пророков, способных видеть будущее и управлять временем. Шестеро из Оракулов к настоящему моменту уже ушли в иные миры, взойдя на небо в ослепительном белом сиянии, свидетели которого описывали его в оставшихся у потомков хрониках не иначе как непредставимую и неизвестную даже лучшим из магов Академии высшую магию Света. Лишь один из них до сих пор жил в Фантазии — став, как и Лор-Кинор, добровольным скитальцем после тяжёлой победы в битве за Ривал.

Иногда, раз в несколько лет или даже десятилетий, он появлялся на тропах Иллюмиона в образе седовласого старца с небесно-голубыми глазами и длинным светящимся в ночной темноте посохом, а потом также внезапно исчезал на годы вперёд. Никто не дерзал прервать его путь и расспросить о тяготах возложенного на него бремени — никто, кроме Лор-Кинора, встретившего его по воле неведомых законов судеб в первый год собственных скитаний. Много песка с тех пор просыпалось в часах Вечности, и много воды утекло в полноводных реках Фантазии, но где можно будет отыскать Оракула в случае возникновения великой опасности для мира — это Лор-Кинор помнил до сих пор с самого момента той памятной встречи.

Сейчас он стоял, преклонив колено на Пике Семи Звёзд, а мысли его блуждали далеко за пределами того, что лишённые творческой Искры жители Фантазии считали смыслом своих простых жизней. Он думал о вечности, о бесконечном множестве форм битвы добра и зла, о подвиге и предательстве, о героях и отступниках, о смысле жизни и смерти. Этот внутренний огонь поиска, существовавший в нём с детства и в последние годы нашедший своё сочетание с пробуждающейся творческой Искрой, всегда согревал его в минуты опасности, придавая новые силы для битвы со злом — в том виде, как это понимал Лор-Кинор.

После того, как ушли шестеро из Оракулов, родился Легион Девяти Богов. Так назвали сами себя те, кто многие столетия тому назад составлял первый круг Академии Магов. Познав множество способов управления реальностью Фантазии через творчество, получив огромное политическое влияние в землях Иллюмиона, они захотели ещё большего — им стало нужно бессмертие. Но такой магией Фантазия не обладала — и, видимо, в этом был свой сокровенный и великий смысл. Лишь Оракулам было доступно нечто такое, что выходило за пределы могущества Круга Девяти, названное высшей магией Света. Лишь эти таинственные посланцы небес могли, точно Ангелы, воскрешать, даровать неуязвимость в бою и замедлять неостановимый ход вечно бегущего времени.

Зависть к Оракулам и желание получить бессмертие толкнуло этих девятерых верховных магов на самое великое из преступлений, которое когда-либо видели земли Фантазии. Они вместе со своими многочисленными сторонниками и адептами восстали против Оракулов, желая пленить их и получить сокровенные знания, наивно в слепоте своей полагая, что можно насильственно позаимствовать эти возможности. Обуянные жаждой бессмертия маги забыли о главном — Оракулы видели будущее и знали о готовом родиться предательстве. Когда посланники магов пришли с разорением в долину, где проживали Оракулы, они не нашли там ничего, кроме своего собственного страшного будущего.

Магия Фантазии неведомым образом изменила адептов Круга вместе со своими наставниками, исказив до неузнаваемости их черты. Точно монстры из преисподней, лишённые разума, эти страшные твари метались по долине в поисках своих жертв, пока стремительная деградация их разума не привела к тому, что они кинулись друг на друга, разрывая рождёнными клыками и когтями плоть собственных товарищей. Маги же Круга стали живыми, лишёнными душ мертвецами, один вид которых был способен привести в содрогание сердца даже самых храбрых из воинов. Вместе с остатками своих адептов и сторонников ушли они из Иллюмиона далеко на юг, чтобы, вновь набрав силу спустя многие десятилетия, стать Легионом Девяти Богов, Легионом Проклятых, Легионом Шепчущих во Зле — как их по-разному называли в различных краях Иллюмиона. На следующий день шестеро из Оракулов взошли на небо, и лишь один остался в пределах Фантазии для одному ему ведомых конечных — или же бесконечных — целей. Лишь один бессмертный на весь мир.

Лор-Кинор расправил плечи и улыбнулся. Послание для Оракула будет передано — и сделают это более совершенные в этом деле, чем он, одинокий бороздящий равнины, пустыни и джунгли Фантазии странник.

Шаг, второй, третий — и вот он уже кружится в танце. Ещё несколько шагов — и руки сами складываются в жесты для призыва Шимов. Ещё минута — и вот он уже совершает прыжки, словно в невесомости замирая на несколько мгновений в ставшем таким податливым и упругим для его тела воздухе. Ещё несколько секунд — и тело его поднимается в воздух, левитируя над поверхностью земли. Танцующий-на-краю знает своё дело. Танцующий-на-краю отдаётся на волю своей светлой творческой Искры.

Этот танец был тем даром свыше, который стал постепенно проявляться в нём после гибели его отца в битве со врагами Иллюмиона. Мало-помалу, движение за движением, он точно вспоминал нечто давным-давно забытое, отложенные на минуту крайней нужды знание и силу. Год за годом в ходе его одиноких скитаний он отдавался на волю этой толкавшей его вперёд силе — а Фантазия совершала для него остальное. Фантазия могла творить чудеса.

Невидимые простому глазу обычных жителей Фантазии сверкающие и переливающиеся лиловым цветом волны растекались вокруг парящего в воздухе Лор-Кинора, проникая с пика в джунгли Ротанора — маленького независимого королевства, населённого низкорослыми коренастыми жителями, освоившими искусство полёта на Шимах — огромных бабочках, превышающих рост человека и ставших для жителей Ротанора неотъемлемой частью их жизни и культуры. Шимы обладали собственным сознанием и видением и могли откликаться на посланный для них зов — во всяком случае, они были подвластны Магии Танца, творимой обладающими творческой Искрой, пусть даже такие и не были, и не желали быть студентами Академии.

Ещё шаг, ещё. Танцующий в воздухе человек с замирающим от восторга сердцем. И вот из джунглей к нему на встречу уже летят десятки разноцветных бабочек-Шимов, сверкая и шелестя своими крыльями на фоне заходящего солнца. Вот они парят невысоко над землёй на одном уровне вместе с ним. Вот он хватается за крылья одной из них, изо всех сил мысленно представляя ту долину в землях Дальвинора, в которой ныне должен был тайно проживать Оракул. Вот десяток крылатых бабочек точно небесные птицы взмывают вверх, неся его на своих крыльях туда, куда он попросил их в своём мыслепослании.

Полёт. Свобода. Звенящий в ушах ветер. И вечернее солнце светит им вослед.

* * *

Последний оставшийся в Фантазии седьмой Оракул, ангельское имя и задачи которого не знал никто из живущих в пределах Сферы Миров простых смертных, держал руки на голове вожака Шимов, считывая переданное для него послание. Доступ в его долину был закрыт от чужеземцев, пусть даже и повстречавшихся ему на его бесконечных путях среди планет Сферы, но доступ для таких коренных жителей Фантазии, как эти огромные, разумные и обладающие навыками телепатии бабочки, был открыт всегда.

Выходит, что сны не обманули его. Грядёт величайшее вторжение Легионов — такое, какое Иллюмион не видывал уже с момента сражения при Ривале. Авангард их армии, насчитывающий минимум несколько десятков тысяч голов, продвигается с юга Фантазии из Топей Смерти через Ротанор на южные рубежи Иллюмиона, в княжества Сулинор и Дальвинор.

С тех пор, как магия Фантазии превратила этих некогда разумных, но злобных людей в бесноватых монстров, их естественный прирост увеличился как минимум в два раза. Злоба же, запечатлённая на обезображенных желтоглазых лицах, была сродни злобе диких зверей, населявших западные леса Тайгании.

После разгрома при Ривале, в ходе которого были также навеки уничтожены трое из некогда верховных магов Круга, Легионы отступили надолго, не дерзая устраивать вылазки против небольших поселений, — и лишь в последние годы их увеличившаяся активность на южных рубежах Иллюмиона вызывала всё больше вопросов об их подлинных планах. Теперь у Оракула был ответ и на этот вопрос.

Огнём, мечом и запрещённой в Иллюмионе Магией Смерти пройдутся Легионы по его южным владениям, если Академия Магов и Хор не будут предупреждены об опасности заранее. В Академии Иллюмиона были те, кто владел Магией Созерцания, но адепты Легионов давно научились создавать завесы от подобных любопытствующих, и обнаружить приближение их армий могли только живые разведчики.

Оракул поднял руки, высвечивая на водной глади озера запечатлённые в своей памяти Лор-Кинором и переданные через Шимов образы, имеющие отношение к передвижениям армии Легионов. Грядёт сражение — и ему как одному из добровольно оставшихся Вестников вновь придётся встать рука об руку с теми, кого он вместе с этим миром ещё до прихода в него поклялся защищать перед своим Создателем от зла даже ценой собственной жизни в этой телесной форме.

Мало кому из смертных, рождённых в этом мире, доводилось видеть подлинную форму и облик Оракулов, ведь в нём имелось нечто от запредельного — даже для магии Фантазии. И только в такой, подлинной, белокрылой форме Оракулы могли творить настоящие чудеса среди множества чудес этого удивительного мира.

«Он стоял на коленях, и голос дрожал.

Он стоял на коленях, молитву шептал.

Он стоял на коленях в далёком краю.

Он стоял на коленях за землю свою».

Так впоследствии напишут Хронисты об этом седьмом Оракуле. А сейчас он стоял на коленях, обращаясь к своему Создателю и творцу Фантазии с просьбой о помощи в победе над злом.

Был ли это особый вид магии, существующий в Фантазии и так и не изученный в стенах Академии? Или, быть может, это был зов его сердца — не оставившего этот мир после произошедшего в нём предательства?

Белые крылья сложены за спиной, а взгляд устремлён в небеса. Время течёт, время замирает. Спокойствие против ненависти. Храбрость против трусости. Подвиг против предательства. Так было всегда, так будет всегда. Это вне времени.

Взмах белых крыльев — и время будто останавливается. Теперь у войск Иллюмиона есть время. Время для каждого имеет свой собственный ход.

— Лети, — мысленно прошептал он вожаку Шимов. — Неси моё послание людям!

* * *

Орда Легиона неспешно подходила к южным рубежам Иллюмиона, намереваясь штурмовать столицу Сулинора — Аскензию. Но здесь их уже ждали. Объединённые войска Иллюмиона, включавшие в себя не только столь привычных лучников, латников и копейщиков, но и практически полный состав Академии Магов, включая даже подмастерьев, а также прославленный в битвах Хор.

Академия Магов, рождённая как альтернатива предавшему и обратившему во зло магию Фантазии Круга Девяти, первой получила послание Оракула. Чары, использованные им для локальной остановки времени, не поддавались пониманию лучших из верховных магов Академии, включая и самого Архимага. Но это были сущие мелочи в преддверии грядущей войны. Получив послание, Академия собрала всеобщий совет, уведомив о готовящемся вторжении королевский двор, а также верой и правдой служивший ему Хор.

Хор был летописной притчей во языцех. Магия Песни, сопровождаемая льющейся из боевых органов музыкой и не уступавшая по силе Магии Рифмы, которой обучались маги Академии, творила настоящие чудеса на полях многочисленных сражений, придавая мужества и смелости своим воинам и обращая в панику орды противников. Среди хоть единожды слышавших боевые песни Хора воинов до сих пор ходили слухи о том, как некоторые из этих песен заставляли врагов даже лить слёзы или же делали самых смелых воинов союзников практически неуязвимыми в бою. Никто, включая Архимага — и, вероятно, самих поющих Хора — точно не знал, где же заканчиваются границы могущества этой формы магии.

Но как же неправ был бы и тот, кто бы слепо сбросил со счётов Магию Рифмы, совершенствованием которой занимались в стенах Академии! Облачённое в рифму слово способно было менять саму плоть реальности — и по видам этих изменений определялось, к какой специализации относился каждый новоявленный маг.

Были среди них те, кто посвятил себя работе со стихиями — огнём, водой, воздухом и землёй — их боевая магия рифмы прожигала, проливала, пробивала бреши во вражеских рядах, ломая их сопротивление суровой природной силой. Были специалисты по установке защит, отражавших вражеские снаряды — и в ряде случаев, даже отправлявших их в обратном направлении. Были и лекари, чьи наполненные состраданием и любовью к ближнему слова позволяли поставить на ноги даже безнадёжно и смертельно — по меркам простых людей — раненых в бою солдат.

Специализаций у магов Академии было множество — и именно поэтому многие из нашедших и зажёгших в себе творческую Искру неофитов легко находили в её стенах себе занятие по вкусу. Единственное, что по-настоящему запрещалось практиковать её адептам — это любое обращённое ко злу волшебство — и, в первую очередь, столь возлюбленную Легионом Магию Смерти, включавшую в себя сглазы, порчи, моры и проклятия.

Теперь, когда передовые отряды Легиона Проклятых уже появились на горизонте, маги-наблюдатели из Академии и обычные разведчики империи Иллюмиона час за часом докладывали об их составе и передвижении. Выведенные адептами легиона в лесах Хоррии оборотни… практиковавшие Магию Смерти чернокнижники… покрывшиеся чёрной чешуёй полулюди-полуящеры, несущие в своих генах родовое проклятие от момента восстания Круга Девяти… двухголовые великаны-мутанты — каких только монстров не выбрасывали время от времени к границам Иллюмиона злосчастные Топи Смерти.

Разведчики насчитали около тридцати тысяч этих существ — а это значило, что против них выступит практически вдвое превосходящая защитников по численности армия. И вся надежда объединённых сил Иллюмиона была направлена на творческую магию их волшебного мира, Оракула, имени которого так никто ни разу и не дерзнул спросить, да на собственную силу духа и волю к победе.

Хор выкатил к площадям Аскензии свои боевые Органы. Маги Академии заканчивали установку над городом защитного купола. Лучники ходили взад и вперёд по стенам, проверяя бойницы. Латники патрулировали внутренний периметр города. К концу этого дня орда подойдёт к ним.

* * *

— Лук, стрелок, ты опусти, а стрела же — вниз лети! — точно по команде прокричали десятки находящихся в городской башне магов одно из ранее отработанных заклятий по отражению вражеских стрел. И — точно по команде — град выпущенных по крепости стрел упал перед её стенами. Лишь несколько сеющих смерть наконечников достигли своих целей, поражая лучников у бойниц. Стрела летит несколько секунд — и тут либо ты успеешь произнести заклинание, либо рискуешь стать насмерть нашпигованным железом.

— Стихийные маги, не расслабляться, контрудар молниями!

— Ветер-ветер, ты могуч, слышим гром мы среди туч! Молний град врагов побьёт, с неба дождик как польёт!

Потемневшее в течение нескольких десятков секунд небо, а также сотни сверкающих и бьющих по лезущим на стены крепости города оборотням стали живым ответом на магический призыв.

— С неба бьёт по полю град — помирает всякий гад!

Огромные, размером с человека, градины начали превращать передовые отряды великанов в лепёшки.

— Солнце шлёт всем свой привет! Залп огней! Да будет свет!

Град огненных шаров, вылетающих из магической башни, прокладывал себе дымящийся путь в рядах противника, оставляя после себя лишь горстки пепла.

— Орда насекомых, осторожно!

— Это порча!

— Ветер, смрад ты разметай, насекомых прочь сгоняй!

— Лекарей сюда, живо!

— Защищайте лекарей!

— Где, оглуши их орган, Хор?! Почему они молчат?

— Великаны метают камни, усилить отражающий щит!

— От камней нас щит хранит, да не будет он пробит!

Сверкающий купол щита принял на себя десятки огромных брошенных великанами валунов и, будто спружинив, отразил их обратно.

— Лучники, огонь по команде! Маги, зажигайте стрелы!

— В стрелах лучников — пожар, то был магии наш дар!

Загоревшиеся в полёте неугасимым огнём стрелы защитников впивались в тела чернокнижников, прожигая их и вынуждая прекращать сотворение заклинаний.

— Сжигайте вражеские стрелы в полёте!

— Гори ясно и сгорай — нас, стрела, не достигай!

— Снова камни, аккуратнее!

— Оборотни прорываются по южной стене! Латников на южную стену!

— Где Хор?!

— Лекарей к северным воротам! У нас большие потери среди лучников!

— Хор нас бросил!

— Враг прорывается по южной стене! Маги, огонь!

— Хор выходит! Смотрите! Слышите?!

Многоголосое мелодичное пение сотен голосов, сопровождаемое громогласными звуками органов, разлилось над всей Аскензией и её окрестностями.

Это была песня о раскаянии — о том, как даже в самом злобном и почти погубленном ненавистью сердце может теплиться искорка добра. О том, как величайший из великих магов, создавший Фантазию на заре эпох, милосерден и добр, и как обращение к нему погрязших во тьме душ способно изменить их, возвращая прежний человеческий облик.

В этой песне было нечто от запредельного — и, словно почувствовав это, часть вражеских отрядов замерла в нерешительности и опустила своё оружие. Из изуродованных глаз некоторых из них самовольно полились гнойные слёзы. Часть наступавших бросила своё оружие и побежала прочь.

— Маги, это наш шанс! Лучники, зажигаем стрелы! Залп по команде!

Песня лилась и лилась.

Прощение. Что это такое — прощение? Можно ли простить тех, кто добровольно превратил себя в чудовище, кто проклял себя самого?

— Лучники, стоп! Не стреляйте по отступающим!

Они наказали себя сами. Ведали ли они, что сотворили?

— Враг у южной стены отступает! Не преследуем!

Можно ли быть лучше своих собственных врагов? Своих собственных мучителей? Своих собственных убийц?

— Они подавлены! Они плачут! Невероятно! Глазам своим не верю! Вы видите это?!

Можно ли даровать им жизнь?

— Враг отступает! Южные стены свободны! Ура! Ура!

Выбор за каждым из нас.

— Враг отступает по всем фронтам! Победа! Победа!

Враг может прийти в наш дом вновь. Но пока он не проник в нас самих — мы непобедимы.

— Победа!

* * *

Лор-Кинор вместе с дюжиной других солдат сидел в таверне Аскензии, отмечая свой новый день рождения. Не в том смысле, что более сорока лет тому назад он родился именно в этот день — а в том, что именно сегодня он родился вновь. Не каждый день приходится сражаться с жуткой ордой проклятых самими собой легионов упырей, а уж выходить из этой битвы живыми — и подавно. Тем более, когда при этом ещё и удаётся послушать такую замечательную живую музыку.

Через день он отправится по следам отступившей орды вновь. Должен же кто-то удостовериться, что она действительно отступила.

— Бро, передай мне кружку эля! — крикнул он своему вчерашнему боевому товарищу.

— За что выпьем сегодня? За Магов — или за Хор? А, может быть, за то, что Костлявая всё ещё не забрала нас всех в один присест, а? — расхохотался его напарник.

— А может — за наш собственный мир, за Фантазию? Бывает же такая!

— Хах! Она и не такая ещё бывает! В Фантазии возможно всё!

17.09.2017

Хроники нашего века

Блогеры нашего века

Нижеследующий перечень, с которым мы хотели бы ознакомить читателя, озаглавленный нами как «Блогеры нашего века», представляет собой анализ и базовую классификацию новой, стремительно развивающейся и деградирующей одновременно, социально востребованной и подчас совершенно бесполезной формы общественной деятельности, известной как «блогерство».

Мы, как социологи мирового уровня, наблюдающие за развитием обозначенной тенденции уже около десятилетия, не можем не отметить её значительный, ярко и явно выраженный рост и пусть и временную общественную популяризацию, в особенности в среде подрастающего поколения. Изучению и классификации представителей этого вида как бы разумных людей и посвящена наша творческая работа.

В ходе изучения указанных подопытных мы провели их разграничение на основании интересующих их общественных сфер, областей знаний и общего уровня саморазвития и культуры. Классификация отдельных видов и групп обозначенных балаболов следует.

1. Обзорщик.

Пожалуй, один из наиболее востребованных и общественно полезных видов блогеров. Как и следует из их названия, данные особи занимаются преимущественно обзорами предметов окружающего мира или же их подчас не в меру навязчивой рекламой. Степень же указанной навязчивости и качество обзора зависят в том числе от уровня оборзения от свалившихся на них рекламных бюджетов.

Начинают свою блогерскую карьеру, как правило, с обзоров дешёвого китайского ширпотреба, а заканчивают рекламой казино и прочих не в меру увеселительных заведений. Получают истинное наслаждение от распаковки на камеру присланных им (нахаляву!) для рекламных интеграций товаров, смакуя каждый этап. Отлично ориентируются в обозреваемых ими продуктовых линейках, их достоинствах и недостатках, однако всегда готовы приукрасить присланный им товар за дополнительную мзду.

Несмотря на очевидную предвзятость многих их обзоров, они оказываются вполне полезными для получения общего представления о предмете обозрения, однако в силу интеллектуальных и временных недостатков не способны достичь того же уровня мастерства и понимания рассматриваемых вещей и явлений, которого достигают «**Х-сперты**». Де-факто самые популярные из них уже давно стали внештатными сотрудниками рекламных отделов крупных корпораций.

2. Фудблогер.

Альтернативное национальное наименование — «**Жрун**».

«Что день грядущий нам готовит?» — этим вопросом задаётся каждый из них. И некоторые из их представителей действительно любят готовить, обладая не в полной мере раскрытыми кулинарными способностями, но большинство, впрочем, с гораздо большей охотой любит потреблять и бегать по кафе и ресторанам за чужой счёт, занимаясь фотосъёмкой… еды.

Да-да, вы не ослышались, эти ребята буквально фотографируют то, что жрут (отсюда и неформальное название). А жрать они ой как любят. Стать фудблогером — фактически публично расписаться в смертном грехе чревоугодия. Но им не стыдно и не грешно.

Еда, сфотографированная с самых разных ракурсов, — вот их пища земная. Они буквально зарабатывают, набивая себе желудок и аппетитно причмокивая на камеру. Некоторые из них имеют настолько большой аппетит, что останавливаются только после пары сотен сделанных кадров.

Вы удивлены самим фактом существования и общественной востребованности подобного вида существ? Мы тоже! Но интеллектуально и культурно деградирующее общество неизбежно продуцирует подобные пресловутые элементы. Остаётся лишь надеяться, что дальнейшее закономерное и логическое развитие указанного вида блогерства не приведёт в конечном итоге к появлению «блогеров-срунов».

3. Х-сперт.

Двоякое название отражает двоякую же суть данного вида: подлинное знание и лжеэкспертность. Отличить истинного знатока от диванного балабола далеко не всегда просто с первого, а подчас и второго взгляда.

И наблюдаемый нами в последние несколько лет рост числа лжеэкспертов в медийной сфере, буквально ставящих крест на знаниях и опыте подлинных знатоков ради минуты собственной славы, не может не настораживать.

Мнения подлинных и грамотных блогеров-экспертов всегда отличаются спокойным, разумным и взвешенным подходом к рассматриваемым событиям и явлениям, в то время как мнения экспертов-на-диване — поверхностны, наносны, основаны на непроверенных фактах и снабжены изрядной дозой эмоциональной шелухи и балабольства для лучшего усвоения домохозяйками и уставшими после тяжёлых трудовых будней диванными лежебоками.

Полагаем, что именно формирование и уверенный рост числа блогеров, являющихся подлинными экспертами в своих областях, способны в корне переломить негативные общественно-медийные тенденции одурачивания и оболванивания населения страны в интересах правящего большинства лжеэкспертов околополитических. Со своей стороны можем порекомендовать нашим читателям не обманываться внешней шелухой, медийной «раскрученностью» и лживой пафосностью популярных «**Х-спертов**», а зрить в корень их опыта, мудрости, знаний и личностных качеств.

4. Стример.

Данный вид общественных инфлюенсеров занимается трансляцией видеоконтента прямиком на экраны ваших телефонов, мониторов, а также в мозги и души. Потоковое содержимое может различаться: начиная от стриминга игровых сессий и заканчивая съёмками эротических купаний и облизываний микрофонов «только для фанатов». Главное негласное правило каждого стримера: контент должен течь! Их контент — это ваше время и ваши донаты, их заработок и потоковая рекламная интеграция со стороны третьих и четвёртых лиц.

В некотором смысле можно сказать, что указанные особи постоянно находятся «в потоке» и всегда готовы затащить в его бурные эмоциональные воды и вас с собой как минимум на несколько часов кряду. Зрители всегда должны быть вовлечены «в процесс» наряду со стримерами, поэтому весёлые комментарии, шутки, обсуждение общественных событий в ходе стриминга, равно как и выражение глубочайших благодарностей каждому задонатившему — нечто практически само собой разумеющееся и естественное для любого опытного стримера.

Нельзя просто так взять и замолчать на камеру, пыхтя и елозя мышкой по экрану. Поток всякой всячины должен течь, а контент — идти нон-стоп!

Поэтому для людей, дорожащих своим свободным временем, мы можем дать один простой совет: смотрите их контент выборочно, в записи и согласно вашим личным интересам, а в идеале — в режиме ускоренной двухкратной перемотки. На крайний случай — в режиме пересказа «краткого содержания предыдущих серий» от нейросети. Так вы и своё время сэкономите, и рекламных интеграций поменьше увидите.

5. Бьюти-блогер.

В простонародье известны как «**Макияжницы**». Преимущественно особи женского пола, хотя бывают и извращённые исключения. Ведущая область их немногочисленных интересов — сфера красоты, мейкапа и марафета. Их тело — их дело. И они его знают до одури, причём преимущественно особей противоположного пола. Фразу «красота спасёт мир» понимают буквально и стараются выглядеть как можно более с-ног-и-денько-сшибательно.

Обожают красоваться под камеру и демонстрировать свои многочисленные и отгламуренные женские «прелести» своей аудитории. Мужчин, за исключением вышеупомянутых извращённых исключений, это заводит, а женщин мотивирует — ведь, в конце-то концов, каждая из них хочет выглядеть красивой и быть желанной!

«Спа», «пилинг», «липосакция», «лифтинг», «лэшмейкинг», «мезотерапия», «кавитация» — объём специализированной терминологии в данной области просто зашкаливает! Даже мы, как мировые социологи, не поспеваем за этими новомодными трендами и словечками. Как поспевают бьюти-блогеры — ума не приложим. Впрочем, для бьюти-блогерства ум и не требуется.

А вот что действительно требуется — так это силикон и внутренняя готовность или предрасположенность стать эскортницей. Каждая действительно красивая женщина заслуживает быть сопровождаемой по жизни по-настоящему состоятельным во всех (и, прежде всего, в финансовом) смыслах мужчиной, не так ли? Вот и они так думают.

Мы же полагаем, что излишне нездоровая концентрация общественного внимания исключительно на внешней телесной атрибутике и красоте способна в долговременной перспективе нанести значительный вред культурному и духовному развитию описываемого нами социума, и хотим предостеречь наших читателей от излишнего увлечения гламуром и совершенно ненужной силиконозависимости. Ведь, как гласит народная блогерская мудрость: «Гламур — для дур».

6. Ржун.

Или по-простецки «**Смеяка**». Блогеры-приколисты и общественные клоуны, обладающие прекрасным, как им подчас кажется, чувством юмора. Девушки любят таких и часто дают им… свои контакты. Согласно непроверенной нами информации, подлинные эксперты в данной области способны вывести из глубокой депрессии даже целый женский монастырь старых дев.

Знают как минимум тысячу и один «бородатый» анекдот и тысячу и две истории с «Башорга» и мастерски жонглируют ими, придумывая всё новые, никогда не происходившие с ними весёлые истории из собственной нафантазированной жизни, охотно делясь ими со своими подписчиками. Как говорится, «юмор — в массы!» или же юмором — по ним. Подобно «**Врунам**», не краснеют в ходе излишнего самолюбования и пиара.

Всегда готовы обстебать друга, соседа и всех, кто покажется им излишне странным. Помимо этого, способны высмеять и выставить клоуном практически любого земного политика (что, в силу их политической глупости, не так-то и сложно), а подчас и сами становятся таковыми после успешной карьеры клоуна, продолжая сочетать весёлое с общественно бесполезным.

В целом, обычно достаточно безобидны и веселы. Но не дай вам Бог усомниться в наличии у них того самого чувства юмора!

7. Потаскун.

Главные любители и разносчики слухов и сплетен. Полоскатели и отстирыватели чужого «грязного белья». Новостные некроманты, скелетов в шкафах поднимающие. Новостные мухи в среде «селебрити». Мессии «жёлтой» прессы. По навыкам полоскания белья дадут фору енотам.

Слухи, сплетни, скандалы, интриги и разоблачения — это про них и для них, их пища, контент и заработок. Их негласный девиз: ни дня без грязи! В целях привлечения общественного внимания к «грязному белью» очередной медийной «звезды» или даже «звездушки» готовы идти на большие ухищрения и жизненные лишения, включая лишение самого себя времени на общественно полезный труд.

Как правило, рассматривая и обнюхивая со всех ракурсов чужую публичную жизнь, не могут не приукрасить и не наврать, и в этой области способны превзойти даже «**Врунов**». Предчувствие очередного общественного скандала вгоняет их в сладкий раж, а запах невыстиранного белья или неотмытых пятен давно стал нежнее и слаще всех французских духов вместе взятых.

Кому-то и гадость — радость. Точно мухи, носятся они между очередными общественными скандалами, тщательнейшим образом обсуждая, обсасывая и комментируя каждый из них, чтобы уже на следующий день увлечься скандалом новым. Мы же со своей стороны можем порекомендовать нашим читателям не принимать предлагаемые ими грязевые ванны. Чистота помыслов и дел — вот залог жизненного успеха!

8. Врун.

Патологические лжецы и обманщики всех мастей, пользующиеся общественным влиянием и доверчивостью. Сегодня они — великие эксперты околовсяческих наук, завтра — мастера геостратегии и военного дела, а уже послезавтра — провластные политологи и индоктринаторы. Это в идеале. А на практике карьера данной категории блогеров начинается, как правило, в местных местечковых СМИ с роли корректора или подобной ей.

Готовность писать не так, как велит их душа, а как скажет начальник — базовый навык, развиваемый ими с самого момента своего профессионального становления. В конце концов, кому нужно их подлинное мнение или тем более правда? Как считается в их среде, «не соврёшь — не продашь» (статью, газету, честь, совесть, душу). И это подлинное понимание природы происходящих с ними вещей часто приходит к ним ещё в институтские годы.

Сумевшие подняться высоко по карьерной лестнице, как правило, становятся либо наёмными работниками пера и бумаги на службе у иностранных коммерческо-некоммерческих организаций общественного влияния, либо яростными защитниками текущих властеимущих, готовыми заниматься ежедневной индоктринацией населения по любым общественно важным и болезненным вопросам. Мы со своей стороны не берёмся судить, какой из указанных карьерных путей является более общественно опасным, однако же отметим, что объективная реальность рано или поздно всегда разрушает любые барьеры и стены созданной «**Врунами**» лжи.

«Ах, обмануть меня непросто, я сам обманывать всех рад!» — пожалуй, именно таким девизом они могли бы руководствоваться по жизни. А вот обмануть смерть не удастся даже им.

9. Трэшун.

Да это просто трэш какой-то, а не блогеры! Те самые создатели всевозможного «мусорного» контента, включая пресловутый «нейрослоп». Срать, ржать и устраивать идиотские «челленджи» — вот их жизненное кредо. И надобно отметить, что делают они это в сети с превеликим удовольствием, привлекая внимание таких же дурачков своей «неординарностью», хотя по логике вещей должны привлекать внимание санитаров.

Указанная неординарность находит своё выражение исключительно в форме абсолютно идиотских и опасных для собственной жизни и жизней окружающих поступков, публично совершаемых ими на камеру под гогот их соратников.

Высокоразвитыми интеллектуальными способностями не обладают, иначе бы даже не взялись за подобную деятельность. Уровень культуры стагнирует в районе нуля. Зато тупости, пафоса и желания выделиться из серой массы, типичными представителями которой они и являются, — хоть отбавляй. Ранее эти городские сумасшедшие были практически незаметны в обществе, но с появлением интернета повылезали из своих крысиных нор на свет сетевой и божий. Отметим, что так называемые «квадроберы», набравшие информационную популярность в последнее время, являются одними из типичных представителей подвида данных существ, причём, бесспорно, ещё крайне адекватными в сравнении с другими.

Злые языки поговаривают, что интернет от них тупеет. Не знаем, так ли это на самом деле, но их социальную опасность действительно не стоит недооценивать. Не будем утомлять наших читателей перечислением всех тех видов дурости, которые они способны совершить и наблюдателями которых мы невольно становились, — как говорится, интернет вам в помощь. И да смилуется Господь над вашими глазами!

10. Звездун.

Апогей развития блогерской гордыни и пафоса. Впрочем, сами «звездуны» считают себя заслуженными деятелями блогосферы, достойными поклонения и почитания. «Блогеры-миллионники» — типичный пример. «Звёзды» эстрады, решившие «выйти к людям», — вот ещё один. Заслуженные жрицы постели, отчаянно старающиеся замазать своё грязное прошлое через блогосферу, — третий. Но какими бы «звёздами» ни являлись все вышеперечисленные личности, непревзойдённое чувство собственного величия объединяет их всех, стирая моральные границы между их прошлым и настоящим.

Вообразив себя великими инфлюенсерами, гуру, а подчас чуть ли не мессиями, ведущими массы народные в одно им видимое светлое (для лжемессий) будущее, влекут они за собой молодые и неопытные умы и сердца, дабы однажды разбить их о дно своей собственной неимоверной глупости. Но «звездеть» — не мешки ворочать, и рано или поздно всё неизбежно встаёт на свои места, включая их собственную репутацию в народе.

Для нас же почти шекспировский вопрос «звездеть или не звездеть» почти окончательно решён. Вот и сейчас, заканчивая данную классификацию на этой звёздной ноте, мы невольно да и спрашиваем себя с укоризной: «А не зазвездились ли мы с вами, товарищи?»

20.07.2026

В преддверии Нового Века

Удивляющая трагикомедия

В.В.П.: — Здравствуйте, здравствуйте, глубокоуважаемые телепялители! Доброго времени шуток… пардон, суток! С вами снова я, телеведущий программы «Раша Ньюс», Владимир Владимирович Пупкин. Тема нашей очередной телепередачи будет, можно прямо-таки сказать, предапокалиптического толка. Но — обо всём по порядку! Ах, да, пока я всё ещё это не забыл, хочу также добавить, что со мной сегодня в студии присутствует телесно и душевно исследователь человеческих душ Фёдор. Здравствуйте, Фёдор!

Фёдор: — Здрям!

В.В.П.: — Фёдор, ну вы прям… сразу всем им «здрям»!

Фёдор: — То времена и нравы… хотя, мой друг, вы правы — не время нынче нам к ним обращаться «здрям»!

В.В.П.: — Да вы, однако же, поэт! Не видел мир вас двести лет!

Фёдор: — Примерно так… но как же быть? В ином пришлось мне мире жить.

В.В.П.: — Ну да, пожалуй… Ладно, стоп! Вы передачу нашу в топ иначе втиснете за день — а мне стихами вещать лень!

Фёдор: — А мне теперь забавно то… вещать им будем мы про что?

В.В.П.: — Картину будем мы смотреть, проснулся русский как медведь, распался как заморский враг, как утонул британский флаг, евреи как все стены плача арабам отдали без сдачи, ЕС втянулся как к России, прибалты сколь б ни голосили, как N исполнились пророчеств, остались храмы как без зодчих, политик как пошёл вразнос и ест один теперь овёс, и, наконец, как Нова Эра вступает в гости к нам всем смело!

Фёдор: — Однако, друг, поэт вы тоже! Вам прохлаждаться здесь негоже!

В.В.П.: — Такие лавры мне достались… А вы где раньше прохлаждались?

Фёдор: — Я прохладился уж зимой, когда всё шёл к душе домой.

В.В.П.: — Зимой души? А где же лето?

Фёдор: — Слегка задержано всё ж где-то. Надеюсь, что оно придёт, и солнце Бога в мир войдёт.

В.В.П.: — Чтоб осветить полночный путь? Творится ж в мире этом жуть!

Фёдор: — Не бойтесь, друг, та жуть пройдёт — шакал завоет и помрёт!

В.В.П.: — Они уж воют, слышишь, там? Уж воздаётся по делам.

Фёдор: — Такой вот век, такое время… Всё человеческое племя уж начинает понимать, что значит душу предавать.

В.В.П.: — Об этом будет наш сюжет! Пройдёт ещё немного лет, и мир проснётся ото сна, чтоб всплыть, подлодка как, со дна.

Фёдор: — Как предсказание готично… Но то прелестно и отлично! Отмыть бы мир от грязи сей. Работай, карма, поскорей!

В.В.П.: — О том всю речь вели мы впредь. Ну что, начнём уже смотреть?

Фёдор: — Ну что ж, Владимир, как хотите! Начнём смотреть уже, кажите!

В.В.П.: — Всё ж время чудное грядёт, сюжет кто смотрит — да поймёт!

Фёдор: — Оно бывает раз лишь в мире… Сюжет смотрящий, мысли шире!

Камера в телестудии движется куда-то вбок и вверх, отображая сперва окрестности какого-то города с высоты птичьего полёта, а затем резко ныряет вниз, и перед телезрителями раскрываются панорамы различных городских улочек. Улочки быстро сменяют одна другую, камера резко ныряет туда-сюда за повороты, двигаясь на уровне третьего-четвёртого этажей зданий. Как ни странно, все улочки пустые — не видно ни души. Куда-то пропала вся традиционная людская суета, испарились все толпы, и абсолютно замолк столь традиционный для мегаполисов гам. По краям улиц в достаточно хаотическом порядке припаркованы машины — некоторые из них, кажется, даже брошены — их двери раскрыты настежь, однако никто не стремится завладеть чужим транспортным средством. Городская система освещения и светофоры по-прежнему работают, но никакого движения не наблюдается. Город как будто в одночасье вымер — окончательно и бесповоротно.

Фёдор: — Вот это да! Ну что за дело? Недавно пташка ещё пела — а ныне спрятались, как будто… Я полагаю, это утро?

В.В.П.: — Сие, конечно же, Нью-Йорк! Напоминает, впрочем, морг… Ушли все с улиц эти люди… о, нет, они не в Голливуде!

Фёдор: — А кто, позвольте, всё снимал?

В.В.П.: — То оператор наш летал!

Фёдор: — Вот это да! Сие возможно?

В.В.П.: — Сия возможность непреложна!

Фёдор: — Способны люди так летать, подобно птицам, небо знать?

В.В.П.: — Летает парочка теперь — не тесно в небе, уж поверь.

Фёдор: — Понятно, хм… А где же люди, раз мы уж все не в Голливуде?

В.В.П.: — Как тараканы все в домах — обуревает их ведь страх! Они почуяли, как будто, что в мир нисходит снова утро…

Фёдор: — Как тараканы при свете огня прочь разбегаются, ноги сломя? Делают что же все прямо сейчас?

В.В.П.: — Молятся дружно они в этот час. Просят простить все их прошлы грехи — чуют, от рая что всё ж далеки. Знают, видать, ожидает что многих — просят простить всех их грешных, убогих…

Фёдор: — В Бога как будто поверили всё же? То на людей как-то, вот, непохоже…

В.В.П.: — Фёдор, вы вспомните, кто их снимал!

Фёдор: — Ваш оператор по граду летал?

В.В.П.: — Типа того, Фёдор, типа того… В камеру видите рожу его?

Внезапно перед телезрителями появляется изображение улыбающейся румяной рожи оператора. Рожа высовывает язык и, кажется, дразнит телезрителей. Затем в камере крупным планом появляется рука, которая приветливо всем машет.

В.В.П.: — То оператор наш Иван — он облетал уж много стран!

Фёдор: — С небес к ним птица та спустилась… А самолёты?

В.В.П.: — Прекратилось!

Фёдор: — Они что, сбить его боятся?

В.В.П.: — От изумленья все стыдятся!

Фёдор: — Всё то, учил что в институте… Законы физики…

В.В.П.: — Забудьте! Уж новый мир встречает нас, Господь услышал ведь наш глас…

Фёдор: — Можно нам глянуть, где физики наши? Дружно толкутся у грязной параши?

В.В.П.: — Иван, кажите институт! Они все в стенах его тут.

Камера внезапно дёргается, резко плывёт куда-то вниз, вверх, снова вниз и вверх, всё набирая скорость, а затем в последний раз ныряет вниз и влетает в открытые двери какого-то здания, пару раз ныряет по коридорам, а затем застывает в неподвижности. Перед телезрителями раскрывается огромный зал, заполненный людьми в белых халатах и очках. Стоящие у стен люди дружно, как будто по команде, с периодичностью раз в несколько секунд ударяются лбами о стены зала, что сопровождается глухим звуком, немного напоминающим «бом!». Тем, кому повезло меньше и не досталось стен, стоят на коленях посреди зала и с не меньшим упорством прикладываются лбами к каменному полу с примерно схожей периодичностью. Зрелище удручает и завораживает одновременно.

Фёдор: — То непотребство прекратить, ведь могут всё ж себя убить!

В.В.П.: — У них депрессия, видать. Но что с неверующих нам взять?

Фёдор: — Умы их всё же пригодятся. Надеюсь, муки прекратятся.

В.В.П.: — Себя познать всё ж не стремятся… их ум врагом им может статься.

Фёдор: — То сделать можно лишь душой, а не их умственной лапшой!

В.В.П.: — Поймут, надеюсь, скоро то. Посмотрим дальше мы про что?

Фёдор: — Священник где у нас теперь, коль Божий Сын стучит в их дверь?

В.В.П.: — Иван, про то давайте глянем, идут как овцы к Богу сами!

Камера вновь меняет ракурс, вылетает из здания института, петляя узкими и извилистыми коридорами, взмывает в небеса и несётся в белесых облаках, периодически как будто глядя на солнце удовольствия ради. Затем резко пикирует вниз, едва не врезавшись в украшающий верхушку здания крест, и влетает в открытые врата какого-то большого храма. Перед зрителями раскрывается достаточно интригующая картина: единственный оставшийся в храме священник делает, кажется, что-то невообразимое. Он то периодически берёт в ладони пригоршни «святой» воды и «пробует» её на язык, стремительно морщась и что-то невнятно шепча себе под нос, то снимает висящий на шее крест и ударяет им себя по лбу, прикрикивая «Аминь» для пущего эффекта, то подходит к произвольной иконе и начинает «строить ей глазки», то садится на пол в позе лотоса и начинает выбивать чечётку на обвешивающих его тело крестах, ожерельях и прочей бижутерии, то с воплями «Сгинь, кому говорю!» начинает носиться по залу, грозясь кому-то невидимому позолоченным крестом. Зрелище пугает, интригует и завораживает одновременно.

Фёдор: — Он не сошёл ли там с ума?

В.В.П.: — То ритуальная чума!

Фёдор: — Все ритуалы перепутал, как будто бес его попутал?

В.В.П.: — Давно уж их попутал бес, исчез для них весь мир чудес, и даже глупый ритуал сегодня весь он переврал!

Фёдор: — Не будет коль у них овец, то жлобству вмиг придёт конец?

В.В.П.: — С себя пусть шёрстку постригут и злато сбросят, может, тут.

Фёдор: — Тельцу они все послужили, попировали и пожили — а чем платить придётся им?

В.В.П.: — Мы это в тайне сохраним!

Фёдор: — Ну, хорошо, а что теперь? Пойдём к политику мы в дверь?

В.В.П.: — Мой друг, зачем в неё ходить — овёс чтоб жрать, да водку пить?

Фёдор: — Овёс и водка? Вот так дело! Братва вся на диету села?

В.В.П.: — Давно, мой друг, давно уже! Они и яйца Фаберже отдали гражданам уж в руки, скрипя зубами: «Ешьте, суки!»

Фёдор: — Вот ведь — и правда! Сие чудеса!

В.В.П.: — Здравствуй, политик! Отведай овса!

Фёдор: — Сточили зубки то свои, боясь увидеть миг зари? Иль озаренье снизошло, своих делищ познали зло?

В.В.П.: — Они увидели Ивана, когда пикировал он рьяно! Да и к тому же в своих снах могилки видели и прах. Им показали, что их ждёт, теперь то знают наперёд.

Фёдор: — Скупой тот рыцарь побелел, раздал всё злато, в лужу сел?

В.В.П.: — Примерно так, примерно так… Политик наш ведь впрямь чудак. Уйдёт со сцены скоро он — пора на сон, на вечный сон.

Фёдор: — А коль раздаст своё всё злато?

В.В.П.: — Душа дарить должна быть рада! А он к себе всё в нору грёб и заработал только гроб.

Фёдор: — Подарит, может, что-то где-то… Дарить — хорошая примета!

В.В.П.: — Примета всяка хороша, коли чиста твоя душа.

Фёдор: — Овёс не будем с ними есть — невелика та, право, честь. Давайте глянем под конец на медицинский мы венец! Тела спасали лишь они — что стало с ними в наши дни?

В.В.П.: — Иван, кажите нам сюжет, небесный вы апологет!

Камера вновь меняет ракурс, отворачиваясь от беснующегося священника, вопящего «Лети, лети отседова, нечистый!», вылетает в раскрытые храмовые врата и устремляется к небесам. Некоторое время зритель может наблюдать сменяющие друг друга далеко внизу пейзажи, начиная от лесных массивов и заканчивая бесконечными, казалось бы, дорогами, уводящими неведомо куда и, главное, неведомо зачем, а затем начинается традиционное резкое пикирование, а перед зрителями раскрывается картина загородной свалки. Огромной, знаете ли, свалки — можно даже сказать, картина всеобщего свалища. Отчётливо видно, как к свалке выстроилась целая колонна машин, соревнующихся друг с другом в праве опорожниться как можно быстрее. При «облегчении» очередного мусоровоза становится отчётливо видно, как из его кузова выкатываются и сваливаются в итак уже изрядно большие кучи какие-то таблетки всех форм и расцветок, какие-то пакетики с порошками, какие-то, наконец, баночки и колбочки с всевозможными микстурами и настоечками.

Всё это лекарственное барахло дружно стекает вниз с вершины кучи, на которую происходит выгрузка, звеня и как будто цокая невидимыми копытцами. Картину довершают шествующие тут и там пешком огненосцы с факелами, которые настойчиво и методично стараются отправить всё это выгруженное барахло на съедение огню.

Фёдор: — Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

В.В.П.: — Глянь-ка в небо — Ваньки летят, и пробирочки звенят!

Фёдор: — Как приятно вспомнить детство, годы духа малолетства, и узреть сейчас уж вновь к сим лекарствам всю «любовь»!

В.В.П.: — Друг друга лечат люди наши, и медицинской им параши не нужно более уже, почти яиц как Фаберже!

Фёдор: — Яиц знатна, конечно, тема… но в медицине перемена, гляжу, однако же, видна — и даже, право, не одна!

В.В.П.: — Способна вера исцелять! Ошибки только лишь понять свои обязан каждый был — и в вере Бог их исцелил. Теперь и любят, и поют — иную жизнь совсем живут!

Фёдор: — Как рад за них, однако, я! Любима тема то моя… Как и они, я вновь в дороге и счастлив думать я о Боге.

В.В.П.: — Мы знаем, Фёдор, с вами это — была больна сия планета, но исцеляться начала… Та перемена не мала. Век обновленья всё ж грядёт…

Фёдор: — …Но кто ж его переживёт?

* * *

В.В.П.: — Колитесь, Фёдор, как дела?

Фёдор: — Нас снова, вот, судьба свела!

В.В.П.: — Ага, я вижу… это клёво! Смотреть сюжеты будем снова?

Фёдор: — Да можно просто поболтать, что происходит — рассказать!

В.В.П.: — Весна идёт, там что-то тает…

Фёдор: — А дух мой снова уж летает!

В.В.П.: — Как высота? И скорость как? И видишь ль неба личный знак?

Фёдор: — Как высота, увы, не знаю. Но скорость, вроде, набираю…

В.В.П.: — Я рад за то, мой друг-поэт, что с вами снова тет-а-тет!

Фёдор: — Да ладно вам, не стоит льстить… Нам нужно спящих пробудить.

В.В.П.: — Вещать решили вновь стихами, маша всё крыльями-руками?

Фёдор: — Такой вот век, такое дело… Нам Муза в прошлом не допела, мы с каждой песней больше знаем — и сказ наш вновь мы продолжаем!

В.В.П.: — Мы для того как раз вдвоём. Ну что, потоп для них прольём?

Фёдор: — Потоп грядёт святого рода… Катарсис это и свобода!

В.В.П.: — Смотри за речью, зритель-друг. Жизнь совершает новый круг!

Фёдор: — Но на иной уже ступени. И от огня там пляшут тени…

В.В.П.: — Но без огня лишь был бы мрак.

Фёдор: — Даётся братьям нашим знак. Река времён течёт весной и всех тревожит их покой.

В.В.П.: — Куётся вечности дорога. А сколько их?

Фёдор: — Довольно много!

В.В.П.: — Могло быть больше, ведь, наверное?

Фёдор: — Могло быть больше, это верно…

В.В.П.: — Сражаться будем тем, что есть.

Фёдор: — И да прольётся в мир сей весть!

В.В.П.: — Давай же, камера, живи! Иван небесный наш, лети!

Фёдор: — Иван уходит вот на взлёт как истребитель-самолёт…

В.В.П.: — Он истребитель суеверий!

Фёдор: — Вот только нет на нём всё ж перьев.

В.В.П.: — Ага, увы, и крыльев нет — но всё ж небес апологет.

Фёдор: — Получит крылья в Тонком Мире и искупается в эфире?

В.В.П.: — Пусть стать как Ангел всё же сложно, но у Творца ведь всё возможно!

Фёдор: — Для недостойных крыльев нет?

В.В.П.: — Иван, кажите нам сюжет!

Камера вместе с Иваном (или всё же Иван вместе с камерой?) устремляется прочь из съёмочной студии, длительное время петляет по коридорам, на ходу уклоняясь от снующих тут и там сотрудников, которые при виде камеры (или всё же Ивана?) весьма недвусмысленно улыбаются и уступают дорогу, а затем, наконец, пролетает в раскрывшуюся дверь на открытый и чистый воздух. Отчётливо видно, как камера разворачивается полукругом, набирает скорость и начинает петлять улицами столицы, поднявшись на уровень третьего-четвёртого этажей домов, дабы уклониться от побочных эффектов возможных столкновений с ещё менее двусмысленно улыбающимися ниже ходящими прохожими. Спустя какие-нибудь три минуты перед телезрителями раскрывается вид недавно отстроенного торгового центра и камера, аккуратно вписавшись в образовавшийся при раскрытии входных дверей проём, наконец-то как будто в нерешительности застывает на месте.

Перед зрителями раскрывается картина поистине эпического масштаба: весь зал, насколько хватает взору, заполнен галдящими и снующими туда-сюда людьми, на спинах которых закреплены пары крыльев белого, чёрного, розового, зелёного, оранжевого, серо-буро-малинового-в-крапинку цветов. Многие девушки кокетливо примеряют на себя очередные крылышки, грациозно красуясь перед зеркалами. Как будто в отместку некоторые юноши пытаются их за эти самые новообретённые крылья пощипать. Тут и там слышны возгласы в духе: «А как мне вот эти беленькие?», «А розовенькие я подарю подружке!», «В них ты больше похож на чёрта!», «Приветствую тебя, Эмо-Ангел!», «Дайте два!» и всё в том же духе. Картина интригует и завораживает.

Фёдор: — Что они там вытворяют?

В.В.П.: — Крылья Ангелов скупают!

Фёдор: — Им хотят подобны быть, в небеса все воспарить?

В.В.П.: — Почти каждый то желал, рядом коль Иван летал!

Фёдор: — А что кричат они там все?

В.В.П.: — Да в основном лишь «дайте две!»

Фёдор: — И чёрны крылья тоже есть?!

В.В.П.: — Для тех, чей дух не принял весть.

Фёдор: — И даже розовые есть…

В.В.П.: — Носить такие — это честь!

Фёдор: — Вы юморист, смотрю, однако! А это?

В.В.П.: — С крыльями собака!

Фёдор: — И даже с крыльями стал конь?!

В.В.П.: — Рукой Пегаса ты не тронь!

Фёдор: — Да как я трону сквозь стекло?

В.В.П.: — Да я шучу вот так незло…

Фёдор: — А всё ж Ивану повезло.

В.В.П.: — Иван теперь наш раритет, пусть нету крыл — не знает бед!

Фёдор: — Я за него ужасно рад! То первый шаг в Эдемский Сад.

В.В.П.: — Вселенной начат в Сад поход, и Божий Суд для всех грядёт.

Фёдор: — В тот сад пропустят, да, не всех.

В.В.П.: — Американский вот морпех тому, похоже, не внимает…

Фёдор: — Как США, да, поживает?

В.В.П.: — Иван, кажи нам континент — то поучительный момент!

Как будто на деле обретя вторые, пусть и искусственные, крылья, Иван в совокупности с камерой и огромной охотой покидает битком набитый павильон с не совсем-чтобы-Ангелами и резко взмывает под облака. На краткий миг камера оказывается ослеплена лучами восходящего солнца, а затем зрители на какое-то время могут созерцать нежные кучерявые облачка-барашки и пролетающие мимо стаи голубей. Затем совершенно неожиданно камера ныряет вниз, разрезая облака и спугнув очередную стайку ни в чём не повинных птиц, и перед телезрителями раскрывается удручающая в своей однотонности картина.

Куда ни глянь — повсюду сверху видны полуразрушенные и практически обезлюдевшие города с покосившимися домами и выбитыми стёклами, по улицам которых гуляет ветер и катает неведомо откуда принесённые перекати-поле и прочие не вынутые из огня каштаны. Временами по одной из улиц стремглав проскакивает какая-либо фигура, отдалённо напоминающая человеческую, которая, однако, своими повадками и внешним видом больше напоминает неандертальцев. Порой же до зрителей доносятся тихие матюки небесного оператора Ивана и советы поскорее убираться из «этого могильника воняющих макак». Открывшаяся телезрителям картина действительно отчасти напоминает кладбище, в котором оставшиеся в живых либо ещё не успели навести порядок, либо уже абсолютно неспособны это сделать самостоятельно. Создаётся ощущение, будто этот континент недавно посетила либо крупная природная катастрофа, либо не менее разрушительный по своим последствиям социальный теракт. Картина удручает и оставляет крайне тягостное впечатление на душе.

Фёдор: — Это что за обезьянки?

В.В.П.: — Сэр, позвольте, это янки!

Фёдор: — Лица их покрыты страхом?

В.В.П.: — Падать будут с жутким крахом!

Фёдор: — Шерстью многие покрыты, в войнах были подубиты?

В.В.П.: — Гласу Бога кто не внял, сам себя тот покарал.

Фёдор: — Янки, пред Богом вы лучше покайтесь…

В.В.П.: — Прочь с континента скорей разбегайтесь!

Фёдор: — Какой же жалкий то конец! Теперь там форменный звиздец!

В.В.П.: — Довёл их всех капитализм, демократический фашизм.

Фёдор: — Всё расползается по швам… Там много княжеств ныне там?

В.В.П.: — Почти их столько, сколько штатов… а с Уолл-Стрит волна всех гадов, смотри-ка, за море ползёт!

Фёдор: — Гад от Закона не уйдёт!

В.В.П.: — Конечно, Божий мудр Закон — ведь справедливость, карма он.

Фёдор: — Будут пытаться за море коль плыть, их самолёты все могут свалить?

В.В.П.: — Судна тонуть могут тоже начать… им не придётся отныне скучать.

Фёдор: — Ну вот, что с янками то стало…

В.В.П.: — Природа дерзко покарала! Цунами и смерчи отныне там бродят и чем поживиться уже не находят.

Фёдор: — То поучительно столь как… Всяк злобный сам себе стал враг.

В.В.П.: — О том давно уж всем известно. А назидание — полезно.

Фёдор: — Уроком миру, видно, стали, Закон небес коль столь попрали…

В.В.П.: — За то ответственность нести сему народу в их пути.

Фёдор: — А как живёт их брат-еврей?

В.В.П.: — Иван, кажите нам скорей!

В который раз грустно вздохнув прямо в камеру, Иван с облегчением воспаряет под небеса и, руководствуясь одному ему ведомыми ориентирами, летит прямиком по направлению к священному граду, из-за святости которого было пролито так много человеческой и, видимо, не святой крови. При подлёте, однако, оказывается, что небо над Иерусалимом плотно покрыто черно-серыми тучами, тут и там сверкают молнии, озаряя тёмный небосвод, и уже начал капать крупный дождь. В камере вновь раздаётся то ли беззлобная ругань, то ли едкий смешок Ивана, и она, камера, начинает покрываться самыми что ни на есть живыми и мокрыми каплями влаги. Затем, однако, перед телезрителями мелькает рука оператора, которая во всей своей необъятной мощи с лёгкостью протирает камеру самой собой и недвусмысленно выставляет всем на обозрение большой палец, поднятый вертикально вверх.

Проходит ещё секунд пять, и перед взирающими в экраны своих телевизоров открывается шокирующий неподготовленного созерцателя вид: отчётливо видно, как огромные массы людей собрались перед столь плачевно знаменитой Стеной Плача и в каком-то пьяном угаре, больше, впрочем, напоминающем исступлённое отчаяние, бьются головами об эту самую плачевную стену. Бьются, впрочем, не очень сильно, поскольку ни у одного из них, насколько хватает взгляду, не видно и следов от сильного удара лбом. Глухие звуки «бом!» в сопутствии с высокими вскриками «Ай!», «Ой!» и даже «Эх, раз, да ещё раз!» наполняют пространство. Картина напоминает попытку всеобщего народного прилюдного раскаяния не самым оригинальным для этого способом. Бьющиеся о мостовую капли влаги довершают плачевную картину плача.

В.В.П.: — Взгляните, друг, на стену плача — не видел мир такого срача!

Фёдор: — Вот это да! Башкой об стену?! В евреях вижу перемену!

В.В.П.: — Все в исступлении уж бьются, и крокодильи слёзы льются…

Фёдор: — Огонь небесный пал на град, наш друг-еврей тому не рад?

В.В.П.: — Считал всё деньги, но до срока… Приходит время для урока.

Фёдор: — Тельцу где служат люди ярко, там может стать ужасно жарко?

В.В.П.: — Тех солнце может сильно жечь, чья злоречива в жизни речь.

Фёдор: — Решат стихии, жечь кого. А как чиновник наш?

В.В.П.: — Того!

Фёдор: — Того иль этого? Не понял!

В.В.П.: — Кто воровал страсть много — помер.

Фёдор: — А кто немного воровал?

В.В.П.: — Закон им тоже всем воздал.

Фёдор: — Увидеть в красках можно это?

В.В.П.: — Вопрос оставлю без ответа.

Фёдор: — Ты так ответил односложно…

В.В.П.: — Конечно, глянуть это можно!

Камера вновь взмывает вверх, вылетая из пространства чёрных туч, и устремляется по направлению к Москве. Через непродолжительное время бывший ещё совсем недавно чёрным небосклон внезапно озаряется солнечным сиянием, блики от света которого начинают играть тут и там на объективе одним им ведомые аккорды. Через совсем уже непродолжительное время перед телезрителями в реальном времени выплывает изображение собора Василия Блаженного, а с высоты птичьего полёта раскрывается панорама Красной площади. Отчётливо видно, как по вышеназванной площади под военным конвоем шествуют чиновники государства, злобно озираясь на отнюдь нелояльных к ним военных и улыбающийся и празднующий народ. Со стороны указанных лиц слышатся маты, нецензурная ругань и обещания «восстановить справедливость» — о какого рода справедливости идёт речь, впрочем, не уточняется. Конвоиры периодически подпинывают их ногами, помогая забраться в приготовленные бронированные и зарешеченные фургоны под ободрительные возгласы стоящих поодаль людей. На лицах уходящих по этапу воров государства российского видна совершенно неподдельная смесь страха, удивления, тоски и разочарования. По всему видно, что они всё-таки не ожидали именно такого финала.

Фёдор: — Смотрю, бегут теперь все вон, разрушен сытости был сон?

В.В.П.: — Чиновник с гор со всех упал… Весна покажет, кто где срал!

Фёдор: — А это что? Вот это да! В Сибирь уходят поезда?

В.В.П.: — Состав уходит из Кремля, кричат те воры только "бля!".

Фёдор: — Я не сниму пред теми шляпу, в Сибирь кто едет по этапу.

В.В.П.: — Народ в Сибирь воров сослал, своею шапкой закидал!

Фёдор: — Что, шах и мат? Давно пора! К концу подходит их игра…

В.В.П.: — Второй состав ты видишь там?

Фёдор: — Тем либералам стыд и срам!

В.В.П.: — Друг друга хая все смертельно, в составах едут параллельно…

Фёдор: — И дразнят как друг друга, глянь! Ну что за мерзость, что за дрянь?!

В.В.П.: — Им вместе там не скучно будет, состав в Сибирь когда пребудет.

Фёдор: — Охотно верю в это я! Пусть пухом станет им земля!

В.В.П.: — Народ когда-то, вот, ссылали, но их самих туда послали!

Фёдор: — Бежит, бежит, трусливый вор! Эх, где же прошлый мой топор?!

В.В.П.: — Ну вот, опять за топоры!

Фёдор: — То элемент, мой друг, игры. Топорик знатный раньше был, но мой герой его зарыл и шпагу слова ныне взял…

В.В.П.: — А после в мир пришёл аврал!

Фёдор: — Страна воспрянет ото сна, приходит снова в мир весна!

В.В.П.: — И уползает зверь в берлогу…

Фёдор: — Весна идёт, весне дорогу!

В.В.П.: — Боятся света тараканы, во тьме лишь ставили капканы…

Фёдор: — Россия, вижу, вся в надежде. Англо-саксонцы как?

В.В.П.: — В одежде!

Фёдор: — Они что, голы раньше были?

В.В.П.: — Уж акваланги нацепили!

Фёдор: — Давно на нас тая обиду, уплыть решили в Атлантиду?

В.В.П.: — У них нет дома своего. Немного Англия… того.

Фёдор: — Империя рухнула — и вот им спать то горе не даёт?

В.В.П.: — В угли войны раз страстно дули — воды, вот, сами отхлебнули.

Фёдор: — Вот это да! Они «буль-буль», коль повернули к бездне руль?

В.В.П.: — Стихия им дала ответ, и Атлантида шлёт привет.

Фёдор: — В тумане что за свет стоит?

В.В.П.: — Огонь Шотландии горит!

Фёдор: — Вот это да! Сыны то гор!

В.В.П.: — И скачет мир во весь опор…

Фёдор: — Глупец считал, что это вздор.

В.В.П.: — Видны иные измененья, мудреет быстро поколенье!

Фёдор: — Хотел бы глянуть я на то, вы намекаете про что.

Кремлёвская площадь начинает резко удаляться, всё уменьшаясь и уменьшаясь, оставляя чувство гордости в душе за российский народ, камера начинает петлять по улицам и внезапно останавливается перед какой-то крупной столичной библиотекой, перед вратами которой полыхает самый что ни на есть настоящий пожар!

Рамки его и границы, впрочем, успешно контролируются проходящими тут и там процессиями с факелами, которые помогают гореть сваленной в кучу бумажной макулатуре и контролируют, дабы пепел её ветхих знаний не разносился дующим ветром слишком далеко по миру. На лицах участников процессии можно заметить удивительную смесь скорби и внутренней радости одновременно. Периодически тут и там раздаются боевые кличи в духе «Гори-гори ясно, чтобы не погасло!». Действо интригует, шокирует и завораживает.

Фёдор: — Что за поля там полыхают?

В.В.П.: — То ложны «знания» сжигают!

Фёдор: — Чтоб мудрость вечную просечь, собрать бы книги те и сжечь?

В.В.П.: — Всё ветхо знание есть прах, пред жизнью лишь внушает страх.

Фёдор: — А радость жизни нам даёт как у Ивана духа взлёт!

В.В.П.: — Давно пора летать всем нам. В машинах ездить — что за срам?

Фёдор: — Машины всё ж нужны пока, их переделать бы слегка.

В.В.П.: — Иное топливо готово, ведь нефть — грязнейшая основа.

Фёдор: — Земля пускай уж отдохнёт. Открытий новых ждёт черёд.

В.В.П.: — Да, не грозит открытиям скука, коль есть духовность плюс наука.

Фёдор: — А коль лишь смесь ума-апломба, то в мир приходит только бомба.

В.В.П.: — Не строят люди больше бомб, себе не роют катакомб.

Фёдор: — А с тем, что есть, как поступают?

В.В.П.: — Все потихоньку разбирают!

Фёдор: — В каком же плане? Снова в бой?!

В.В.П.: — Да нет же, друг, к душе домой!

Фёдор: — Я испугался было, право. За то, конечно, всем им слава!

В.В.П.: — Да, столь свободного металла планета наша всё ж не знала!

Фёдор: — Куда девать его — не знают, коль скоро пушки расплавляют?

В.В.П.: — Металлов много накопали, но не туда же применяли.

Фёдор: — Теперь пора на дело тратить, на войны тратить средства хватит. А деньги как?

В.В.П.: — А денег нет!

Фёдор: — Откройте мне о том секрет!

По всему видно, что небесный апологет Иван очень неохотно прощается с созерцанием горящих полей ветхих книг, столь завораживающих взор неподготовленного зрителя, но, тем не менее, любопытство вкупе с чувством долга наконец-таки берёт своё, и он, прощально махнув рукой всей факельной процессии и крикнув им что-то в духе «Hasta la vista!», наконец, в который уже раз за сегодняшний день уходит птицей в небеса. Какое-то время он продолжает привычно петлять по улицам города на уровне третьего-четвёртого этажей зданий, а затем с галопа, если, конечно, такой термин применим и к подобного рода способу передвижения, влетает в открывшиеся дверцы валютной биржи. С ходу становится видно, что некогда полнившая сие заведение бессмысленная суета сует канула в лету, поскольку основными жителями сего заведения стали преимущественно только крысы, тут и там ползающие по паркетам, да слоняющиеся с тоскливыми выражениями лица люди сомнительной степени разумности, периодически и хаотически разражающиеся воплями наподобие «Голубые фишки, голубые фишки — это не излишки, это для сберкнижки!», «Отдам за пять, возьму за три, и лишних слов не говори!», «Быки и медведи нам всем не соседи… давайте подальше отсюда уедем!». Подобный хаос дополняют тут и там разбросанные пачки купюр самых разных форм и расцветок, на некоторых из которых уже успели отметиться вышеупомянутые крысы. В целом картина создаёт ощущение дурдома, из которого ушли все врачи и подавляющее большинство пациентов, а остались только самые упорные из вторых.

Фёдор: — Занятно, право… поделом! Валюты биржа точь дурдом!

В.В.П.: — Живут на них сплошь паразиты. Но вот теперь их карты биты.

Фёдор: — О том им пелось так давно, но всё равно плывут на дно…

В.В.П.: — Смотреть на них не будем более — то выбор их свободной воли.

Фёдор: — Так, на попов уже смотрели…

В.В.П.: — Открыли тюрьмы свои двери!

Фёдор: — На труд отправили всех тех, не совершал кто тяжкий грех?

В.В.П.: — Дали грехи искупить тем возможность, кармы закон кто познал непреложность.

Фёдор: — Что же, пускай обнажат свою суть, жизни величье познав по чуть-чуть.

В.В.П.: — Будем надеяться, времени хватит, демон их больше уже не захватит.

Фёдор: — Ангел-хранитель у каждого есть, слышать его — это даже как честь.

В.В.П.: — Люди, надеюсь, то скоро поймут.

Фёдор: — Как же поэты отныне живут?

Иван внезапно разражается победоносным криком «Я-х-у-у-у-у!» и вылетает прочь из помещения бумажного нервотрепства, постепенно всё набирая высоту и как будто стремясь поскорее покинуть черту этого города. И вот, наконец, перед телезрителями начинают проплывать лесные массивы, камера ныряет резко вниз и как будто зависает на ветке какой-то из сосен. Спустя секунд десять становится понятно, что Иван просто-напросто с лёту сел на приглянувшуюся ему ветку дерева точно классическая птица. Спустя ещё секунд тридцать до зрителей доносятся тихие счастливые присвистывания, причём определённо человеческого генезиса. Перед телезрителями раскрывается вид на лесную полянку и кусочек небосклона, оказавшийся в объективе телекамеры как нельзя более кстати. Кажется, будто даже ведущему передалось мечтательно-весеннее настроение Ивана.

В.В.П.: — Не жить нам больше уж как встарь!

Фёдор: — И стая птиц уходит вдаль…

В.В.П.: — А это голубь мира кружит?

Фёдор: — Хороший вестник это, друже.

В.В.П.: — Вы, я смотрю, любитель птиц!

Фёдор: — Они предвестники зарниц.

В.В.П.: — О да, все небу столь близки…

Фёдор: — Поют, ты слышишь, петухи?

В.В.П.: — То боевая, Фёдор, птица!

Фёдор: — И соловья, вон, трель струится…

В.В.П.: — Ах, соловей, какая душка!

Фёдор: — Считает, слышишь, дни кукушка?

В.В.П.: — Упал на землю ястреб, глянь. Жрут муравьи… какая дрянь!

Фёдор: — Судьба печальна хищных птиц — на них достаточно лисиц.

В.В.П.: — А на лисиц довольно псов.

Фёдор: — И стрелки тикают часов…

В.В.П.: — И птички малые поют.

Фёдор: — Всех времена иные ждут.

В.В.П.: — И это знанье непреложно! Ведь снова встретимся?

Фёдор: — Возможно.

07.03.2011

Мошенники

Странный, в чём-то даже мистический, завораживающий и пугающий одновременно сон приснился Олегу в эту неспокойную ночь. И виделись ему в этом сне огромные человеческие процессии, двигавшиеся по направлению к тому, что можно было бы с полной уверенностью назвать их новоявленным божеством. Четыре могучие, овеянные неземным светом ноги его прочно стояли на земле, словно гигантские многовековые деревья, устремляясь своими невидимыми глазу лилипутов вершинами в недосягаемую для обычного человеческого зрения заоблачную высоту. Напоминавшие своей высотой и мощью земные небоскрёбы, копыта существа отливали золотом и перламутром. Голова же его скрывалась от взглядов этих простых смертных где-то в великой и вечной высоте, время от времени изрыгая какие-то нечленораздельные мычания. Или, быть может, просто эти жалкие люди были слишком малы и глупы, чтобы понять его язык?

Словно маленькие ручейки, бесконечные людские процессии одна за другой стекались к его стопам, и только там, овеянные их золотистым сиянием, они, казалось, наконец-то обретали свой долгожданный покой. Останавливались, вожделенно заглядывая в заоблачные высоты и словно пытаясь определить, доволен ли он их очередным подношением.

Кто-то из пришедших и поклонившихся ему нёс и отдавал свои наручные часы, стрелки которых приходили в какое-то великое неистовство, словно в мгновение ока обретая неимоверное ускорение, стоило им только быть поднесёнными к его копытам. Иные же вскрывали принесёнными с собой ножами свои собственные вены и щедро орошали льющейся из них кровью землю вокруг этих великих копыт, заходясь своими душераздирающими криками — словно он, овеянный манящим золотистым величием, был способен внимать их ничтожной боли.

Находились среди паломников и те, кто подносили своему божеству целые стопки крашеных бумажек, испещрённых какими-то цифрами — в мгновение ока, будучи поднесёнными к подножию копыт его, бумаги эти обращались пеплом, а внезапно неизвестно откуда налетавшие потоки ветра развеивали и уносили их прочь. Наконец, находились же и такие — слишком дерзкие или же слишком глупые — кто приносил и клал к стопам его своих новорождённых младенцев: лица их в момент этот мгновенно заливались слезами, а затем с беззвучными неизбывными криками дети эти исчезали в какой-то неясной серовато-малиновой дымке, словно и не рождались они вовсе, словно и не было их никогда на земле.

Олег видел все эти казавшиеся бесконечными процессии сверху, паря на недосягаемой для них высоте, словно невиданная человеческая птица, сумевшая раз и навсегда разорвать тягостные узы земного притяжения. Не мог узреть он обычным человеческим зрением рогатой главы этого существа, но дух его ощущал устремлённые к нему, буравящие и изучающие душу его, налитые кровью и ненавистью огромные тёмно-красные глаза. Зверь этот не был рад своему небесному созерцателю. Он презирал тех, кто отвергал его дар.

Дар этот проявлялся единообразно. Принёсшие к его исполинским копытам свои жизненные жертвы люди на краткое мгновение озарялись невиданным золотистым свечением — даром своего божества, — а затем грязные и пыльные от долгого пути одежды их изменялись и становились блестяще-золотистыми. Люди ликовали, смеялись, плакали и обнимали друг друга, видя своё собственное внешнее преображение. Они пели и танцевали от счастья, образуя хороводы и вознося благодарственные молитвы своему господину. Вдохновлённые, устремлялись они прочь по направлению, которое указывал им исполинский, спускающийся с небес хвост их нового владыки. Но каково же было их удивление и ужас, когда наконец-то достигали они указанных им владений. Приходили туда, где им было самое место.

Там, где кончался его хвост, бушевали бури. Тысячи молний сверкали вокруг, а пространство то и дело оглашалось громогласным рёвом. Стремительно приближавшиеся ревущие чёрные смерчи подхватывали этих незадачливых путников, в мгновение ока разрывая их золотистые одежды и оставляя совершенно голыми. Словно змеи, ловили они пытавшихся убежать людей и засасывали в свои тёмные недра.

Невозможно было понять, что же происходило с ними дальше, но никто из дошедших до конца своего пути не мог пережить эту бурю. С криками и воплями неизбывного ужаса носились обезумевшие полуголые паломники между смерчами, не в силах помешать им…

Ибо как можно помешать тому, что ты выбрал сам?

* * *

«Тилинь-тилинь! Тилинь-тилинь!» — радостно сообщил телефон, разрывая утреннюю тишину своим ни в меру навязчивым звоном.

— Алло? Чего вам? — вяло пробормотал в трубку полусонный Олег, всё ещё не до конца оправившийся от только что увиденного во всей своей золотистой красе ночного наваждения.

— Олег Александров? Доброго вам дня! Меня зовут Антон Бесхребетко, я менеджер вашего оператора сотовой связи «Муть-ТС». Подскажите, пожалуйста, вам было бы удобно сейчас разговаривать?

— Почему вы звоните мне в такую рань? Муть какая-то! — чуть не выругался полусонный Олег.

— Так у нас уже день! Наш главный офис же в Магадане находится! — обрадовал Олега своей географической прозорливостью некий Антон. — Я звоню вам по поводу вашей недавней заявки. Мы уже всё согласовали.

— Какой ещё заявки? Я ничего не заявлял! — протирая заплывшие глаза и всё ещё отчаянно пытаясь проснуться, промямлил в трубку Олег.

— Как это какой? Разумеется, той самой, которую автоматически сформировала и автоматически же одобрила для вас используемая нами новейшая система искусственного интеллекта «Муть-ИИ». Осталось только подтвердить ваше согласие. Продиктуйте, пожалуйста, код из СМС, который сейчас должен прийти на ваш телефон.

— У вас даже названия какие-то… искусственные. Мутные, — съязвил было Олег. — Не вижу в этом ничего естественного и человеческого, и никакую заявку я вам подтверждать не буду. Вы ещё код для входа на «Госуслуги» у меня извольте спросить!

— А что, так можно было? — в наивной надежде вопросила трубка.

— Разумеется, нет! — твёрдо ответил Олег. — Вы же не мошенники какие-нибудь.

— Не мошенники, конечно! Не извольте беспокоиться! — подтвердил менеджер Антон. — Мы намного лучше. Так вы готовы принять наше последнее предложение?

— Позвольте поинтересоваться, в чём состоит суть вашего предложения-то? Давайте, выкладывайте, не тяните кота за ваш логотип… в смысле, не мутите воду понапрасну!

— Это новое страховое предложение. Страхование вашей гражданской ответственности перед соседями от чрезмерного засорения частот вашим Wi-Fi роутером. Всего девяносто девять рублей девяносто девять копеек первые три месяца, а дальше…

— Дальше! — приказал в трубку уже почти проснувшийся Олег. — Что-нибудь более адекватное эта ваша, как её там, «Муть-ИИ» сумела придумать?

— Страхование вашего роутера от попадания в него беспилотника. И бесплатным бонусом к опции — от попадания метеорита! Только сегодня стоимость будет составлять всего лишь…

— А телефон от попадания в него ваших навязчивых звонков застраховать можно? — резко прервал монолог Антона Олег. — Очень полезная была бы опция.

— К сожалению… к огромному сожалению, наша сверхпередовая система искусственного интеллекта ещё не сформировала для нас, а потом и для вас, подобного интересного предложения. Но мы обязательно учтём все ваши пожелания! Я уже всё записал и обязательно передам куда следует! — безапелляционно уверил Антон.

— В антиспам-комитет всея Руси передайте! — гаркнул в трубку Олег. — Там таким, как вы, как раз самое место. Надеюсь, это всё? — выразил он робкую надежду на быстрейшее окончание их разговора.

— Минуточку! — забеспокоилась озадаченная отсутствием проданных клиенту предложений трубка. — У нас есть ещё одно уникальное предложение. Чёрно-белый список!

— Это как? Поясните! — выразил своё искреннее удивление Олег.

— Ну, вы ведь наверняка уже наслышаны про белые списки сервисов, верно? Ну так вот! — вновь радостно начала верещать трубка, — теперь вы можете заблокировать любой из белых адресов для вашего оппонента. Внести его в чёрный список, так сказать. Представляете, какой его ждёт сюрприз, когда он не сможет заказать свой любимый лавандовый раф, съездить куда-нибудь на такси, а то и — Боже упаси! — воспользоваться услугами всем известного зелёного банка. Всё это дорогого стоит, согласитесь? — точно невидимо подмигнул ему голосом в трубку Антон.

— Говорите, пожалуйста, поточнее, сколько вешать. В смысле, сколько в рублях.

— Пятьдесят рублей за адрес из списка для выбранного номера.

— Слишком дорого, — огорчил трубку Олег. — У меня не наберётся больше тридцати сребреников на все ваши залихватские предложения, уж извините.

— И последняя актуальная опция: «Связь на час»! — как ни в чём не бывало заворковал Антон.

— А это как?

— Как вы, возможно, уже знаете по собственному опыту уклонения от вражеских беспилотников, во время опасной опасности мы полностью блокируем доступ к мобильному интернету. Но в рамках нашего уникального предложения мы готовы оставить его для вашего номера. Стоимость — всего лишь пятьсот рублей в час. Время, как говорится, деньги! — радостно огорошил Олега своим новым предложением товарищ Бесхребетко.

— Тоже ваша ИИ-система придумала?

— Она самая! Самая гениальная! Каких только предложений мы от неё в последнее время не услышали… — хихикнул в трубку Антон.

— А предложений больше мне не звонить, — решил на всякий случай уточнить Олег, — не поступало?

— Увы и ах! — наигранно разочарованно сообщила трубка. — Таких предложений в нашу систему до сегодняшнего дня ещё не поступало.

— До свидания! — коротко отрезал Олег и сбросил звонок.

Его, чёрт возьми, всё ещё ждал любимый утренний кофе, а не всякие там бесхребетные продажники!

«Тилинь-тилинь! Тилинь-тилинь!» — вновь громогласно запиликал телефон, чтобы с притворной механической радостью сообщить ему о новом входящем и, весьма вероятно, маркетингово-навязчивом и практически совершенно бесполезном предложении.

— Александр Скоробогатько, менеджер по работе с клиентами банка «Муть-Деньги». Могу ли я пообщаться с Олегом Александровым?

— Честно говоря, этот товарищ сейчас немного занят, — решил подшутить уже было начавший варить себе утренний кофе Олег.

— А что с ним? — искренне удивилась трубка. — Жив, здоров?

— И жив, и здоров, и к службе в органах готов. Но есть одна незадача. Его донимает какой-то странный тип. Скоро… споро… ебатько… хатико… Как же, блин, его там звали-то? Скоробогатько, во!

— Дак это ж я! — опешила трубка. — Уважаемый Олег, не шутите так. Мне ещё премию с вас получать.

— Какую ещё, итить-колотить, премию? — деланно удивился Олег.

— За успешно предотвращённую мошенническую операцию, разумеется! — огорошила Олега трубка.

— Не понял… Вы что, поймали за причинное место очередного олигарха аккурат в процессе вывода его капитала в интимные офшорные места? Извините, но я ещё не смотрел сегодняшние новости, — деловито разочаровался Олег. — Хотя подобный курс я, как крайне среднеимущий гражданин, безусловно, одобрямс!

— На вашу дебетовую карту вчера поступил платёж в размере пятнадцати тысяч рублей. Отправитель — некий Соцфонд РФ. Скажите, пожалуйста, вам знакома эта организация?

— Да лучше бы я его не знал! — взмахнул руками Олег, едва не выронив телефон.

— Мошенники? — понимающе согласился с ним Александр. — Выходит, наша передовая система «Муть-ИИ» корректно определила категорию отправителя денежных средств.

— Те ещё мошенники! Да вдобавок ещё и жмоты! Пенсия в пятнадцать тысяч рублей — где ж это видано, где ж это выдано? Погодите-ка… вы что, меня пенсии на месяц лишили? — взъярился было Олег. — Выходит, что и вы — мошенники!

— Ой, — стушевалась трубка. — Ошибочка вышла. Странно… Раньше наша система не давала сбоев. Но мы обязательно всё исправим и всё разблокируем. Вам необходимо только написать заявление на разблокировку перечисленных вам денежных средств в одном из офисов нашего банка, и в течение шестидесяти дней ваш вопрос почти наверняка будет решён! — радостно заверил его в неизбежности грядущего счастливого исхода товарищ Скоробогатько.

— Шестьдесят дней?! А на что я, по-вашему, жить-то теперь должен?! Манной небесной питаться? А вы что, всё это время будете беспроцентно пользоваться моими деньгами?

— Ну разумеется, — уверила его трубка. — Ведь мы действуем строго в рамках закона. Боремся с подозрительными операциями, понимаете? Защищаем ваши денежные средства!

— От кого — от нас самих? — опешил Олег. — Вы меня только что лишили моих собственных денег, вы понимаете это?

— Технически они уже не ваши, — словно с невидимой едкой ухмылкой обрадовал его Александр. — Теперь это кредитные обязательства нашего банка перед вами. И можете не сомневаться: мы любой ценой защитим от вас наши кредитные обязательства! Ведь без ваших денег мы — никто.

— Деньги верните! — хмуро бросил в трубку Олег.

— А пока что наш банк «Муть-Деньги» подготовил для вас уже предодобренную, хоть и не предвыданную, кредитную карту с лимитом в пятьдесят тысяч рублей. Это же почти четыре ваши пенсии, уважаемый Олег Александров! Вы будете богаты, хоть и без зарплаты!

— Мошенники! — вновь прокричал в трубку окончательно расстроенный Олег. — Как есть мошенники!

— Карта «Безпенсионная». Сорок процентов годовых! — словно не слыша крика его души, продолжала бахвалиться трубка. — Грейс-период — целых тридцать дней! Берёте?

— Да зачем мне ваша кредитная карта-то! Мне пенсия моя нужна!

— С помощью наших кредитных средств вы сможете обеспечить себя всем необходимым, пока наш банк рассматривает ваш запрос на разблокировку ранее ваших денежных средств. И можете даже не сомневаться в том, что в случае отсутствия признаков мошеннических операций мы обязательно их разблокируем через упомянутые шестьдесят дней.

— И когда я смогу воспользоваться вашей долбаной кредиткой? — Олег уже готов был сдаться от безысходности своего финансового положения на милость ростовщикам.

— Как только вы подтвердите операцию выдачи предодобренной кредитной карты кодом из СМС.

— А её вы случаем не заблокируете? — на всякий банковский случай решил уточнить Олег.

— По правде сказать, это не исключено, — уклончиво ответил оператор. — Если наша антифрод-система посчитает, что воспользоваться вашей картой хотите не вы, а вездесущие мошенники, то может и заблокировать. В этом случае вы уже не сможете воспользоваться кредитными средствами, однако, само собой разумеется, что по истечении грейс-периода мы всё равно спишем с вас проценты за пользование ими.

— И какой только идиот придумал всю эту систему?! — окончательно вскипел Олег.

«Муть-ИИ: искусственный интеллект нового поколения. Надёжные решения для вашего ненадёжного бизнеса. Разработчик: ООО «НА е-бизнес». Давайте замутим что-нибудь вместе!» — в этот момент трубка неожиданно разразилась каким-то роботизированным голосом, совершенно не похожим не то что на голос живого и адекватного человека, а даже на голос оператора этого чудо-банка.

— Э… и что это только что сейчас было? — непонимающе промямлил в трубку Олег.

— Спонтанная рекламная интеграция, которую вы не смогли бы не прослушать! — полным феерического энтузиазма голосом оператора вновь сообщила трубка. — Это тоже внедрённая нами «Муть-ИИ» придумала. Здорово, правда? Я бы сам до такого ни за что бы не додумался! — попытался убедить Олега в скудости собственных интеллектуальных возможностей представившийся Александром.

— Мутны дела ваши ростовщические, и души ваши падши! — Олег взял высокопарный тон.

— Так вы подтверждаете выдачу вашей предодобренной кредитной карты? — с наивной надеждой в голосе возгласил оператор.

— …Но Бог найдёт на вас управу, она вам будет не по нраву! — закончил Олег и что есть силы нажал на кнопку сброса вызова. Затем поставил свой телефон на беззвучный режим и добавил два последних входящих номера в свой личный (и весьма приличный!) «чёрный» список.

Что ж, завтра ему предстоит непростой день. Ему придётся заказывать унылые банковские выписки. Ему придётся искать старые электронные чеки. Ему придётся писать объяснительные с указанием целей проводимых финансовых операций. Ему придётся идти на поклон с челобитной к ненавистным ему ростовщическим барыгам, решившим нагло присвоить себе, помимо многих прочих, в том числе и его выстраданные и заработанные честным трудом и потом деньги.

Но всё это будет лишь завтра. А сегодня ему всё ещё предстояла отдохновляющая прогулка под пронизанными лучами солнца цветущими весенними деревьями огромного парка. И, само собой разумеется, манящий и дурманящий запах и вкус столь любимого и обожаемого им свежесваренного кофе.

* * *

В эту новую ночь измучившемуся от земных тягот Олегу привиделся уже совершенно иной сон. Словно сама судьба на краткий миг смилостивилась над ним и даровала отдохновение его исстрадавшемуся духу.

Во сне этом видел он огромные толпы людей — целые земные процессии, шедшие с красными знамёнами по улицам знакомых ему городов. Радостные и воодушевлённые, стекались они на городские площади, в скверы и парки. «Мир! Труд! Май! Рай!» — успел прочесть невидимкой скользивший среди них Олег на одном из плакатов с до слёз знакомыми ему из его собственного детства изображениями серпа и молота. На другом узрел он цветущую красную розу на фоне голубого неба. На третьем — детский хоровод на фоне золотистых пшеничных колосьев. А затем…

Теперь кружился он высоко над Землёй, словно её вечный и неотъемлемый спутник. Взглядом небесного странника созерцал он руины западных стран и союзы стран восточных. Утопающую в зелени Африку и поющую гимн Творцу потеплевшую и зацветающую Россию, словно покрытую каким-то сияющим светло-голубым небесным куполом. Людей в ней стало меньше, но зато какие это были люди!

Он наблюдал за ними с высоты своего небесного полёта, и они… они тоже летали! Немного ниже, правда, чем кружился по орбите он, но… самолёты исчезли — их не было в атмосфере Земли… ни одного из десятков тысяч. Кому они теперь были нужны? Не было видно больше ни дронов, ни летающих туда-сюда ракет, ни танков. Ни войн. Ни боли.

Словно впервые за множество десятилетий — столетий даже! — живущие там внизу люди наконец-то обрели и осознали подлинный смысл своих жизней, а вместе с этим великим прозрением вернулось и счастье, столь долго томившееся в ожидании у порога перед закрытыми дверями души. А вслед за счастьем пришёл и рассвет…

* * *

«Тилинь-тилинь! Тилинь-тилинь!» — запиликала уже до оскомины знакомая Олегу мелодия, вновь нагло вырывая его из сладкой неги этого чудесного сна.

— Страхкрахпрахтрахфинанс банк на связи! — уверенно заявила трубка. — Доброе утро, Олег Александров. У нас есть для вас сногсшибательное кредитное предложение!

10.07.2026

Правила политики

Практические предписания по политическим процессам

Ты стал политиком. Не больше и не меньше, а временным правителем целого государства. Прими наши искренне лицемерные поздравления. Отныне ты — один из сильных мира сего.

Но в этой тесной земной банке с пауками ты далеко не единственный и неповторимый. Поэтому, дабы не разменять себя и не быть разменянным в ходе своего восхождения от простого смертного к смертному политическому, не стоит забывать о некоторых негласных правилах. Следуй им неукоснительно — и, возможно, ты проживёшь на политической арене намного дольше, чем множество наивно пренебрегавших ими твоих предшественников.

Правило 1. Обещайте и не выполняйте.

Никто не в силах заставить вас делать то, чего вы на самом деле не только не хотите, но даже и не планировали! А вот пообещать — это всегда пожалуйста. Проще пареной репы. Поэтому обещайте всерьёз, долго и много, особенно во время ваших предвыборных речей.

Помните: если ваш политический оппонент пообещает больше, чем вы — у него неизбежно появится совершенно ненормальное конкурентное преимущество! Поэтому нормализуйте его, пообещав как минимум не меньше. Уже через пару месяцев (а тем более лет) люди совершенно забудут все детали того, что вы им когда-то наобещали — и можно будет пообещать то же самое вновь, предусмотрительно сдвинув сроки исполнения обещанного куда-нибудь подальше вглубь будущих веков.

Мы называем этот феноменальный аспект эффектом политической амнезии. Пользуйтесь!

Правило 2. Лицемерьте, не теряя лица.

Говорить сегодня одно, а завтра совершенно другое — это нормально. Ненормально — это молчать. Политик должен уметь говорить, хотя бы и сам с собой! А маскировать свои истинные цели и желания — это самый что ни на есть базис вашей политической карьеры.

Потренируйтесь на досуге перед зеркалом. Покорчите различные рожицы. Поупражняйтесь с выражением поддельных эмоций. Проявите лицемерное уважение к тому, кто смотрит на вас из зеркала, виртуально пожав ему руку.

Вы — в театре одного актёра имени самого себя. В конце концов, если бы вы совсем не умели лицемерить, то никогда бы не стали политиком, верно? Так что не бойтесь совершенствовать этот врождённый душевный навык!

Правило 3. Не доверяйте, а проверяйте.

В мире власти не может быть места доверию. А вера — это вообще не про религию. Подсиживать и подсаживать — это ваша новая нормальность. Не верьте словам и пустым обещаниям других — пусть за вас в отношении вас же этим занимаются ваши избиратели. А вы — будьте умнее.

Проверяйте и перепроверяйте. Изучайте портфолио и досье. Выискивайте подвохи. Ставьте на прослушку. Проверяйте на детекторе лжи, в конце концов! Как говорится, лучше семь раз перепроверить, чем один раз обмануться.

Правило 4. Подставляйте, когда не страшно.

Если можете предать, не получив ножа в спину и заработав на этом какие-то ценные плюшки — чего вы ещё ждёте? Это неотъемлемый навык, известный и широко практиковавшийся ещё с древнейших времён до нашего с вами времени! Сегодня ваши политические друзья подобострастно смотрят вам в глаза — но что будет завтра, когда их позиции укрепятся? Вы же не думаете, что Брут был единственным в своём роде?

Вся наша земная политическая жизнь — это, в некотором роде, история бесконечных предательств одних политиков другими, и политиками собственных народов. Поэтому — не оригинальничайте в этом вопросе. Если не вы — то вас. Поэтому — лучше уж вы.

Правило 5. Прикрывайте тылы.

Хотя бы одеждой. Нет ничего более коварного, чем враг, зашедший с тыла и проникший в ваши святая святых! Помните, что правилом (4) будете пользоваться не только вы. Мир политики — это практически идеальный жабогадюкинг, и вам придётся что есть мочи бороться за своё место под солнцем в этом уютном болоте.

Поэтому никогда не забывайте о правиле (3), чтобы не «квакнуться» раньше времени, и о данном правиле, чтобы ненароком не «квакнули» вас. Поэтому будьте заранее готовы к тому, что любой из ваших нынешних союзников — потенциальный противник в самом ближайшем будущем. Высшее политическое мастерство жабогадюкинга как раз и состоит в том, чтобы успеть задействовать правило (4) ещё в тот момент, когда враг ещё только собирается оценить привлекательность вашего тыла со всех возможных сторон. Как говорили древние, «береги честь смолоду, а тыл — с заду».

Правило 6. Не кайтесь, не пресмыкайтесь.

Покаяние — удел слабых. Раскаяние — стезя грешников. Искупление — путь мучеников. Вы — не из таких. Политик, публично признающий свои ошибки, выставляет себя глупцом. Делает себя посмешищем для острых языков вражеских СМИ. Обнуляет свой политический рейтинг. Опускается на политическое дно. Называйте, как хотите, но не смейте давать врагам такого идеального шанса!

Совершив ошибку, отбросьте её, не мешкая, или свалите вину на других (Правило 9). Устроив катастрофу, не зацикливайтесь на её последствиях или убедите сограждан, что на всё воля Божья (Правило 10). Приведя народ к гибели, притворитесь мессией. Помните: извиняться — не царское дело. Царское дело — царствовать.

Правило 7. СМИ-кайте.

СМИ! — это приказ. Кто контролирует информацию, тот управляет миром. Они — ваши лучшие бумагомаратели, способные создать любой подходящий имидж вам и любой неподходящий — вашим оппонентам. Главные отбеливатели и приукрашиватели. Мастера клеветы и свободной интерпретации фактов. Создатели параллельной информационной реальности в головах доверчивых граждан. Новостные стервятники и информационные скорпионы. Любители отпиаривать в хвост и в гриву. Поэтому — не пренебрегайте их услугами.

Центральное телевидение вместе с денно и нощно выступающими на нём лояльными политологами — это основа информационной работы с населением. Пропаганда не может распространяться в человеческой среде естественным образом, ей жизненно необходима медийная поддержка! Поэтому центральное телевидение должно работать, не покладая языков на пользу вам и правильному мировоззрению ваших сограждан.

Но не стоит пренебрегать и местечковыми СМИ. Если их не выкупите вы — это сделают другие. А кто девушку оплачивает, тот с ней и СМИ-т. Свобода слова хороша, только пока это слово идёт вам на пользу. В противном случае… не слова больше.

Правило 8. Не полемизируйте, а отливайте.

В граните, в мраморе, в нерукотворных памятниках — да в чём угодно! Ваше слово — в вечность! Не полемизируйте больше, чем это минимально необходимо, с вашими политическими оппонентами. С дураками же не спорят. Сделайте вид, что вы выше этого. К тому же, это отличный способ избежать слишком неудобных для вас вопросов. Не якшайтесь с народом после своего избрания.

Помните: вы — выше этого, вы — над этим. Каждое ваше слово — на вес золота. Каждый ваш афоризм — мудрость столетий. Гордитесь и восхищайтесь самим собой! Государство — это, конечно, не вы, но что бы оно делало без вашего всестороннего участия? Никто и ничто не имеет права заставить вас усомниться в правильности собственных выборов. Отливайте часто и с пользой для дела, грамотно регулируя силу творческих словесных приливов и позывов.

Правило 9. Сваливайте вину на других.

Рабы немы, а вы — не раб. Поэтому не стоит нести бремя собственных ошибок на своём же горбу. Отыщите подходящего «носильщика» для добровольно-принудительной передачи этой нелёгкой ноши. Ваши политические оппоненты — идеальные кандидаты на роль тягловых лошадок. Ошиблись и сплоховали — сразу же сваливайте вину на них, не откладывая решения созданных вами проблем в долгий ящик.

Самый эффективный способ — использовать подчинённые вам СМИ. Как говорится, один политический рот — хорошо, а тысяча пресститутских — лучше. Грамотный политолог и пресс-секретарь всегда смогут правильно мотивировать и объяснить практически любое ваше деяние. Убьёте сразу двух зайцев — и себя обелите, и врагов очерните. Ваши партнёры по политическому цеху непременно оценят. В крайнем случае, всегда можно обвинить неудобную географию, неподходящую погоду и ретроградную фазу Меркурия. Пока народ вкусно кушает, он вас по-прежнему слушает.

Правило 10. Религиозничайте.

У каждого уважающего себя политика непременно должна быть своя собственная карманная религия. Религии как таковые уже вполне успешно проявили себя в мировой истории как прекрасный инструмент для управления народными массами — а ведь именно за этим вы и пришли в политику, верно?

Поэтому попытайтесь создать свою собственную карманную религию, этакий культ личности самого себя. Подконтрольные вам СМИ и хорошо оплаченные политологи всех мастей подойдут для этого как нельзя более кстати. На худой конец — сгодятся продажные писатели и актёры. Возможно, однажды вы сможете собирать целые колизеи или стадионы уверовавших в вас сторонников! А что с ними потом делать — вы и без нас знаете. Крайне приятно ощущать себя мессией, согласитесь?

В крайнем случае, вместо создания своей собственной вы всегда сможете использовать уже готовую, ранее разрекламированную среди масс непоследовательными последователями Божьих пророков мировую религию. И не беда, что эти уже созданные религии формально говорят о каком-то там Боге — ведь именно вы обеспечиваете им множество земных благ, не так ли? Поэтому они не только не укусят, но с радостью поцелуют и оближут кормящую их руку! А вы их этой рукой потом направите в нужное вам русло божественного оправдания вашей земной власти. Неисповедимы пути, как говорится.

Правило 11. Замышляйте и выжидайте.

Удобных моментов. Жизненного случая. Смерти недругов. Внезапно открывшихся геополитических возможностей. Проплывающих по реке времён трупов ваших политических оппонентов. Стихийных бедствий и техногенных катастроф, в конце концов!

Всему своё время, место и обстоятельства. И вы, подобно свернувшейся в калачик змее, должны уметь выжидать подходящего случая. Поэтому — замышляйте и планируйте ещё до его наступления, чтобы, когда он наконец-то вам представится, действовать стремительно. Шанс — он выпадает только раз. Поэтому — будьте хитры как лисы и стремительны, как змеи.

Правило 12. Атомизируйте и разобщайте.

Разделяйте и властвуйте. Создавайте новые Вавилоны на месте культурно монолитных сообществ. Наводняйте страну иностранцами, уменьшая и размывая долю нелояльного к вам коренного населения. Создавайте условия для добровольной самоизоляции граждан. Насаждайте либеральные идеи о ценности и самодостаточности личности самой по себе, тем самым усиливая человеческий эгоизм и стремление к одиночеству. Объявляйте экстремистскими и ликвидируйте любые народно-общественные движения и инициативы, ставшие ответом на процесс атомизации общества. Разделяйте по религиям, социальным классам и различиям культур. Разделённые — значит, слабые и не способные сопротивляться навязываемому им миропорядку и контролю.

Правило 13. Пугайте и спасайте.

От вами же созданных угроз. Будь то мировая пландемия всеобщей глупости, организованный и проконтролированный спецслужбами теракт, хакерские атаки на гражданскую инфраструктуру, локальный военный конфликт и прочее, и прочее — всё это должно работать на распространение страха и увеличение чувства собственной незащищённости среди народных масс. Испуганными баранами управлять бесконечно легче, нежели самосознательными храбрецами.

Если не получается атомизировать общество, можно его напугать — и выступить спасителем. Даруйте им это спасение в обмен на некогда имевшиеся и совершенно ненужные им ныне свободы. Только добровольный отказ от собственных свобод в угоду иллюзии безопасности позволит вам надеть на них волевые кандалы.

И, разумеется, не забывайте о необходимости сотворения только контролируемых вами угроз, которые вы относительно легко при необходимости сможете устранить. Главное — чтобы вышедшая из-под контроля искусственная угроза естественным образом не устранила вас.

Правило 14. Сажайте и отпускайте.

И познаете благодарность отпущенного по очередной амнистии преступника. Особенно если ненароком посаженный за решётку — ваш бывший коллега.

Поэтому часто и активно практикуйте амнистии — так вы не только тюрьмы разгрузите и место в них для ваших политических оппонентов освободите, но и собственную электоральную базу увеличите. Да и народу посредством СМИ это представить можно как собственное великодушие и благородство.

Ну чем не вариант? Правоохранительные и судебные органы вам, разумеется, вряд ли спасибо за это скажут, ну да кто их мнения спрашивать-то будет?

Правило 15. Делайте зависимыми.

Все мы зависим друг от друга в какой-то там непосчитанной степени. Вы зависите от вашего электората, а он — от вас. Даже ваши политические оппоненты зависят от последствий принимаемых вами решений. Зависеть — это нормально. Ненормально — зависеть от тех, кто вам не нужен.

Поэтому — скидывайте это ярмо зависимости при первой открывшейся возможности. Ликвидируйте своих благодетелей. Лишайте права голоса нелояльный вам электорат. Не пропускайте к властной кормушке ваших соперников. Не допускайте распространения «независимых» от зарубежного финансирования местечковых СМИ.

И — делайте зависимыми от себя ваших союзников и подчинённых. Нет ничего крепче политической дружбы, скреплённой вашими прошлыми совместными грешками, или имеющимся у вас компроматом на своего новообретённого «друга». Научившись мастерскому владению дёргать в нужный момент за эти связывающие вас с другими нити, вы сможете стать прекрасным кукловодом в этом мировом политическом театре абсурда.

Правило 16. Искусничайте.

Используйте искусство как инструмент для продвижения нужных вам идей и повесток, а также собственного культурно-исторического возвеличивания.

Продажные актёры с радостью за умеренную мзду выступят в вашу политическую поддержку. Представители шоу-бизнеса продадут населению привлекательный образ дивного нового мира, в который вы поведёте их. Историки перепишут и отстирают вашу биографию, оттерев с неё все некрасивые пятна. Скульпторы расклонируют ваши статуи и заполонят ими города.

Художники запечатлеют ваш величественный лик для будущих поколений. Музыканты сочинят баллады о ваших политических баталиях. Поэты напишут оды в вашу потерянную честь.

Не пренебрегайте искусством, очистителем душ человеческих. Используйте его для очищения человеческих умов от мыслей о вашем несовершенстве.

Правило 17. Будьте львом среди ягнят.

Ведь таких не обхулят. Вы обязаны быть примером для подражания. Политическим авторитетом в законе. Самым сильным боксёром на политическом ринге. Самым крупным пауком в банке. Иначе — сожрут и не подавятся. Или подавятся, но всё равно сожрут. А пожирание друг друга политики ой как любят и практикуют!

Поэтому — никаких отступлений от правила. Создайте себе имидж спасителя отечества языками подконтрольных вам СМИ. Тела подчинённых вам министров должны вытягиваться по струнке уже тогда, когда вы лишь ненароком посмотрите в их сторону! А смотреть в их сторону нарочно, стучать кулаком по столу, гневно бросать ручку вы обязаны были научиться ещё вчера. Власть придаёт вам силы, и только сильный удерживает власть!

Правило 18. Взывайте к патриотизму.

Патриотизм — вот ваш щит и меч карающий! Под прикрытием патриотизма вы сможете творить всё, что вам заблагорассудится. В рамках требований и вызовов времени, разумеется.

Утопить в собственной луже крови внешнего или внутреннего врага. Побить камнями и закидать доносами любого, перешедшего ваши политические красные линии. Установить тотальную слежку за «неблагонадёжными» гражданами. Отправить в трудовые лагеря оклеветанных. День за днём искать и уничтожать вездесущую «контру». Заменить естественный интеллект искусственным. Стравить «сомневающихся» и «патриотов». Сформировать культ личности.

Помните и убеждайте, что патриотизм — это не про любовь к своей родине, а про ненависть к многочисленным врагам её.

Правило 19. Уходите не без преемника.

Не только лишь все могут смотреть в завтрашний день. И ваша пора уйти с политической арены тоже когда-нибудь да настанет. Чем позже, тем лучше, разумеется, ну да кто же его знает, как оно всё в итоге обернётся? Вы ведь ещё помните про знаменитое правило (4), верно? Даже политики смертны, увы!

Поэтому — уходите вовремя, то есть тогда, когда вам ещё не успели вонзить нож в спину все ваши многочисленные недруги, и пока ваш хитрый разум ещё верно служит вам. Нет зрелища печальнее на свете, чем старый политический маразматик на троне. Такой не только собственную страну, но и близких в адово пекло легко отправит, фигурально выражаясь. Поэтому — знайте предел своим физическим и возрастным возможностям, дабы преждевременно не «сыграть в ящик» прямо на троне. И обязательно найдите себе преемника — такого, чтобы прикрыл ваши грешки, спину и задницу в момент вашего вынужденного ухода и слова злого не думал в ваш адрес позже произнести, не говоря уже про политические преследования. Потому что кто такой политик без власти своей земной? Такого каждый обидеть может.

Правило 20. Пишите письма и мемуары.

В конце вашего, как мы неискренне надеемся, триумфального жизненного пути, у вас обязательно будет болеть совесть. Не спорьте с нами, мы знаем, о чём говорим. Она болит у каждого живого человека, творящего злые дела. Поэтому на закате вашей политической карьеры вам обязательно потребуется «облегчиться». Выговориться. Вспомнить былое. Поведать простым смертным о причинах собственных решений. Поразмыслить над последствиями как сделанных, так и не сделанных выборов. Приукрасить свои дела. Завуалированно покаяться.

Поэтому — не стесняйтесь, пишите мемуары! Теперь, когда одной ногой вы уже в могиле и почти готовы отправиться на вечный суд Создателя, — вам уже можно. Это раньше, в вашей бесконечной лютой борьбе с себе подобными, у вас не находилось и минутки на то, чтобы задуматься о вечном. А теперь — вечное почти готово принять вас в свои строгие объятия. Вот только заслужите ли вы её, вечность?

Трудно сказать. Ежели будете следовать нашим правилам — тогда, определённо, нет. Ну, а ежели станете следовать зову вашей души и сердца — тогда какой из вас, к чёрту, политик?

25.01.2026

Пронесло

Мы люди послушные. Нам что скажут, то мы и делаем. Телевизор смотрим, газеты читаем, в этих ваших интернетах лазить тоже умеем. Информированные и начитанные, в общем и целом.

И вот прослышали мы, что на днях указ от властителей дум и кошельков наших новый, значится, вышел — о всеобщей добровольно-принудительной вакцинации. Это почти как с самоизоляцией, только менее добровольно, но в целом ещё пока не очень чтобы и принудительно. Даже призы какие для вакцинированных разыгрывать обещали — как в лотерее почти, да только билетик и вовсе бесплатный будет. Любо и недорого! У нас уколы даже «за так» делают, за счёт средств бюджетных, у народа прежде украденных. Заботятся о нас хозяева наши по-отечески, в беде не бросают.

А беда та какая страшная, напасть великая, хворь иноплеменная, ковидом прозванная! Ух и напугали нас за год то с экранов телевизоров наших симптомами её различными эксперты всяческие правдунессущие, ох и настращали побочными её последствиями! Эксперты — они ведь за деньгу врать не будут, правда ведь? Вот и мы тоже так думаем, усилиям их благодаря.

Вон и патриарх, спаситель душ наших, на днях в телевизоре вещал нам о жиже божественной, шприцами вливаемой, и наставлял на путь истинный, медицинский, телесный. Грешны, дескать, перед Богом те, кто не прививается, заразны потенциально и бессимптомно, и не любит их церковный их Бог вовсе, ежели шприцами они не уколоты. Заразиться очень от паствы своей боялся, видимо. Ну, даст Бог шприц ему, милует.

А мы люди простые, в телевизор верующие. Потому собрались сразу же всей семьёй своей большой, бедной и вусмерть закредитованной, да и пошли колоться, на иглу подсаживаясь, как только новость первая об открытии пунктов вакцинационных в телевизор тот наш правдоговорящий по каналам эфирным то и пришла. Ведь коли бесплатно дозу первую делают, о спасении нашем радея, как тут не уколешься?

И пришли мы всей семьёй своей, властям верующей, в центр торговый большой, и осматриваться в поисках пункта того спасительного начали. И множество вывесок и надписей всяческих, сверкающих и за собой нас манящих, вели нас путём единственным к месту тому сокровенному, где жижу космическую в тела наши болезные вкалывают. А и как удачно зону то медицинскую правители наши сердечные выбрали — в месте торгашеском, купи-продайном, чтобы народ там стадами бродящий от дел важных, шоппингом прозванных, не отвлекать то особливо. Вколол себе нечто непроверенное — и дальше по магазинам как зайчик скачешь, как ни в чём не бывало. Очень угробненько!

И споро пришли мы в зону ту карантинную, надписями вирусозащитными и стендами рекламными от мира заразного огороженную, дабы от ковида страшного вакцину принять космическую, спасительную, а после процедуры той для фотографии семейной буквой «V» пальцы держать точь рога в знак одобрения, и хвост обезьяний свой — пистолетом. Быстрёхонько, будто ж на конвейере, подписали мы формуляры те бумажные, от ответственности над эффектами побочными власти наши лукаво освобождающие, а о противопоказаниях возможных для вакцины применения нас и вовсе спрашивать не стали. Спасти всей душою жаждали как можно скорее, не иначе ведь.

И всё по плану у нас шло, по сценарию, врагами давно удуманному, да только казус случился вдруг один непредвиденный. Дочка наша годовалая голосом дурным закричала и забилась на руках в истерике, когда и в неё шприц хотели мы всадить тот спасительный. А пока успокаивать её мы пытались, затошнило нас вдруг всех, и будто сознание наше изменилось на мгновение. И мерещиться стало вдруг в помутнениях рассудка нашего, будто зоны те карантинные по всему миру возводились стремительно, и стенами большими огораживались, дабы никто через стены те перелезть уже был не в силах; и штабелями лежали люди на земле, полуживые и мёртвые; и молча, слово боясь вымолвить, ходили между ними врачи в халатах как ночь чёрных, и надпись «спаситель» буквами белыми на халатах тех значилась; и шприцы лежащим свои они вкалывали, и переставали тогда ворочаться полуживые ещё и постанывать, и тишина гробовая зоны те наполняла…

И точно очнулись мы от морока потребительского после видения того страшного. Загудела голова наша, заработала, животы вспучились, и забурлило в них что-то внутри, закипело, наружу вовсю запросилось. Благо, что зона та карантинная в центре торгашеском с местом отхожим то рядом совсем была расположена, так что и бежать далеко то не надобно было. И излили всё внутри нас накипевшее мы, облегчились, так на иглу и не успев подсесть окончательно.

Пронесло нас, в общем, по полной, други-недруги. А возвращаться в пункт тот и вакцины себе распиаренные вкалывать повременить мы в день тот решили. А телевизор и вовсе отключили дома временно на всякий случай, мало ли. И лапшой той, на уши нам из него развешиваемой, питаться перестали. А то ведь вдруг опять пронесёт?

07.07.2021

Спамер

В этот день Олегу действительно не повезло. Конечно, было бы величайшей ошибкой сказать, что он в принципе был по жизни беззаботным счастливчиком, но в этот день Леди Удача не то, чтобы просто-напросто от него отвернулась, а можно даже сказать, сперва язвительно посмотрела, затем безапелляционно, как это только и умеют некоторые эмансипированные особы, во всеуслышание заявила ему «ой, всё!», а после громко хлопнула дверью перед самым его носом и широкой походкой удалилась, хоть и лишь только на время, в одном ей известном направлении. Не в том смысле, чтобы она покинула его насовсем — всё-таки он был ещё достаточно перспективным молодым человеком! — но решила с одной ей присущей женской хитростью дать ему ощутить на себе все прелести её пусть и кратковременного, но всё-таки отсутствия.

И это её отсутствие начало проявлять себя где-то в районе семи часов утра, стоило только Олегу едва успеть протереть глаза после прошлой не в меру бессонной ночи, сладко зевнуть, приказать лишь отчасти заменявшей ему жену «Алисе» заварить ему кофе в его не в меру умной, хоть и всё ещё требующей человеческого внимания кофеварке, и начать одеваться. «Алиса», не в пример Леди Удачи, была вполне-таки исполнительной, послушливой и, самое главное, некапризной девушкой, и не стала перечить ему в это воскресное утро. В кофеварке сладко забулькала подогреваемая вода, и по дому начал неспешно разливаться столь любимый Олегом аромат свежих кофейных зёрен. Вот только отведать этого бодрящего напитка он всё-таки не успел.

«Тилинь-тилинь! Тилинь-тилинь!» — запиликал свою незатейливую мелодию его смартфон и радостно высветил абсолютно неизвестный Олегу номер. Тут нам надобно отметить, что Олег не был большим любителем доверять всяким там неизвестным комбинациям цифр, но особенности его работы не позволяли ему отказываться от своих потенциальных, а иногда очень даже кинетических клиентов. Несколько секунд Олег спросонья тупо глядел на свой громогласный гаджет, размышляя, какого лешего кому-то захотелось звонить ему в такую рань, но после всё-таки механически нажал на кнопку принятия вызова.

— Г-х-м! — прокашлялся грубый мужской голос в трубке. — Олег Александров?

— Чисто гипотетически — да. Практически — хрен его знает. Вы по какому вопросу? — пробубнил всё ещё сонный Олег.

— По очень важному для вас вопросу, уважаемый Олег Александров! — уверил его обладатель неизвестного Олегу номера. — Скажите, пожалуйста, ведь вы являетесь клиентом Сбербанка, не так ли?

Чисто машинально Олег хотел было сказать, что крайне трудно в наше непростое время сыскать человека, который бы не являлся клиентом сего вездесущего учреждения, и он уже открыл было рот, чтобы всё-таки сделать это, но неизвестный голос с неизвестного номера назидательно продолжил.

— Так вот, вам звонят из службы безопасности Сбербанка. Дело в том, что буквально только что мы зафиксировали подозрительную транзакцию по вашей банковской карте и были вынуждены заблокировать её.

— Большущее, всечеловеческое вам спасибо! Век не забуду! — сердечно признался говорившему в своих чувствах Олег, уже начавший, пусть и спросонья, догадываться, в какие неведомые дали клонит словно Сусанин его собеседник.

— К сожалению, пока ещё рано радоваться и благодарить нас за проявленную оперативность, уважаемый Олег! — твёрдо уверил его в необходимости продолжения их беседы товарищ инкогнито. — Наша банковская система фиксирует, что мошенникам всё-таки удалось оформить на ваше имя предварительно одобренный вам кредит…

— Во сколько? На сколько? — перебил его Олег.

— Что на сколько? — не поняли на том конце трубки.

— Сумма какая, спрашиваю?

— А, сумма… — слегка стушевался голос. — Один миллион рублей!

— Всего то?! И что, это всё, чего я по-вашему мнению достоин? Что за несправедливое жлобство! — гаркнул в трубку наконец-то проснувшийся уже без всякого утреннего кофе Олег. — Вы же только что разрушили все мои сладкие мечты! О, мои Карибы! Где же вы, мои Сейшелы?!

— Эмм… Г-х-м! — смущённо кашлянул собеседник. — Не стоит так горячиться, уважаемый Олег Александров. Это не единственное предложение от нашего банка. Но вы можете прямо сейчас потерять этот самый миллион, если не будете следовать нашей инструкции и не отмените мошенническую заявку на кредит!

— Мошенники? Боже мой! Они нашли меня! — трагическим голосом посочувствовал «безопаснику» Олег и всплеснул правой, не занятой смартфоном, рукой. — Что же мне теперь прикажете делать?

— Уважаемый Олег Александров, для того, чтобы мы смогли отменить оформленную на ваше имя кредитную заявку, вам будет необходимо создать так называемый зеркальный кредит.

— Извините, но у меня дома нет зеркала. По утрам я выгляжу просто ужасно и даже побаиваюсь в него смотреться.

— Нет нужды бояться! — радостно уверил телефонный голос. — Чтобы оформить зеркальный кредит, вам будет необходимо перевести ваши средства в размере одного миллиона рублей на указанный нами безопасный счёт, номер которого мы пришлём вам по СМС.

— Насколько безопасный? — иронично сощурился Олег.

— Абсолютно безопасный! — уверил его голос. — Это счёт, открытый на ваше имя в Центробанке. Но вы должны понимать, что в целях безопасности перевести средства на него можно только «наличными» через банкоматы нашего банка. Это специальная мера защиты для защищённых счетов.

— Погодите! Минуточку! — прервал объяснения Олег.

— Да-да? У вас возникли вопросы по данной процедуре? — миролюбиво вопросил голос. — Я с радостью на них отвечу! — с только что обещанной неподдельной радостью предвкушения в голосе ответил «безопасник».

— Понимаете… Я тут подумал… Если я получу свои кровно заработанные бессонными ночами и потом гроши, то зачем мне их потом куда-то ещё нести? Ведь я же смогу их обезопасить куда надёжнее, чем ваш дырявый банк. Скажем, в трёхлитровой банке… Или зарыв под матрац. Да чего греха таить, даже стальной пуленепробиваемый сейф — и тот годится для такой тривиальной задачи!

— Олег Александров, ну как же вы не понимаете, что ваши средства сейчас в опас…

— Чей Крым?! — резко перебил его Олег своим сокровенным вопросом.

— …ука, блядь! — выругались в трубке и мгновенно пропали из эфира.

А вместе с ними окончательно пропала ещё совсем недавно мучавшая Олега сонливость. Однако, как ранее мы вам и говорили, но удача Олега пропала в этот день ещё раньше. Потому как не успел он почистить зубы, сесть за стол и выпить свой абсолютно заслуженный, крепкий, ароматный, но, к несчастью, уже начавший остывать утренний кофе, как его не в меру ретивый гаджет вновь напомнил своему хозяину о собственном бренном существовании.

«Тилинь-тилинь! Тилинь-тилинь!» — раздались уже до икоты знакомые Олегу мелодии, а экран телефона вновь высветил очередной и, по несчастливому стечению обстоятельств, вновь неизвестный ему номер.

— Здравствуйте! Александров Олег Николаевич? Вам звонят из отдела «У» главного разведывательного управления ФСБ России! У аппарата полковник Савченко. Алло! Олег Александров? Вы меня слышите? Алло!

— Х-р-р-р… П-ф-ф-ф… Х-р-р-р… П-ф-ф-ф… — миролюбиво посопел в трубку Олег.

— Олег Александров! Молчание вам не поможет! — резко пригрозила ему в ответ трубка.

— П-ф-ф-ф… А-м-м-м… П-ф-ф-ф… Простите, я тут… немного… задремал, — зевнул Олег. — И кто это вас надоумил звонить в такую рань? Вы вообще на часы хоть раз смотрели? — недовольно пробурчал он.

— Мы можем звонить вам в любое время, это наша работа! — решительно заверил его товарищ Савченко. — Вы находитесь под подозрением в связи с раскрытым нами фактом вашего сотрудничества с ВСУ!

— О как! — деловито причмокнул Олег. — Чудны дела твои, Господи! И чем же я тебе не мил, и чем опять не угодил? — наигранно грустно вздохнул он.

— Это не повод для шуток, товарищ Александров! Против вас может быть возбуждено уголовное дело!

— Мать моя женщина! — истерично закричал в трубку Олег. — Пожалуйста, только не это! Всё, что угодно, только не это. Ведь я ещё так молод, мне ещё жить и жить!

— Не паясничайте, Олег Александров. Дело действительно серьёзное! Вам необходимо наше сотрудничество!

— Прибыль — пополам! — предложил в ответ Олег.

— Не понял?! — проявил свою несообразительность товарищ Савченко.

— Ну, вы же только что сказали — сотрудничество. Хоть бизнес-план то у вашей компании есть? Без бизнес-плана ни о каких партнёрских отношениях не может быть и речи! Пусть ваш юрист вышлет ваше деловое предложение на мой контактный адрес электронной почты.

— Какой, нахрен, бизнес-план! — заорала трубка. — Вы находитесь под подозрением, вы понимаете это?!

— То есть я, по-вашему, очень подозрительная личность? Ой, а вот это сейчас было обидно! — деловито обиделся Олег.

— Крайне подозрительная! Мы подозреваем вас в…

— Какие-то вы всё-таки подозрительные, — убежденно заявил Олег. — Крайне, крайне подозрительные. Охрененно подозрительные товарищи. Я бы даже сказал, очень подозрительные разговоры вы ведёте со мной прямо под аудиозапись, уважаемый товарищ полковник. Вы никогда не были настолько близки к провалу этой специальной телефонной операции!

— Ту… ту… ту… — только и смогла ответить ему трубка.

«Полковнику никто не пишет. Полковника никто не слышит…» — мелодично бурча и перевирая фрагменты известной песенки себе под нос, Олег выбросил свой не в меру болтливый гаджет в угол дивана и вновь направился в кухню в робкой надежде успеть всё-таки наконец-то позавтракать.

Да! Он успел! Он почти сделал это! Он почти проглотил свой первый за сегодня бутерброд! Он почти готов был поверить, что удача вновь на его стороне!

«Тилинь-тилинь! Тилинь-тилинь!» — почти согласился с ним в этой его наивно-беспочвенной иллюзии смартфон.

«Как же ты меня…! — разозлился Олег, — третируешь…» — закончил он чуть мягче и вновь взял трубку.

Какая удача! Неизвестный номер!

«Да я просто живодёр-счастливчик какой-то! — хмыкнул про себя Олег, — залез в кроличью нору и вернулся назад со счастливой лапкой!»

— Здравствуйте! — на этот раз в трубке звучал миловидный женский голос. — Подскажите, могу ли я поговорить с Олегом?

— И вам не болеть, — хмыкнул Олег. — Вообще говоря, Олег сегодня немного занят. Он очень устал. Он не выспался. Ему постоянно названивает не пойми кто понятно зачем. А ещё вдобавок ко всему он страшно проголодался. И он готов загрызть любого, кто будет звонить ему по пустякам! — со всё возрастающей громкостью отбарабанил в трубку Олег.

— Ой, какая жалость! — искренне посочувствовала его новообретённая собеседница. — Подскажите, пожалуйста, когда мне можно будет ему перезвонить?

— Вах! Слюшай, зачем перезванить? Гавари сюда сейчас всё как есть, красавица! — у Олега временами неплохо получалось подражать манере речи его сограждан с южных окраин нашей необъятной и горячо любимой родины.

— Спасибочки! — пококетничала голосом девушка. — Меня зовут Марина! Уважаемый Олег, я звоню вам из компании МТС.

— Откуда? — наигранно удивился Олег.

— Это ваш сотовый оператор, — заверила его в правоте своих слов Марина.

— Краснояйцевые что ли? — хмыкнул он. — Так бы сразу и говорили!

— Ну… мы так себя не называем, — засмущалась она. — И вообще говоря, наша компания совсем недавно сменила свой логотип!

— Прекрасно, что у вас в штате нашлись-таки свободные художники, которые закрасили этот позор! Или это был аутсорс? — деловито ироничным голосом поинтересовался Олег.

— Уважаемый Олег, я звоню вам сейчас немного по другому поводу.

— У вас закончилась красная краска или поток свежих идей? Я, к прискорбию моему, не дизайнер. Но уверяю вас, что я бы справился ничуть не хуже на месте тех, кто рисует вам логотипы!

— На самом деле всё дело в том, что у вас подходит к концу срок действия вашего договора, и вам будет необходимо продлить вашу сим-карту, чтобы по-прежнему оставаться на связи, — уверила его Марина.

— Я бы хотел оставаться с вами на связи как можно дольше, — заверил её в серьёзности своих намерений Олег. — Вы очень связно общаетесь.

— Благодарю вас. Вы готовы были бы продлить ваш договор прямо сейчас?

— Я всегда готов! — убеждённо подтвердил Олег. — Особенно ко всяческому труду и разнообразной обороне. У меня даже значок соответствующий есть.

— Замечательно! — ласково подтвердила свою нескрываемую радость Марина. — Сейчас вам придёт одноразовый код из «Госуслуг», вам нужно будет его мне назвать.

— Уже пришёл! — с энтузиазмом сообщил Олег. — Один, два, три, четыре…

— Этот… этот код не подходит, — с грустью в голосе сообщила Марина. — Вы уверены, что правильно его продиктовали?

— А, код? Да я просто посмотрел, сколько СМС мне пришло за сегодня. Вот, мне тут, в частности, пишут, что могут увеличить мой, простите, орган в некоей клинике имени…

— Вам нужно назвать мне код из СМС от «Госуслуг», — чуть более серьёзно сообщила Марина. — К вам пришло это сообщение?

— Вы мне писали? Простите, я пропустил момент, когда мы с вами перешли от общения голосом к общению через текст. Но могу вас заверить, что мне тоже нравится, с какой скоростью развиваются наши с вами отношения.

— Олег, я вам ничего не писала! — твёрдо повторила Марина. — Вам должен был прийти код из СМС!

— Вижу код! — подтвердил Олег. — Четыре, три, два, один…

— Этот… этот код тоже не подходит, — разочарованно сообщила Марина. — Уважаемый Олег, вы что, шутите со мной? Я же с вами сейчас совершенно серьёзно разговариваю!

— Погодите, я веду обратный отсчёт удаляемых СМС-сообщений. Готово!

— Что готово? Вы же так и не назвали мне код!

— Код! Как же я мог забыть про код! Он же был в одной из этих чёртовых СМС! — в неподдельном ужасе закричал в трубку Олег.

— Ну что же вы такой… несмышлёный! — раздражённо ответила ему Марина. — Я могу попробовать… попробовать отправить вам ещё одно сообщение.

— Погодите! Постойте! Не спешите! Не гоните! Нажмите на тормоза! — остановил её Олег. — Мне кажется, наши с вами отношения развиваются чересчур быстро! Сегодня мы уже общались с вами голосом, и вы даже не побоялись отправить мне своё текстовое послание. А что будет завтра — мы вместе с вами пойдём в кино? А потом мне ещё, чего доброго, придётся раскошеливаться на целый букет алых роз? Вы хоть представляете себе, сколько он стоит?! Откуда у меня, скуфа, столько денег, по-вашему мнению? А? А? — последние свои слова Олег уже почти прокричал в ответ столь навязчивой неподруге Марине.

— Ту… ту… ту… — нежно, словно в обещании будущих прекрасных свиданий, ответила ему трубка.

Решив более не искушать свою сегодняшнюю телефонную судьбу, явно вставшую не с той ноги, Олег бросился к своему потенциально крайне кратковременно замолкнувшему гаджету и что есть силы вдавил кнопку выключения. И он держал её. И не давал ей опомниться. И не выпускал из рук своих вплоть до того торжественного момента, когда экран его гаджета, наконец, погас, недвусмысленно сигнализируя о выключении.

Остаток этого дня прошёл для Олега спокойно. Ну, как спокойно. В целом — весьма относительно спокойно. Если не считать случайно подгоревшего на газовой плите полотенца, рассыпанного по полу сахара и хорошо прокоптившегося от гари бело-чёрного потолка его кухни. Уж в чём-чём, а в навыках приготовления себе пищи Олегу определённо не было равных.

Уже перед самым отходом ко сну, когда стрелки часов в спальне успешно перевалили за полночь, Олег всё-таки решился попытать свою удачу ещё один разок. И… он всё-таки сделал это. Он практически заснул!

«Тилинь-тилинь. Тилинь-тилинь!» — радостно пропел телефон, успев подмигнуть Олегу своим ярко загоревшимся экраном за секунду до того, как получить кулаком промеж динамиков своих.

Неизвестный номер…

— Шпрехен… зер дойч? — слегка заплетающимся языком произнёс нечто практически нечленораздельное — и вне всякого сомнения, определённо не русское! — мужской голос на том конце невидимого провода.

— Нихт! — утвердительно на автомате выпалил полусонный Олег, для которого школьная программа по изучению немецкого языка всё-таки не прошла даром, и уже хотел было положить трубку, как голос внезапно продолжил.

— Юду… Спик инглиш?

— Ноу спик! — пробурчал Олег. — Ты по-русски давай говори, чего тебе надобно в такой поздний час, ирод!

— Зиг-зиг? Слава Уркаина? — вновь задала свой очередной вопрос трубка.

— Сам ты зиг, чертила! — гаркнул обозлившийся Олег. — Слава Русси!

— Слава Русси! — громогласно подтвердила ему трубка. — Олег Николаевич, ну что же вы телефон-то к вечеру выключили? Это полковник Вавилов. Ведь мы же с вами договаривались, что вы будете на связи в вечернее время, а я позвоню с нового номера. Ладно хоть пароль не забыли!

— Виноват, товарищ полковник! Совсем спамеры замучили! — вытянулся в кровати по струнке капитан Олег Николаевич, у которого в этот момент точь сон телефоном сняло. — Слушаю вас внимательно!

— То есть три раза до этого вы нас слушали невнимательно? — усмехнулся полковник Вавилов. — Ну вот и как мы вас во вражеский колл-центр внедрять то тогда будем, а?

— Так это… я… вот же чёрт! — йокнул в трубку Олег. — Никак не мог предположить!

— Вы не предполагать, Олег Николаевич, а располагать должны. В том числе людей к себе. В первую очередь к себе. Располагать и направлять их к нам сможете чуть позже. Легенду свою не забыли? Выезжаете на точку сбора завтра в 10 утра по Москве. Как поняли? Подтвердите.

— Подтверждаю! В десять утра по Москве! Спамеры не пройдут!

— Ту… ту… ту… — подтверждающе ответила ему трубка.

27.08.2024

Эксперт

— Я — Эксперт! — провозгласил «эксперт». — Я знаю всё по обозначенной вами теме, можете и не сомневаться. То есть будет даже лучше, если вы и не будете в этом сомневаться, потому что ни к чему хорошему это всё равно не приведёт. Всем всё понятно?

— Эксперт, эксперт! Ты знаешь всё, мы верим тебе! — закричала Толпа. — Вот тебе медаль!

— Благодарю тебя, Толпа, — снисходительно улыбнулся эксперт. — Повесьте мне её на шею, да поскорее. Ух ты, какая же она, однако, тяжёлая! Воистину нелёгок путь подлинного эксперта.

— Расскажи же нам, что ты познал, о Эксперт, — настаивала Толпа. — Я тоже хочу стать экспертом.

— У тебя это вряд ли получится! — резко бросил в ответ эксперт. — Стать Экспертами способны подлинные единицы, а ты — множество. Твоя роль проста — внимать таким Экспертам, как я, и одаривать их медалями, почётом и уважением.

— Я готова внимать тебе, Эксперт, я вся в предвкушении! Поведай же мне моё собственное мнение, я просто обязана его иметь! В наше время каждый должен иметь собственное мнение, даже множество.

— Ну что же, — усмехнулся эксперт, — тогда слушай! Я познал всю правду об N — и это чистая правда! Ну, то есть не совсем всю, и не очень чтобы и правду, но поскольку я Эксперт, а ты всего лишь жалкая и ничтожная толпа, то оно для тебя сойдёт и за правду.

— Твоя правда! — разразилась возгласами Толпа. — Бери нас голыми словами, освободи нас от мук разума и самопознания, забери нашу свободу быть людьми!

— Твоя правда — это кривда, моя же правда — это истина! — прогорланил во всю глотку эксперт. — Я много лет занимался этим сложным вопросом, поэтому не буду утруждать тебя, бедная Толпа, всей поистине великолепной и стройной логикой своих выкладок и доводов, всей волшебной элегантностью своего умственного анализа и всей творческой компонентой своего креатива…

— Ты говоришь очень сложно, о Эксперт. Будь проще — и наши множества к тебе потянутся! — отвечала Толпа.

— И вот к какому выводу я пришёл… — и эксперт сделал эффектную паузу.

— Какому же?! Не томи нас!

— Все вы пребываете в иллюзии! Это морок, это наваждение, это сон!

— А ты?! — изумилась Толпа.

— И я тоже, — лицемерно заметил эксперт. — Но на то я и Эксперт, чтобы дать вам правильное направление мышления, чтобы обучить вас азам, чтобы, возможно, впоследствии ещё один из ваших рядов стал настоящим Экспертом…

— Ничего не понимаем! Говори проще!

— Вы все дураки! А я — непризнанный гений! — заверещал эксперт. — Так вам, наконец, понятно?!

— Да, да! — разразилась радостными воплями Толпа. — Мы согласны, мы всегда со всем согласны! Ты Эксперт, ты прав! Твоё мнение — истина!

— Медаль мне на шею! — гордо вскинул голову эксперт. — Да потяжелее!

— Уже несём! — раздалось из Толпы.

— Как вам это моё мнение? — вопросил Эксперт.

— За отсутствием у тебя другого мы возьмём и то, что есть. Сами то думать ведь мы так до сих пор и не научились!

— К вашему большому сожалению и моей превеликой радости, — отметил эксперт. — Но такова природа толп… Чтобы толпа стала личностями, она должна перестать быть толпой, устремившись к самопознанию в лице отдельных её представителей, что качественно изменило бы целеполагающую компоненту и вектор движения толп. На лицо явное противоречие, из которого вытекает очевидное решение…

— Ты говоришь слишком сложно! Давай лучше о погоде!

— А что, новости культуры и спорта вас уже не интересуют? — поднял брови эксперт. — Там нынче столько гламурных событий произошло…

— Новости! Погоды! Даёшь! — гулом разносилось между личностями во множестве.

— Ну, хорошо, хорошо! — злорадно улыбнулся эксперт. — Сейчас только других Экспертов позову!

11.12.2012

Я к вам пишу

Благотворительность

Благотворительность… Какое заманчивое слово! Созидание благ во имя ближнего и дальнего своего во благо его. Универсальный общественно одобряемый способ искупить свои духовные грехи, прослыв при этом самым щедрым, предельно порядочным, удивительно сострадательным… Притворная маска заботы воров и беззаконников. Тебе она как раз по душе.

Помнится, было время, когда твой бизнес ещё только начинался… Страшное время, когда каждый готов был обмануть и даже убить всякого, пытавшегося перейти ему дорогу. Страна ещё только начинала коммерциализироваться, распродавая саму себя по кусочкам. Сначала как самая ветреная девка была выброшена из дома мораль, затем совращена нравственность, а любовь успела сама наложить на себя руки. Именно этот девятый вал хаоса и разрушения помог вылезти тебе из тьмы в новый дивный мир купли-продажи. Чем ты только не торговал, начиная от жвачки и журналов «Плейбой» для подростков, и заканчивая оружием для местных «авторитетов»! Тебе нравилась сама идея возможности купить всё, включая даже людей.

Как известно, прав всегда тот, у кого больше стволов, верно? А тебе очень хотелось отблагодарить твоих прошлых наставников их же методами. Наверное, именно в те мгновения, когда ты наблюдал, как две группировки, в одной из которых ты до недавнего времени состоял, расстреливают друг друга жестоко и методично, не щадя ни патронов, ни машин, что-то шевельнулось где-то предельно далеко у тебя внутри, что-то изменилось. Именно в тот момент в тебе впервые родилась идея благотворительности.

Потом было очень много самых разных лет. Твой природный нюх и жёсткая хватка помогли тебе выжить в этой мясорубке, самому стать местным «авторитетом» и крышей для других, начинающих свой путь в никуда. Разумеется, тебе приходилось время от времени платить дань своей ноющей совести — именно поэтому ты занялся еженедельным приношением для храмов. Конечно же, ты не верил ни в каких богов — но так делали все твои коллеги по бизнесу, да и тебе просто хотелось чувствовать себя в безопасности — надеяться, что такая жизненная лафа попрёт и дальше. Надежда — страшная сила… И чего только не сделаешь, чтобы заставить свою душу замолчать, верно?

А потом смутное время кончилось, настало время принесения присяги новому вождю, и у тебя появилась возможность взойти ещё выше — прямиком во властные круги. Ведь даже там — особенно там! — деньги очень хорошо делают своё грязное дело. К тому времени, как это случилось, у тебя уже было сколочено практически пожизненное состояние — торговля оружием и наркотиками всегда были прибыльным бизнесом, чего говорить. Всего лишь десяток небольших подношений нужным людям — и ты уже знаком с высшими эшелонами власть предержащих. Ну не лафа ли?

Вскоре ты легализовался — неизбежный шаг для преступно нажитых капиталов в условиях показательной охоты на ведьм. А затем ты вновь вспомнил о благотворительности и выделил небольшую долю из наворованного на строительство пары детских площадок в своём бывшем школьном дворе.

Так порой приятно вспомнить детство! Помнится, когда ты собственной персоной наблюдал результат своих ратных подвигов щедрости, ты чуть было не прослезился. О тебе написали в газетах и показали короткое интервью на одном из местных каналов, и твой новый бизнес резко пошёл вверх. Чего только не сделаешь ради ближнего своего!

Теперь иногда ты прилюдно под объективами телекамер даришь какому-нибудь неизвестному тебе балбесу из толпы свои новые позолоченные часы — то есть не новые, конечно, а специально для этого покупаемые и носимые в поисках подходящего случая, как бы напоминая этим раболепствующим, что жить им осталось совсем не долго. Время от времени ты перечисляешь в организованные тобой же благотворительные организации и всевозможные фонды помощи голодающим детям Африки по несколько миллионов «у.е.», дабы простолюдины могли написать о твоей щедрости в газетах, а деньги впоследствии вернулись на свои законные места. Порой ты даже помогаешь организовать ремонтные работы какого-нибудь обветшалого оперного театрика, чтобы там можно было хотя бы вымыть пол и побелить потолки — приобщаешь молодёжь к культуре, так сказать. А иногда пара детишек из забытого всеми приюта имени униженных и оскорблённых получает свою копеечку, чтобы не умерли с голоду раньше времени до того, как об этом успеют написать в газетах. Чего только не сделаешь ради дальнего своего, в самом-то деле?

С тех давних пор ты всегда помнишь о благотворительности — делишься с миром, так сказать. Выплёвываешь в него непереваренные излишки своего богатства. Ты стал очень влиятельным человеком — «олигархом», как всякое непроходимое быдло обычно называет вас, прогрессивных и успешных. Но разве владельцам заводов, газет, пароходов и яхт есть какое-то дело до того, что думают о них всевозможные плебеи? Для плебеев и была создана общепринятая ныне благотворительность — пусть думают, что о них думают, и будут счастливы этим. Ведь не делиться же тебе с ними всем тем, что было нажито непосильным трудом за долгие годы воровства и бесправия! В конце концов, благотворительность для того и была придумана, чтобы дать подобным тебе возможность временно чувствовать себя значительно лучше, чем ты этого на самом деле заслуживаешь.

В последнее время ты часто задумываешься о Боге. Может быть, он и вправду существует — ведь кто иначе помог бы тебе устроить такую грандиозную жизнь? Или всё-таки это был не он, а кто-то другой — кто-то, кому и нужна такая псевдо-благотворительность и ложные жертвоприношения человеческого эго и самости? Ты не знаешь точного ответа на этот с каждым днём всё больше и больше мучающий тебя вопрос. Только что-то глубоко внутри тебя шевелится и трясётся с каждым днём всё сильней, как будто в предощущении чего-то надвигающегося, чего-то очень страшного для тебя и подобных тебе, ложные дары приносящих…

14.09.2011

Большинство

Шаг. И ещё. И ещё. В такие минуты каждое мгновение становится вечностью.

Десять ступеней до вершины эшафота. Девять. Восемь. Семь.

Да, он преступник и предатель. Да, он повторил бы то же самое вновь.

Где кончается миг и начинается вечность? Шесть. Пять. Четыре.

Где кончается жизнь одних, чтобы жили другие? Три.

От судьбы не сбежать и не скрыться, никуда и нигде. Два.

И в момент собственной смерти можно лишь с благодарностью принять её. Один.

Умереть, чтобы жить в вечности. Вершина.

Для одних он предатель, для других он герой. И здесь не может быть промежуточных звеньев. Сколько стоит человеческая жизнь, и кто возьмёт на себя смелость её измерить? Кто будет судить о чуждой им судьбе, о которой не имеет ни малейшего представления? Кто превознесёт тебя как героя, чтобы позже низвергнуть в бездну проклятий? Кто сделает всё это лишь потому, что не может иначе?

Большинство.

Да, он убийца — и спаситель одновременно. Ангел и демон в одном лице.

Жизнь одного — за жизни многих. И здесь не может быть иного выбора.

И именно поэтому он преступник.

Жизнь президента родной страны, почти ввергнувшей мир в ядерный апокалипсис, — не так много, чтобы жил мир.

И именно поэтому он герой.

Бывший верный соратник, однажды осознавший, что собирается сделать главенствующий над ним. И выбравший самый радикальный способ остановить разворачивающееся безумие — потому что иные меры уже не способны были помочь.

И именно поэтому он предатель.

Убийцы убийц — ангелы возмездия? Палачи палачей? Преступники? Никто не даст ему ответа.

Военный трибунал — и простое большинство голосов, решавшее его судьбу. Сорок девять против пятидесяти одного.

И именно поэтому сегодня он умрёт. Так решило большинство.

Жизнь и смерть… смерть и жизнь. И здесь не может быть промежуточных звеньев.

Но только не для большинства.

Вершина.

Вот они, внизу перед ним — весь Консулат. Вся сотня судей человеческих. Преступники и герои. Убийцы убийц. Удивительно маленькие и смешные с этой самой вершины.

Кончается ли жизнь, чтобы уступить место Вечности, или смерть — лишь её продолжение? Настал миг узнать это.

Верёвка вокруг шеи — не самая достойная из смертей. Но для героев выбирать не приходится. Как и для убийц.

Слепящее глаза солнце… выше, выше… такие маленькие с этой вершины…

Удар — и почва уходит из-под ног. Пусть будет так. Так решило большинство. Вспышка света перед гаснущими глазами. Всего лишь мгновение.

Лишь одно мгновение.

И — Вечность.

08.02.2010

Верующий

Ты ведь верующий, верно? Ну, скажем, истинный христианин, неукоснительно выполняющий все церковные ритуалы. Очень, очень набожный человек. Каждую неделю ты ходишь в церковь на молитву и исповедь, и потому душа твоя пребывает в состоянии наивысшей гармонии и чистоты, помыслы в крайней степени добродетельны, а из рук твоих так и струятся дела добрые и справедливые. Должно быть, уже совсем скоро у тебя вырастут крылья, и ты воспаришь к небесам, аки небесный ангел, которых столь часто рисуют на иконах. Ты просто великолепен. И разве есть в этом мире кто-то достойнее тебя, кто-то, заслуживающий спасения своей души в большей степени?

Вот ты выходишь с исповеди, и лицо твоё сияет в блаженной улыбке, ведь ты правдиво и не особо стесняясь рассказал о своём недавнем грехе священнику, и он простил тебя. Теперь, конечно же, тебе больше не о чём беспокоиться. Да и грех-то — сущая малость! — небольшая финансовая афера с детским домом. Ну не получат они причитающихся им денег, ну велика ли беда? А тебе хватило лишь одной десятой от этих средств, чтобы «позолотить ручку» своему любимому и всепрощающему батюшке, — и вот ты снова чист как ангел божий, очень удобно! Не согрешишь — не покаешься, верно? В прошлый раз изнасилование стоило, впрочем, несколько дороже — но ведь чего не сделаешь ради собственной души?

А какие пышные убранства были в том самом храме, какие резные иконы, подсвечники, канделябры! У тебя аж дух захватило, когда ты созерцал всю эту роскошь. Чего только не сделаешь ради истинной веры! Да и что бы это была за вера без всего этого золотого великолепия? Сущее неверие и безбожность!

Ты уже почти готов был сесть в свой удобно припаркованный у стен храма чёрный БМВ, как заметил какого-то хромого нищего, ковыляющего по направлению к тебе с протянутой рукой. Он, конечно же, во имя Господа попросил у тебя денег на хлеб. «На, подавись!» — процедил ты сквозь зубы и кинул ему горстку монет. Я же говорил, что ты очень и очень набожный человек — само милосердие! Когда с диким рёвом, выпустив кучу дыма, твоя машина сорвалась с места по новым делам, этот попрошайка всё ещё продолжал ползать на коленях по брусчатке, продолжая собирать выброшенные тобой медяки. До чего же низко пали некоторые из людей! Ты-то, разумеется, выше их.

Какое же это неописуемое блаженство — чувствовать себя великим! Более высоким, более зрелым, более достойным, более праведным, более верующим, более набожным, чем многие из твоих собратьев. Именно поэтому ты столь часто после очередного бизнес-дня приезжаешь в этот храм на молитву. Ты просишь Бога спасти твою чистую душу и отправить в ад души всех твоих врагов. А затем ты немножко «золотишь ручку» своему любимому батюшке.

Конечно, в тебе нет абсолютной уверенности в том, что Бог действительно слушает подобные молитвы, и что именно он помог тебе сколотить состояние на обманах и грабежах, но… разве может быть храм местом поклонения не Богу, а его противнику? Что ты, что ты, ну, конечно же, нет! Ведь не для того же в них вбухивают столько денег?

Ах, какой же это удобный инструмент — деньги! Универсальное средство покупки чего бы то ни было — даже, например, той же самой молитвы. Да, тебе пришлось заплатить очень внушительную сумму в своё время, но зато за упокой души твоей тёщи молилась вся церковная братия, включая даже главу церкви! Для души ненавидимого тобой человека это, видимо, был очень феерический упокой! Теперь важно, чтобы тебе удалось избежать его самому.

Ты, безусловно, очень набожный человек. Всегда покупаешь куличи с яйцами и соблюдаешь пост. Пьёшь «святую» воду местного разлива. Покупаешь свечки исключительно в правильно аффилированных и лицензированных храмах. Пару раз ты даже присоединился к общехрамовой вакханалии, когда прихожане вместе со священниками завывали какую-то песню. А благодаря усиленному соблюдению поста даже потерял три килограмма из набранных за последний год тридцати. Вот она, суть твоей истинной веры! И разве может вера иметь какую-то иную суть и предназначение?

Вот твой нелюбимый брат, к примеру, никогда не ходил в церковь и вообще не вертится в бизнесе. Работает каким-то жалким чернорабочим на стройке — и вполне счастлив. Удивительное дело, как мало некоторым людям может быть надо! Живёт себе со своей женой и двумя детьми в однокомнатной квартире. А каждый раз при встрече — немыслимое дело! — в разговоре благодарит Бога за то, что тот дал ему любимую жену, работу и двух замечательных детишек.

А как-то раз вообще обмолвился, что не столько верит, сколько доверяет Богу в своей жизни. Вот ведь глупый фанатик… экстремист! Может быть, именно поэтому ты окончательно порвал с ним отношения ещё пару лет тому назад. К чему тебе неверующие религиозные фанатики со своими глупостями?

А глупости порой случаются — нелепости даже. Недавно ты слышал по телевизору, как во время сильных гроз молнии попали аккурат в макушки нескольких городских церквей, но… чистая случайность, правда? Да и жизнь, если подумать, случайная штука, да? Впрочем, возможно, как и смерть. Ведь не могут же и они быть в руках Бога?

Конечно, ты очень набожный и верующий человек — потому что вместе с другими тебе подобными паразитируешь на Боге и веришь в то, что поклонение золотому тельцу есть поклонение тому, чьё незримое присутствие в своей жизни ты так ни разу и не ощутил…

21.08.2011

Волк

А-у-у-у!

Душераздирающий волчий вой, подхваченный двумя десятками глоток, вырвался в ночное, освещённое бледной луной, небо.

А-у-у-у!

В этом крике было смешано всё: боль утраты своих товарищей, ненависть к безжалостно уничтожавшим их охотникам, ворочающийся и отдающий глухим эхом в желудках голод…

А-у-у-у!

Вот она, луна. Жёлтый круг в черноте. Манящий и пугающий. Освещающий им дорогу во тьме. Свет ночи.

А-у-у-у!

Он теперь часть стаи. Сильной стаи. Он свой, один из них. Хотя когда-то он и был другим. Уже неважно, когда.

А-у-у-у!

Завтра их ждёт новая охота. Приказ вожака. Нападение на жилища больших, ходящих на двух лапах, существ со стреляющими световыми лучами палками, обратившими в горстку пепла уже многих его товарищей.

А-у-у-у!

Битва ради их питомцев, которых они употребляют в пищу. Чтобы не умереть с голоду. Битва не на жизнь, а на смерть.

А-у-у-у!

Многих из тех, кого он узнал за эти три года, уже забрала великая царица Ночь, даровавшая им свой свет луны. Смерть от рук прямоходящих охотников. Смерть храбрых.

А-у-у-у!

Запах их питомцев, звук раздираемых его клыками хрящей, хлещущая из их ран кровь. Такое сладкое мясо. Сладкая добыча.

А-у-у-у!

Голод. Сжимающийся от боли голода желудок. Завтра пройдёт. Они нападут под покровом ночи. Насытятся. Потом будут прятаться от охотников. Путать следы. Рвать когти.

А-у-у-у!

Он помнил, что был другим. Не из их рода. Не помнил, когда. Давно. Уже не важно.

А-у-у-у!

У него был хозяин. Дом. Большой дом. Хозяин умер. Кто-то другой поселился в доме. Выгнали его прочь.

А-у-у-у!

Боль потери. Он плутал по дорогам. По полям. По лесам. Не было сил. Хотел умереть. Голод вёл его вглубь. Там он нашёл Стаю. Нашёл братьев. Стал одним из них.

А-у-у-у!

Он поёт хвалебную песнь великой луне и сумраку ночи. Они — их покров. Они — их опора. Без них не выжить.

А-у-у-у!

Жёлтые глаза луны. Почти как их собственные.

А-у-у-у!

Они загрызали охотников тоже. Тех, что оторвались от своей стаи. Их мясо было жёстким. Но с голодом не поспоришь.

А-у-у-у!

Когда он жил в большом доме с хозяином, по ночам ему виделись цветные картинки. Он не помнил названия этого. Слишком старое воспоминание.

А-у-у-у!

Картинки были странны. В них у него было две ноги, не четыре. Он был прямоходящим. Почти как охотники.

А-у-у-у!

Страшно вспоминать. Картинки. В них он был… человеком? Странное слово, почти забытое, почти утраченное. Отдающее нестерпимой болью.

А-у-у-у!

Человек в его ночных картинках был мелочен и подл. Хуже собаки. Волк в овечьей шкуре. Волк… странное слово.

А-у-у-у!

Человек обманывал и предавал. Делал подлости. Плохой человек. Плохой!

А-у-у-у!

Плохой! Человеку говорили, что он хуже собаки. Человек только смеялся, демонстрируя свои золотые клыки с дымящейся палкой внутри. Много зла от человека.

А-у-у-у!

Потом человек спился. Остался один. Никому не нужен. И он, и ему. Хуже собаки.

А-у-у-у!

Странные картинки, мучающие память. Но что-то в них было. Точно когда-то он был другим. Даже не тогда, когда жил с хозяином. Раньше, намного раньше.

А-у-у-у!

Картинки приходят вспышками. Яркими, в глазах. Ярче луны. Страшно вспомнить!

А-у-у-у!

Человек ждал. Не здесь. В другом месте. Совсем другом. Очень долго ждал. Как и все люди. Но этот человек таковым не был. Хуже собаки.

А-у-у-у!

Человека оценивали. Его путь. Недостойный.

А-у-у-у!

Недостойный! Боль, боль, боль! Страшно вспомнить!

А-у-у-у!

С человеком что-то стало. Изменился. Четыре ноги вместо двух. Не хуже собаки.

А-у-у-у!

Человек потерял память. Забыл! Больше нет того сознания. Не заслужил. Стёрто.

А-у-у-у!

Веди меня, великая луна! Прими нас в свои объятия, царица Ночь! Утоли наш голод, нашу боль! Дай вонзить свои клыки в ненавистных охотников, дай напиться крови их питомцев!

А-у-у-у!

Человека больше нет. Не человек — собака. Не собака — волк.

А-у-у-у!

Плохая боль. Плохая память. Плохой человек. Хороший волк.

А-у-у-у!

Люди, где же вы? Сколько вас рядом? Мало людей. Много волков.

А-у-у-у!

Завтра они напьются человеческой крови, утолят свой голод. Будет сытно. Картинки исчезнут. Плохие картинки.

А-у-у-у!

Потом за ними следом пойдут охотники. Страшные охотники со смертоносными лучевыми палками. И им останется только одно.

Рвать когти!

03.09.2017

Вы

Вы говорите, что Бога не существует. А я утверждаю вам, что его нет исключительно для вас.

Вы скорбите о том, что он давно покинул ваш мир. А я отвечаю, что вы сами отгородились от него в своём маленьком мирке, не имеющем ничего общего с миром большим.

Вы сетуете, что жизнь жестока и несправедлива. А я рекомендую вам посмотреть на себя в зеркало грядущим утром.

Вы скорбите об умерших как о потерянных для мира навсегда. А я берусь утверждать, что все они оказались потерянными исключительно для вашего себялюбия.

Вы проклинаете труд, считая его рутиной, бесцельно отнимающей время жизни. А я вопрошаю вас, во что превратилась бы ваша жизнь без вашего труда над самим собой?

Вы ненавидите врагов ваших. А я знаю, как все они становятся камнями не-преткновения на дороге жизни, когда у вас, наконец, вырастают крылья для полёта.

Вы все жаждете любви — но, не находя, готовы прыгнуть со скал разбитых надежд в пучины ненависти. А я жажду узнать, какова подлинная ценность подобных чувств.

Вы утверждаете, что в жизни нет смысла и стоящей цели. А я шепну вам, что вы даже не пытались искать.

Вы декларируете невозможность возможного и отрицаете невероятность очевидного. А я вижу, как ранее невозможное становится очевидным и невероятное — возможным.

Вы догадываетесь, что жизнь немыслима без движения. А я прошу вас не путать порывы души с мелочной суетой.

Вы переживаете, что не понимаете других. А мне интересно спросить вас: «А знаете ли вы хотя бы себя?»

Вы гонитесь за жизненным успехом в надежде успеть его получить — и готовы идти по головам других. А я говорю вам, что вы всегда опаздываете, потому что идёте не той дорогой.

Вы кичитесь, что знающим не нужна вера. А я спрошу вас, смогли ли бы вы познать, не веря в возможность познаваемого?

Вы говорите о щедрости — и делитесь при этом чёрствой краюхой хлеба, продолжая упихивать за обе щеки красную икру. Вы говорите о доброжелательности — и заносите за спиной другого нож. Вы говорите о мудрости — и рассказываете друг другу тысячу и один способ обмануть ближнего. А мне хочется верить, что вы однажды раскроете глаза и перестанете путать тьму со светом.

Вы вопрошаете, как я могу утверждать то, о чём не знаю. А я советую вам высыпать прах из котомок знаний ваших.

Вы скажете, что я повторяюсь и вновь прохожу пройденные участки пути. А я попрошу вас посмотреть ввысь.

Вы скажете, что это банально. А я буду продолжать надеяться.

Вы скажете, что всё это уже слышали и проходили. А мне вновь придётся с грустью в глазах наблюдать вас проходящими мимо…

17.09.2010

Дизайн 2.0

Уважаемый вечно живой товарищ Творец!

К вам обращается представитель многострадальной планеты из галактики Млечного Пути с незатейливым и неочевидным названием «Земля» с просьбой о проведении дополнительного дизайнерского перепроектирования наших бренных вместилищ вечного духа и внесении ряда корректорских правок.

Вам как Сыну Человеческому, собственнолично прошедшему свой непростой земной путь в качестве представителя нашей цивилизации, безусловно, доподлинно известно, какими первичными дизайнерскими недоработками, совершёнными вашими Ангелами, грешат вышеупомянутые вместилища вкупе с их одухотворителями. И если вопрос о свободной людской воле лежит за пределами компетенции упомянутых Ангельских Биоинженеров, то вопрос разработки и изменения телесных форм находится под их прямым и непосредственным творческим контролем.

Уважаемый Творец! Искренне хочется обратить ваше внимание на следующий ряд недоработок, присущий всей линейке этих творений:

1. *Приматоуподобление*. Телесно произойдя от обезьян, люди каким-то удивительным и наглым образом сохранили их повадки — шкодливость, крикливость, вороватость, придурковатость и прочий ряд интеллектуальных несовершенств, коими они до сих пор кичатся друг перед другом! Разумного объяснения этому феномену быть не может — вполне очевидно, что они слишком рано внесли себя в категорию таковых. Возможно, люди-птицы были бы более уместным решением, позволившим бы одним или двумя взмахами решить множество транспортных проблем и более рационально расходовать пространство в нижних слоях атмосферы? В крайнем случае, прошу Вас рассмотреть вариант с кошко-людьми — их врождённая чистоплотность и наличие мехового покрова позволили бы решить проблему заселения территорий крайнего севера без необходимых для этого таяний ледников и затоплений суши.

2. *Сохранение*. Выбранная вашими инженерами белковая основа существенно уступает по показателям прочности ряду материалов, использованных при создании телесных форм представителей иных цивилизаций. Стоит ли удивляться тому, что земляне пытаются превратить себя в киборгов, возносят хвалы кремниевым процессорам и уже создали целую долину с одноимённым названием? Вы ведь понимаете, что бессмертие они представляют лишь как неограниченную длительность существования их внешних форм и именно поэтому пытаются продлить срок их эксплуатации через кибернетику? А сколько уничтожений этих телесных форм, включая массовые, было произведено за последние столетия, не мне Вам рассказывать. Возможно, тела на кремниевой основе стали бы золотой серединой между их стремлением к взаимному и самоуничтожению, и желанием длительной телесной жизни?

3. *Восстановление*. Сомнительная прочность наших тел дополняется неочевидными и ограниченными механизмами работы восстановительных процессов. Даже ящерицы могут отрастить себе новый хвост, а чем мы хуже? Хвост — это, конечно, тот ещё рудимент, а вот навык восстановления конечностей помог бы многим в буквальном смысле «встать на ноги». Ведь вырастают же, к примеру, новые зубы на месте первичных «молочных»? С учётом цен на протезирование зубов, такая возможность стала бы воистину бесценной!

4. *Потребление*. Возникшая огромная диспропорция между потреблением богатых и бедных рискует обрушить наш мир в новую череду социальных взрывов и гражданских войн. Не могли бы Вы скомпенсировать процесс гиперпотребления биопрограммами депрессии и поиска смысла жизни, одновременно запустив процессы самовосстановления в организмах униженных и обездоленных? В конце-то концов, ну должны же мы, наконец, понять, что не в деньгах счастье!

5. *Выделение*. Это вообще что-то с чем-то! Я, конечно, понимаю, что мы итак загадили всю вашу Землю по самое не балуйся отходами своей жизнедеятельности, но зачем же нужно постоянно провоцировать нас на это самой телесной механикой? И я уже не говорю о том, что самыми передовыми научными светилами до сих пор так и не был разработан способ того, как жрать на ночь и не толстеть!

Может быть, стоит взять интересные идеи из области флоры — скажем, фотосинтез? Тянуться к свету — разве это не похвальное стремление даже в его телесном выражении? В крайнем случае, прошу вас сократить требуемые для поддержания жизнедеятельности пищевые нормы, ибо количество «людей-шаров» превысило все допустимые эстетикой тела пределы!

6. *Зарождение*. Несмотря на некоторую приятность самого физического процесса, не идущую, разумеется, ни в какое сравнение с духовным озарением и экстазом, сам процесс поиска подходящих пар, вынашивания детей и последующих родов ни в коей мере нельзя назвать короткими и безболезненными. Вряд ли вы планировали таким образом наказывать весь женский род за грехи некоей стародавней Евы, поэтому рискну предложить вам сократить требуемые сроки вынашивания детей, а также болезненность процесса деторождения, одновременно увеличив скорость их саморазвития. А если вы пожелаете хотя бы на время изменить процесс зачатия таким образом, чтобы недостойные люди не могли иметь детей — они станут одной из самых больших ценностей любого общества, как вы того и хотели!

7. *Завершение*. Как говорится, все наши тела возвращаются «во прах». К сожалению, сам процесс этого возвращения сопряжён со многими хлопотами и страданиями для близких возвращающихся к вам людей. В некоторых бедных странах и культурных традициях речь не идёт даже о прахе — мёртвые тела просто «выбрасывают за борт» на радость стервятникам или рыбам. Уверен, что вы согласитесь с тем, что это, мягко говоря, не самый оптимальный способ почтения памяти ушедшей души. Насколько было бы интереснее, если бы в день ухода наше тело начинало плавно растворяться в воздухе, недвусмысленно символизируя о призрачной основе сугубо материалистических воззрений!

Близкие всегда успевали бы проститься с уходящим, им бы не требовалось проведение всех этих феерических огненных процедур, а сам уход оставлял бы после себя сладкое послевкусие с нотками лёгкой печали и обещания повторного возвращения. А в качестве дополнительного бесплатного бонуса — люди бы перестали бояться призраков! Пожалуйста, поразмыслите над таким вариантом, ладно?

P.S. В связи с наметившимися опасными тенденциями по возврату человеческих сознаний и тел к уровню животных, прошу вас обезопасить разумных представителей нашего мира от их стремительно дичающих сородичей.

Всё в ваших руках! Не опускайте их, пожалуйста!

29.11.2020

Зарплата

Зарплата… какое сладкое слово!

Плата за твой труд, твоё напряжение, твоё безделье, твоё безразлично-унылое шатание изо дня в день по душному офису, твоё лицемерие, твою корысть, твоё поддакивание и подлизывание, твоё перекладывание бумаг из папки в папку и часов жизни в мусорное ведро, твою подавленную, гниющую, выброшенную на задворки Вселенной индивидуальность…

Какое горькое слово! Вот она, перед тобой.

Сладко хрустящие, ещё совсем недавно выпущенные из типографии цветные бумажки с нарисованными на них циферками… Как мило и, казалось бы, невинно они шелестят, как манят твой взор! Их так кратковременно много и так долговременно мало одновременно…

Вот ты аккуратно пересчитываешь их все, стараясь не пропустить ни единого мига этого иллюзорного наслаждения, и уже прикидываешь в уме, на что же ты потратишь всё это богатство в самое ближайшее время. Вот он, апофеоз и смысл труда человеческого, воплощение надежд и чаяний миллионов, отныне и в твоих руках — так вожделенно-сладко похрустывает в них и дурманит твоё обоняние… Ты не зря тоскливо, брезгливо и безвозвратно сжигал в топке времён все эти дни дарованной тебе уникальной возможности самопознания и получил, наконец, заслуженную, заработанную, кровью и потом выстраданную мзду, всю до единой купюры. Теперь ты можешь купить многое…

В этом твоем мире практически всё можно купить за эти самые цветастые бумажки, не так ли? Вещи, чувства, слова, честь и совесть людей… даже, возможно, души некоторых из них — из тех, что идут дёшево и оптом. Но ведь ты же не какой-нибудь ужасный демон из преисподней, верно? Тебе хватит вещей и чувств… для начала. Потому пусть и дальше предложение формирует спрос.

Удивительный, необыкновенный, восхитительный мир! И почему же ты родился в нём только сейчас — и где же ты был все свои прошлые разы? Впрочем, какое это теперь имеет значение! Вот она, твоя зарплата, совсем-совсем рядом. Сегодня будет славный день — один из твоих самых любимых и ожидаемых, настоящее Событие! И вот ты уже мечтаешь, как именно будешь тратить честно или не очень честно заработанное…

Какое же это наслаждение — тратить… Покупать, покупать, покупать… потреблять, потреблять, потреблять. Наверное, если бы у тебя было в избытке этих самых бумажек, ты бы купил целую Вселенную… Как жаль, что она не продаётся! Ты уже знаешь, что купишь в первую очередь, ты уже составил план… самый грандиозный план твоей жизни купли-продажи. Как странно, что он местами так схож с планами твоих сородичей по планете. Неоригинальные и ублюдочные плагиаторы — вот кто они такие! Поскорей бы уже закончился этот нудный рабочий день — и настал час расплаты твоей зарплатой…

Как мудры твои коллеги по планете — у них уже даже создан универсальный прейскурант всего! Платы за любой грех и мерзость. Да-да, за любой из когда-либо совершённых ими. А ведь ты не будешь оригинальничать в этом деле, правда? Жаль, до сезонных скидок ещё пока не дошло, но цены уже практически устаканились. Удивительный мир! И как бы ты только смог прожить в нём без этой самой зарплаты?

Желающий продаться или продать находит хозяина или покупателя — а тот, в свою очередь, находит своего. Все покупают всех — за исключением кучки дураков, не желающих жить по единому негласному земному закону. Замкнутый круг, но разве ты его создал? Ты всего лишь родился в этом мире твоих предков. Да и зачем тебе что-то менять в нём?

Покупать, покупать, покупать… продавать, продавать, продавать! С тех пор, как кто-то придумал деньги, это стало так просто, так естественно — так же, как получать свою долгожданную зарплату. И что бы ты стоил без неё… стоил, как человек? Но зачем же измерять твою ценность иным мерилом, когда есть деньги, а время твоей жизни уже заранее сконвертировано в них на долгие годы вперёд, ведь в этом мире есть столько всего, что так хочется купить на эту самую очередную зарплату…

Возьми же её, не бойся. Ты ведь заслужил… за-раб-отал, верно? Это теперь твои деньги по праву… универсальное мерило человека. И с каждым годом его объём лишь растёт… всеобщий эквивалент твоей рыночной стоимости.

И только теперь, получив эту новую зарплату, ты чувствуешь себя по-настоящему счастливым. Ты счастлив потому, что знаешь, что стоишь очень и очень дорого — целую охапку цветных хрустящих бумажек…

14.08.2011

Крутой

Ты — крут, и это не подлежит сомнению. Ужасающе респектабельный тип! Ты добился успеха в жизни, и теперь он успешно продолжает поддерживать твою иллюзию собственного счастья с такой степенью интенсивности, что у тебя просто не остаётся времени ни на что другое, кроме поддержки своей собственной респектабельности в среде тебе подобных. И они уважают тебя, конечно, вовсе не за то, какой ты есть на самом деле, а за ту внешнюю социальную атрибутику, которой ты наделил себя. В среде тебе подобных лицемерие, знаешь, вообще в порядке вещей.

Сколько сил и времени было потрачено в борьбе за эту бесценную маску, сколько людей было растоптано, сколько красивых чувств и слов было выброшено на ветер во имя возможности обогнать ещё нескольких на этой круговой дороге вне смысла! Но теперь-то ты крут, и это не подлежит сомнению, ведь те миллионы, что сделали тебя своим кумиром, не могут ошибаться? А сомневаться в собственной непогрешимости они уже успели разучиться — потому что, согласно их мнению, попавшие на страницы журналов «ФорБес» вряд ли способны к ошибкам. Ты, подобно товарищу Ленину, стал кумиром многих — ты стал просто невыносим. И течение твоей жизни так и не вынесло тебя к берегам безмятежности и беспредельности. Да и, в сущности, хотел ли ты плыть в этом направлении?

Власть денег из-за денег ради денег не без денег. Деньги заменили тебе многое. Ты стал очень богатым и дорогим человеком — именно поэтому простое человеческое счастье оказалось тебе не по карману. Оно-то, в отличие от тебя, умеет разбираться в людях и не вешается на шею к каждому встречному из-за наличия у него часов «Ролекс» или машин «Порше». Оно очень человечно, ибо ищет в других человечности же. Оно подобно Жар-Птице, и ухватить за хвост его можно только будучи простым и добрым, а ты стал слишком сложен, подозрителен и невыносим. Наверное, очень сложно всё время оставаться таковым — но каким-то мистическим путём тебе это удаётся до сих пор.

Должно быть, ты ни раз и не два обращал внимание на особенных людей, мимо и прочь от которых тебя проносил твой высокорентабельный жизненный экспресс. Эти люди были, по твоим меркам, просто нищими — и вместе с тем богаты чем-то совершенно иным, явлением столь непонятной тебе природы. Они умели праздновать жизнь в каждом её миге и потому не знали печали. Они были искренними — и лицемеры страшились подойти к ним, опасаясь быть раскрытыми в следующее же мгновение. Теперь-то ты понимаешь, что они были богаты счастьем — ведь в них было нечто от Бога. Ты знаешь, это нечто могло принадлежать и тебе тоже…

Ты построил свой замок на ложном фундаменте — и вот теперь его сотрясают удары совести. Но всё же ты, судя по всему, так и не понимаешь, что те прописные истины, которые однажды были названы банальными и скучными, даже будучи отброшенными тобой прочь, всегда продолжали невидимо жить рядом и наблюдали за каждым твоим выбором, как будто невидимо фиксируя что-то.

Именно они, эти истины, никогда не потеряют своего значения, каким бы слоем пыли и измышлений их не пытались прикрыть те, кто так и не понял, что истины банальными не бывают.

Но тебе, кажется, нет до этого дела — ведь ты вновь бежишь, едешь и мчишься по кольцевой дороге, не разбирая пути. Ты так и не понял то, ради чего ты в очередной раз — и, возможно, в последний, — пришёл на планету Земля. Ужасающе респектабельный тип!

24.05.2013

Лжец

Лжец.

Нет-нет, что ты, конечно же, это не ты. Ты ведь никогда никому в своей жизни не лгал, верно? Ну, разве что самую малость. Но ведь это было так давно, и вообще…

Родители просто вынуждали тебя обманывать их — слишком уж они были суровы и строги временами — и ты врал им, дабы избежать очередной взбучки. Ты искренне полагал, что взрослые разумны и честны, и должны являться образцом для подражания для тебя, тогда ещё такого маленького. Какое же тебя ждало разочарование! С тех пор, как ты стал свидетелем того, как окружающие тебя взрослые и — даже! — твои родители непрерывно лгали друг другу в большом и малом, ты перестал считать это чем-то особенно мерзким. Смирился и принял это как реальность, данную тебе в ощущениях. Да, люди склонны обманываться в других, потому что склонны обманывать сами. Что ж, бывает.

Затем тебе пришлось врать своим сверстникам в школе о том, кем являются твои родители — в противном случае тебя ждала серия тумаков и подзатыльников за твою излишне сильно выпирающую из толпы индивидуальность. Какое счастье, что одноклассники не могли проверить твоих слов, и твой обман работал! А ты… ты ведь всего лишь пытался защитить себя от этого лживого мира, правда? Со временем ты понял, что гораздо проще будет плыть по течению…

Затем ты полюбил девушку. По-настоящему, искренне, всей своей израненной душой. Ты так жаждал быть любимым в ответ! Получить хоть капельку тепла, хоть крупицу сочувствия, хоть горстку понимания… Она обманула тебя за то, что ты обманул её — ты не стал разрушать созданный ранее миф о себе самом, а она не пожелала, чтобы ты знал о том, что такой ты у неё — отнюдь не первый… да и не последний, наверное. Именно в тот момент ты столь остро ощутил всю пакостную мерзость взаимообмана. Ты хотел восстановить ваши отношения и отстроить их заново, стать другим — подлинным, а не вымышленным и выдуманным человеком — но у тебя уже не было ни сил, ни желания отказываться от себя вымышленного. Ты так хотел перестать обманывать сам себя — но… Но тебе пришлось обманывать вновь. Обманывать людей и обманываться в людях.

Ты манипулировал их чувствами и мнениями, чтобы получить нужный и выгодный для тебя результат. Ты подтасовывал факты и стравливал окружающих друг с другом, скромно оставаясь в тени, чтобы затем выйти из неё мнимым победителем. Ты давал обещания и не выполнял их. Ты клялся и божился — но всё это становилось лишь очередным пустым звуком, улетевшим в пространство. Ты знал, насколько внутри люди жаждут поверить в то, что расточаемая тобой лесть есть то, что ты чувствуешь на самом деле — и ты охотно пользовался этой их слабостью.

Ты создал о себе грандиозный миф — образ, который был способен пережить тебя самого, потому что уже не нуждался в своём прошлом хозяине и сам стал таковым. Именно так, постепенно и методично, ты стал заложником собственной лжи, и у тебя не осталось путей для отступления. Вернее, слишком уж непросты они стали.

Лжец?

Нет-нет, что ты! Это, разумеется, не ты. Ты ведь никогда не врал самому себе о самом себе, верно? Но в мире, где каждый врёт каждому в большом и малом, так трудно не стать жертвой самообмана. Но и самая грандиозная ложь когда-то начиналась с малого, да… самообманщик?

И что может быть губительнее, чем ложь самому себе?

16.08.2011

Мы, кошки

Вот мы — кошки, а вы — люди. Так в чём же разница между нашими видами?

Вот мы, например, мягкие и пушистые. А насколько жёсткими бываете вы?

Мы просто обожаем ласкаться и дарить вам свою любовь. А любите ли вы друг друга?

Мы не просим для себя многого — всего лишь место для ночлега и горстку еды каждый день. А вам вечно чего-то не хватает.

Мы априори доверяем людям, поэтому часто даём поласкать и потискать себя даже совершенно незнакомым для нас, хотя и не можем сказать, что каждое из новых знакомств приходится нам по нашему кошачьему нраву.

Когда мы молоды и сыты — мы прыгаем, урчим и веселимся. Нам просто очень нравится эта жизнь, и потому мы подчас поём от нашего простого кошачьего счастья. А вы, кажется, совершенно не цените свою жизнь.

Мы очень прилежны и аккуратны — стоит только показать нам, где наш лоток, и мы впредь будем стараться ходить не под себя, а вот как раз в это самое место. А вы уже загадили весь наш, между прочим, общий с вами мир.

Мы с нетерпением ожидаем возвращения тех, кого любим, и встречаем их радостными воплями и мурчанием при их возвращении каждый день — именно поэтому мы лезем к ним на ручки поласкаться. А вы встречаете своих близких с кислыми минами на ваших лицах.

Мы не переживаем от того, что вы не понимаете нас. А вы день и ночь изводите себя мыслями о том, что в этом мире никто не желает вас понять.

Порой мы кусаемся и царапаемся, но это всего лишь притворство — на самом деле у нас просто режутся зубки. А вам даже и не нужно притворяться.

При необходимости мы стойко переносим тяготы внесемейной жизни, холод, голод и злых собак в округе. А вы любите пасовать при первых же серьёзных трудностях.

Мы никогда не загрызаем друг друга до смерти и не поедаем своих собственных детёнышей. А вы залили этот мир кровью себе подобных.

Вы называете нас своими меньшими братьями, но забываете о средних и старших.

Считается, что мы не обладаем разумом. А себя вы называете людьми разумными.

Мы живём в несколько раз меньше, чем вы, но не переживаем по этому поводу. Ну а вы — живёте ли?

Мы — всего-навсего кошки. А вы — люди?

11.12.2012

Не их же!

Беда пришла — а ты стоял в стороне. Эта позиция была удобна своей неопределённостью и, как ты втайне называл это, гибкостью. Ни холодно, ни горячо — просто никак.

Страну терзала величайшая смута, когда-либо рождённая за всю её историю. Смута, за спиной которой стояла Тьма, и ноги её день за днём перешагивали через когда-то ещё живых людей, перемалывали характеры, рушили судьбы. И в ней умирали не только тела.

Люди вызвали её сами и сами же пригласили на этот кровавый ужин. Они были готовы платить за «перемены», которых требовали их сердца, жизнями других. Почему других? Но ведь не своими же собственными!

Ты не шёл в авангарде тех, — в чёрном с цветом крови, руками и душами которых творилась смута, — ты стоял в стороне, полагая, что она не коснётся тебя своими костлявыми пальцами, не дотянется. Многие думают так незадолго до гибели.

Это было своего рода успокоением — да, ты постоянно читал о том, что совсем рядом гибнут твои собратья, ты видел в своём стеклянном ящике тела измученных и убитых, по которым прошлась машина смерти, — но это, казалось, было так далеко и не похоже на тот иллюзорно-спокойный маленький мирок, крохами которого ты так дорожил, и из которого так не хотел выбираться. Да, каждый день умирали другие — но ведь не ты же!

Где-то за сотни километров на некогда мирные города падали бомбы, а танки утюжили дерзнувших выступить против смуты защитников мира. Где-то за сотни километров карательные отряды хладнокровно расстреливали не успевшие прорваться через блокаду колонны с беженцами. Где-то за сотни километров плакали голодные дети и тихо всхлипывали старики. Где-то за сотни километров разверзлась воронка в ад. Так близко — и так далеко от тебя одновременно…

Ты был в стороне от всего этого. Парил над сутолокой жизни, так сказать. И со временем тебя перестали пугать кадры из твоего стеклянного ящика. Они стали естественными.

А когда рука цвета крови и тьмы дотянулась и до твоего жилища, — было уже поздно. Авангарды тьмы заполонили улицы твоего города и стали наводить свои порядки, методично и показательно расстреливая ещё сопротивлявшихся — не таких, как ты. Тебе-то было нечего бояться!

«Пусть они умирают, пусть!», — всё чаще шептал ты себе, когда картины окружающей жестокости заставляли твой разум кричать от боли. — «Сами виновны, сами не согласились! Сами, сами! Не ты, не ты! Пусть они умрут — главное, что будешь жить ты!»

А когда каратели ушли, забрав с собой отобранных ими жён чьих-то мужей, — на город упал огненный смерч. И стало избавлением — умереть сразу.

На третий день смерч забрал и тебя, прятавшегося по подворотням и промышлявшего мародёрством. С оторванными руками и ногами долго не живут — во всяком случае, не в этом теле.

Поначалу ты видел это своё изувеченное тело сверху — в крови таких же, как ты, — думавших, что «не их же!». А потом будто какой-то поток закружил тебя и поволок прочь от этого места в совершенно иное, забытое тобой до этого момента, измерение.

И там, в этом столь непривычном и будто бесконечном мире, ты оказался рядом с теми, сопротивлявшимися, кого ещё совсем недавно, ещё обладая телом, ещё живя в столь привычном для тебя мире, ты так яростно и жестоко ненавидел. Ненавидел за вызываемое ими в тебе чувство собственного несовершенства. Ты оказался рядом с теми, гибели которых желал. Тебе дали последний шанс взглянуть им в глаза — а им дали шанс увидеть тебе подобных. И когда они, сияющие, взглянули на тебя — спокойно, без присущей тебе ненависти, — ты отвёл глаза. И тебе было нечего сказать им в течение всего твоего срока.

…А потом пришли и за тобой, чтобы отвести туда, откуда ещё никто не возвращался. Многие возвращались на Землю — но только не оттуда. После мучительно-тоскливо-бесконечных времён ожидания туда забрали и тебя.

Почему тебя? Но ведь не их же!

21.08.2014

Несогласный

Ты — против. Всегда был и планируешь оставаться и впредь. Ты был против такого огромного количества вещей, что уже давно перестал вести их подсчёт. Ведь, когда ясно направление, отдельные фрагменты пути становятся уже не столь важны, верно?

Ты был против политиков с момента поступления в институт — а, может быть, ещё даже пребывая на школьной скамье. Все они казались тебе такими мелочными и недальновидными засранцами, что терпеть их просто не было мочи. Именно поэтому ты всегда столь ревностно смотрел многие их выступления, внутренне споря и дискутируя с каждым из них и со всеми одновременно, какой бы монолог они ни вели с тобой с экрана твоего телевизора. Ты был хорошей аудиторией.

Если тебе не изменяет память, ты был против всей образовательной системы с самого момента попадания под её жернова. Накопленные человечеством «знания» всегда казались тебе грудой немыслимого хлама и совершенно бессвязных фрагментов информации, больше напоминающих непереваренные остатки пищи ума какого-нибудь очередного популярного учёного, дерзнувшего сваять на коленке школьный учебник. Школьная система казалась тебе чудовищной пыткой и форменным издевательством над здоровым детским желанием бегать, плясать, резвиться и радоваться жизни. Но тебе во что бы то ни стало нужно было поступить в институт, и ты послушно сидел за школьной партой и домашним рабочим столом дни и ночи напролёт. Ты был хорошим учеником.

Конечно же, ты был против множества современных тебе ваятелей безвкусия, что каким-то немыслимым образом, поправ все законы человеческой совести и безгрешности, решили пролезть по головам других на самосотворенный Олимп, по недальновидности спутав его с болотом. Творчество многих из них ты считал попсой, совершенно не заслуживающей ничьего внимания. Может быть, именно поэтому ты столь часто упоминал о них в разговорах с твоими друзьями, часто сокрушаясь о том, что искусство почти убито. А что сделал ты для его возрождения? Ты был хорошим критиком.

Да, разумеется, ты никогда не встречал непродажных чиновников, потому что это оказалось бы столь губительно для лелеемой тобой картины праведного несогласного, нещадно обличающего врагов и, собственно говоря, вполне удовлетворяющегося лишь этим. Ты кричал в уши глухим и писал жалобы на слепых для безразличных. Ты рубил одну голову монстру, а на его месте тотчас же появлялось две новых. Этим, собственно, всё и заканчивалось — система вновь брала верх, истощая твою решимость и мужество. Поэтому однажды ты плюнул на них всех со всех видимых тебе колоколен — этакий прощальный реверанс в сторону многоголового монстра. Монстр же лишь услужливо оскалился всеми сохранёнными к тому моменту новыми головами. Ты был замечательным винтиком в механизме бюрократической махины.

Ты был против священников, создавших из Бога фетиш и нещадно торгующих им в своих богодельнях — но какими же добрыми делами, являющимися проявлением действительной веры, ты украсил свою жизнь и жизнь близких тебе? Стала ли твоя и их жизнь пением — не заунывным церковным, но ежедневным сердечным?

Стоит ли говорить о том, что ты был против огромного множества других самых неприглядных обстоятельств действительности, для перечисления которых не хватило бы ни сил, ни времени?

Против, против, против. Это стало почти бессознательной реакцией. Ты научился говорить «нет», не научившись говорить «да». И ситуаций для твоего «да» в твоей жизни больше не стало. Они стали внутренне не нужны. Так, сам того не ведая, в осуждении своём ты продолжал жить той самой как бы жизнью, столь тебе противопоказанной. Ты ругал тьму, но не хвалил свет. Ты отрицал зло, не впитывая добра. Ты разрушал считавшееся грязным — но строил ли чистое на его месте? Ты отрицал, не предлагая ничего взамен.

Ты стал великим критиком — критиком от всей непробужденной души. Поносителем всего и вся, но не созидателем лучшего. Ты остался тёплым, так и не став горячим — горячим от всего сердца своего. Дабы вырастить что-то вовне, сначала требуется взрастить это в своём собственном сердце. Но что ты мог в нём взрастить? Твоя сердечность продолжала оставаться лишь нерожденным потенциалом.

Так было раньше — но жизнь начинается именно сейчас. Она начинается со слова «да» для теплящейся любви в твоём сердце. Это твоя жизнь. Твой ход, критик.

26.02.2012

Образование

Образование… какое странное слово! Образ-ование… формирование всевозможных образов в людских умах и душах. Идеальная система подготовки человека спящего, человека неразумного, человека немудрого, человека знающего. О, если бы информация могла хоть как-то компенсировать отсутствие разума!

Ты прекрасно помнишь те школьные годы, ведь правда? Ты казался себе таким умным, таким эрудированным, таким понимающим, столь быстро обучающимся. С самого раннего возраста ты уже знал, что дважды два — строго и непременно четыре; что более трёх пространственных измерений не существует, а пространство линейно и однородно; что человек произошёл от обезьяны; что нет скорости большей, чем скорость света; что современному человечеству многие миллионы лет; что люди не живут и никогда не жили значительно более, чем век; что человек — существо без крыльев, и потому не может летать; что твоя планета Земля — единственная обитаемая среди бескрайних просторов космоса… Всё это и многое другое для тебя стало почти что истиной, аксиомой, новой картиной мира, если хочешь. Но не сразу… операция длилась долгие годы.

Ты ведь, наверное, ещё помнишь, каким удивительным и полным великих тайн казался тебе мир, когда ты был ещё маленьким ребёнком? И каждый день приносил с собой новое удивительное открытие.

…Вот ты увидел мерно вышагивающего по мостовой голубя и погнался за ним — но он, конечно же, вовремя воспарил в небо, куда путь тебе был закрыт.

…А вот ты увидел на лужайке очень красивый и незабываемый цветок, у которого в тот момент ещё не было названия, и нежно и долго вдыхал его аромат с блаженной улыбкой на лице.

…А вот бабочка села прямо тебе на нос, как будто ты сам был цветком.

…Вот ты впервые услышал пение птичек в ветвях деревьев в лесу.

…А вот вдруг с неба полились какие-то странные капли и намочили тебя с ног до головы.

…Вот также внезапно выглянуло солнышко и засветило тебе прямо в глаза, как бы щекоча своими лучиками.

...Вот ты нашёл какой-то звонко звенящий ручеёк и начал пускать по нему самодельные веточки-кораблики.

...Вот ты бежишь по зелёной траве, хлопаешь в ладоши и радостно кричишь от счастья.

Забудь про всё это! Твой мир теперь совсем иной. Образованный, выверенный, размеренный, расчерченный, предсказуемый, стабильный. Твой мир теперь мёртв. Да, ты прекрасно чувствуешь, почему — ты стал очень образован. Твой внутренний живой мир убивали долгие годы...

Тебе рассказывали об открытых наукой «фактах» — и умалчивали о том, как все они в своей общей совокупности совершенно не согласуются между собой. Заставляли учить наизусть формулировки тысячи и одного «закона природы», ни разу не упоминая о том, что все эти законы не более, чем теории, созданные такими же безрадостными учёными, каким ты отныне стал сам. На твой когда-то молчаливый и спокойный ум сгружали целые охапки толстых учебников с совершенно бесполезной и ненужной информацией, а затем заставляли тебя раз за разом выплёвывать её назад как непереваренные остатки пищи... где уж тут взяться спокойствию? Тебя пытали бесконечными математическими формулами, утверждая, что математика — это царица наук, и теперь ты старательно день за днём используешь полученные умения для подсчёта собственной прибыли. Тебе тысячу и один раз говорили «Это невозможно!» или «Не говори глупостей!» — и с тех самых пор они размазали по стенке собственной прихоти всё твоё воображение. Они раз за разом ставили тебе все эти «страшные» оценки и баллы, с укором глядя в глаза, и опустили до плинтуса твоё чувство собственного достоинства — как если бы человек был недостоин их наивысшего внимания до тех пор, пока он не научится отблевывать назад все эти факты на «отлично»!

Всё это произошло не сразу. Инъекция за инъекцией, факт за фактом, формула за формулой, закон за законом, но они всё-таки создали для тебя свою картину мира, которую им когда-то предложили иные, и под гнётом их общественного авторитета ты уже не смог от неё отказаться.

Твоё беззаботное и жизнерадостное детство кануло в лету, а взамен пришла пора образования. Поначалу ты сопротивлялся и кричал, ощущая, как яд унификации струится по невидимым венам твоей души, ты всеми силами пытался вырваться из этих цепких лап мёртвых картин мира и нафантазированных законов, но система всё-таки взяла своё. Она отформатировала и образовала тебя во имя себя самой, она забила твой ум штампами и клише, а твою душу сделала безучастным наблюдателем собственной смерти в миниатюре, она сделала тебя идеальным механизмом — роботом, способным прекрасно выполнять своё «социальное предназначение», навязанное лживыми политиками и СМИ. С тех пор ты перестал чувствовать, ты перестал по-настоящему радоваться, ты фактически перестал жить. Ложная картина мира сделала своё чёрное дело, и она же дала тебе заменители утерянного счастья невинности — дала алкоголь, наркотики, безопасный секс…

Ты был уникальным творением Бога — неповторимым, непревзойдённым, не требующим сравнения с другими — а стал лишь одним из многих. Ты образовался. Теперь у тебя есть нелюбимая монотонная работа, есть респектабельность, а голова твоя содержит тысячу и одно знание о том, какой же на самом деле тот самый мир, в котором ты поныне медленно умираешь.

Да, быть может, теперь ты и знаешь название той самой милой бабочки, что когда-то в детстве столь беззаботно села тебе на нос… Ты помнишь, как называется тот цветок, столь вдохновивший тебя… Ты можешь рассказать своему сыну о видах химических реакций, происходящих на солнце, что когда-то ласкало твоё лицо… А голуби нынче вызывают у тебя только омерзение и страх, когда беззаботно пролетают над головой.

Ты думаешь, что познал этот мир, и теперь тебе уже нечему удивляться, ведь у тебя найдётся тысяча и один ответ и объяснение, почему что-то происходит так, а не иначе…

Но спроси себя, спроси хотя бы на миг, стало ли тебе легче от всего этого набранного груза твоих иллюзорных знаний, чувствуешь ли ты себя более счастливым и жизнерадостным, чем когда-то давным-давно в полузабытом почти детстве…

А если нет, то… может быть, что-то совсем не так с твоей новой картиной мира?

Да, они хотели, как лучше. Да, они сами стали жертвами в этой системе форматирования душ человеческих. Да, они не ведали, что творили. Сумеешь ли ты своей жизнью разорвать этот порочный круг? И способен ли ты как подлинный мастер создать свою собственную — солнечную и яркую — картину мира?

24.08.2011

Однажды ты проснёшься

Однажды ты проснёшься, и твой старый мир умрёт для тебя навсегда. Он растает в лучах утреннего солнца нового дня, он исчезнет, как исчезают ночные осенние туманы, он испарится, как высыхают былые слёзы на чьём-то лице. Его больше не станет — как если бы его никогда и не было.

Ты не почувствуешь этого, ты не сможешь осознать, что же именно изменилось в тебе… что ещё вчера было так — а сегодня стало иначе. Но привычного тебе старого мира уже больше никогда не будет.

Что-то изменится в тебе, что-то совершенно неуловимое и столь скрытое, дремавшее в тебе до этого. Что-то повернётся внутри тебя, столь древнее, как сама Вселенная… Что-то сумеет выйти наружу — и ты не узнаешь свой новый мир.

Ты подойдёшь к окну, откроешь и выглянешь в него… увидишь это разукрасившее небеса восходящее солнце; осознаешь, как свежий, забившийся в открытое окно ветер колышет твои волосы и щекочет твоё лицо; почувствуешь принесённую им с собой из неведомых далей влагу на своей коже; услышишь, как забавно бибикают внизу машины людей, отъезжающих раньше других на работу; увидишь, как эти забавные человечки бегают внизу, вечно пытаясь куда-то не опоздать; заметишь, как птица стремительно пронеслась перед твоим окном в этот мир — и поразишься, как же раньше ты не замечал всего этого.

Ты не поймёшь. С этих пор это станет для тебя почти неразрешимым вопросом — как можно было раньше не ощущать, не чувствовать всего этого… как можно было жить почти вслепую. Ты не сможешь понять, зачем ты вообще когда-то жил по-другому, почему та переливающая через край гамма чувств, что заполнит тебя в эти мгновения, — почему она была недоступна тебе раньше и каким-то чудесным образом стала доступна сейчас… только руку протянуть.

Это станет для тебя вечной загадкой твоей жизни, которую не захочешь разгадывать даже ты сам — потому как это отныне будет уже не нужно. Потому что в эти самые мгновения твоего старого мира уже не будет.

Ты не сможешь сказать, откуда в тебе появилось это величайшее чувство уважения к миру, в котором ты имеешь счастье жить, и ко всему живому в нём…

Ты не будешь знать, куда внезапно канули твои вечные тревоги и куда ушла твоя печаль.

Куда подевалось желание бороться за одну тебе ведомую справедливость и откуда пришло чувство абсолютной внутренней умиротворённости и принятия всего, что происходит с тобой?

Куда исчезло столь долго пестуемое тобой чувство ценности собственной личности — и почему оно внезапно оказалось смыто возникшим океаном любви к другим?

Почему тебе уже не хочется чего-то кому-то доказывать, спорить с кем-то, приводить умные и глупые доводы «за» и «против» — а вместо этого ты готов просто смотреть на эти споры и ссоры между другими и улыбаться от осознания их детскости?

Как, зачем, почему, для чего твои столь важные ранее собственные интересы как-то забылись и стёрлись, как будто никогда и не существовали? Зачем на их место пришло единственное желание — видеть этот мир красивым — таким, каким ты видишь его прямо сейчас?

Почему другие взрослые и солидные люди внезапно стали казаться тебе маленькими детьми, сражающимися друг с другом в собственных возведённых песочницах, а иногда даже столь усердно и старательно кидающимися друг в друга песком, а иногда и утирающими полное слёз лицо собственными милыми маленькими ладошками?

Куда ушёл весь твой прошлый гнев и почему теперь ты вдруг здороваешься и жмёшь руки своих бывших извечных врагов — а душа твоя ликует, видя, как вытягиваются их лица, когда ты приветливо улыбаешься им и протягиваешь свою руку?

Почему сейчас ты подходишь к постели, где всё ещё спит любимый тобой человек, зачем садишься рядом с ним на край, зачем склоняешь свою голову и целуешь его, а потом прислоняешь свою голову к его голове… откуда же в тебе взялась вся эта переполняющая тебя нежность?

Зачем, зачем тебе всё это? Зачем ушёл твой старый мир?

Мимолётный страх пронзит тебя — ты испугаешься того, что произошло с тобой. Ты не будешь знать, как тебе теперь жить с этим новым чувством. Тебе страстно захочется вернуться назад, к столь привычной для тебя жизни — столь разумной и обоснованной. Разум будет твердить тебе, что ты ещё не успел сделать столь многого — не успел построить дом, не успел сделать карьеру, не успел то, не успел это — а если примешь свой новый мир, то уже не сможешь этого сделать… просто не увидишь в этом смысла. И тебе очень захочется прислушаться к нему, ведь он уже столько раз выручал тебя в этой жизни, и ты почти сделаешь это…

Но потом ты вновь внезапно вспомнишь, как тебе светило солнце — впервые удивительно красивое за всё это множество лет, как ветер трепал твои волосы, как ты чувствовал осеннюю влагу на своих губах, как созерцал кружащийся лиственный хоровод и как любовь к миру переполняла тебя… и ты отбросишь эти дерзкие попытки ума испортить эту красоту — потому что не захочешь терять её уже никогда.

Потом будет много лет — но все они будут иными.

Твоя сонная жизнь кончится и уже не возобновится вновь. Ты сумеешь увидеть этот мир таким, каким он был всегда для тех, кто по-настоящему видел — и каким он отныне стал и для тебя тоже.

Будут и взлёты, и падения, и успехи, и неудачи, и радость, и горе — но все они будут иными. Все они станут отражением того прекрасного нового мира, в котором ты однажды — в тот до сих пор памятный день — оказался и в котором теперь живёшь.

Просто… просто то, что дремало в тебе столь долго, однажды выйдет на свет.

Просто потому, что однажды ты проснёшься…

08.03.2006

Отличник

Ты ведь умник, правда? Да ещё какой! Самый настоящий, но, к сожалению, далеко не единственный в своём роде отличник. Ну или, по крайней мере, был им когда-то. Многое ли изменилось с тех давних пор?

Ты абсолютно чистосердечно считал себя самым замечательным, образованным и эрудированным человеком и искренне удивлялся тому, как же другие могут не замечать твоей неподобающей исключительности. Ты был особенным – особенно в своих собственных глазах. Может быть, именно поэтому ты был таким неконтактным? Не каждый достоин контактировать с такой новоявленной звездой!

Но это самоизбранное одиночество сделало тебя только лучше. Начитаннее, эрудированнее, умнее. Да и кем был бы ты без познания самого себя? Жаль только, что твой мир так долго ограничивался тобой самим.

Ты был великим перфекционистом. Терпеть не мог ошибок – ни своих собственных, ни чьих-либо ещё. Ты хотел быть лучше и совершеннее и не мог простить окружающему тебя миру его собственного несовершенства. Возможно, именно поэтому из тебя получился такой хороший и строгий критик?

Ты очень строго спрашивал с себя. Каждый твой новый день должен был быть лучше предыдущего. Твои таланты и знания обязаны были затмевать и превосходить всех остальных. Ты не имел права на ошибку – просто не дал его себе сам. И именно поэтому эти неизбежные ошибки вызывали в тебе такую бурю эмоций и разочарования. Как же можно было смириться со своим собственным, а также чужим несовершенством!

Как же мешало тебе радоваться жизни столь долго жившее в тебе ощущение своего собственного великолепия! Этот великий, чистый и незамутнённый образ твоего «я» находился под постоянными атаками со стороны окружающих. Или, по крайней мере, тебе казалось именно так. И ты грубил в ответ на замечания или же скрывался в уютном омуте мелких обид.

Но ведь ты же имел на них право? Имел, конечно же. Жаль только, что они убивали заслуженную тобой радость жизни. Сколько эмоций и невидимых окружающим слёз было порождено твоим стремлением к красоте через боль! Но только стоило ли причинять себе и другим все эти муки и терзания души?

Ты старался не просто так. Ты искренне хотел, чтобы окружающие уважали и любили тебя. Очень похвальное стремление – но любить эмоционального ежа не так-то и просто! Как много из этих иголок ты уже сумел растерять по пути?

А ты знаешь, ведь этот мир всё равно любит тебя, несмотря на всю твою колючесть. Именно поэтому он раз за разом продолжает давать тебе всё новые и всё более разнообразные и ценные уроки. Он жаждет видеть тебя более совершенным – так же, как и ты сам! А это значит, что вам с ним по пути.

Никто, кроме тебя, не в силах написать твой собственный сценарий на эту жизнь. Жизнь – это творчество посложнее рассказов. Её нельзя запечатлеть как формулу или вызубрить наизусть. И в ней есть место всему – чего ты так сильно боялся и чего так сильно хотел.

Отбрось же свои обиды, страх ошибиться и желание стать совершенным уже завтра. Это долгий путь с большим количеством историй и сцен. Пусть они станут камнями не-преткновения на твоей новой дороге. Встречаемся в жизни!

17.10.2026

Ребёнок

Да, я знаю — ты не мог бы назвать своё детство по-настоящему счастливым. Солнечным, безоблачным, радостным. А разве многие из нас могут?

Да, я знаю — этот мир ненормален уже настолько, что даже нормальные в нём считаются ненормальными, здоровые заболевающими, а большинство смертельно больных — абсолютно здоровыми. Большинство же, наверное, всё-таки больны.

Это очень особая болезнь — бессердечие. Отсутствие сострадания и подлинной любви. Желание любой ценой заставить своего ребёнка уважать тебя — пусть даже ценой его самоуважения и слёз. Но ребёнок — это не твоя игрушка, и никто не давал тебе права лепить его по своему образу и подобию, ломая его душу. Кто тебе сказал, что твой образ достоин повторения?

Впрочем, тебя это никогда не останавливало, ведь ты всегда, вплоть до последнего момента, считал ребёнка своей собственностью, своим личным творением. Будто это ты создал его душу и прошёл в его сандалиях его личный путь! Будто это ты рождался и умирал за него вновь и вновь… И как же порой тебе было приятно потешаться над своим новоприобретённым рабом!

Ты пришёл с работы в дурном настроении? Ничего страшного, ведь у тебя есть маленький ребёнок, на которого ты всегда можешь наорать, или даже избить, или даже забить до полусмерти. Он ведь совсем маленький — что он может тебе ответить? У тебя никак не клеятся нормальные отношения со своей собственной женой — женщиной, которой ты ещё совсем недавно признавался в любви и обещал быть верен до конца дней своих? Твой маленький ребёнок — отличное орудие для твоей большой мести! Конечно, этот новозавербованный заложник ваших ссор ещё слишком глуп, чтобы понять всю твою правоту, и всю глупость твоей как-бы-любимой — но ведь его мнение и его чувства никого из вас не интересуют, верно? Так что же с того, что он чуть ли не на коленях умоляет вас прекратить ссориться друг с другом, говоря, что не желает видеть вас такими?!

Может быть, именно поэтому он начал так стремительно терять своё зрение в последнее время — только чтобы не видеть тебя не в тебе? Да и владеешь ли ты собой в эти мгновения, или это кто-то другой распоряжается тобой, как тряпичной куклой?

Чувствуешь себя полным ничтожеством и неудачником, но пытаешься заткнуть свою скорбящую совесть? Втопчи своего ребёнка в грязь, раздави, морально унизь его так, чтобы он на всю оставшуюся жизнь запомнил, кто в доме хозяин! Ударив его в грязь лицом, ты непременно почувствуешь себя на коне перед ним, унижённым и оскорблённым. Так гарцуй же, не стесняйся, что тебе стоит?! Яйца курицу не учат, а яблоко от яблоньки недалеко падает!

Твой ребёнок смеет тебе возражать, и даже дерзить? Значит, он давно не знал, что такое настоящая порка! Возьми же ремень и исхлестай его так, чтобы его спина покрылась волдырями, точно от ожогов! И пусть в школе сам выкручивается и придумывает оправдание тому, что произошло с его неокрепшим телом.

У твоего ребёнка что-то не получается? Ругай его на чём стоит свет за его непроходимую лень и тупость, ведь только так он научится, по крайней мере, бояться тебя — и, значит, уважать. Пусть все в округе, от мала до велика, знают о том, насколько плохой у тебя родился ребёнок — и с какой великой силой ты, его заботливый отец, пытаешься сделать из него хоть какое-то подобие человека. Отличный повод другим начать уважать тебя за твоё потрясающее терпение и колоссальный воспитательный труд!

Ты не знал счастливого детства — так пусть же твой ребёнок не познает его точно также. Отомсти своим родителям в лице своего ребёнка, выскажи им всё, что ты о них думаешь, и даже сверх того! Ведь ты же «нормален» — а разве нормальные могут выздороветь? Ты не мог назвать своё собственное детство по-настоящему счастливым. Именно поэтому ты прилагаешь все усилия для того, чтобы также не мог сделать и твой маленький ребёнок. Потому что разве кто-то заслуживает быть более счастливым, чем ты?

Это очень хрупкое существо — ребёнок. И как же подчас легко сломать и искалечить его душу и его судьбу! Но пусть все поступающие таким образом никогда не забывают о том, что это очень особая болезнь — бессердечие. Потому что когда ты по собственной воле лишаешь себя сердца — ты перестаёшь жить.

12.11.2012

Случайность

И вот ты читаешь эти строки… случайность? А сколько их вообще было в твоей жизни?

Вот ты совершенно случайно появился на свет… Твоя мама как-то случайно встретилась с твоим отцом, и они решили завести ребёнка — тоже спонтанно и случайно. Ты случайно не помнишь, как всё это начиналось?

Случайно ты поступил в школу, случайно окончил институт… Твоя жизнь была полна случайностей — совершенно нелепых и порой даже немыслимых и непрогнозируемых наперёд. Вот, например, благодаря счастливому — случайному? — совпадению ты встретился со своей будущей девушкой одним ранним весенним утром на перекрёстке двух дорог, когда каждый из вас неспешно шёл куда-то по своей улице. Ты засмотрелся на неё и практически не заметил, как кто-то случайно до этого оставил крышку канализационного люка открытой прямо по пути твоего движения… А потом она вместе с другими помогала вытаскивать тебя из этой зловонной дыры. Это было ну очень необычное знакомство. Впоследствии оказалось, что вы оба уже несколько лет работали вместе в разных отделах одной и той же компании, вот только никогда ещё не пересекались по работе до этого… странно, не правда ли? А потом ты — ну, разумеется, случайно — писал ей стихи, дарил цветы и однажды сделал предложение.

А ещё, помнится, какой-то лютой зимой ты вдрызг разругался со своими родителями и порывался уйти из дому. Бесцельно бродил по улицам города под крышами домов, и огромная сосулька упала с одной из них за пару метров перед тобой, каким-то чудом тебя не задев… очередная случайность? А сколько раз впоследствии тебе удавалось избегать подобных смертельных опасностей? Одну за другой — и всё совершенно случайно.

А сколько раз у тебя случайно оказывалась нужная людям вещь, в самый подходящий момент приходила в голову замечательная и полезная идея, ты оказывался ровно в нужном месте и в нужное время? А сколько раз твои знакомые и друзья оказывались рядом с тобой как нельзя более кстати? Случайно ты находил достойных знакомых и новых друзей… Ты, случайно, не забыл всё это?

А это небо, эти кучерявые облачка-барашки, это солнышко, ласкающее твою кожу, этот ветер, треплющий волосы, эти падающие тебе на язык снежинки… по-твоему, всё это тоже происходит совершенно случайно? Вот взять хотя бы те же снежинки — ты вообще видел их красоту? С какой же вероятностью молекулы воды, замерзая, способны постоянно образовывать столь причудливые и удивительные формы? А приходилось ли тебе видеть облака, похожие на животных или, скажем, на сердечко? А бывало ли так, что ещё недавно пасмурное небо рядом с тобой внезапно за какие-нибудь десять минут очищалось от тучек, и сквозь образовавшийся просвет начинало светить солнышко, стоило лишь улучшиться твоему настроению незадолго до этого?

Или ты до сих пор полагаешь, что всё это происходит случайно? Может быть, просто ты всё ещё не знаешь об этом мире чего-то самого-самого важного?

Однажды ты долгое время пребывал в мрачном состоянии духа, сильно приуныл и, как следствие, совершенно случайно заболел. Боли совершенно неподдающейся логике природы беспокоили тебя — то сердце заколет, то печень заноет, а то и вообще голова трещит по всем швам. Врачи диагностировали общее нервное переутомление организма и советовали почаще лежать в постели — но ты-то знал, что дело тут совершенно в другом. От скуки стал просматривать комедийные фильмы один за другим — и через пару дней резко пошёл на поправку, а через неделю был как новенький. Случайность?

Ты случайно злился на людей — и тут же падал в лужи. Случайно обижался и гневался — и практически тут же заболевал. Случайно помогал кому-то — и удивительным образом при совершенно иных обстоятельствах жизнь так же случайно помогала тебе в ответ…

Случайность, случайность, случайность… сколько всего их было в твоей жизни? И что, согласно теоретикам от науки, есть твоя жизнь, как не цепочка самого разного рода случайных обстоятельств? Но ведь тогда и вся Вселенная, и эта галактика, и эта планета, и миллиарды живущих на ней — тоже случайны? Или всё же ты слишком мало знаешь об этом мире, в котором живёшь?

И вот ты по-прежнему случайно читаешь этот случайный текст.

Или… случайностей не существует?

18.08.2011